843518

КНІГА

КВІНТА КУРЦІА

ОДѢЛАХЪ СОДѢЯННЫХЪ

АЛЕѲАНДРА

ВЕЛІКАГО

ЦАРЯ МАКЕДОНСКАГО:

НАПЕЧАТАСЯ ПОВЕЛѢНІЕМЪ

ІМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛІЧЕСТВА

ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1709 году,

А ВЪ САНКТЪПЕТЕРБУРГѢ протіВЪ тогожЪ

первое 1724 году, Сентября ВЪ 2 день.

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Саратовского
Университета
843518

ПРІПОЛНЕНІЕ

КО КВІНТУ КУРЦІЮ

О ДѢЛАХЪ СОДѢЯНЫХЪ.

АЛЕКСАНДРА

ВЕЛІКАГО.

КНІГА ПЕРВАЯ.

Філіппъ македонянінъ [которыи первѣїшіи всѣхъ Цареи того рода былъ, обладавъ всею Грецїею, Македонское Царство, въ велїкое обладателство проїзвелъ] Амїнты мужа велми разумнаго, и всякїми Царскїми добродѣтелми украшенаго былъ сынъ. Сеи Амїнта отъ Еврїдїки жены три сына имѣлъ. Алеѯандра, Пердїкку, и Фїлїппа, Алеѯандру Велїкому отца, и дщерь Еврїону. Коварствами же Еврїдїки жены

своея [которая ѕятя хотѣла себѣ мужемъ учїнїти, о смерти мужа своего согласївшїся еже бы убїти его, а Царство прелюбодѣю предати:]убїенъ бы былъ, ежели бы дщерь прелюбодѣянїя матерня, и ѕлыхъ навѣтовъ не изъявїла. По смерти же Амїнты, Алеѫандръ первородныи сынъ Царство воспрїялъ. Которыи въ началѣ царствованїя своего велїкою нуждею утѣсненъ, отъ воїны Іллїрїческїя договорною мздою, и брата Фїлїппа въ закладъ врученїемъ откупїлся. Прешедшу такожде нѣколїку времяни, тѣмже закладомъ съ Θебанами прїмїрїлся. Сїя прїчїна Фїлїппа къ болшему изряднаго разума умноженїю уползовала. Понеже все шцанїе соблюданїя о отрочати Епамїнондѣ, избраннѣїшему Θебанскому воеводѣ и фїлософу изряднеїшему подъ таковымъ завѣщанїемъ вручено было, да бы ввѣреное ему отроча прїлѣжно соблюдалъ, и съ велїимъ усердїемъ о семъ имѣлъ попеченїе, да бы нравами Государю прїлїчными и честными науками изрядно его обучалъ. въ то время имѣлъ преславныи Князь въ дому сыну своему Епамїнонду учїтеля Пїѳагорскаго, прикоторомъ Фїлїппъ ѕѣло научїлся. Тогда Алеѫандръ коварствами матере своея Еврїдїки уловленъ, умре. которую прежде, Амїнта за беззаконїе усмотреное, ради общїхъ чадъ, не вѣдая въ томжде иногда хотящую сотворїти пагубу, простїлъ. братъ

такожде

такожде его Пердїкка подобною коварствъ лестїю, оставшуся малолѣтну сыну, уловленъ сталсѧ въ тожде время Фїлїппъ изъ застражи убѣжалъ, и многое время не Царемъ, но надзїрателемъ сїроты былъ: но егда тяжчаїшїя брани пріближїлїсѧ, а помощъ не скорая во ожїданїи младенца была, прїнужденъ отъ народа царство Македонское слѣ пребывающее, воїнскїми науками, и фїлосовскїми регулами вооруженъ, воспріимаетъ лѣта четверосотнаго, отъ созданїя града, Олїмпїады 105. Въ самомъ убо царства началѣ безчїсленному множеству дѣлъ разно наставшу, окрестнымъ народамъ отъ всюду на Македонїю устремляющымсѧ, и воїнами аки вїхромъ нѣкїмъ, на разореніе Македонїи многїмъ языкомъ, изъ разныхъ мѣстъ во едїно время стекающымсѧ. Царь Фїлїппъ опасно дѣяти весма разсуждая [со всѣми бо равну воїнствомъ быти не мощно ему было] со иными прїмїрїлсѧ, а отъ иныхъ откупїлсѧ, а легкїя воїны началъ, да бы боязливая воїновъ сердца утвердїти и себѣ отъ непрїятелеи поношеніе отъяти.

Первая ему со Лѳїняны воїна была, которыхъ крѣпкїми осадами побѣдїлъ, и не предавъ ихъ мечу страха ради тяжчаїшїя воїны, всѣхъ жївыхъ безъ откупа отпустїлъ. Сїя мілость ему великую славу и честь сотворїла.

По сїхъ плѣнївъ Пеоны, рать на Иллїрїаны воздвїгнулъ, и тамо многїя непрїятелеи тысячи порубївъ, Ларїссъ градъ изряднѣїшїи взялъ.

Оттуду на Ѳессаловъ обратїлся, не отъ желанїя корысти, но воїнству своему сїлу Ѳессалїискїхъ всаднїковъ прїсовокупїти хотѣлъ, нїчего такъ инаго какъ брани боящїхся. Которыхъ нечаянно одолѣвъ и подъ иго покорївъ, прїсовокупя пѣшїхъ и конныхъ крѣпчаїшыя полки, непобѣдїмое устроїлъ воїнство.

Которымъ дѣламъ благополучно учїненымъ, Фїлїппъ Олїмпїаду, Неоптолема Царя Молосскаго дщерь въ жену себѣ взялъ, ходатаїствомъ о брацѣ воспїтателю дѣвїцы Арїсбѣ Царю Молосскому, которыи сестру Олїмпїады Троаду, женою имѣлъ: которая вїновна его погїбели и всѣхъ злыхъ сталася. Ибо егда Царство умножїти чрезъ сродство съ Фїлїппомъ почаялъ, отъ негоже своего Государства лїшенъ во изгнананїи состарѣлся. По брацѣ же Фїлїппъ во снѣ вїдѣлъ что ко чреву жены своея велїкую прїложїлъ пѐчать, которая [по его мнѣнїю] лвово имѣла подобїе, еже волсви тако истолковали, что она чревата, и сердца мужественнаго и Львовы прїроды младенца имать родїти. По томъ егда Фїлїппъ градъ Меѳонъ облежалъ, верженїемъ стрѣлы, деснаго ока лїшїлся. Однакоже просящымъ прїмїренїе далъ, и кротокъ къ побѣжденымъ явїлся.

Такожде

Такожде градъ Пагу взявъ, Царству своему прісовокупілъ. Трівалловъ такожде покорілъ народъ, и на вся бліжнія страны находя, всѣхъ аки єдінымъ устремленіемъ побѣділъ. Покоренымъ же бывшымъ окреснымъ странамъ, и утвержденну царству Македонскому, егда возвратілся въ домъ, роділся ему Алеѯандръ сынъ отъ жены Олімпіады, осмаго дне мѣсяца апрѣля, якоже повѣствуетъ Плутархъ. (А которыи того на Латінскіи діалектъ преводілъ, пішетъ, о осмомъ дни августа: о семъ чіе погрѣшеніе, въ недоумѣніи есть.) Філіппъ прочее аки отъ надежды нѣкія на обладаніе всѣхъ проізведе коварство, Греческія грады, которыми господствовати всякъ хотѣлъ, всѣ подъ свою власть покорілъ. Меншымъ бо совѣтуя да бы противу болшіхъ воевали, всѣхъ на другъ друга умышленно подвігнулъ. Отъ Ѳебановъ такожде [которые прежде его аки непріятеля отгнати тщалісѧ] на Лакедемонянъ и Фокенсовъ устремілся, которые капіще Аполлоново разграбя, воіновъ наняли на него, убѣждающеи нуждѣ, надъ которыми Філіппъ обладатель выбранъ сталсѧ, а грабітелеи смерти предалъ, и велікую оттуду у всѣхъ народовъ славу получілъ; Всѣхъ напослѣдокъ яко Государь и повеліітель побѣжденыхъ равнѣ и побѣдітелеи въ подданствѣ быти прінуділъ. Оттуду въ Каппадокію проходя, поплѣнівъ

и побївъ порубежныхъ владѣтелеи, всю страну государству Македонскому прïсовокупїлъ: и Олїноѳ покорївъ, на Ѳракію устремїлся. Ибо егда два брата Ѳракїстїи Цари о рубежахъ Царства прю имуще, судію распреи своїхъ избрали его. Фїлїппъ же на судъ аки на брань, нечающымъ братїямъ, со устроенымъ своїмъ воїнствомъ прïшелъ, и обоїхъ Царства, лїшїлъ, о которомъ распрю имѣли. Всѣхъ обладающїхъ научая, что согласїе къ сохраненїю Царствъ, утвержденїю и княженїю болшая помощъ имать быти.

Алеѯандръ же достїже 12 лѣтъ возраста, дѣла воїнская сѣло любїти, и высокїя прïроды объявляти ясныя прïзнаки начатъ. И егда отъ сверстнїковъ нѣкоторые вопросїли его, хощетъ ли на Олїмпїискомъ полѣ храбрость свою показати: [понеже скоръ бѣ ногами] отвѣща: Хотѣлъ бымъ поїстїннѣ, ежели бы со мною Цареи храбрость показующїхъ имѣлъ. Послучаю же нѣкогда по отшествїи Фїлїпповѣ, егда послы отъ Царя Персїдскаго прïшли, сїхъ угощенїемъ и благонравїемъ побѣдїлъ, и въ любезнѣйшее себѣ содружество прïвлече, ибо удївлялїся, что онъ ни о чемъ маломъ или о дѣтскомъ ихъ вопрошалъ, но или о далекости путеи, или о прежнїхъ путешествїя способахъ; такожде много о царѣ, каковъ ко прïятелемъ и непрïятелемъявл яется. Тако и о Персахъ

вопрошалъ

вопрошалъ, каковы храбростію и мужествомъ. Сему удівівшеся послы, пространно разшіренную Філіппову славу и честь, за такую дѣтіца остроту, и болшее надъ лѣты ума превосходітелство, ни вочто вмѣніли. Колікожды егда, или о учінівшеіся славнымъ боемъ каковои побѣдѣ возвѣщалося, не велми веселілся, но ко своімъ сверстнікамъ отвѣщалъ, О дѣти! отецъ мои всѣмъ обладаетъ, такъ что мнѣ съ вами о велікомъ и знатномъ ни оединомъ останется дѣлѣ хвалітіся! Занеже не сластолюбія, или имѣнія, но единыхъ храбрыхъ дѣлъ, и славы едіно желаніе имѣлъ; и коліко болшая бъгатства отъ отца пріималъ, толіко разсуждалъ себе самаго меншая чініти. Того ради распространяющуся государству, разумѣвая что ко устроенію знатныхъ дѣлъ матеріа отъ велікія части оскудѣетъ. Не ко изобілству, не къ роскошамъ, но къ бранемъ и воінамъ распалялся, и ко владѣніямъ, откуду бы себѣ чрезъ храбрости славу и имене безсмертіе [которая надежда ни Алеуандра ни иного кого добраго оболстіла] стяжати, желалъ. Сего ради многімъ надзірателемъ, и учітелемъ былъ врученъ. Обаче во первыхъ Арістотелю, отъ котораго наукамъ свободнымъ въ десять лѣтъ наученъ былъ.

Въ тожде время Філіппъ ко Делфомъ послалъ,

вопрошая

вопрошая о наслѣднікѣ своемъ, таковъ отвѣтъ получілъ: сеи на послѣдокъ твоімъ царствомъ, и всѣмъ кругомъ земнымъ обладаетъ, котораго Букефалъ [конь вологлавъ] на себѣ понесетъ.

Былъ же Букефалъ, конь Вїдомъ изрядныи, и велми жестокъ, котораго Фїлонікъ Θессалїскїи Фїлїппу за трїдесять талантовъ сребра купілъ. Сего многое время Фїлїппъ за затворами желѣзными хранїма имѣлъ; обаче былъ таковъ свїрѣпъ, яко нїкто дерзнулъ владѣти имъ. Того ради Фїлїппъ отъдалїти и отрїнути его повелѣ. Алеѯандръ же въ то время прїлучівся, рече, какова коня они погубляютъ, отъ неїскуства бо, или грубянства, владѣти имъ не умѣютъ. И егда дївною хїтростїю безъ бїтїя управілъ коня, послѣди же всѣдъ на него, поскакалъ, ногами понуждая, и помалу удержавъ уздою коня управілъ, и ꙗко ѣздівшему въ главу поцѣловалъ отецъ, испустівъ слезы рече: инаго о сыне себѣ равнаго царства ищи, понеже тебе уже Македонїа не можетъ вмѣстїти. Пророчествовалъ мужъ разумныи, что ꙗко превысокїи отрокъ не будетъ доволствоватїся отеческою державою.

По томъ Фїлїппъ Грецїю воеватти умыслілъ. къ чему добро быти уразумѣлъ, да бы Вїзантїю славныи и прїморскїи градъ подъ власть свою покорілъ, котораго сму противящася осадою облежалъ

облежалъ, оставївъ въ дому попеченіе о царствѣ сыну своему Алеѯандру, шесть надесять лѣтъ возраста имущу. Сеи Градъ отъ Павсанїи Спартанскаго Царя созданъ, по томъ отъ Константїна славою и богатствами умноженъ и обновленъ, и отъ имене его Константїнополь наречеся. Около тысящи ста и пятїдесяти лѣтъ Греческаго Царства престолъ, и всего востока глава былъ. Нынѣ же [о боже] турецкаго народа владѣнїю подлежїтъ!

Но да къ Фїлїппу возвращуся: Істощївъ убо во облеженїи многое богатство, разбївати по морю начатъ, и сто седмьдесятъ караблеи въ добычъ похїтїлъ, и ратнымъ своїмъ раздѣлїлъ. И да бы во облеженїи едїнаго града тако велїкое воїнство не медлїло, съ сїлнѣїшїми пошедъ, многїя въ Херсонѣ грады разорїлъ. По томъ сына Алеѯандра осмьнадесять лѣтъ имуща, (храбрости, и способностямъ во устроенїи дѣлъ велми искусна суща, да бы на отеческои воїнѣ, первыя храбрости своея предложїлъ обученіе,) къ себѣ прїзвалъ. Съ нїмже въ Скїѳїю здобычи ради обычаемъ купеческїмъ пошелъ, иждївенїя воїнская иною воїною хотя наполнїти, и оную разорївъ, двадесять тысящъ мужеска и женска полу поплѣнївъ, скотовъ множество, отъ злата же и сребра нїчто, 2000 изрядныхъ кобылїцъ ради плода въ Македонїю

послалъ. Но возвращающуся отъ Скїѳїи Фїлїппу, Трїваллы на него напали, не хотяще прохода ему дати, ежели бы часть здобычи не взяти. Отъ котораго противленія, скоро и бои учінілся, на которомъ въ лядвію Фїлїппъ такъ раненъ, что сквозь тѣло его конь убїенъ бысть. Тогда вси убїта его быти вмѣнїли, и здобычь оставїли. Въ первыхъ егда онъ отъ раны исцѣлѣлъ, немедленно умышленую воїну на Аѳїнянъ подвїгнулъ. Сея ради прїчїны Ѳебаны прїсовокупїліся къ нимъ, бояся, да бы послѣ побѣды Аѳїнскія прїближнее воїны запаленїе къ нимъ не прїшло, получївше содружество съ грады, прежде сего непрїятелскїми, чрезъ посолства всю возбуждаютъ Грецїю, мняще что общаго непрїятеля общїми сїлами отгнати подобаетъ, и нѣкоторые грады побуждены, Аѳїнянамъ прїлѣпляются; нѣкоторыхъ же страхъ воїны къ Фїлїппу прївлекъ. На сеи воїнѣ Фїлїппъ Алеѯандра сына своего надъ вторымъ крыломъ поставїлъ. Гдѣ преславнаго богатыря сїла велми ясно оказалася. Ибо на сеи брани явїлся, не менши отца, паче же нїкому равенъ. По томъ еще сїю побѣду себѣ аки завїстїю и лестїю отеческою предвосхїщену быти поръцалъ. Убо совершївшеїся брани, при Херронїи хотя Аѳїнеане чїсломъ воїновъ и много превосходїли: однакожъ

отъ

отъ Македонянъ всегдашнімъ и долговременнымъ воеванія употребленіемъ велми обученыхъ, побѣждени бываютъ, не забывше же древнія славы падоша. Сеи день всему греческому Царству, и славу державства и древнѣйшую свободу окончалъ.

Обаче понеже Філіппъ всегда ко Алеѯандру велми благопріятенъ былъ, по томъ отъ Клеопатры мачехи, ко Олімпіадѣ пріведеныя, несогласіе началося быти. Прічіну далъ Атталь дядя Клеопатріновъ, которыи егда на бракѣ Македонянъ просілъ, еже бы богамъ молілся, да бы къ наслѣдію Царства отъ Філіппа и Клеопатры родіился преемнікъ: разгнѣвался велми Алеѯандръ, и рече: О нечестівая главо, а мы тебѣ не искренніи ли дѣти быти мнімся: и верже на него чашу. Отсюду вставъ отецъ на Алеѯандра, извлекъ мечъ, намѣрілся еже бы его заклати, обаче уклоненіемъ тѣла отъ ударенія Алеѯандръ ухранілся. Тогда Алеѯандръ поносівъ отца своего, взялъ Олімпіаду матерь съ собою и отъіде во Епіръ. Обаче его Філіппъ, [поношающу Демарату Коріноянину сіе ихъ несогласіе] мало послѣди по многімъ прошеніямъ едва назадъ прігласілъ. Между сімъ Клеопатріны дщери со Алеѯандромъ братомъ Олімпіадінымъ, [котораго изгнану бывшу Арізбѣ, Царя Епіру учінілъ] Філіппъ бракъ отправлялъ. День

былъ преславенъ ради велïчества двухъ Цареи, и дающаго дщерь, и жену поемлющаго, и не безъ игръ знаменïтыхъ былъ, которыхъ на зрѣнïе Фïлïппъ, егда безъ оберегателеи между двѣма Алеѯандрами сыномъ и зятемъ, шелъ, Павсанïа славныи отъ Македонянъ юноша, въ тѣсномъ мѣстѣ Фïлïппа идущаго таïно убïлъ, и день веселïю опредѣленыи, съ горкïмъ рыданïемъ о смерти Фïлïпповѣ окончïлся.

Сеи отрокъ Павсанïя содомствомъ насïлованъ обïдно отъ Аттала, которыи его пьянъ послѣди аки нечïстую блуднïцу похïтивъ, пïрующïмъ подверже. О семъ Павсанïа Фïлïппу жалобу прïносïлъ, которыи толь мерзостнымъ дѣломъ хотя и велми разгнѣванъ былъ, но Атталу за велïкую дружбу, и яко дѣла его тогда управлялъ, да бы месть учïнïти, не возмогъ. былъ такожде Атталъ ради Клеопатры недавно отъ Царя въ супружество взяты, блïжнïмъ велми ему совокупленъ сродствомъ, и надъ полками прежде во Асïю послаными воевода избранъ, былъ мужъ въ воïнскïхъ дѣлахъ изряднаго мужества. Того ради Царь паче (да бы Павсанïа сердце праведною болѣзнïю палïмое прохладïлъ) попеченïе имѣлъ, и давъ ему велïкïя дары, мѣстомъ еще честнѣïшïмъ при себѣ самомъ между стражами тѣла своего почтïлъ. Но онъ неукротïмымъ распалаяся гнѣвомъ, умыслïлъ не токмо

надъ

надъ сотворшімъ ему обіду, но и надъ сімъ, которыи о доношеніи отмстіти не хотѣлъ, месть совершіти.

Пожіве убо Філіппъ лѣтъ 47: Царствовавъ 25, Македонскіи Царь 23: которому болшее богатство было оружіе воінское, но и богатствъ снісканію, нежели храненію прілѣженъ велми, тако убо при повседневныхъ хіщеніяхъ всегда въ недостаткахъ былъ. Мілосердіе и лукавство за равно любіли. Ни едіна у него непотребна къ воінѣ прічіна была, ласковъ купно и лстівъ, въ разговорахъ; болѣе обѣщавалъ нежели давалъ, въ зрѣліщахъ и въ забавахъ хітръ, дружбу и пользу неімовѣрно почіталъ. Любовь прітворяти въ ненавісти, между согласными вражду чініти, у обоіхъ мілости искати, нарочітое искусство имѣлъ, между сіми, словесность и знаменітая рѣчь, остроты и быстроты полна, еже бы ни красотѣ словъ безъ вітіиства, ни вітіиства изобрѣтенію безъ красоты быти.

КНІГА ВТОРАЯ.

Лѣта отъ созданія града 416. Умершу філіппу, Алеуандръ сынъ [ради велічества дѣлъ, велікіи нареченъ] двадесятаго лѣта отрожденія

своего, (исполнено завïстеи, и тяжчаïшïми ненавïстеи бѣдствами отвсюду обстоïмое) Царство воспрïялъ. Ібо ни прïбліжнïя Варварскïя провïнцïи, и народы кротко службы отправляли, но прïродныхъ Государствъ и отчїхъ владѣнïи желали. Первѣе же всѣхъ, которые отеческаго убïиства вïновны были, тяжкïмъ смертнымъ предалъ казнемъ. Потомъ о погребенïи отцевскомъ, вѣло велïе сотворïлъ попеченïе, Государство же много паче лучше, неже бы кто чаялъ, утвердïлъ. Младъ бо, и ради лѣтъ еще младыхъ, отъ нѣкоторыхъ унїчїжаемь, народъ простыи велми благопрïятными словесы, тако къ своеи любви прïвлекъ, яко и надежду велïкую, купно же и страхъ всѣмъ сотворïлъ, и унїчїженïе себе самаго отъ всѣхъ отъялъ. Македоняномъ поволность во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ воïнскïя службы даровалъ. Сïе содѣлавъ такову себѣ исходатаïствовалъ благодать, яко инïи вѣло а недобродѣтель, а инïи имя Царя токмо премѣнено быти говорïли. И егда вначалѣ мятежи отвсюду на него востали, смѣлостïю и сердца неïсповѣдïмымъ, постоянствомъ, велми скоро вся мятежи укротïлъ. Таже пошедъ къ Корїнѳу въ Пелопонïсъ общïмъ всея Грецïи совѣтомъ, надъ Персы [которыхъ было тогда болшее на земли владѣнïе, и которые Грецïю часто многïми насїлствы меча ослобляли] повелї-

повелїтель наречеся. Понеже отецъ его тую́жде брань хотѣлъ начати, но смертію пресѣченъ невозмогъ совершїти. Въ семъ военномъ ополченїи возвѣщаютъ Алеѯандру, яко Лѳїнеане, Ѳебаны, и Лакедемоны, отъ него отложїлїся, и съ Персы соединїлїся: и яко Дїмосѳенъ рїторъ, многїмъ златомъ отъ Персянъ одаренъ, учїнїлся тоя измѣны началнїкъ. На которыя мятежи въ такои скорости, устремїлся, устроенїемъ же и ополченымъ воїнствомъ Грецїю укротїлъ, что которые ему прїити не чаяли, сего увїдѣвше, едва увѣрїлїся. Въ прїшествїи же своемъ увѣщавалъ Ѳессаловъ, благодѣянїя отеческая онымъ воспомїная, прїпомянулъ такожде и древнее сродство, которое ему съ нїми чрезъ Геркулеса было, и словесы велми кроткїми обьявлялъ, да бы велїкїхъ отъ него почестеи получїти надѣялїся, увѣщавъ же ихъ тако, что общїмъ отъ всея Ѳессалїи позволенїемъ всего народа обладатель учїненъ сталъся, и всѣми оброки, и данми ему уступїли. Тако изящная юноши крѣпость, и тако дѣйственное во исправленїи дѣлъ прїлѣжанїе, всѣхъ, которые гордостїю своею отъ него отложїлїся, устрашїлъ.

Лѳїнеане убо какъ первые отступїли, такожде первые каятїся начали, младость Алеѯандрову прежде унїчїженую паче добродѣтелеи старыхъ обладателеи превозносяще: послали бо пословъ о утоленїи

о утолєнїи брани просяще, которыхъ послушавъ Алєѯандръ и словами велми наказавъ, воїну оставїлъ.

На семъ посолствѣ и Дїмосѳена быти повѣствуютъ, но съ протчїми ко Алєѯандру не прїиде, понеже изъ Кїѳерона во Аѳїны возвратїлся, или обѣятъ страхомъ, что часто Фїлїппа съ его народомъ поносїлъ, и во всеи рѣчи посполїтои на Македонянъ прекословїлъ, или да бы Царю Перскому [отъ котораго много злата взялъ, да бы Македоняномъ сопротївлялся,] все о себѣ сумнѣнїе отъялъ. Сказуютъ бо яко о томже его и Есхїнъ поносїлъ, которыи въ словѣ нѣкоемъ о прїятыхъ дарахъ тако глаголетъ: нынѣ Царскаго злата даръ сему служїтъ. Но сеи даръ напослѣдокъ умалїтся, понеже нїедїно богатство нравамъ худымъ доволно быти можетъ.

Алєѯандръ же укротївъ всѣ мятежы въ Грецїи наченшыяся, прежде неже во Азїю съ воїнствомъ прїиде, чрезъ Ѳракїю путешествуя на Пеонянъ, Трївалловъ, Іллїрїановъ, и на иныя окрестныя итти умыслїлъ, которыхъ въ новыхъ дѣлахъ упражнятїся слышалъ. Понеже царству его порубежнїи велми невѣрни были, возмнѣлъ яко о оныхъ потщатїся подобаетъ а наїначе егда въ таковыя далекїя и отстоящыя страны отъ дому съ воїнствомъ итти хотѣлъ; отъ Амфїполя убо съ полками пошелъ на Ѳраковъ [которыхъ Грецы

Автоно-

Автономами, то есть самозаконнїками, или самоволнїками нарїцаютъ, ибо нїедїному обладанїю, ни закону подлежатъ] десяти днеи путемъ до Гема горы прїшелъ: тамо въ проходѣ тѣсномъ купцевъ и Ѳраковъ велїе множество собраное протїву себѣ имѣлъ, на версѣ горы сѣдящее, иже возы вмѣсто ограды (откуду бы прїступъ былъ,) имѣли, и оттуду бои чїнїти могли: егда бы нужда прїключїлася, аще бы отъ протївныя горы части нападенїе было, возы на Алеѯандровы полки съ велїкїмъ устремленїемъ могли бы спускати, еже и сотворїли. Но воїни отъ Алеѯандра научени, инїи розставя чїны полковые, а инїи прїпадъ на землю и щїтами прїкрывся, отъ всякаго бѣдства сохранїлїся. Оттуду усерднѣе бывше, велїкїмъ воплемъ на непрїятеля напали, и ихъ едїнымъ стремленїемъ побѣдїли. Алеѯандръ убо побѣдївъ непрїятеля, внезапу чрезъ Гемъ гору на Трївалловъ къ рѣкѣ Лїгїи прїшелъ. Сїрмъ у Трївалловъ царь тогда былъ: Сеи услышавъ Алеѯандрово прїшествїе, жены, дѣти ї прочее маломощное множество къ Дунаю на островъ Певку скоро послалъ, тамо и Ѳраки Трївалламъ порубежнїи тогда собралїся. Мало послѣди и самъ Сїрмъ туды же ушелъ. Прочее Трївалловъ множество на другїи островъ переправїлїся, лежащїи на томъ мѣстѣ, съ котораго Алеѯандръ прешедшаго дне двїгнулся,

Страхъ воїны.

но Алеѯандръ за Трïваллами обратïвся; непрïятелеи изъ лѣса на поле изшедшïхъ побѣждаетъ, 3000 порубïлъ, а инïи въ бѣгство устремïлïся, иныхъ же въ полонъ взялъ. По сеи воïнѣ Алеѯандръ къ дунаю пошедъ вскорѣ нападаетъ на островъ, на которомъ Трïваллы и Ѳраки собралïся, обаче Варвары крѣпко протïву его стояли, сïе бо было имъ удобнѣе, понеже и судовъ мало было, и острова болшая часть прервана и круча, и рѣки теченïе во узкомъ мѣстѣ стѣснено было. Того ради Алеѯандръ отведъ оттуду суды, и ночью преплывъ рѣку, съ 1500 конницы, а пѣшïхъ 4000, на Гетовъ ударïлъ [которыхъ около 4000 конныхъ, а пѣшïхъ болши десяти тысящь, да бы переправы не дати, на сопротïвномъ брегу вооруженныхъ увïдѣлъ] И сему бывшу, боязлïвые Геты и перваго сраженïя невытерпѣли. Ибо дѣло велми велïкïя смѣлости имъ показалося, что Алеѯандръ такъ безтрудно во едïну нощь Дунаи рѣку, (которая всѣхъ Европскïхъ рѣкъ шïрѣ и выше) безъ всякого моста прешелъ. Егда убо они разбѣглïся по лѣсамъ и пустынямъ, тогда Царь, пустыи градъ обрѣтъ, взялъ, и съ землею сравнялъ. На то мѣсто прïшли послы отъ прочïхъ дунаïскïхъ жителеи отъ Сïрма Трïвалскаго Царя, и нѣмцы Германстïи ко Алеѯандру, просити, да бы съ нïми дружбу и прï-

Нечаянное нападенïе.

и прімірєніе имѣлъ. Которыхъ вѣрность и содруженство Алеѯандръ пріявъ, нѣмцовъ вопросілъ, чего въ человѣческіхъ дѣлѣхъ наіпаче боятся; помыслівъ, что имене его Велічество паче всего имъ страшно возмніться быти. Они же отвѣщали: вначалѣ боімся паче всего, да бы когда на насъ небо не упало. Алеѯандръ же не смутілся о гордомъ ихъ отвѣтѣ, токмо прірекъ, что нѣмцы, гордые люди, и ихъ отпустілъ въ домы. Оттуду на Агріановъ и Пеоновъ идущу ему возвѣстіли, что Клітъ Варділіи отъ него отложілся, и Главкіи Тавлантіискіи Царь съ німъ же согласілся, были и тѣ, которые доносіли, что Авторіаты на пути на него нападутъ. Того ради дѣло о Авторіатахъ Лагару Агріанскому Царю [которыи отцу Філіппу сѣло любімъ, и Алеѯандру знаемъ былъ] вручівъ, къ тому Ціну сестру (егда въ Пеллу возвратітся,) доброхотно въ жену обѣщалъ за него дати. Самъ же на Клітa и Главкію не медленно пошелъ, и ихъ разнымъ боемъ побѣділъ и поразілъ. Сія творящу ему, доносятъ, что въ Греціи многія новізны содѣваются, и грады многи, а вначалѣ Ѳсбаны отъ него отложілся. Сімъ возбужденъ Алеѯандръ, въ Македонію возвратілся, еже бы возмущеніе въ Греціи учінівшееся укротіти. Ѳсбаномъ же хотящымъ воінство Македонское

бранъ домовная противу Алеѯандра.

отъ крѣпости Θебанскія [которую Кадму наріцаютъ] отгнати, и оную преглубокими рвами, и крѣпкимъ валомъ окруженую обсѣдящимъ, но Царь съ воінствомъ далекими путми обшедъ, не далече отъ Θебановъ со всѣми полками сталъ. Θебанскіе убо воеводы, понеже Алеѯандръ нечаянно прішелъ, и неізвѣстно было, пріидетъ ли помощъ, якоже отъ нѣкоторыхъ градовъ чаяли, о воінѣ совѣтовати начали, и всѣмъ тако согласующімся бои дать умыслїли. Но царь своіхъ удержалъ, подая непріятелямъ время ко премѣненію совѣта ихъ, ни коімъ образомъ быти бою помышляя, еже бы єдінъ градъ тако со многими полками могль бітіся. Понеже было у Алеѯандра болши трітцети тысящъ пѣшіхъ, а конныхъ до трехъ тысящеи, всѣхъ въ воінствѣ sѣло искусныхъ, на которыхъ сілу уповая, персідскую воіну Алеѯандръ началъ. Воістінну, ежели бы Θебаны времени уступая, мира попросіли, Царь на ихъ прошеніе охотно соізволілъ бы. Ибо sѣло на персовъ во Асію итти спѣшілъ, но понеже оружія, а не моленія употребіти похотѣли, Алеѯандръ Македонянъ на бои уготовалъ. Θебаны же противъ непріятелеи много множае, велікою сілою, и нелѣностно стояли. Обаче отъ Македонянъ, [которые наблюдали Кадму крѣпость,]

Алеѯандръ и къ міру и къ воінѣ

созади

созади нашедшїхъ, окружени Θебаны на самомъ бою падоша. А градъ взятъ и разграбленъ, и разоренъ до основанїя остался, въ которои прічінъ та надежда и мысль была Алеѹандру, да бы таковымъ паденїемъ испрахомъ утѣсняеми Греки, во время отшествїя его смірнѣе были. Ибо [обвіняющымъ Θебановъ, товарищамъ Фоценсамъ, и Платенсамъ, по нраву и угодности ихъ сотворіти желалъ] болѣе шести тысящъ порубілъ, трідесять тысящъ продалъ, за которыя 440 талантовъ сребра взялъ. Токмо Піндара стіхотворца фамілію оставілъ, велію бо любовь ко ученымъ знаменітымъ образомъ показа. Не подобаетъ же и сего умолчати, еже Алеѹандровыхъ дѣлъ спісателіе о тімоклее повѣствуютъ, яко знатную Θебанскую жену Θракійскіи нѣкоторыи воевода насіловалъ, и послѣ того отъ нея просілъ денегъ, пріведши же его жена та сдінаго ко кладязю, въ которомъ сказала многоцѣнныя своя вещы сокровенны быти. Воеводу убо того въ кладезь еже бы відѣти нѣчто наклоншагося врінула, исъ верху каменіемъ убіла, за таковое дѣло пріведеную къ нему во узахъ жену, вопросілъ Алеѹандръ, чія еси; она же не устрашівшіся рече, Θеагенова есмь сестра, которыя былъ избранъ Царь, крѣпко на Філіппа воюющъ за волность греческую умре. Удівівся же Царь тоя

Сребролюбіе пагуба.

жены великодушію, свободну со дѣтми ея отпустілъ.

Абіенсы же Ѳебанскому паденію тяжко и жалостно соболѣзнующе, убѣгающымъ онымъ съ бою, врата прошіво Царскому указу отворіли, которая пріічіна Алеѯандру толіко сталася досадна, яко вторымъ посолствамъ паки мира просящымъ, тако на послѣдокъ отвѣщалъ, да бы ріторовъ, и воеводъ, на которыхъ уповая многажды мятежы чінілі, выдали ему. Обаче на послѣдокъ къ сему проізведеся, да бы удержавъ ріторовъ и воеводъ во изгнаніе послали. Которые вскорѣ ко Дарію Царю Персідскому поідоша. Обаче пріинужденымъ сущымъ Грекомъ на Истмѣ рѣкѣ на Персовъ ратоваши, Алеѯандра мнози філософы и ріторы встрѣчаютъ, кромѣ Діогена Кінїка, которыи тогда былъ въ Коріноѣ, и Алеѯандра ни во что вмѣняя, въ бочкѣ жівяше: удівляяся же ему Алеѯандръ при солнцѣ сѣдящему, пріиде, и вопроси чего требуетъ. Онъ же рече: требую, да того отъ мене неотъімеши, чего мнѣ дать не можеши. Которымъ отвѣтомъ велми Алеѯандръ утѣшілся, и ко своімъ обратівся рече: хотѣлъ бымъ азъ быти Діогенъ, аще не бы Алеѯандръ былъ.

Въ Греціи убо дѣламъ устроівшымся, пріходящеи веснѣ и самую Грецію съ Македоніею Антіпатру [которому изъ пріятелеи наіпаче вѣрілъ] вручівъ, къ

Елес-

Елеспонту сѣ воїнствомѣ поїде, и во Асію неїзреченнымѣ сердца желаніемѣ распалівся, прішелѣ. Егда же ко брегу пріплыли, первѣе Алеѯандрѣ стрѣлу пустілѣ, аки на непріятелскую землю, и вооруженѣ сѣ карабля аки тріумфуя выскочілѣ, и тако жертву пріносе, желая да бы его тоя земли людіе кромѣ всякого прінужденія за царя пріяли. По семѣ непріятелеи гоня, возбраняше воінамѣ оразореніи Асіискомѣ, да бы неразоряли того, чемѣ обладати будутѣ. Воінства же его бяше тріидесять двѣ тысящи пѣшіхѣ, а конныхѣ неболѣе пяти тысящеи, да суденѣ водяныхѣ 180. И тако со не многою сілою всю вселенную покорілѣ, не достоіно ли удівленію, яко побѣділѣ, или яко смѣло обшелѣ, егда на толіко страшную брань не юношеи сілныхѣ, ни вѣ первомѣ возрастѣ сущіхѣ избралѣ, но старыхѣ многіхѣ воіновѣ древніхѣ, которые еще со отцемѣ и дѣдомѣ на воінахѣ были, понеже не тако на бою, яко вѣ воінскіхѣ дѣлѣхѣ искусныя избранны быти, разумѣлѣ. Чінѣ же воінскіи не младіи, но бо лѣтѣ возраста имущіи управляли, и ежели бы кто увідѣлѣ полководца, реклѣ бы, яко Сінгліітіка нѣкія рѣчи посполітыя відѣлѣ, и тако единѣ отѣ рапоборства бѣгу ятся, но вси единодушно побѣду одержавали, не вѣ ногахѣ бо коемуждо надежда была, но вѣ мужествѣ. Древняя воіновѣ слава.

По семѣ

По семъ Алеѯандръ повсюду жертвы прïносïлъ, а наïпаче блïзъ Трои идѣже Ахïллесовъ гробъ, [егоже сроднïка по матери нарïцалъ,] и сего ради счасливѣïшïмъ исполïномъ Ахïллеса нарекъ, яко своïхъ храбростеи проповѣднïка Омïра обрѣте. По семъ поïде на внутреннïя страны Дарïя царя Перскаго.

Начало Персïдскïя воïны. Сеи Дарïи Арсанïа Царя сынъ, которыи бѣ четвертыи надесять отъ Кïра, иже всею восточною страною обладалъ, а наïпаче сего ради Алеѯандръ восхотѣ ити, на Дарïа, яко отъ отца его Фïлïппа дань бралъ. Дарïи же напередъ прïслалъ, воспрещая гордымъ и лютымъ посолствомъ, себе убо Царя Цареи и сроднïка боговъ, Алеѯандра же рабомъ своïмъ нарïцаетъ, а Воеводамъ своïмъ повелѣ, да бы неïстоваго сего Фïлïппова дѣтïща [тако бо его унïчïжая нарïцалъ] розгами дѣтскïми тяжко наказали, и облекше его одеждою червленою, связана ему вручïли, послѣди же на судно посадивъ его едïнаго съ кормчыями потопïли, воïнство же его все въ далечаïшыя страны моря Чермнаго загнали. Они же повелѣнïе Царское хотяще исполнïти, у Гранïка рѣки, [которая Троаду отъ Пропонтïискïя раздѣляетъ страны.] со множествомъ воïновъ яко 20000 пѣшïхъ и 20000 конныхъ собращася, и у рѣки брегъ, которымъ Але-

Алеѯандру весма итти надлежаше, облегли. Алеѯандръ же аще и вїдѣ настоящую бѣду, яко со своїмъ воїскомъ изъ нїжаїшаго и нетвердаго мѣста [бѣ бо мѣсто то мокротно и болотїсто] аки бы изъ рѣки протїву непрїятелеи на высокомъ брѣзѣ стоящїхъ, не моглъ ополчїтїся; обаче на свое счастїе и мужество, такожде и храбрость воїновъ уповая, рѣку прешелъ. И въ первыхъ аки не смѣя ради неудобности мѣста наступати, обаче послѣди непрїятелеи, не тако своїмъ разумомъ, яко храбростїю Македонскою побѣдїлъ. На тои брани Персянъ 20000 пѣшїхъ, и 250 конныхъ убїто, Македонянъ же не болѣе 39 человѣкъ побїто. Сїя баталїя велїкую къ дѣламъ Алеѯандровымъ учїнїла память. Ибо Согдїанамъ, (поморскаго Царства крѣпость вземъ у Варваровъ, и другїмъ Лїдїискїмъ людемъ, да бы повелѣнїе его хранїли,) поволность даде.

Въ четвертыи день послѣ воїны изъшедъ оттуду Ефесъ страха помощїю покорїлъ. Потомъ изъ Магнїссїи ї Тралловъ послы прїшедше, грады своя ему въ подданство отдали, которыхъ въ прїсягу прїявъ, Парменїона съ 2050 наемными, и равныхъ Македонянъ чїсломъ конныхъ, отъ вѣрныхъ съ 200 человѣкъ послалъ. Посемъ Мїлїтъ градъ оному протївящїися побѣдїлъ; и имъ обладавъ ко Алїкарнассу поїде, во первыхъ вся на пути стоящыя грады

взялъ. Алïкарнассъ же градъ крѣпкïи осадïлъ, и тои не безъ труда взявъ, со землею сравнялъ. Пошедшу же ему въ Карïю, Ада Карïиская Царïца, [которая надъ всѣмъ Царствомъ владѣтелствовала отъ Онтобата, егоже Дарïи послалъ изгнана, нïчïмъ болѣе во всеи Карïи, токмо Алïндомъ градомъ тоя страны крѣпчаïшïмъ владѣла] Алеѫандру на встрѣчу изшедши, Алïнду градъ отдала, и его вмѣсто сына прïяла; Царь же ни дарованïя женска, ни имене сыновня возгнушався, градъ паки еи во обладанïе оставïлъ. Потомъ всю Карïю покорïлъ, и воспомянувъ учïненое ему почтенïе, Адѣ Царïцѣ всю даде во владѣнïе. Оттуду на Лïдïю и Памфïлïю поïде съ таковымъ намѣренïемъ, да бы устïе морское даже до Фïнïкïи и Кïлïкïи во обладанïе прïвести, и карабелное воïнство непрïятелямъ неполезное отправïти, и побѣдивъ непрïятелеи Пïсïдскаго народа, съ радостïю и велïкïмъ усердïемъ на Дарïа, которыи со многïми тысящами воïнства изыти намѣренъ. Шествуя во Фрïгïю, [чрезъ которую воïнство превождаше,] вошелъ.

КВïНТА

КВІНТА КУРЦІА.

О ДѢЛАХЪ СОДѢЯНЫХЪ АЛЕѮАНДРА ВЕЛІКАГО ЦАРЯ МАКЕДОНСКАГО.

КНІГА ТРЕТІЯ.

СОБРАНІЕ ВЕЩЕИ КРАТКОЕ.

1. Келенскіи Градъ, и крѣпость взявъ Алеѯандръ, перво во Фрігію Градъ входітъ, въ немже узолъ Гордіевъ разсѣкъ, и протіву дарія итти намѣрілся.
2. О воінствѣ Персскомъ предложеніе, о которомъ по повелѣнію Даріеву Харідемъ Аѳінеанінъ, истінное и свободное сказавъ разсужденіе, обезглавленъ.
3. Слава Персідскіхъ цареи, возсіявшу Солнцу въ домъ грядущіхъ: такожде Воіновъ Алеѯандровыхъ опісаніе.
4. Отъ Арзана Даріева Полководца, Кілікіискія пустыя входы Алеѯандръ счастліво взімаетъ.
5. Егда въ рѣку Ціднъ ради омытія тѣла безвременно вніде Алеѯандръ, недугомъ велікімъ одержімъ бываетъ.
6. Алеѯандръ отъ вѣрнаго и мудраго врача Філіппа, емуже отъ всего воінства велікое бѣ благодареніе, въ первое здравіе пріиде.
7. Устрабівся, на Дарія устремітіся помышляетъ, и Сісена Перскаго безумнѣ согрѣшівша убіти повелѣ.
8. Даріевъ прежде воіны совѣтъ, такожде воіновъ персідскіхъ смущеніе и бліжаішаго убіиства знаменіе.
9. Обоіхъ воінствъ началнѣішая ополченія, и собраніе.
10. Слово Алеѯандрово къ воіномъ.
11. Бои велікіи, на которомъ Алеѯандръ 100000 пѣшіхъ и 10000 конныхъ Персовъ побѣждаетъ. Другіхъ убѣгающіхъ поражаетъ.
12. Въ полкахъ Даріевыхъ премногія корысти емлетъ Алеѯандръ.
13. Матере и жены Даріевы, и другіхъ благородныхъ въ плѣнъ взятыхъ плачъ о Царѣ, егоже чаяли убіта быти, ихже Царскімъ утѣшаетъ Алеѯандръ утѣшеніемъ.
14. Даріево богатство премногое, съ велікімъ чісломъ честнѣішіхъ вещеи, Парменіону Воевода измѣннічески изъ Дамаска предаде.

КНІГА ТРЕТІЯ.

1 МЕжду тѣмъ временемъ, Алеѯандръ ради наятія Воїновъ послалъ Клеандра въ Пелопонѣсъ съ денгами, Лїкію же и Памфїлію укрѣпивъ, поїде съ воїскомъ во Градъ Келену. Въ то время посредѣ Града того течаше рѣка Марсїа, которая сѣло преславно баснословными стїхотворцевъ Греческїхъ стїхами опїсуется, источнїкъ ея отъ самаго верха горы истекаетъ, съ велїкїмъ шумомъ и звукомъ воды чрезъ Каменїе внїзу лежащее впадаетъ: и оттуду распространяющїся прїбліжняя поля напояетъ. сѣло чїста сама собою едїна истекаетъ. Того ради вїдъ ея подобенъ есть Водѣ Морскои во время тїшїны пребывающеи, путь стїхотворцемъ показа въ басняхъ, которые напїсали, акибы богїни возлюбївше сїю рѣку, шаможде на Версѣ Горы пребывали. Но во градѣ званїе особое имѣетъ, а внѣ стѣнъ и крѣпостеи Градскїхъ скорѣе и пространнѣе течетъ, которую называютъ Лїкїа. Алеѯандръ убо во Градъ пустыи входїтъ, на крѣпость же въ которую убѣжали, Воїною нападаетъ, послалъ вѣстнїка къ непрїятелю возвѣщая, ежели они не покорятся, повелїтъ ихъ смерти предати. Но тыя того вѣстнїка на башню сѣло прї высокомъ мѣстѣ стоящую, и высоко созданую возведоша, какова высота есть, смотрїши и Алеѯандру возвѣстїши повелѣваютъ, инако бо

онъ

онъ, а инако мы о крѣпости града того разумѣемъ. онъ вѣдаетъ яко мы непобѣдими, на конецъ должни есмы за вѣру нашу смертію умрети. Но егда узрѣли крѣпость во облежанїи, и на всякъ день бѣды воспрїимали, просїли сроку на 60 днеи, обѣщающе градъ отдати, аще Дарїи не прїшлетъ имъ на помощь воїнства. и егда уже время преїде, а помощи не имѣли, отворїли крѣпость градскую Алеѯандру. Прїидоша по томъ изъ града Аѳїнскаго послы къ нему, просяще, да бы плѣненыя у рѣки наричаемыя Граникъ Греки свободны учїнилъ, онъ же къ нимъ отвѣщалъ, не токмо тѣхъ, но и иныхъ Грековъ подобаетъ отпустити въ домы ихъ, токмо по совершенїи Персїдскія брани, самъ же велїе тщанїе и мысль о Дарїи Царѣ имѣлъ, о немъ же слышалъ яко еще Ефрата рѣки не прешелъ, отвсюду разныя воїны собралъ всѣми сїлами хотяше воїну начати. Поїде съ воїскомъ чрезъ Фрїгїю, многїми селами, нежели грады пребогату. въ то время была тамо Столїца нѣкогда бывшаго Царя Мїдскаго, именованїемъ Гордїя, чрезъ которую рѣка именемъ Сангаръ течаше въ равномъ разстоянїи отъ Понтїискаго и Кїлїкїискаго Моря, тамо прїшли, гдѣ между тѣми обоїма Морями Асїа есть сѣло узка. Понеже отъ обоихъ сторонъ Моря наводненїемъ земля утѣсняется, которая съ другою

отъ тѣхъ водъ свободною совокупляется, и кругомъ тѣми водами окружается, но отъ болшія части оную Море одержитъ. вїдїтся быти аки островъ, и еже ли бы малою частїю своею не раздѣляло Море, соединїлїся бы. Алеѯандръ же покорївъ градъ, поїде въ капїще Іовїшево, и тамо колеснїцу, на неїже Гордїинъ отецъ Мїда ѣздяше, увїдѣлъ, которая иныхъ простѣйшихъ колеснїцъ не была лучши, но былъ у той колеснїцы узолъ упутанъ, и многїми плетенми въ себѣ самомъ связанъ, по сихъ жїтели града того возвѣстїли, яко той по даному проречснїю, Асїею обладати будетъ, которыи той неудоборѣшїмыи узолъ безъ труда развяжетъ. Алеѯандръ же велїимъ желанїемъ распалїлся ко развязанїю узла того. Стояше же предъ нїмъ множество Фрїгїанъ и Македонянъ ожїдающе развязанїя узла, смущени быша, зряще дерзновенную надежду его. Зане тако былъ той узолъ упутанъ, откуду бы имѣлъ начало, или гдѣ бы были концы, ни вїдѣти, ни познати было возможно. Тѣмже и самъ Алеѯандръ усумнѣвался, да бы себѣ не сотворілъ какова проречснїя о несчастїи, аще того не возможетъ совершїти. Сего ради много не размышляя о той неудобности, велїимъ гласомъ рече: нѣсть трудности како бы его распутать, и извлекъ мечь вскорѣ разсѣче его, оное проречснїе, или исполнілъ, или поругался ему.

По

По томъ восхотѣ Дарїа (гдѣлїбо обрѣтается) постїгнути, вслѣдъ себе нїкоего страха оставляя, Амфотеру морскїи флотъ вручїлъ, у брега Елеспонскаго, сухїмъ путемъ идыи, воїнству даде полководца Еголоха, да бы изъ градовъ Лезвы, Хїи, и Кона, осадныхъ непрїятелеи изгнали, въ потребу же воїнскую и казны дати повелѣлъ 500 таланть. Антїпатру же, и которые Греческїе грады во обереженїи имѣли, 600 талантовъ послалъ, по согласїю дружескому да бы караблеи давали, которые во Елеспонтѣ на стражи были. Понеже о смерти Мемноновои ни мало слышалъ, на котораго совѣми весма пошелъ, совершенно зная что безъ всякаго неудобства все дѣлно управїтся, аще онъ въ мїрѣ пребудетъ, и уже подъ градъ Анкїру прїшелъ: идѣже воїнство вновъ управя въ Пафлагонїю поїде, имѣя съ собою Енетовъ прародїтелеи Венецыїскїхъ (якоже нѣцыи мнятъ,) то государство покорїлося, и закладъ покоренїя дали, и дань опредѣлїли, которую бы весма Персомъ недаваши. Халатъ намѣстнїкъ имъ отъ Алеѵандра оставленъ, самъ же новое воїнство, недавно прїсланое изъ Македонїи взявъ въ Каппадокїю пошелъ.

2; Но Дарїи о смерти Мемноновѣ услышавъ, яко не по намѣренїю его бысть, опечалїлся, всякую надежду иную отложївъ, намѣренъ на Алеѵандра

ополчїтїся,

ополчїтїся, зане разсуждая отъ полководцевъ прежде
учїненая въ рашоборствїи воеванїя, похулїлъ и
яко счастїя неїмѣли. Того ради близъ Вавїлона
обозъ расположївъ, да бы дерзновенно полки его
брань чїнїли. Все воїнство свое на полѣ поставїлъ,
и окопъ повелѣлъ учїнїши на 10000 воїнства. На
утрїе же по подобїю Царя Ксеркса на смотрѣ бывъ,
и вечеру наставшу воїнство по подобающему во
окопъ внїде, откуду по томъ изшедше, поїдоша
на поля Месопотамскїя, болшее множество конні-
цы и пѣхоты паче чїсла показующе. Персовъ
бяше 100000, между которыми было 30000 конні-
цы, пѣхоты Мїдскїя 10000, конніцы 50000: пѣшїхъ
баркановъ конныхъ съ палашами и саблями, 2000; пѣшїхъ
10000 подобнымъ образомъ вооруженыхъ послѣдо-
вало. Армени прїслали ему пѣхоты 40000, и 7000
конніцы. Їрканы изрядныи народъ воїнскїи, между
тѣми народы, 6000 конніцы. Делфы 40000 пѣхоты
прїслали, множество ихъ было съ шпыками желѣз-
ными, а у иныхъ токмо древца копеїная обож-
женая, имже послѣдствовали 2000 конніцы. Такожде
отъ моря Каспїискаго 8000 пѣхоты: 200 конніцы
прїшли, съ нїми же незнаемїи изъ Асїи народы,
которыхъ было 2000 пѣхоты, 4000 конніцы. На
конецъ у Дарїа было наемнаго воїнства молотцовъ
избранныхъ изъ Грецїи 30000. Понеже прїзвавши

Бакри-

бактріановъ, Согліановъ, Індовъ и иныхъ народовъ при Чермномъ морѣ жівущіихъ, имже окрестныя народы именъ не знаютъ, время скорое не допустіло, таже болѣе предреченныхъ не имѣлъ. Тако напремногое воіновъ множество егда весело посмотрѣлъ, боярее его утверждалиему надежду по обыкновенному совѣту: Обратівся же къ Харідему Аѳінеанїну въ воінскіхъ дѣлѣхъ сѣло искусному, изгнану бывшу изъ отечества, отъ Алеѯандра [повелѣлъ бо его изгнати изъ Аѳінъ] непріятеля ему веліка, начатъ вопрошати, доволно ли есть сїлы и могутства противу Алеѯандра; онъ же счастіе свое, и чінъ, въ немже бывъ, и гордость Цареву забывъ, отвѣщъ даде, си и ты Царю слышати, негли мя восхощеши, и азъ аще нынѣ умолчу, то нікогда повѣмъ. Сіе толіко веліkое твое воінство убраное, яко отъ разнаго собраное народа, и едва не всему востоку солнца подвігшуся, порубежнымъ народамъ можетъ быти страшно; Преукрашено богрянїцами, блістающо отъ злата оружіе, сокровіщъ же и богатствъ, аще бы кто прежде очіма не відѣлъ, мыслію бы уразумѣти не возмогъ. Воінство же Македонское грозно, жестоко, и неукрашено; но копіями и щітами покрываются, полки непреодолѣнны, и мужіе всеусердніи сплетенно въ строю стоящіи, наріцаютъ они Фалангію, полкъ главныи и славныи

пѣшіхъ. Гдѣ мужъ съ мужемъ, оружіе съ оружіемъ совокупленно, мгновенія єдінаго зрітъ ищи во слѣдъ знамене. Строи и чінъ блюсти умѣютъ вси, что лібо повелѣваютъ, всякъ слушаетъ. стати противъ супостату, окружіти, обращатіся покрыламъ, премѣніти ратующіхъ, такъ совершенно разумѣетъ простыи воінъ, якоже и полководецъ. Тѣмже да не мніши ихъ златомъ и сребромъ довольствоватіся, но разумѣи, яко посіе время убожество держало ихъ въ чести воінскои. Утруждени бо на земли почіваютъ, пітаются тѣмъ, что могутъ обрѣсти, меншее время нежели нощъ содержітъ, спятъ. Мніится тебѣ яко коннїцу Фессалїискую, Акарїанскую, и Етолїискую народъ непреодолѣнныи, пращами и копіями вмѣсто желѣза на концахъ обожженными, побѣдіши, никако! но подобныя сілы потреба. Въ тои странѣ искати ихъ, гдѣ тіи родішася. Сребро то и Злато ради наятія Воіновъ да послеши. бяше Дарїи прїродою смірень и кротокъ, аще бы счастіемъ не премѣнілся. Того ради правды не могущъ стерпѣти, гостя своего, которыи подъ заступленіе его изъ отечества убѣже, егда ему полезныи даяше совѣтъ, повелѣ его смерти предати. Онъ же и въ то время волности своея не забылъ. рече бо, имѣю, имѣю готоваго смерти моея отмстітеля, тои, на негоже азъ совѣтъ тебѣ далъ, унічіже-

уничіженыи совѣтъ мои будетъ тебѣ мстіти. Ты же безчінное твое обладателство погубіши, и послѣднімъ временамъ образецъ будеши: человѣцы счастію послѣдствующіи, себе самыхъ токмо слушающіи, пріроду свою погубляютъ. Тако вопіющаго, повелѣннїи убіли. Послѣди же скорымъ временемъ начатъ Царь о немъ жалѣти, повѣдая предъ всѣми яко истіну глаголалъ, и повелѣ его погребсти. Счастіе

3: былъ тамо Өімодісъ Менторовъ сынъ храбрыи юноша, емуже Царь повелѣ да бы отъ Фарнабаса полководца, все иноземское воїско [въ немъ бо велію имѣлъ надежду] взялъ, и подъ своімъ управленіемъ имѣлъ. *Фарнабасу же полководскую булаву, которую* Мемнону прежде даде, послалъ. Въ то время на него опечаленаго помыслами о будущіхъ бѣдствахъ, сонъ тяжкіи нападе, или отъ печали, или отъ пріроды самъ себѣ пророчество учінілъ. Вїдѣ бо во снѣ аки бы обозъ Алеѯандровъ свѣтлостію великою огненною сіялъ, по томъ, аки бы тогожъ Алеѯандра предъ него прівели въ тои одеждѣ, въ которую его самаго Даріа облачіли и поздравляли яко царя, послѣди же въ Вавілонъ на конѣ ѣзділъ, таже вскорѣ и съ конемъ невідімъ бысть. Сіе волхвы всячески толкуя, нанесли ему печаль велїку, понеже инїи на утѣшеніе ему толковали, яко обозъ Алеѯандровъ пожженъ, и самого

Алеѯандра не во своеи одеждѣ царскои, но въ Персїдскои простои пріведена узрѣть. Друзїи же повѣдали яко свѣтлыи обозъ Алеѯандровъ славу его знаменуетъ: и яко Асїею владѣти будетъ, въ семъ извѣстнѣишая прічїна, понеже во одеждѣ въ которую Дарїи облеченъ былъ, егда Царя его нарекали. Тѣмже и древнїя случаи, якоже случается въ бѣдахъ, воспомїнающе, рекоша бо: Дарїи въ началѣ владѣнїя своего хотѣлъ повелѣти еже бы образецъ ноженъ Персскаго меча премѣнїти, подобїемъ Греческїмъ, сего ради халдеїстїи волсви рекли: Яко государство Персское ктому народу пренесено будетъ, егоже оружїе возлюбїлъ. Но Дарїи о истолкованїи общемъ пріѵидѣнїя своего соннаго пребывая радостенъ, повелѣ итти воїнству до рѣки Евфрата. Сїце пїшутъ, что обыкновенїе было Персское, во первыхъ, егда восходїтъ солнце, и паки второе, егда уже день болшїи, трубою знакъ давали воїнству отъ царева шатра, еже бы рушїлось въ путь. На верху того шатра образъ солнца въ Крїсталѣ затвореныи свѣтїлся, идѣже его могль всякъ вїдѣти. Воїско же таковымъ строемъ и чїномъ ходїло: Несли прежде огнь святыи и вѣчныи (якоже они нарїцаютъ) на сребряныхъ жертвеннїкахъ, во слѣдъ же ихъ идоша волсви Персїдстїи поюще, послѣдствовало волхвамъ 365 юношеи:

во

во одеждахъ багряныхъ, толіко чісломъ, єліко дней въ году. [такожде бо Персяне навыкли годъ изчісляти.] По томъ везли колеснїцу, кони бѣлыя имущую, Іовїшу возложенную. Вслѣдъ тоя конь прїродою изрядныи и великїи, котораго нарїцали коня богу солнцу. Управїтели же коня того имѣли златыя прутїки и бѣлыя одежды. Не далече отъ сїхъ 10 колеснїцъ златомъ и сребромъ преукрашены, во слѣдъ колеснїцъ конныхъ 12 отъ языковъ разныхъ оружїемъ и образы. блізъ ихъ шли 10000 человѣкъ, ихже Персяне безсмертными нарїцаютъ. Паче всѣхъ иныхъ тїи преукрашены и преїспещрены. были на нихъ чѣпи златыя, сами въ злато одѣяны, исподнія же одежды имѣли каменїемъ драгоцѣннымъ, и бїсеромъ украшены съ рукавами, тѣмъ послѣдовали 15000 сродниковъ царскїхъ. Сїи одѣяны были аки жены, а не аки воїни, нарїцающеся Дорїфоры (сїрѣчь Копїеносцы.) блізъ ихъ, которые изъ казны царскія одежду брали, шли предъ колеснїцею, на которои превысоко Дарїи сїдѣлъ. По обоїмъ странамъ были златыя и сребряныя идолы къ колеснїцѣ прїгвождены. дышло на нѣкоїхъ мѣстахъ каменїемъ драгїмъ украшено, стояли на немъ два їдола златыя сдїнаго лактя вышїною, отъ нїхже едінъ мира, другїи брани знаменїе являли. между ими былъ орелъ златыи

843518 НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Саратовского

съ простертыми крїлами. Одѣяніе на царѣ паче всѣхъ сластолюбіе являло, занеже багряницы средїна бѣлымъ шїпца была, одѣяніе верхнее златое, понемъ ястребы златомъ тканыя, аки бы носами между собою дралїся, поясъ златыи на немъ былъ по женскому обычаю, на немже вїсѣлъ мечь, ножны самыя, отъ цѣлаго каменя драгоцѣннаго. Кїдарь былъ на главѣ [персы тако наріцаютъ царскую шапку и знаменіе его] красное обязаніе, полосы бѣлыя имущъ окружаше его. за колесніцею послѣдовали 10000 копеїщіковъ, копія сребромъ обложены, вмѣсто же концовъ желѣзныхъ златыя были. По обоїмъ странамъ шли честнѣїшіхъ сродніковъ его 200 человѣкъ, а въ слѣдъ ихъ пѣшіхъ 3000. потомъ 400 коней царскіхъ вели. Здѣ уже аки бы на едїно поприще отстоянїемъ, мати Даріева именемъ Сїсїгамба на колесніцѣ сѣдящи, на другои жена его, множество женскаго пола блізъ царіцъ идоша на конѣхъ. по нїхъ пять надесять (якоже они наріцаютъ) Армамаксовъ, на которыхъ царевы дѣти и кормїлїцы ихъ, скопцевъ множество многое, которые между тѣмъ народомъ въ мїлости и чести велїкои. По томъ наложніцъ царевыхъ 360 ѣхали на колесніцахъ, во одеждахъ царскіхъ. а за нїми казну цареву везли велблудовъ 300. и 600 мсковъ; при нїхъ ради защіщенія были съ саїдаками. здѣ

такожде жены сродніковъ и друговъ Дарієвыхъ послѣдовали, и поваровъ было множество. Послѣдніи же были съ своіми полководцами легко вооруженніи, которые понуждали полки.

Еже ли бы кто на воіско Македонское посмотрілъ, вся бы въ противномъ образѣ узрѣлъ. мужіе бо и кони сіяли не златомъ, ни пестрымъ одѣяніемъ и украшеніемъ, но отъ булата и мѣди. Полки и стояти и итти готовы, не множествомъ или тягостію сокровіщъ обременени, полководца своего не токмо знакъ, но мановеніе прілѣжно вси наблюдали. Мѣсто же обозу и піщи полученіе воінству изобілно было. Тѣмже Алеѯандръ въ полкахъ ратныхъ люди доволно имѣлъ.

4. Дарій же толь великаго народа царь въ тѣсномъ мѣстѣ утѣсняемъ, въ которомъ бои далъ, и ради утѣсненія малая часть воіновъ осталася, о чемъ отъ Македонянъ поруганъ сталъ ся въ то время Алеѯандръ въ Каппадокіи Абістамена намѣстніка оставівъ, поіде въ Кілікію со всѣмъ воінствомъ, и прішелъ въ ту страну, которая обозъ Кіровъ наріцалася. Тамо бо обозъ Кіровъ лѣтомъ стоялъ, егда на Кріса въ Лідію съ воінствомъ своімъ шелъ: была въ разстояніи та страна отъ пути, имже въ Кілікію входімъ, верстъ 50: жителіе то мѣсто наріцаютъ Пілась

или

или врата, и тамо входъ велми тѣсенъ, окопы бо самородныя аки бы человѣческою рукою созданы. Тѣмже Арсанъ намѣстникъ Царства Кілікіискаго, разсуждая словеса Мемнонова, прежде тоя воіны, совѣтъ свои нездравыи умыслілъ къ совершенству прівести, сіесть Кілікію огнемъ и мечемъ разорити, да бы тѣмъ способомъ пусты мѣста Алеѯандру оставити, что ни было къ препітанію потребнаго, истребити: пусту землю и безплодну, (которую охранити не возмогъ,) оставити и отъити. Но много лучше было бы врата оная и тѣсное мѣсто, имiже есть въ Кілікію прiступъ и входъ, ратными добрѣ осадити, верхъ горы надъ тѣмъ путемъ вiсящь засѣсти, откуду безъ гiбели своихъ, непрiятелю внiти возбранілъ бы, или бы побѣділъ. Тогда не многихъ оставя путь стрегущихъ, самъ возвратiлся, разорiтель своеи земли бывъ, которую отъ разоренія свободити долженъ. Сего ради которыхъ оставілъ, узнали, что на смерть ихъ оставілъ, ни зрѣти на непрiятеля хотѣли, аще и малымъ чiсломъ укрѣпити мѣсто могли бы, понеже Кілікію гора нераздѣлiмая, каменная, и вертепами исполненая окружила: которая взявшiся отъ моря идетъ крiво, по едiну страну, и по другую такожде даже до сопротивнаго брега. Въ тои странѣ далече отъ моря отстоящеи суть трои врата, входъ

къ нiмъ

къ нїмъ ѕѣло труденъ и тѣсенъ, едїными въ Кїлїкїю входятъ, имѣетъ надъ моремъ поля велїкая, и потоки текутъ равнїною. Тѣмже и преславныя рѣки Пїрамъ и Цыдна текутъ. Достоїна воспомїнанїя рѣка Цыдна не ради велїчества и глубїны, но ради удївїтелныя и чїстыя воды, понеже тїхо изъ источнїковъ исходящи по чїстои землѣ течетъ, не текутъ въ оную скоротекущыя рѣки, которыя бы ея тїхому теченїю препятїемъ были. Сего ради нїчїмъ возмущаема, велми студена, ибо такожде укрывается веселыми берегами, вездѣ устїямъ своїмъ подобна, даже до моря течетъ. Множество въ тои странѣ гробовъ преславно стїхами изваяныхъ, но ветхо вездѣ является. Показывали назначеныя градовъ мѣста, гдѣ древле были Лїрнїсъ и ѳеба, Тїфонеева пещера, и Корїева дубрава, идѣже шафранъ родїтся, вїдѣли много вещеи древнїхъ, но нїчто знатно, токмо отъ человѣкъ слава и воспомїнанїе бывшее. Алеѯандръ же въ оная врата внїде которые нарїцаются Пїли, и прїлѣжно разсмотрїлъ положенїе того мѣста. Глаголютъ, яко счастїю своему удївлялся, яко ежели бы восхотѣлъ непрїятель, моглъ бы его тамо съ воїнствомъ каменїемъ побїти. Ибо былъ путь таковъ узокъ и тѣсенъ, яко едва четверо вооруженныхъ купно могли проїтти, гора наднїмъ вїсїтъ, имущая разсѣлїны,

изъ нея же источніки частыя текутъ. Обаче Алеѯандръ легкіхъ воїновъ именемъ Θракіанъ послалъ напредъ, и велѣлъ имъ вездѣ путь осмотрѣти, да бы утаяся непріятель нечаянно не напалъ на идущіхъ Македонянъ. Понеже ратныхъ людеи множество на верху горы сѣдѣло съ напряжеными луки, съ непріятели брань готовы были творіти. Сіце воіско пріиде кограду Тарсону, но Персяне тогда его зажгли, да бы Алеѯандръ въ толь богатыи Градъ не вшелъ. Алеѯандръ же Парменіона съ усердными воіны, гасіти его послалъ, познавше же ихъ Персяне отъ страха убѣжали. Алеѯандръ же во градъ внѣде, и не даде ему сгорѣти.

5. Посредѣ града текла рѣка Цыдна, о неіже речеся вышше, тогда же было лѣто, егоже теплотою и солнечнымъ жаромъ Кіліkія жегома была. И день такожде случіся безмѣрно жарокъ. Тамо царя, пылью и потомъ утружденаго, удівітелная та вода убѣділа, да бы жаромъ одержімое тѣло омылъ, сего ради совлекъ съ себе одежду свою всю предъ очесы воінства, помышляя купно еже бы себѣ похвалу нѣкую сотворіти, да бы все воінство на немъ увідѣло одѣяніе простое. Егда же токмо внѣде въ воду, се внезапу ему вси составы его начаша древянѣти и цепенѣти, и едва не все тѣло пріродную свою теплоту погубіло озябшо;

вѣдѣвше же раби его, аки мертва изнесоша къ шатру безъ памяти суща. Сего ради велія печаль наіде на обозъ, и весма уже плачь бысть и рыданіе съ воплемъ, яко на пути, къ толь великимъ и высокимъ дѣламъ, царь памяти вѣчныя достоіныи поступая, не навоінѣ, ни отъ непріятеля убіенъ, но въ водѣ мыющся погібе. Дарія аще и воінства Алеѫандрова не вѣдѣлъ, но уже аки побѣдітель прібліжашеся. Рекоша же Македоняне къ себѣ, егда прііидетъ на насъ Дарія, то како можемъ возвратіишія въ домы наши чрезъ тѣ государства и земли, которыми мы яко побѣдітели прошли, понеже гдѣ или супостатъ попалілъ, или мы разорілі, аще бы и нікто не гонілъ насъ, въ великіихъ степяхъ, отъ глада и нужды погібнемъ, кто намъ бѣгущымъ время бѣжанія трубою назначітъ; Кто дерзнетъ по Алеѫандрѣ насъ управлять; аще же мы даже и до Елеспонта убѣжімъ, тамо кто намъ карабли уготовітъ, иміже бы намъ преіти. И егда обратілія съ болѣзнію великою ко царю глаголюще, тои жітія нашего цвѣтъ, тои намъ былъ храброе сердце, и царь, и въ воінѣ товарищъ, сѣло намъ печаль велію сотворілъ, тако велми въ ужасѣ плакалія. Тогда легчае ему прііиде дыханіе, очи отверзъ, и по малу въ себе прішелъ, около себе стоящыя други позналъ, въ томъ токмо не имѣлъ

отраду болѣзни своея, яко премногое бѣдство уразумѣлъ, печаленъ же бѣ зѣло о худомъ здравіи своемъ. понеже пріидоша вѣсти, яко Дарій совершенно въ Кіліkію пятію днями пріидетъ, О томъ убо Алеѯандръ въ жалости былъ, что его аки бы связана въ болѣзни хотѣли Дарію предати, и изъ рукъ самыхъ тако велію побѣду отъяти, и яко мерзско и срамно въ шатрѣ имѣлъ умрети, повелѣ другов своіхъ и врачевъ къ себѣ пріzвати, и тако къ нимъ рече: Вїдіте ли како мя Фортуна срѣте? мнітміся яко звукъ вооруженаго Дарїа слышу, которымъ азъ воіну нанесъ, тіи мнѣ воздаютъ, и ищутъ мя самаго съ нею. Знатно что Дарій толь прегордыя грамоты пішя ко мнѣ, имѣлъ совѣтъ со счастіемъ моімъ, но никакоже утѣшітся, аще азъ мнѣніемъ своімъ здравіе мое немощное врачевати буду. Время, нужды, и дѣла моя, на нескорая врачеванія, и въ продолженіе идущая, и на лекари не прілѣжныя зрѣши не будутъ. Лучше бо мі есть умрети мужественно, нежели здраву быши не во время. Сего ради врачеве, аще что могутъ, и разумѣютъ, да знаютъ, яко не тако отъ смерти, якоже набрань врачевства отъ нихъ требую. Тако бѣдственная упрямость его, нанесе всѣмъ велію печаль, того ради всякъ его молілъ да бы страха и бѣдства сіцевымъ безсовѣтіемъ не умножілъ, но врачевъ бы послушалъ, ибо лекарства неізвѣданыя,

въ врачевствѣ

всѣхъ

всѣхъ устрашаютъ, бываетъ что и на пагубу его съ стороны непрїятель денгами поострїтъ. Ибо Дарїи повелѣлъ всѣмъ возвѣстїти, еже ли кто Алеѯандра убїетъ 1000 талантовъ въ даръ прїиметъ, того ради чаяли, яко нїкто можетъ дерзнути, еже бы дати ему лекарство, которое ради самыя новости прїродѣ его могло бы быти подмнїтелно. опасность

6: былъ между благородными нѣкїи врачь Фїлїппъ Арканянїнъ родомъ, которыи прїшелъ съ нїми изъ Македонїи на ту воїну, данъ Царю юну сущу въ хранїтелство путешествованїя, вѣренъ ему и оберегатель здравїя надежныи, любїлъ бо его велми, не токмо аки Царя, но и аки свое воспїтанїе. тои обѣща прїнести избранное и совершенное лекарство, которое сїлную могло отгнати немощь, обаче сїе всѣмъ показалося неугодно, кромѣ немощнаго, которыи таковое бѣдство страдалъ: понеже все весма, кромѣ едїнаго замедлѣнїя моглъ терпѣти, Оружїе воїнское и полки предъ очми его были, и побѣду свою въ томъ имѣли, токмо да бы предъ знаменами Алеѯандръ моглъ стояти. Наконецъ и о томъ стужалъ, что лекарь прїказалъ, да бы по трїехъ днехъ прїнялъ лекарство; въ то время грамоты отъ вѣрнѣїшаго его боляріна, именемъ Парменїона прїшли, которыи ему возвѣстїлъ, да бы здравїя своего Фїлїппу не ввѣрялъ, понеже Дарїи

дарами подкупілъ его, 1000 талаштовъ сребра ему послалъ, и сестру свою въ жену дати ему обѣщалъ. Великую печаль Алеѯандру то пісаніе учінило, и страхъ неже надежду имѣло. Самъ въ себѣ таіно разсуждалъ, испію ли сіе лекарство, да въ немъ познаю, какая отрава есть, и что либо случітся, можетъ праведно случітіся. Имамъ ли вѣрность докторскую облічіти? или предамъ себе въ шатръ смерти. Но лучше есть за злобу чюждаго, неже за страхъ свои погібнути. Сіце многое время съ размышленіемъ разно боролся, а еже ему было напісано, никому повѣдалъ, грамоту бо своею печатію запечатавъ, подъ возглавіе положілъ, за два же дни сіе бысть, пріспѣ трети отъ врача назначеныи день. Врачь же въ рукахъ имѣя съ лекарствомъ сосудъ, вніде въ шатеръ, и узрѣвъ его Алеѯандръ, поднялся мало, и лактемъ опреся, грамоту отъ Парменіона въ лѣвои рукѣ держащь, чашу съ лекарствомъ пріемлетъ, и безъ всякія боязни и страха выпілъ. Потомъ даде Філіппу грамоту оную и чітати повелѣлъ, и съ лица его (егда чіталъ) очесъ не спустілъ, смотря еже бы въ немъ знаменіе каковое совѣсти возмогълъ узрѣти. Но онъ прочетъ паче негодованіе, неже боязнь въ себѣ показалъ, и одежду верхнюю, съ грамотою предъ ложе Царево повергъ, рече: О Царю воістінну здравіе мое всегда въ рукахъ твоіхъ было! Но нынѣ разумѣи,

яко

яко божескімъ духомъ твоімъ жіву, неправедно оклеветаніе на мя и лжіво, здравіе твое покажетъ, егда тя отъ сея болѣзни свобожду; молю тя да сохраніши здравіе мое въ цѣлости, а нынѣ страхъ отгони отъ себе, да бы свободно лекарство жілами овладѣло, и не буди печаленъ, понеже друзи истінно вѣрніи, и прілѣжніи, но неправедно тя возмутіли. Сіе же слово не токмо радость, но и надежду велію Царю прінесе. Сего ради тако рече, Філіппе, аще бы тебѣ сіе бози попустіли, и коімъ лібо образомъ восхотѣлъ бы ты любовь мою увѣдать? вѣмъ яко инои бы промыслъ ты обрѣлъ. Но лучше воістінну, что ты не искусілъ, ни пожелалъ. Азъ ту грамоту аще и взялъ, обаче лекарство твое выпілъ, и нынѣ разумѣю, что ты не менше овѣрности своеи, еліко о здравіи моемъ печешіся: и сія рекъ, десную ему руку подаде. Лекарства же того толіка сіла была, яко послѣдующему оболганію Парменіонову помогла, уже бо едва дыхаше, но обаче врачь всякое прілѣжаніе чінілъ, обмірающаго водками натіралъ, по томъ піщею, и обоняніемъ разныхъ водокъ укрѣплялъ. Егда же увідѣлъ, яко начатъ къ первому здравію пріходіти, овогда матерь и сестры, овогда же настоящую побѣду воспоміналъ ему. Егда же лекарство болѣе вліяся въ жілы, врачевства хітрость

и тѣло

ишѣло по малу здравїе и сїлу воспрїимати начаше, во первыхъ разумъ крѣпость свою. По томъ и тѣло еще надѣяніе лучшее здравїя воспрїяло. По третїемъ убо дни, егда въ самое здравїя состоянїе прїиде, воїнству явїлся, тогда не менше на Фїлїппа, нежели на Алеѫандра съ радостїю воїско смотрїло, десницу его всякъ обѣїмаше аки настоящему богу благодарствїе возсылали. Неятовѣрно воїстїнну, какъ тои народъ кромѣ прїроднаго почїтанїя ко Царемъ своїмъ, колїко сему Царю Алеѫандру покарялся, и любовїю къ нему распалялся. Ибо чаяли о немъ, яко нїкоего дѣла кромѣ помощи божїя и воли не начїналъ. понеже и счастїе непремѣнялося. Сего ради свобожденїе болѣзни въ славу обратїлося ему. Возрастъ такожде едва въ сїцевыхъ совершенъ прїтчїнахъ, обаче доволенъ былъ, и всякїя дѣла добрѣ управляль, и нравы его вся украшалъ, меншыя же прїчїны всякую ему охоту наїпаче къ воїнѣ умножали, работу тѣлесную между тѣмъ имѣлъ, украшенїя же одеждъ на себѣ, и бодрость воїнскую малымъ чїмъ разнствующу отъ простаго человѣка носїлъ, имже онъ или разума дарованїемъ, или благонравїемъ, да бы равно возлюбленъ и почтенъ былъ, послѣдоваше.

7: Но Дарїи Царь прїявъ вѣсть о немощи его, елїко могъ съ воїскомъ своїмъ толь обременнымъ

велїкою

великою скоростію до Евфрата рѣки поїде: мостъ устроїлъ, и пятію днями воїнство превелъ, ускоряя, еже бы Кілікію осадіть. Тѣмже Алеѯандръ совершенное получівъ здравіе, ко граду Солонсу прішелъ, котораго взявъ, повелѣ собрати съ нихъ завінность ихъ 200 талантовъ сребра, а крѣпость градскую воїнамъ вручілъ. По томъ обѣты о полученномъ здравіи своемъ играми свободно исполнілъ, [и тѣмъ показалъ что онъ непріятеля за мало цѣнитъ] воздавая честь Ескулапію, и Мінервѣ. На сія же игры смотряющу, пріидоша къ нему радостныя вѣсти изъ Алікарнасса, яко воіни его побѣділи Персовъ. Міндіане же и кавніане и многія тоя страны покорілісѧ ему. По окончаніи же тѣхъ игръ, поїде обозомъ, и на рѣкѣ Пірамѣ мостъ учінівъ, во градъ Малломъ пріиде, а оттуду въ другую нощь подъ градъ Кастабулъ прішелъ. Тамо встрѣтілъ его Парменіонъ, егоже на осмотреніе пути лесістаго послалъ, чрезъ негоже надлежало ити ко граду Іссѣ. Тѣсныя пути тамошнія вся онъ уже одержалъ, и нѣкую часть воіновъ поставілъ, градъ Іссу пустъ и оставленъ взялъ, оттуду же прішедъ, изгналъ Персянъ сѣдящіхъ изъ горъ внутреннихъ, и своіхъ поставілъ, а на пути вездѣ заставы розставілъ, якоже речеся побѣдітель и возвѣстітель самъ прішелъ. По томъ Алеѯандръ

пріиде сѣ воїскомъ ко граду Іссѣ, идѣже полководцевъ на совѣтъ собравъ, сѣ нїми купно совѣтовалъ, что учїнїти, ити ли въ далшїи путь, или воїска ожїдати изъ Македонїи идущаго, о немже вѣдомость всеконечная была яко ускоряше. Парменїонъ совѣтовалъ, яко мѣсто ко брани не можетъ быти лучшее и способнѣе, егда пространно велїкїя воїска обоихъ цареи станутъ здѣ. Понеже [рече] тѣснота мѣста Дарїево множество не вмѣстїтъ, пространства и полеи блюстїся подобаетъ намъ, гдѣ насъ окружїти или неначаяннымъ нападенїемъ побѣдїти возмогутъ. Азъ того токмо блюдуся, да бы не ради мужества Перскаго, но ради утружденїя нашего мы не были побѣждени, понеже аще пространнѣе станемъ, то персяне не утруждены оттуду на насъ наїдутъ. Сїцевыи же совѣтъ его здравыи сѣло прїятенъ Алеѯандру явїлся. Сего ради соїзволїлъ Царь въ тыхъ тѣснотахъ Дарїя ожїдати. Бяше же въ воїнствѣ его нѣкїи Сїсенъ персянїнъ, которыи въ нѣкое время отъ воеводы Егїпетскаго къ Фїлїппу былъ посланъ, и при немъ остался, отъ негоже дарами и честїю велїею почтенъ былъ, нынѣ же со Алеѯандромъ во Асїю на воїну прїшелъ между вѣрными другами почтенъ. Тому единъ отъ крїтскїхъ воїнъ грамоту не ведомо чьею

Совѣтъ благъ.

печатїю

печатію запечатану подалъ. Которую послалъ Набарзанъ Дарієвъ воевода, моля Сісена, да бы достоіное нѣкое дѣло, искуствомъ своімъ и благоразуміємъ сотворілъ, обѣщавая ему велію честь за сіе у Царя обрѣсти. Сію грамоту многократно Сісенъ, будто нѣдіно мысля зло, носілъ ко Алеѯандру. Но въ таковомъ тщаніи, и управленіи брани упражняющагося видя, свободнаго времене ожідалъ, и сіцеваго ради продолженія подсмотренъ сталъ. Понеже та грамота прежде Алеѯандру вручена, нежели ему была отдана. Которую прочетъ, незнаемою печатію запечатавъ, ради искушенія вѣрности его отнести къ нему повелѣлъ. Мняше бо Сісенъ утаіти злое свое намѣреніе, и тако отъ Кріянъ, бывъ между ими на воінѣ, безъ всякаго сумнѣнія, по повелѣнію Цареву убіенъ бысть. нескрые тся тернъ между кріномъ

8: И уже Греческое воіско, ихже Ѳімондъ у Ѳарнабаза нанялъ, было безъ всякаго сумнѣнія, и весма надѣющеся на побѣду, ко Дарію придоша; сіи всеусердно совѣтоволи, да бы возвратілся, и къ пространнымъ Месопотамскімъ полямъ пошелъ. А еже ли таковыи ему совѣтъ не нравенъ, лучше да бы воіско то безчісленное раздѣлілъ, и да бы не на єдіну счастія побѣду, вся Перскаго Государьства сілы и могутства предпоставілъ. Сеи же совѣтъ Царю, а наіпаче боярамъ его не угоденъ

явїлся. Глаголаша бо яко вѣрности не надежныя и измѣны подкупныя блюстїся подобаетъ. Ибо не иныя ради вїны воїско раздѣлїти совѣтуютъ, шокмо да по томъ отдѣлївся отъ насъ, [еже ли мы побѣжденi будемъ,] сами себе предадутъ Алеѯандру. Нїчто [рекоша] здѣ есть надежнаго, и здраваго, шокмо бы воїскїмъ окружївшымъ сїхъ измѣнникovъ, смерти предати, во знакъ и свїдѣтелство измѣны предбудущымъ временамъ. Но дарїи аки добродѣтеленъ и кротокъ Государь, сїце рече: сего азъ нїкоїмъ образомъ не сотворю, да бы повелѣлъ оныхъ, которые на вѣрность мою прїшли ко мнѣ, воїнству моему смерти предати. И которыи народъ мнѣ по томъ здравїе свое вверїтъ, кровїю ли нынѣ толїкаго воїнства руки моя омочу. Непрїлїчно дѣло есть да бы кто за безумныи совѣтъ, смерти преданъ былъ. Ибо нїкшоже будетъ пропчее совѣтоваши, на сїе зряще, аще сїмъ за совѣтъ ихъ неразумны казнь сотворїмъ. По томъ по всякъ день прїзывалъ ихъ къ совѣту, и отвѣтствоваши велѣлъ, кто разумнѣе что речетъ, обаче мало вѣрїлъ имъ. Напослѣдокъ же повелѣлъ, сїце Грекомъ возвѣстїти: За усердїе ваше, sѣло васъ благодарствую. Но аще возвратїлся бы я назадъ, безъ всякаго сумнѣнїя Царство мое предалося бы Алеѯандру. Ибо воїна отъ прослутїя и славы

воспрїимаетъ

воспріимаетъ счастіе, а кто возвращается назадъ, чаютъ люди что онъ бѣгу предается. Продолжіти бо воіну, неразсудное дѣло есть. Наіпаче толь велікое воіска множество, во время блізъ пріблі-жающіяся зімы, въ странѣ пустои, отъ своіхъ и отъ непріятеля разоренои, чімъ препітати будемъ. Тѣмже зрящымъ на древнее обыкновеніе праотцевъ нашіхъ, не надлежітъ намъ воіска раздѣляти, которые вскорѣ всѣми сілами и едінодушно всегда воевали. И воістінну Алеѯандръ прежде сего страшенъ во время непрісутствія моего не разсудно гордостію въ суетнои надеждѣ возносілся. Егдаже токмо услышалъ о мнѣ, скоро во обереженіе упрямость свою премѣнілъ, въ тѣснотахъ лѣсныхъ, аки нѣкіи ѕвѣрь дікіи несмысленно, [стукъ и звукъ услышавъ мімоходящіхъ] утаілся. Уже бо ліцемѣріемъ воіновъ своіхъ здравія лішаетъ, но не менше и самъ постраждетъ, совершая бо брань въ томъ вертепѣ крыющіхся боязлівыхъ Македонянъ себѣ въ порабощеніе покорю. Сіце гордо паче, нежели разумно и истінно глаголалъ Даріи. Напослѣдокъ все сокровіще свое, избраннѣішыя и дражаішыя вещи въ Дамаскъ сіріискіи съ немногіми ратными людми послалъ, самъ же съ оставшімся обозомъ въ Кілікію поіде. А вслѣдъ его по обыкновенію отеческому, жена, мать. дщери дѣвіцы

Похвала неразсудная.

сѣ сыномъ младенческаго возраста, идоша. Въ ту же нощь, и Алеѯандръ тѣсными проходы даже до Сїріи пріиде, въ которую и Дарїи такожде къ тому мѣсту, которое Пїли или врата Аманїиская наріцаются. Нїчімъ сумнѣвалїся Персяне, яко Македоняне уже прежде взятыи оставївше Іссу градъ, изъ него убѣжали. Понеже такожде раненыхъ и немощныхъ нѣкоторыхъ поспѣшіти во слѣдъ обозу немогущіхъ, плѣнїли. Іхже Дарїи, совѣтомъ своіхъ боляръ подъущенъ, жестокімъ мучїтелствомъ, обсѣкъ, и обжегъ руки, повелѣ сквозѣ воїско свое водіти, да бы управленое воїнство его вїдѣли, и все доволно разсмотрївъ царю своему возвѣстїли. Потомъ собралъ обозъ, и прешелъ рѣку Пїрамъ, надѣяся яко достігнувъ на хребтахъ убѣгающіхъ Македонянъ побѣдитъ. Но тїи, имже обсѣкъ руки, къ воїнству Македонскому прішедше, возвѣстїша, что за нїми Дарїи сѣло скоро гонітъ. Имже едва повѣрїли. И тако послали осмотрїтелеи на пріморїе вїдѣти, самъ ли идетъ, или которыи его полководецъ съ полкомъ своімъ, знакъ пріходящаго воїнства показуетъ. Но егда осмотрїтели уже прїближїлїся, издалече ихъ сѣло велїе воїнство увїдѣли, поля повсюду огнемъ наполнены, отъ негоже въ велїкомъ свѣтѣ были, аки во огни горѣли, понеже ради разныхъ скотовъ множества Персяне про-

Чаянїе безразсудное не безпрїчины.

пространно и нечїнно ходїли. Того ради Алеѯандръ на томже мѣстѣ обозъ распространїти повелѣ, радостенъ яко [болѣе себѣ желалъ, что въ тѣхъ тѣснотахъ:] первую баталїю имѣлъ учїнїти. Прочее якоже случается, егда послѣдняго страха время прїблїжїлося, та радостная Алеѯандрова надежда въ печаль претворїся, убоялся бо тогожде своего счастїя, которое ему дотолѣ мїлостївно помогало, и не безъ прїчїны о непостоянствѣ его и несостоянїи отъ тѣхъ вещеи даныхъ ему разсуждалъ. Понеже токмо уже едїна нощъ остася, которая послѣднее всего премѣненїе содержала. И паки наїпаче болшїи бѣдства подвїгъ, страхъ воїны прїходїлъ ему на память, и яко не извѣстна есть побѣда, побѣдїтъ ли Дарїа или нѣтъ, такожъ и сїе, честна, или неславна смерть случїтся. И тако разсуждая повелѣ воїнству своему да бы по обѣдѣ уснули, по третїеи же стражи въ полунощи воставъ, оружїе на себя бы взяли, и на брань готовы были. Самъ же на верхъ горы взыде, гдѣ свѣщи зажегъ, отеческїмъ обыкновенїемъ, идоламъ (аки бы по ихъ ѕломудрїю) того мѣста хранїтелемъ жертву прїнесе. Мїнувшеи же третїеи стражи, якоже повелѣ, воструби вскорѣ трубою, воїнство, и въ путь и на брань предстало готово; Повелѣ же имъ скоро поспѣшати. Убо на разсвѣтѣ прїшли

къ тѣмъ

къ тѣмъ тѣснымъ мѣстамъ, которыхъ намѣрены засѣсти, гдѣ, [егда ему осмотрѣтели о Дарїи яко въ зо попрѣщахъ отстоитъ, возвѣстїли,] всему воїнству повелѣлъ скоро оружїемъ ополчїтїся, и во ордеръ де баталїи стати. Возвѣстїли и Дарїю убоявшїися поселяне, яко Алеуандръ идетъ за которымъ ты гналъ чая что уходитъ. Онъ же нїмало имъ ятъ вѣры, поспѣшалъ аки за бѣглецемъ. И тако внезапу не малыи страхъ на весь обозъ Дарїевъ нападе. Понеже бѣгу ятїся паче, нежели рать творїти готовы были, и оружїе на ся сѣло борзо хватали: Поспѣшенїе же ихъ самое и бѣганїе и собїранїе къ конямъ и оружїю, еще болшее смятенїе чїнїло. Инїи бо на верхъ горы взошли Алеуандрово воїнство вїдѣвши, инїи кони начали седлати, несогласное воїнство, нїедїнаго слушающее, смятенїемъ велїимъ вси возмутїлїся. Самъ же Дарїи сперва скоро взыде на верхъ горы съ нѣкоторыми отъ воїнъ, да бы съ преди и съ сторонъ Алеуандра окружїти. Отъ моря такожде гдѣ его правое крыло было, другїхъ послалъ, хотя отвсюду бои дати, и быти побѣдїтелемъ. Кромѣ же сїхъ 20000 ратныхъ людеи съ луки послалъ прежде, еже бы рѣку Пїраму, [которая обоїхъ воїско раздѣляла,] перешли, и Македонянамъ показалїся. А еже ли сїе не возмогутъ сотворїти, внїти имъ въ горы,

Прїчїна страха несогласїе.

въ горы, и тако тіхо и нечаянно созади Македонянъ зайти повелѣлъ. Но всѣ мудрые и добрые намѣренные дѣла, счастіе сілнѣе и крѣпчае разорілo. Понеже инымъ страхъ сердце отъя, и что было повелѣно, не смѣли творіти. Друзіи же всуе упражднялісь, понеже егда єдіна часть мятется, тогда все множество возмущаетъ.

9: Воіско же Персідское бяше устроено сіце, на правомъ крылѣ съ конніцею набарзанъ пращніковъ и съ луками, єдва не 20000 при себѣ имѣя стоялъ, въ томже мѣстѣ и Θімондъ съ 30000 пѣхотою Греческою наемною стоялъ. Сіе воіско Персідское, безъ всякого усумнѣнія въ сілѣ и крѣпости равно было пѣхотѣ Македонскои. На лѣвомъ крылѣ былъ полководецъ Арістомідъ, родомъ страны Θессалійскія, подъ своею командою имѣлъ варваровъ пѣхоты 20000. Во обереженіе же поставілъ мужественныхъ иноземцовъ, здѣ стоялъ и Дарій, а при немъ было 3000 избранныхъ люден конныхъ ради обереганія здравія его, пѣхоты послѣдовало ему 40000. По томъ Гірканы и Мідяне конные такожде по нихъ разные народы конные, на правомъ крылѣ строемъ поставлены. Сему же воінству якоже речеся 6000 съ пращами устроены преідоша. Еліко бъ мѣста въ тои тѣснотѣ, толіко воіновъ сташа, єдіно крыло стало подъ горою, другое при морѣ.

Жена же и матерь Дарієва, и весь женскій полъ посредѣ воінства поставлены были. Алеѯандръ же пѣхоту, которые въ Македонскомъ воінствѣ мужественнѣйшіи были, на преди строемъ поставіль. Правое крыло вручіль Ніконору, сыну парменіеву, за нимъ полководцы, ценъ, Пердікка, и Мелеагеръ Птоломеи, и Амінтъ, всякъ со своімъ полкомъ стояли. На лѣвомъ крылѣ приморѣ былъ кратеръ и Парменіонъ: но кратеръ Парменіону данъ былъ въ таварыщство коннѣцу на обоіхъ крылахъ поставіль. Правое крыло держали Македоняне и Ѳессаліане. Лѣвое же Пелопонісіане, предъ нїми идоша съ пращами воіни, потомъ и съ луками. Ѳракіяне же и Крітяне легко вооруженны предъ пѣхотою идоша, протіво же тыхъ, ихже Дарій прежде послалъ, и засѣли гору, Агріановъ въ новѣ изъ Греціи пріведеныхъ поставіль. Парменіону же повелѣль да бы всѣми сілами, еліко возможно, воіско къ морю распространіль, и далече отъ горъ сталъ, на которыхъ Персяне были. Но они ніже напасти на него дерзнули, егда пріступалъ къ нимъ, ніже егда отступалъ гналіся за нимъ, но отъ страха скрыліся, что Алеѯандру печаль отъя, понеже боящеся да бы съ горы воіско его трудности не имѣло. 42 шеренги токмо распространены были ополченаго воінства, болѣе бо распространіти тѣсноша

тѣснота мѣста не даде. По томъ разшїрїшася и идоша сѣло пространно даже до горъ. Сїце, яко не токмо *болше* шеренгъ пѣшїхъ, но и коннїца по сторонамъ могла обходїти.

10: Уже стали отъ обоїхъ сторонъ вблїзости между собою, но не на верженїе оружїя. Егда Персяне во первыхъ безчїнныї крїкъ і страшныї учїнїлї, тѣмже вскорѣ и Македоняне, аще воїско и меншо, но болшїи крїкъ, ради горъ и лѣсовъ, понеже кругомъ стоящая лѣса и каменныя горы, каковымъ лїбо гласомъ назвученая, отъ себе издающая, всегда сугубыи гласъ творятъ, Алеѵандръ убо предъ первыми знаменами идяше, *часто своїмъ рукою знакъ даваше возбраняя*, да бы тїхо шли и чїнно, и тако не начїнали бы рати утрудївшеся. И егда обѣѣзжалъ прежде воїско, разными словесы полезными кїиждо народъ, смѣлость умножая, увѣщевалъ, и къ мужеству возбуждалъ, а македонянъ обыкновенною древнею храбростїю. Вы сїце многїхъ браней во Европѣ побѣдїтелїе, и мечемъ взявше, не моїмъ паче, но своїмъ собственнымъ сердцемъ и охотою, прїидосте въ тыя страны. Вы свободу и волность мїру даете, и его заступнїки есте. *Вошли есте за послѣднїя Геркулеса и Лїбера отца предѣлы*, того ради да бы не токмо персянъ, но и вся народы въ подданство себѣ прївели. Уже Македоняне бактрїиская и Індїиская Государства

Царево увѣщанїе придаетъ бодростъ.

засядутъ и покорятъ, сѣло малая суть сія дѣла, на которая зрите, и предъ собою имѣете, токмо бо мужественно достігнути подобаетъ. Не будетъ здѣ вотще ради нераздѣлныхъ горъ каменныхъ иллірискіхъ и ѳракіискіхъ трудъ вашъ. Плѣнителства и корысти восточныя, вамъ въ руки предаются, едва и меча потреба будетъ. Воіско все супостатское, боязнію и страхомъ мятется, щітами вашіми разгнати можете. На сіе воспоміная Філіппа отца, недавно укроценую беотію, и градъ въ неи началныи и первыи весма разореныи, предъ очеса представляше. Потомъ граніцъ рѣку, и сіце многія грады или чрезъ насіліе, или чрезъ поддaнство покореныя, на конецъ все еже во слѣдъ себе оставіли, како превратіли и ногами попрали своіми, воспомінаше. Потомъ прішедъ до Грековъ напомінаше имъ, како отъ тѣхъ народовъ обіда имъ учінілася, вначалѣ отъ Дарія, потомъ отъ Ксеркса гордаго, тако яко не токмо ваши, но и самыя воды и земли непріятели, источніки изсушіли, и піщи не оставіли. Капіща же боговъ, иная сокрушіли, иная же огнемъ пожгли, а грады ваша разоріли, уставы человѣческімъ и божіимъ закономъ укрѣпленыя отъ нихъ разорены объявляше. Иллірискімъ и Ѳракіискімъ народамъ хіщеніемъ токмо пітающімся, да бы на воіско супостатское отъ багряніцъ и злата блістающееся смотріли,

а которые

а которые корыстію а не оружіемъ облечени, рече: бѣжіте къ нимъ воістінну. Отъ женъ же не храбрыхъ злато отъіміте, разсѣдшіяся горы и каменія, такожде голыя холмы непрестанно на нихъ лежащімъ снѣгомъ и ледомъ отягощенныя жілища вашего, на богатыя поля и нівы Персідскія премѣніте.

11: Воінство же обоихъ Цареи уже на метаніе оружія противу другъ другу въ близости было, егда конніца Персідская на лѣвое крыло супостатское жестоко наступіла. Дарій убо желалъ того, да бы могль конніцею со Алеѯандромъ бои учініти, разсуждая яко пѣхота Македонскаго воіска есть не преодолѣнна, и крѣпчаішая. Уже и правое крыло Алеѯандрово окружіли. Что узрѣвъ Алеѯандръ, два полка конніцы при верху горы поставіль. Прочія же на самое нападеніе, сірѣчь гдѣ всесовершенныя весма бои хотѣлъ быти, наведе. Съ праваго же крыла, взявъ конніцу Ѳесалійскую, и полковніку ихъ повелѣлъ, да никімъ вѣдомо чрезъ средіну воіска даже до Парменіона на лѣвое крыло обоідетъ, и что онъ ему велітъ, то мужественно и всеусердно да чінітъ. Уже бо со всѣхъ странъ отъ Персовъ окружены были, однакоже мужественно стояли. И тако стѣсненно и часто сошліся, что едінъ со другімъ и бітіся не могли, понеже часто испущаемыя стрѣлы, паки на тыхже обращаліся.

самое оружіе легко и некрѣпко верженое едва что вредїло, но болѣе на землю падало, нежели на непріятеля. Того ради прінуждены бои дати изъ бліска, и ухватїліся за сабли. Тогда велїе кровопролітїе было, егда отъ обоїхъ странъ сїце совокупїлося воїско, яко оружіе со оружіемъ сражалося, мечь во уста другъ другу впыкали, ни боязліву, ні лѣніву уступіти возможно было. Аки соединенно единъ съ другімъ, ноги при ногахъ имѣюще, брань творїли, ніже единъ отъ другаго отступїли стопа отъ стопы, дондеже преодолѣвъ непріятеля, мѣсто себѣ очістїли, и тако сотворше скоро напредъ шли, но онымъ утомленымъ неутружденое воїско послѣдовало, но ни раненые [якоже и прежде обыкли] уступали, понеже непріятель спреди, а свои созади тѣхъ понуждали. Алеѯандръ же и полководецъ былъ чіновенъ, и Воінъ изрядныи, добрѣ ратовалъ, велікія весма славы желалъ получіти, еже бы Дарія царя ему убіити. Дарій же на колесніцѣ высоко сѣдя, своіхъ Персовъ да бы его защіщали, и на Македонянъ нападали] сѣло понуждалъ. Сіе вїдя братъ его Оѯаровъ, яко Алеѯандръ на него нападаетъ, вскорѣ съ конніцею прішедъ, [которую имѣлъ подъ своею властію] сталъ предъ колесніцею Дарієвою оружіемъ и мужествомъ сѣло славенъ паче иныхъ избраннѣіши, благонравіемъ же и благосердіемъ

едва

едва подобна себѣ имѣлъ. На томъ бою непрілѣжно и не опасно стоящіхъ Македонянъ побѣділъ, а иныхъ разгналъ. Но Македоняне которыя при своемъ были царѣ, сердце себѣ умножівше, купно съ нимъ на ту коннїцу напали. Тамо въ то время сокрушенїю побѣда была подобна. Лежали кругомъ колесніцы самого Дарія, началнѣйшіе велікіе полководцы, предъ очесами Государя своего, мужественно и славно убіты, вси якоже были, на лїца падоша, язвы спреди имуще: Между ими же былъ Атїцысъ, Троунъ, и Сабакъ воевода сгіпетскїи, велікіхъ воїскъ полководцы, а съ нїми множество много пѣшіхъ и конныхъ полковнїковъ, и простого воїска лежало. Изъ Македонянъ воістїнну не много, но мужественнѣйшіи побіты. И самъ Алеѯандръ мечемъ въ правую бедру легко раненъ. Кони же которые были въ Дарієвои колесніцѣ, копіями прободенны, отъ язвъ ногами начали бїти и царя опровергати съ колесніцею, сего ради онъ, да бы его Алеѯандръ жїва не плѣнілъ, выскочілъ на землю. И на коня, которыи таковаго ради случая прілучілся, всѣдъ, клеїноты Маіестата своего Царскаго, да бы его не познали убѣгающаго, съ себе сверже. Тогда вси Персяне начаша убѣгати страхомъ содержїми, куды кто могъ бѣжати, оружіе повергше, токмо нѣкоторое на защїщеніе

здравія

здравія своего взяли, тако то смятеніе имъ помогло побѣждати. Вскорѣ бѣгущіхъ, отъ Парменіона посланная конніца гнала, и едва не вси съ того крыла прогнаны побѣжали. Но на правомъ крылѣ на конніцу Θессалійскую [Персяне] наступали, такъ что уже єдінъ ихъ полкъ преодолѣли: тогда же прогнанные Θессаляне мужественно кони обратя, и строемъ паки уставяся, надежду побѣды имѣюще, Персянъ безъ строю и безчінно стоящіхъ всѣхъ побѣділи. Понеже и кони ихъ и сами облечены были въ Латы и Колчуги, того ради чінно и строемъ стати не могли. а Θессаляне скоростію конеи многіхъ ускорілі. Алеѯандръ же тако о счасліvои вікторіи вѣсть пріявъ, которыи доселѣ Дарія гоніти не смѣлъ, відя на обоіхъ крылахъ побѣду, скоро бѣгущіхъ началъ побѣждати, не болѣе мысящи конныхъ при себѣ Алеѯандръ имѣлъ, егда веліе непріятелеи множество побівалъ. Но кто въ побѣдѣ и въ бѣжаніи воіновъ изочтетъ, понеже малое Алеѯандрово воіско Персянъ аки скотіну гнало; тоіже страхъ, которои и ко убѣжанію прінуділъ въ бѣгствѣ препятіемъ и трудностію учінілся. Греческое же воіско нанятое Дарієво, съ Амінтою полководцемъ его: [былъ тои воевода у Алеѯандра, а нынѣ переметчікъ и измѣнникъ] отлучівся отъ другіхъ, воістінну не убѣгая

въ цѣло-

въ цѣлости пребылъ; Персяне же врозь разбѣгліся, иные прямымъ путемъ въ Персіду, а иные таіными стезями кругомъ каменныхъ и лѣсістыхъ горъ, иные же въ обозъ Царя своего побѣжали. Въ которыи обозъ Алеѯандръ уже яко побѣдітель вніде, и вся ихъ богатства и корысти разорілъ. Неізглаголанное же множество злата и сребра себѣ угодное воіни Алеѯандровы взяли. И егда множество многое все пограбіли, а на пути простыя сумки лежащія, предъ дражаішими и изрядніишіми корыстьми, нівочто вмѣнілі.

Такожде и къ женскому полу прішедъ дражаішыя съ нихъ утвари и украшенія обдірали, которые имъ наіпаче были любезны, наіпаче, ни честь ихъ, ни чістота сохранена была. Тогда былъ плачемъ и смятеніемъ обозъ наполненъ; понеже нѣдіно благородіе и чінъ зла избѣже, всякаго злополучія изъобілно было; понеже, жестокость, смѣлость, и вольность побѣдітелеи, нікоего возраста, ни чіна пощаділа. Тогда моглъ тамо всякъ фортуны [счастія] худое и всегдашнее непостоянство узрѣти, которые Персяне тогда Дарієвъ шатеръ по премногу прекрасно и удівітелно изъобілствомъ драгоцѣннымъ украсівше поставілі, и Алеѯандру тои, аки господіну своему древнему стрегли и хранілі, токмо того едінаго разграбіти не дерзнули

воіни, тако по древнему обыкновенію, да бы побѣдїтеля шатромъ царя побѣжденнаго прїяти. Но наіпаче мысль и очеса всѣхъ на ся обратїли, плѣненая мати и жена Дарїева тая не токмо ради чїна и достоїнства, но и ради старости, чести всякїя достоїна; жена же ради прекрасныя прїроды, ни малую часть въ несчастїи и паденїи непремѣнномъ отрады воспрїяла. Шести лѣтъ сына при себѣ держала въ надежду будущаго счасптїя, [которое недавно отецъ потерялъ] и прїлѣжно сохраняла; на колѣняхъ же престарѣлыя бабы своея двѣ дѣвїцы въ возрастѣ лежали, не токмо *своею собственною, но и ея печалїю сокрушенны*, при нїхъ же множество велїе высокаго чїна, женскаго полу, растерзаны имѣюще власы, стояли въ одеждахъ раздраныхъ, уже прежняго степени не памятствующе, истїнно ихъ прежде царскїми госпожами, нынѣ же чужїми прозваніями нарїцали, но и они сами своего паденїя и злополучїя не памятующе вопрошали. На которомъ крылѣ стоялъ Дарїи, и каковое окончаніе было тоя воіны? Ежели [глаголали] царь жївъ, мы на свободѣ пребываемъ, а не въ плѣненїи. Дарїи же на премѣнныхъ конѣхъ ушелъ весма далече убѣгая.

Убїто на тои баталїи Персянъ со 100000 пѣхоты, 10000 конніцы.

Изъ

Изъ воїска же Алеѯандрова раненыхъ было 540, убіто пѣшіхъ 32, конныхъ 150. Сіцевою съ таковымъ малымъ упадкомъ толь велія побѣда получена.

12. Царь же Алеѯандръ достігая многое время Даріа, утруділся, егда нощь пріближіяся, надежды же нікося, да бы его достігнути могль, не имѣлъ, до обозу, мало прежде отъ своіхъ взятаго, пріѣхалъ. Потомъ прізвати къ себѣ друговъ, ихже наіпаче любяше, повелѣлъ. [Понеже его, токмо съ верху тѣла мало зацѣпівше, ранілі] и самъ при схожденіи друговъ своіхъ былъ. Въ то время внезапу болѣзненныи крікъ и вопль, со воздыханіемъ простыхъ народовъ смѣшенъ, вліязъ стоящемъ шатрѣ учінівся, бесѣдующыхъ устрашілъ. Паче того, что гвардія, которая предъ царскімъ шатромъ стояла, опасаяся, да бы отъ тѣхъ малыхъ начатковъ, велїе какое смятеніе не учінілося, вскорѣ побѣжали до оружія. Прічіна страха нечаяннаго сія была. Ибо маши Даріева и жена съ иными женами плѣнеными, чіна болярскаго благороднаго, почаяли что Даріи убіютъ, и начали плакати о немъ съ жестокімъ воплемъ и рыданіемъ. Понеже нѣкіи плѣннікъ скопецъ, которыи по случаю предъ шатромъ ихъ ставъ, возвѣстілъ, яко клеіноты царя государя нашего Даріа, [которыя самъ якоже прежде речеся, да его бѣгущаго не узнаютъ, съ себе

сложілъ] у нѣкоего воїна вїдѣлъ, и тако разумѣя что онъ ихъ отъ него убїпаго взялъ, лжівую имъ вѣсть прінесе. Рыданіе женское Алеѯандръ услышавъ [глаголютъ яко о счастїи Дарієвѣ плакашеся] возбужденъ ихъ тою жалостїю. И тако прежде Мїтрена послалъ, которыи ему здалъ Сардовъ, понеже Персїдскїи языкъ зналъ, да бы ихъ плачь утолїлъ. Посемъ опасенъ бывъ, да бы измѣнникъ плѣненымъ печали и болѣзни не прїложілъ, послалъ Леонанпа, едїнаго отъ боляръ своїхъ, повелѣлъ возвѣстїти, яко напрасно о Дарїи плачутъ, понеже жївъ есть. Самъ же егда со не многїми воїны до ихъ шатра прїшелъ, повелѣ возвѣстїти о себѣ, яко посланным отъ царя Алеѯандра прїиде. Но Персяне, которые были предъ шатромъ, узрѣвше вооруженыхъ, чаяли что конецъ ихъ госпожамъ прїспѣлъ, вбѣгше въ шатеръ возгласїли, яко, уже послѣднїи вашъ часъ прїшелъ. Прїидоша бо отъ Царя хотящїи васъ смерти предати. И тако ни возбраняти входу, ни пустїти смѣли, и отвѣта не дающе, въ молчанїи сїце ожїдали, что побѣдїтель восхощетъ творїти. Леонантъ же многое время ожїдая, да бы ему кто отверзъ. Егда же изыти нїкто смѣяше, и тако въ предверїи воїновъ оставївъ, самъ внїде въ шатеръ, и сїцевымъ вшествїемъ болѣе женъ устрашілъ,

яко

яко самовластно внїде. Маши же и жена прїпадше
къ ногамъ моліша да бы прежде, неже ли бы ихъ
смерти предалъ, повелѣлъ Дарїя по обыкновенїю
отеческому погребсти: и услугу шу послѣднюю
Царю воздати, со усердїемъ на смерть имти
обѣщаліся. Но Леонаттъ рече, яко и Дарїи жївъ
есть, и вы не токмо при здравїи, но и при всемъ
имѣнїи и чести царскои пребудете. Тогда маши
Дарїева малу отраду воспрїяла отъ печали.
Алеуандръ на утрїе тѣлеса сыскавъ воїновъ
своїхъ еліхъ можаше, погребе. Такожде и Персяны
честнѣишыя честно собравъ и матери Дарїевои
повелѣваетъ, кого восхощетъ обыкновенїемъ
Персїдскїмъ да погребетъ оныхъ. Она же не мно-
гїхъ но бліжнїхъ сродниковъ умїленно, зрящи
на злополучїе незапное, погребе. Украшенїе же
обыкновенное Персяномъ такожде и дѣіствїя,
въ шо время, аки вїною завїсти вмѣняше; понеже
и побѣдителеи не съ велїкою честїю сожїгали,
и тако погребше Царь чїнно тѣлеса побїшыхъ,
прежде себе ко плѣненымъ послалъ вѣдомость,
яко идетъ, хощетъ ихъ посѣтити. Сїце оставївъ
дворянъ своїхъ всѣхъ предъ шатромъ, самъ
токмо съ Ефестїономъ внїде. Ефестїонъ же
былъ паче иныхъ всѣхъ Алеуандру любїмъ,
а наїпаче любяше его, яко купно съ нїмъ расли

и воспіталіся, всѣхъ таінъ его хранітель, и въ совѣтѣхъ воленъ былъ, и нікто инъ токмо тои, такую имѣлъ власть. Которыя обаче волности сіце употребляше, яко вся по его произволенію, а не своімъ прістрастіемъ творілъ. Тоіже якоже равенъ сму былъ лѣты, тако и возрастомъ. Сего ради Сісігамба маши Дарієва, и жена его мнѣша Ефестіона, что онъ есть Алеѯандръ, по обыкновенію своему сотворіли сму честь. Потомъ егда имъ скопцы плѣнніки, которыи есть Алеѯандръ, показали. Маши же Дарієва пріпаде сму къ ногамъ, оправдаяся рече, я отъ невѣдѣнія сіе учінила, понеже ни когда тя вѣдѣла. Но Алеѯандръ подъемля ту, рече, не погрѣшіла еси маши, понеже и сеи есть Алеѯандръ. Воістінну аще бы сію кротость и постоянство до конца жітія своего Алеѯандръ сохранілъ, благополучна бы себе быти разумѣлъ, неже ли какъ нынѣ есть, егда Лівера отца начатъ послѣдоваши тріумфамъ, отъ Еллеспонта даже до Окіана моря вся народы преодолѣлъ, и въ подданство пріведъ. Еже ли бы гордости игнѣву одолѣлъ; сія двѣ прічіны непобѣдімыя; еще аще бы и банкетуя, другові своіхъ, и избранныхъ мужеи, тако отъ многіхъ народовъ съ нимъ мірно жівущіхъ безъ всякаго пріказнаго разсмотренія, не убівалъ. Еще всегда

счастіемъ

счастїемъ своїмъ былъ доволенъ. Того ради егда умножалося ему оное, мудрѣ и смѣренно держалъ, и имъ управлялъ. Потомъ же велѣчества его объяти не возмогли, тогда таковымъ сталъся нравомъ, яко цареи всѣхъ древнѣйшаго вѣка, воздержанїемъ, и мїлостїю побѣдилъ: дѣвїцъ прекрасныхъ и женъ благородныхъ и лѣпыхъ благочїнно тако почїталъ, воїстїнну, аки бы отъ единыхъ съ нїми родїтелеи родїлся. Жена бо Дарїева была толь прекрасна, яко подобныя еи во всемъ Свѣтѣ не было; но обаче Алеѯандръ оную въ чїстотѣ оставїлъ, и о неи велїе попеченїе имѣлъ, да бы кто инъ не дерзнулъ чего учїнїти, убранїе и одѣянїе ихъ повелѣлъ возвратїти, ничѣмъ не было имъ скудно предъ прежнїмъ ихъ велїчествомъ кромѣ единыя надежды. И тако Сїсїгамба мати Дарїева Алеѯандру рече: Царю достоїно есть, да бы мы того тебѣ желали, что въ нѣкое время мы Дарїю нашему хотѣли, и достоїно ты якоже вїжду, сїце велїкаго царя, не токмо счастїемъ, но и правдою превозшелъ. Ты мя матерїю и Царїцею нарїцаеши; но Азъ раба твоя есмь, зане прежняго счастїя превосходїтелство отъ тебе прїемлю, и нынѣшнюю несгоду понести могу. Тебѣ единому надлежитъ, что намъ достоїно воздати; еже ли сїе, паче мїлосердїемъ, нежели яростїю хощеши свїдѣтелствовати.

Но

Но царь повелѣ имъ имѣти добрую надежду. Потомъ сына Дарієва взялъ, онъ же аще и никогда знаема, но ни мало Алеѯандра устрашївся, обънялъ, выю его рукама. Тѣмже Алеѯандръ возбужденъ сімъ незлобіемъ младенческімъ, воззрѣвъ на Ефестіона, рече: колко азъ желаю, да бы Даріи, хотя мало сея благородныя пріроды отъ младенца сего пріроды воспріялъ себѣ. Потомъ изъ шатра изшедъ, при капіща на брегу Пірамы рѣки Іовішу, Геркулесу, и Мінервѣ поставілъ, и въ Сірію съ воіскімъ пошелъ: ко граду же Дамаску, гдѣ царское сокровіще было, Парменіона послалъ.

13. Но Парменіонъ извѣстіе пріялъ, яко его тамо Дарієвъ боярінъ съ воінствомъ предварілъ, блюдыіся, да того малаго воінства, которое съ німъ было, ни во что, не вмѣнілъ бы, умыслілъ послати болше прівести ранныхъ людеи. Но случаемъ нѣкімъ, на осмотріщелеи его наіде, Мардъ именемъ: которои ко Парменіону пріведенъ, рече, что имѣетъ грамоты отъ воеводы града Дамаска посланыя ко Алеѯандру, которыя немедленно вручілъ ему, и возвѣстілъ: чтобъ, не усумнѣвался въ томъ, все бо сокровіще царское въ руки твоя будетъ предано. Парменіонъ же повелѣ его въ темніцу всадіти, а грамоты распечаталъ, въ нихже было напісано: дабы Алеѯандръ

полководца

полководца своего сїлнаго коего, хотя съ малымъ чїсломъ ратныхъ людеи прїслалъ, увѣдомяся отъ Марда, и тако даде ему воїновъ своїхъ, и ко предателю тѣхъ сокровїщъ послалъ. Но онъ тайно отлучївся отъ тѣхъ, которые къ нему прїставлены были, во градъ Дамаскъ еще прежде восхожденїя Солнечнаго внїде. Сїе дѣло устрашїло Парменїона: убоялся бо измѣны, неизвѣстнымъ же путемъ безъ проводника не хотѣлъ итти. Однакожъ надѣяся на доброе счастїе царя своего, велѣлъ изъ селъ поселянъ забрати, которые бы проводїли его: ихже вскорѣ обрѣтъ, въ четвертыи день подъ градъ прїиде. Гдѣ уже воевода начатъ ужасатїся, помышляя что посланнїку его Парменїонъ въ томъ повѣрїти не похотѣлъ. Тѣмже тои воевода аки бы мало уповая на крѣпость града того, прежде восхода солнечнаго, сокровїще царское, которое Персяне газою сїрѣчь казною нарїцаютъ со драгоцѣнными вещми, повелѣ вынести; изыде же и самъ изъ града, прїтворяяся аки бы уходїтъ. Дѣломъ же самымъ, поїстїннѣ имѣнїя и богатства къ Парменїону выносїлъ. Множество тысящеи мужескаго и женскаго полу, изходящему изъ града послѣдовали. [кромѣ тѣхъ, которые его власти вручены были] по сїхъ убогїхъ множество; понеже предатель, болшїя ради мзды своея, денежное

сокровіще, богатство избраннѣйшее, восхотѣлъ показати и отдати непріятелю, мужеи благородныхъ, женъ воеводскіхъ Дарієвыхъ, и чадъ ихъ, кромѣ градовъ Греческіхъ пословъ, которыхъ Дарій, аки въ крѣпчаішемъ градѣ въ рукахъ того предателя оставілъ, Гангабы названіемъ Персідскімъ наріцаемыя, которые на плечахъ своіхъ бремена несли, немогуще хлада терпѣти; понеже нечаянно снѣгъ спаде, и мразъ былъ нестерпімыи. Тогда связаныя одежды златыя и багряныя, которыя съ денежнымъ сокровіщемъ несли, облекоша на ся, нікто бо о семъ возбранілъ; понеже счастіе царское того времене и худѣішему, велію волю проціву царя даде. Тѣмже показали Парменіону аки не проспаго воінства образъ, уже на пути, которыи хотя и вкрацъ своімъ наказалъ, аки на обыкновенную брань, кони подстрекати остроганы, и на нихъ скорымъ нашествіемъ ополчітіся повелѣлъ. Но которые обременены были, повергше вся несомая, отъ страха начаша бѣжати. Вои Персідстіи, имъ послѣдующіи оружіе оставя, безвѣстнымъ путемъ бѣжати начали. И воевода самъ прітворяяся боязнь въ себѣ имѣти, всѣхъ сердца исполнілъ боязнію. Лежало на поляхъ сокровіще царское; сребро и злато, ради не изчетнаго множества воінскаго собранное:

оныя

ныя утвари толь великіхъ господареи, толь честныхъ госпожеи, златыя сосуды, златыя узды, царскія прѣзрядно украшеныя шатры, колесницы отъ своіхъ поверженыя, удивително драгіми богатствы исполненыя. Самімъ [которые то богатство собірали] Македоняномъ была печаль несносная: да бы завість въ то время въ нихъ не вселілася, и собірая не замедлілі. Понеже безцѣнныя тѣ вещы, [которыя чрезъ толь многая лѣта добрымъ счастіемъ неімовѣрно собіраны были:] тогда иныя въ простінахъ и тернінѣ растерзаны, иныя въ блатѣ погруженыя вынімали. рукъ довольныхъ не было на собіраніе толь великіхъ богатствъ. И уже такожде къ тѣмъ пріспѣли, которые прежде побѣжали. Жены идоша многія, ведуще малыхъ младенцовъ, между которыми были три дѣвіцы, царя Оха дщери [которыи прежде Дарія царствовалъ,] яже прежде по измѣненіи чіна отеческа бѣдствовали, а нынѣ горше злополучнѣішые. Въ томъ же собраніи была жена того Оха, и дщерь Оѵіатра брата Дарієва, и жена Артабаза первѣишаго князя между велможами, и сынъ Фарнабаза, емуже имя Иліонъ. Егоже Дарііи намѣстніка царска на пріморіи поставілъ, и жена его Фарнабазова съ сыномъ плѣнена была. Взяты такожде три дщери Ментеровы, и преславного полководца

Мемнона жена съ сыномъ, едва которыи домъ Персідскіхъ велможъ отъ толікія погібели спасеся. Такожде Лакедемоны и Аѳінстіи жітели, которые измѣнїли Алеѯандру и въ вѣрности прїятскои не состояли, и предалїся къ Дарію, плѣнены, Арістогітонъ, Дропідъ и Елефѳерїушъ, во Аѳінахъ породы и славы люди первоначалнѣішіи: Лакедемоны, Періспъ, Ономасторідъ съ Омаїею и Каллікратідъ, еїи между своїми славны. Денежныя казны взято 62 таланта, сребра дѣлнаго 500 пудъ. Кромѣ того трідесять тысящъ человѣкъ съ седмію тысящами скота разнаго, (которые на хребтахъ своіхъ несли вьюки,) плѣнїли. Обаче отмщеніемъ боговъ, едінъ Персянінъ изъ тѣхъ (азъ мню, и въ томъ злополучіи царя своего почітая,) главу предателю отсѣкъ, ко Дарію прінесе, и тако ему врученною главою прівременную радость сотворілъ, понеже непріятелю его отмстілъ, и что еще не вси престолъ его забыли, и отступілі, далъ знать.

КВІНТА

КВІНТА КУРЦІА

КНІГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СОБРАНІЕ КРАТКОЕ, ИЛИ ОГЛАВЛЕНІЕ.

1 Алеѯандръ грамотамъ отъ Дарія съ гордостію напісаннымъ, царскімъ обыкновеніемъ отвѣщаваетъ. Абдолонима Сидоняномъ Царя предлагаетъ. Амінта измѣнникъ удивително отъ Персовъ убіенъ бываетъ, разныя въ разныхъ мѣстахъ началніковъ Дарієвыхъ пагубы.

2 Тіряне, Алеѯандра пріяти отрицающеся, облежимы воінствомъ.

3 Разнохітрыми воіны образы Тіръ облежащіи прославляются.

4 Тіръ градъ мужественно взятый, и велікімъ людеи разганіемъ разрушенъ, и плачевнымъ превращается пожаромъ.

5 Дарій повторяетъ о мирѣ ко Алеѯандру смиреннымъ посолствомъ, но онъ его презрѣлъ. Греки Алеѯандра вѣнцемъ злытымъ даруютъ: онъ же чрезъ полководцевъ многія во обладательство свое покаряетъ страны.

6 Дарій на брань доколѣ ополчается, Алеѯандръ Газу градъ во обладаніе себѣ покаряетъ; егоже воеводу батія жестокімъ наказуетъ мученіемъ.

7 Путешествія и разная Алеѯандрова взысканія, ко Іовішеву и Аммонову капіщу.

8 Во Егіптѣ Алеѯандрія создася, и разная Алеѯандрова воінская уготовленія.

9 Дарій въ село Арбеллу пріиде, оное покорівъ, Алеѯандръ же на Граникъ рѣку пріиде.

10 Воіновъ, о затмѣніи лунномъ смущающіихся, чрезъ Егіпетскія волхвы укрѣпляетъ Алеѯандръ: Персідскихъ плѣнителеи въ бѣгство превращаетъ. Дарієва жена плѣненая печалится. Алеѯандръ прешедшіи день сохраняетъ, откуду ему плачь быстъ, Дарієвъ зазоръ, плачь, и обѣщаніе.

11 Дарїи мира третїцею желаемаго не получаетъ, паче же въ подданство или на брань отъ Алеѯандра прїзываетсѧ.

12 Персїдское велїкое воїнство дондеже на брань прїуготовлялося, Македоняне незапнымъ нѣкїимъ страхомъ одержїми, радостнѣ вооружаются.

13 Алеѯандръ разрушаетъ совѣтъ Парменїоновъ, и Полїперконтовъ о нощномъ бою: и мало поспавъ безстрашныхъ своїхъ воїновъ на брань возбуждаетъ.

14 Алеѯандръ грековъ, Дарїи же Персовъ предъ бранїю увѣщаваютъ.

15 Описанїе кровавыя брани, Алеѯандръ побѣдїтель побѣжденаго Дарїа во Арбеллахъ достїгаетъ.

16 Парменїонъ въ бѣдство впадъ, Алеѯандра прїзываетъ, обаче Македоняне отъ тоя бѣды цѣлы сохранїлїся, прочїи Персяне вїдяще многїя своїхъ воїновъ тысящи побїты, въ бѣгство здравїе свое претворяютъ.

ІСТОРІОПІСАНІЕ.

ДАрїи не давно толь велїкаго воїнства царь, которыи прежде на колесницѣ сѣдяше высоко, образомъ торжествующаго паче, нежели рать творящаго, чрезъ таяжде мѣста, которая безчїсленнымъ воїнствомъ наполнялъ, уже чрезъ пустыя и превелїкїя пустыни уходїтъ съ малымъ чїсломъ. Понеже не вси єдїнымъ разбѣгліся путемъ, поспѣшїти такожде вслѣдъ его, никоїмъ образомъ могли, ибо онъ много конеи премѣняя своїхъ утомілъ. Тѣмже прїбѣжавъ во Унхїю [гдѣ прїняли его 4000 Грековъ] съ нїми же поїде ко Евфрату

рѣкѣ

рѣкѣ, то себѣ собственно чая быти, что бы могль скоростію захватити. Но Алеѯандрь подъ градомъ Дамаскомъ, Парменіону богатство чрезъ него же взятое отдаде, плѣнніковъ за крѣпкімъ карауломъ держати повелѣль, а его надъ Сіріею нарицаемою Целенъ, Губернаторомъ поставіль новаго владѣнія. Сіріане же терпѣти не могуще, гнушаліся имъ; обаче вскорѣ укрощены, послушни стали быть повелѣнію. Островъ именемъ Нардъ и поморскія же и далекія страны Алеѯандру покорілся, царь островомъ Стратонъ обладалъ; егоже подъ свою власть покорівъ, поіде съ воінствомъ ко граду Марату. Тамо ему грамоты отъ царя Дарія вручіли прегордо пісанны, иміже зѣло оскорбілся. Наіпаче сіе Алеѯандра возбуділо, яко Дарій себе назвалъ царемъ, а ему того тітла не надпісалъ. Желалъ же паче, нежели молілъ, дабы денги взявъ, которыхъ бы токмо могла вся Македонія забрати, матерь ему и жену и чада изъ плѣна возвратілъ. О царствѣ же ежели хощетъ, правдівыи бои да сотворітъ. На конецъ могль бы себѣ здравыи совѣтъ воспріяти, да бы отеческімъ царствомъ доволствуяся, изъ чуждаго царства вышелъ пріятель, купно же и другъ былъ бы, сего ради обѣщалъ ему пріsягу вѣрности дати, купно же и самъ взяти. Къ немуже Алеѯандръ отвѣщствовалъ сіцевымъ образомъ.

Царь

ЦАРЬ АЛЕКСАНДРЪ ДАРІЮ: Тои егоже ты именемъ нареклся, то есть Даріемъ, Греки, при морѣ Эллеспонтскомъ жївущія, такожде и самыя осады Греческія: и села ихъ мечемъ и огнемъ разорїлъ: по томъ съ велїкїмъ воїнствомъ море перешелъ, на Македонїю и Грецїю наступїлъ. Такожде Ксерксъ, тогожде народа царь, съ свїрѣпымъ Варварскїмъ воїнствомъ на насъ устремїлся, которыи хотя и былъ отъ нашїхъ на морѣ побѣжденъ; обаче полководца своего Мардонїа въ Грецїи оставїлъ, да бы и безъ него грады разорялъ, и села пожїгалъ. Фїлїппа же отца моего кто инъ убїлъ, токмо тїи, ихъже ваши на то дѣло, денгами превелїкїми убѣдїли; понеже обыкосте неправедно брани воздвїзати, аще и имѣете воїско, обаче о непрїятелскїхъ главахъ куплю творїте: какъ и ты недавно учїнїлъ, егда бывъ толь велїкаго воїнства царь, тысящею талантовъ убїицу на мя накупалъ. Тѣмже уклоняюся отъ брани, и не воздвїзаю на тя: помощъ боговъ за истїнную прїчїну покорїтъ тя моему мечу, и болшую часть Азїи во обладателство мое прїведетъ; тебе же въ первои брани мечемъ побѣдїтъ, емуже аще бы и нїчїмъ азъ коснулся: о чемъ молїши мя, аки воїнскїя правды ни едїныя имуща. Обаче аще прїидеши со смїренїемъ ко мнѣ, обѣщаваю тебѣ

и матерь

и матерь и жену, и чадъ безъ искупленія отдати. Азъ и побѣждати, и побѣженымъ совѣтъ и мілость являти знаю. Аще бы и былъ ты опасенъ въ чемъ, дадімъ вѣрности нашея извѣщеніе, такъ что ни чего имаши блюстіся. На послѣдокъ егда будеши ко мнѣ пісати, помни, что не токмо ко царю, но ко твоему царю пісати да имаши.

Ту грамоту, къ нему послалъ чрезъ Терсіппа, самъ же въ фінікію поіде, потомъ и градъ бібль взялъ, предавшіися ему. Оттуду ко граду Сідону поіде, древностію и потентатовъ своіхъ велічествомъ славному, царствова въ то время Стратонъ, отъ дарія имѣя помощь; но онъ отъ изволенія паче всѣхъ, нежели охотою своею градъ воспріялъ, не стася достоінъ, да болѣе обладаетъ. Ефестіону было вручено, да бы того, котораго тоя власти достоінѣіша Сідоняне познаютъ, въ царя поставілъ. Имѣлъ Ефестіонъ нѣкоторыхъ Сідонянъ младыхъ человѣкъ ради угощенія, сѣло честныхъ и превысокіхъ. Тѣмъ егда владѣніе царствованія вручаше, не восхотѣша, глаголюще, яко по обыкновенію тоя страны, неможетъ нікто быти царемъ, токмо кто отъ царска колѣна роділся. Удівілся Ефістіонъ таковому изяществу ума, гнушаяся тѣмъ, что другія огнемъ и мечемъ ищутъ, и рече: пребываіте

 непоко-

непоколебїми вѣ твои добродѣтели, которую прежде уразумѣсте: коль велїка вещь есть о царствѣ гнушатїся, нежели его искати и воспрїимати! Тѣмже покажїте кого отъ колѣна и крове царскїя, которыи бы памятовалъ тое, яко Государство имѣетъ отъ рукъ вашихъ. Но они добрѣ вѣдяще, яко мнози того началства чаяли, всякому изъ другов Алеуандровыхъ, желающему чрезъ мѣру ласкаша. Потомъ же рекоша, яко нїкто у насъ достоїнѣїшїи можетъ быти царемъ, кромѣ нѣкоего Абдолонїма, далекїи воїстїнну твоя крове есть сродникъ, нїщеты же своея ради, аки малыя породы вертоградъ внѣ града стрежаше. Вїна же его нїщеты, инымъ многїмъ добродѣтель была: по всякъ бо день труждашеся, гласа оружїя, которыи всю Асїю проїде, нїкогда же слышалъ. И тако тїи человѣцы младїи, о нїхже речеся: съ царскїми одеждами вѣ вертоградъ твои внїдоша, егоже Абдолонїмъ плевелы изрывая очїщаше. Таже царское прївѣтствованїе воздавше, единъ отъ нїхъ рече, сїе одѣянїе, егоже въ рукахъ моїхъ вїдїши, имаши нынѣ на твоя рубїща премѣнїти: омыи тѣло твое отъ сїце вредныя сея, и едва не вѣчныя гнусности. Воспрїими нравъ царскїи, и въ счастїе сїе, егоже достоїнъ еси, тую твою добродѣтель принеси, егда же на престолъ царскомъ сядеши,

жївоша

жівота и смерти, всѣхъ гражданъ господінъ. блюдіся въ забвенїи того степене имѣти, въ немже воспріимаеши царство, наіпаче котораго ради, мнящеся сія вещь Абдолоніму сну подобна. Понеже такожде глаголя вопрошаше ихъ: имѣете ли совершенный разумъ, яко сіце мя безчінно ругаете? Но егда съ прінужденіемъ омыша съ него гнусность: и во одежду багряную и златую облекоша, подданство такожде и вѣрность кляівою утвердіша; абіе яко царя въ палаты поведоша его, и сами идуще съ нимъ. Тѣмже вѣдая надлежащіи обычаи вскорѣ вся грады обыде, нѣцыи его желаше, прочіи же оскорбішася, яко вси богатіи нїщету его и гнусность предъ други Алеѫандровыми поносіли. Се вскорѣ Алеѫандръ повелѣ его предъ себе пустіти, и многое время ему прїсмотряяся, рече: прїрода тѣла, не разнїтся отъ чести колѣна, но восхотѣлъ бы азъ знати, како ты свою нїщету въ кротости претерпѣлъ? Онъ же отвѣща, аще бы такімъ нравомъ царство понести могль, токмо сіи руцѣ удоволствоваша вожделѣніе мое, ни что имѣхъ, ни что мнѣ не оскудѣваше. Возрасте велїе мнѣніе о немъ отъ твоя его рѣчи. Сего ради Алеѫандръ, не токмо все сокровіще Страшоново, но и отъ богатства Персїдскаго много ему дани, и страну граду прілежащую возвратіши повелѣль.

Вѣ то время Амінтѣ, которыи былѣ у Алеѯандра, якоже речеся, Персяномѣ предался сѣ четырмя тысящами Грековѣ, которїи по побѣдѣ ему послѣдовали бѣгуще, ко Трїполю прїиде: оттуду кораблями преїде вѣ Кїпрѣ. Но онѣ вѣ таковомѣ случаи, кїилїбо градѣ осадою облегалѣ, чая аки бы вѣ правду уже имѣ возѣобладалѣ, умысли во Егїпетѣ итти. Обоїмѣ царемѣ супостатѣ, и всегдашныи злополучнаго паденїя чуждаго ожїдатель. Тѣмже увѣщавая воїновѣ своїхѣ кѣ толїкаго дѣла надеждѣ склоняетѣ ихѣ, яко сабакѣ Егїпетскїи воевода, и надежда ихѣ, вѣ тои брани первыи погїбнетѣ Персїдскаго воїнства. Тамо не крѣпко безѣ полководца будетѣ. Егїптяне всегдашнїи своїмѣ воеводамѣ недруги, не вмѣсто супостата, но вмѣсто другѣ своїхѣ, васѣ будутѣ имѣши, тамо нужда до всего Грековѣ склоняше. Понеже егда счастїе первыя надежды лїшїло, будущыя вещы паче настоящїхѣ мнятся быти лучшы, сего ради возопїша; веди аможе подобаетѣ: онѣ такожде сердца ихѣ, донелѣже надеждою горѣли, хотя употребїти, поїде ко граду Пелусїу прїтворяяся, аки бы онѣ Дарїя посланѣ былѣ: по томѣ до Мемфы, о немже услышавше Егїптяне народѣ тщетныи, и ко промыслїтелнымѣ премѣнамѣ, нежели ко совершенїю добраго дѣла способнѣїши, бѣжали

изѣ

изъ селъ и градовъ къ нему, да бы совокупно искоренїли Персянъ, которїи аще и устрашїлїся тогда, обаче не погрѣшїли надежды, хотяще обладати Егіптомъ. Но Амінтъ побѣдївъ ихъ во градъ прогналъ, и обозъ утвердївъ съ своїми побѣдїтели розоряти села поїде, и аки во окруженїи вся сущая супостатовъ, учїнїлъ. Тѣмже именемъ Мазекъ, аще и вїдѣлъ, по побѣдѣ своїхъ страхомъ обдержїмыхъ; обаче показуя имъ Грековъ вездѣ скїтающїхся, и отъ надеждъ по побѣдѣ неопасныхъ, прїнуждаше къ тому, да дерзновенно безъ всякаго усумнѣнїя изъ града изыдутъ: вещы же тыя, которыхъ лїшїлїся, да отвѣмутъ. Тои совѣтъ и намѣренїе его, якоже мудрѣ, сїце и въ самомъ дѣлѣ благополучно сбыстся: зане до єдїнаго всѣхъ изъ полководцемъ ихъ побїли. Сїце Амінтъ своїмъ царемъ долгъ вїны своея отдаде, не болѣе цому вѣренъ былъ, къ нему же прібѣгъ, нежели сгоже оставїлъ и измѣнїлъ. Дарїа царя вслможи, которїи подъ градомъ Иссомъ не погібли, со всѣмъ воїнствомъ своїмъ бѣгущїмъ Каппадокїискїмъ, и Пафлагонскїхъ юношеи въ товарыщство взявше съ собою, покушалїся отняти Лїдїю, былъ Антігонъ воєвода Алеѯандровъ въ Лїдїи, которыи аще и много своїхъ ратныхъ людеи ко царю послалъ, обаче Варварами гнушаяся, съ оставшїми

изыде, даде бои, обаче отъ обоїхъ странъ равное было счастїе, три краты брань воздвїзали въ разныхъ мѣстахъ, на конецъ Персяне побѣждены. Въ то время воїско Македонское по которое Алеѯандръ въ Грецїю посылалъ, моремъ шествуя побѣди Арістомена [егоже Дарїи послалъ, да грады лежащыя надъ Елеспонтомъ паки возметъ] иныхъ плѣнїли, а со иными карабли потопїли.

По томъ фарнабазъ полководецъ Персїдскаго воїска на морѣ откупъ съ града взявъ, и Хїю осадївъ, воїнствомъ во стѣ карабляхъ, во первыхъ до Андра, оттуду до Зыфна поплыве, которыя островы воїною покорївъ, дань отъ нїхъ взялъ.

Сїце велїкая воїна, которую учїнїли сїлнѣїшїи два царя Европїи, и Асїи, между собою въ надеждѣ завладѣнїя всего Свѣта; воздвїже такожде Греческое и острова Крїта оружїе, тая воїна возмутїла. Зане Агїсъ Лакедемонскїи Король, собравъ 8000 Грековъ, которїи въ домы своя изъ Кїлїкїи убѣжавше возвратїлїся, хотяще воздвїгнути брань противу Антїпатра Македонскаго государства намѣстнїка, Крїпстїи жїтели, и сѣмо и овамо держащеся, овогда Спартанскїя, овогда же Македонскїя осады держали. Но не многїя были между ими трудности, и страхъ брани, но единъ токмо бои, отъ негоже, все состоялося, надзїраюцу счастїю.

2.

2: Уже вся Сїрїа, уже Фїнїкїа государство, кромѣ Тїра Македонскїя сталїся. Царь обозъ имѣлъ на сухомъ пути, гдѣ между тѣмъ, и градомъ море уское раздѣляше. Тїръ и красотою и велїчествомъ паче иныхъ градовъ Сїрїискїхъ, и Фїнїкїискїхъ, воспомїнанїя достоїныи, удобнѣе умыслїлъ дружество воспрїяти съ Алеѯандромъ, нежели въ подданствѣ быти. Тѣмже послы златыи вѣнецъ въ даръ прїнесли, и многїя вещи по дружескому обыкновенїю прївезли. Онъ дары тыя аки отъ друговъ взяти повелѣ. Самъ же къ посламъ благодарственно нача глаголати, яко хощу Геркулесу богу [егоже наїпаче вы Тїряне почїтаете.] жертву прїнести; понеже сїце вѣруютъ цари Македонстїи, яко отъ того бога колѣно ихъ проїсходїтъ, азъ того ради долженъ есмь жертву прїнести; Зане отъ самаго бога гласъ о томъ имѣхъ. Отвѣщаша послы, яко есть капїще Геркулесово предъ градомъ, на томъ мѣстѣ, которое Палетїронъ нарїцается: тамо О царю, по чїну своему можеши жертву прїнести. Не разгнѣвался о семъ Алеѯандръ, аще и не соїзволїли ему; тако рече: вы надѣющеся на мѣсто, яко на островѣ жївете; пѣхоту же сїю воїско полевое ни вочто вмѣняете: но азъ вскорѣ вамъ покажу, яко не на островѣ жївете. Того ради будїте извѣстни, что или внїду во градъ,

или

или получати пріступами буду. Съ сіцевымъ отвѣтомъ егда возвращїлїся, увѣщавали ихъ друзи, да бы царя, котораго Сїріа и Фїнїкїа пріяла и они во градъ пустїли. Но они лутче восхотѣли во облеженїи быти, понеже градъ раздѣляше отъ брега море уское на четыре версты. Афрїкїискїи вѣтръ, между Полуднемъ и Западомъ вѣющїи, съло помощїю былъ, великїя отъ среды волны ко брегу воздвїзая, ни коїмъ образомъ даваше засыпати землею, да бы якоже желаша, безводну сотворїти землю, едва бо во время тїшїны возмогли засыпати тое море: тоїже вѣтръ [егда начали сыпати землю] вся превращаше: ни єдїна была толїко крѣпкая насыпь, которыя бы сїлныя волны по верху укрѣпленїя преходящїя не разрушали, наїпаче егда болшїй вѣтръ возставалъ, весь верхъ земли покрывалъ. Кромѣ тоя трудности, не меншая и другая была: стѣны и башни градскїя море преглубокое кругомъ обошло. Нїже возможно было хїтростїми воїнскїми въ стѣны бїти, токмо издалече съ караблеи, къ стѣнамъ же пріставїти лѣсницъ невозможно было; понеже надъ самымъ моремъ стоялъ. Того ради пѣхота пріступїти не можаше. Караблеи же царь не имѣлъ; а хотя бы и имѣя восхотѣлъ пріступїти, стоящїе на стѣнахъ градскїхъ возмогли бы копїями

и стрѣла-

и стрѣлами отгнати. Сія прічіна не малую надежду Тірянамъ учініла, въ то время и Карѳагенстіи послы прішли, да бы по обыкновенію отцевъ своіхъ усердную жертву сотворіли; понеже Тіряне Карѳагену градъ создали, того ради имѣли ихъ вмѣсто отцевъ. Тѣмже Пеніяне начаша увѣщавати ихъ, да бы вооруженніи храбрственно укрѣплялися, обѣщавающе вскорѣ помощъ дати, зане тогда многія Пунінскія карабли на морѣ были. Тѣмже егда всеконечную усовѣтовали воіну: по стѣнамъ и башнямъ орудія воінская расположіли, и оружіе младымъ гражданомъ роздали, мастеровыхъ людеи, которыхъ множество было во градѣ, на роты раздѣліли, вездѣ воінскаго смятенія много, орудія воінская, аки руки желѣзныя [ихже наріцаютъ Арпагонами] уготовіли, ради разоренія валовъ разныхъ супостатскіхъ, крюки, и прочая, на защіщеніе града.

Но егда желѣзо положеное во огнь, егоже ковати хотѣли, раздутіемъ мѣховъ разгарашеся. [сіце глаголютъ:] подъ тѣмъ пламенемъ, токи кровавыя являліся.

Тое знаменіе Тіряне въ несчастіе Македоняномъ превращали. У Македонянъ же нѣкіи отъ воіновъ егда разломілъ хлѣбъ, кровавыя капли изъ него капали.

Устрашїся того Алеѯандръ: но мудрѣйшїи между волхвами Арїстандръ тако ему истолковалъ, аще бы сверху кровь исходїла, Македонянъ бы злополучїе будущее тѣмъ значїлося, но кровь изъ нутри, того ради граду тому во облеженїи сущу погїбель знаменуетъ.

Алеѯандръ и карабли далече, а не при себѣ имѣя, и многовременное облеженїе, ко иному препятїе разсуждая велїе намѣренїю своему предъїдущему, послалъ къ нимъословъ своїхъ, да бы они къ миру преклонїлїся, а градъ здали. Которыхъ [словъ] прошїво закону всѣхъ народовъ Тїрїяне убїли, и въ море пометали. Тѣмже Алеѯандръ неправедною смертїю словъ своїхъ возбужденъ, всеконечное положїлъ намѣренїе градъ облежати. Но прежде подобаше засыпати море, да бы съ градомъ землю совокупїлъ. Сего ради вои его въ велїе отчаянїе прїидоша, вїдяще глубїну морскую, которую бы едва сїла божїя наполнїла, глаголаша въ себѣ: гдѣ сїце превелїкое каменїе возмемъ, гдѣ превысокїя древа обрящемъ, развѣ со всего государства собїрати, да бы тое мѣсто засыпати; море же всегда есть волнуемо, и елїко тѣснѣе и уже идетъ между градомъ и брегомъ, толїко свїрѣпѣе волнуемо бываетъ. Но царь искусенъ сыи добрѣ воїнскїя нравы управляти, прїзвавъ къ себѣ всѣхъ, рече,

вїдѣхъ

вїдѣхъ Геркулеса, что подалъ онъ мнѣ десную руку, и отворївъ врата градская внїде самъ со мною во градъ. Предлагаше такожде имъ пословъ убїенныхъ, и насїлствїе закона и обыкновенїя всѣхъ народовъ. И яко едїнъ токмо градъ, которыи путь побѣдѣ его заключаетъ, дерзновенїе имѣетъ протївїтїся.

По томъ повелѣ всѣмъ полководцемъ, да всякъ воїновъ своїхъ увѣщаетъ. Егда же быша вси прїнуждени уготовляти дѣло, премногое множество къ собранїю было каменїя, гдѣ былъ старыи Тїръ; древеса же съ горы Лївана на строенїе ладеи и башенъ возїли. И уже отъ дна морскаго аки гору вышїною нагрузїли. Однакожъ верхъ съ водою не сравнїлся, и елїко болше отъ брега засыпали, толїко паче, вся вметаемая преглубокое море пожїрало. Егда же Тїряне малыми бударами прїплывше, укоряли и ругалїся глаголюще: яко бывше храбри воїни, и ко оружїю обученни, нынѣ аки скоты на раменахъ своїхъ бремена носятъ. Вопрошали еще еда Алеѯандръ болше есть Нептуна бога морскаго? Тое самое ихъ руганїе возбудїло въ воїнѣхъ болшую охоту къ дѣлу имѣти. Уже началося дѣло выше воды превосходїти, купно же и шїрїна начала распространятїся, и ко граду прїблїжатїся. Тїряне узрѣвше велїчїну крѣпости тоя, которую въ совершенствѣ не чаяша быти, тѣмъ бо и прелстїшася,

малыми бударами, начаша еще на не совершенную крѣпость находіти стрѣляюще, и мещающе копія на работниковъ, гдѣ множество безъ своего убытка уязвляли. Не могуще Македоняне будъ отогнати, ніже сами дѣло совершати, обращішася къ промыслу оставівше дѣло, како бы отпоръ дати; того ради повелѣ царь кожы скотінныя и холсны кругомъ обвести, да бы отъ противолетящіхъ стрѣлъ сохранялісся, и свободны отъ уязвленія ихъ были. Таже нѣкія башни двѣ отъ початку плотіны учінілі, съ которыхъ возможно на находящіхъ Тірянъ стрѣляти. Противнымъ обыкновеніемъ Тіряне издалече къ иному брегу пріплывше, ратныхъ людеи каменіе носящіхъ убівали. На горѣ же Ліванъ Аравітстіи жітели разсѣянныхъ Македонянъ 30 человѣкъ убіли, и нѣсколко въ полонъ взяли.

3. Сія прічіна прінуділа Алеѯандра раздѣлі́ти воіско на многія части: да не сумнѣваются о немъ яко подъ едінымъ токмо градомъ, не прілѣжно осаду творіть, вручілъ тое дѣло наріцаемымъ Пердікку и Кратеру, самъ же съ охочіми ратными пошелъ во Аравію.

Въ то время Тіряне, превелікіи карабль, намазанъ смолою и сѣрою, [корму каменіемъ и пескомъ набременівше такъ, что носъ карабля поднялся высоко,] веслами устремілісся гресши всѣми сілами, сгда

егда же парусами вѣющу вѣтру, карабль восхітілся, отъ велікія скорости на самыи брегъ тоя крѣпости востекъ. По томъ намазанныи носъ карабля зажегше, сами вси въ малыя будары побѣжали, которые на сіе уготованы были за німи. Егда разгорѣлся карабль, начатъ болшіи быти огнь, донелѣже не возмогли бы угасіти, башни и иныя обрубы тоя плотіны, пламень объятъ. Тіряне которые въ будары убѣжали, лучіну и иныя вещы по разнымъ мѣстамъ метали, да бы болши возгорѣлся огнь. И уже не токмо башни, но и верхи ихъ горѣли. Македоняне отъ части огнемъ погібли, а отъ части сами въ море, оружіе повергше, пометаліся. Но Тіряне лутче плѣніти, нежели убівати умысліша, плавающіхъ каменіемъ и палками по рукамъ біли, да бы утомленыхъ отъ плаванія вомозгли удобно яти изъ воды въ будары; гдѣ не токмо огнь разорілъ, но и вѣтръ буренъ волны превелікія отъ глубіны морскія на плотіну навелъ, и непрестаннымъ волненіемъ обрубы строенія того колеблемы разрушілъ, вода же между каменіемъ внутрь текущая все разорвала. Тѣмже егда каменіе развалілося [на которыхъ земля насыпана была,] вся плотіна потонула въ морскую глубіну. Сіце Алеѯандръ отъ тѣхъ велікіхъ трудовъ своіхъ едва знакъ нѣкіи, возвратівся изъ

Аравіи, обрѣте. Тамо [якоже обще въ злополучіи обыче быти] єдинъ на другаго вїну полагалъ, но лутче бы подобало на свѣрѣпость морскую вїну полагати. Однакожъ царь начатъ новую плотїну устрояти, проттво же вѣтру не бокомъ, но прямо поставїлъ; понеже сїцевымъ способомъ, валы, и осыпи могли быти крѣпчаїшы, строїлъ шїрокую плотїну, да бы башни посредѣ стоящыя отъ оружїя и стрѣлянїя свободны были. Погружалъ цѣлыя древа съ сучїемъ и вѣтвями превелїкїми во глубїну, сверхъ того каменїе полагалъ, паки такїмїже древами покрывалъ, по томъ землю сыпали, сверхъ земли еще множество каменїя и древесъ налагали тако, аки связи нѣкїя были, и удержавали все. Но и Тїряне такожде ко препятїю умыслїти не замедлїли. Паче всего тако ухїтрїли, издалече, откуду бы ихъ узрѣти супостатъ не возмогъ, по дну морскому ходїли, и даже до плотїны проходїли съ крюками желѣзными аки касами, сучїе вынягали отъ тѣхъ древесъ, уже выше воды лежащїхъ, и скоро тое сучїе извлекаемо, съ нїми множество положеныхъ древесъ во глубїну вовлекали; наїпаче безъ каменїя лежащїхъ древесъ безъ труда развлекали. Егда же самое основаніе двїжїмо и разоряемо стало, плотїну на немъ состросную море поглощало. Бывшу же Алеѯандру

о томъ

о томъ въ велїкои печали, яко или искусїти еще счастїя, или отступїти отъ града: и се внезапу карабли прїидоша отъ града Кїпра, въ то время и Клеандръ прїиде съ Греческїмъ воїнствомъ во Асїю новопрїшедшїмъ. Тѣмже 180 караблеи на двѣ части раздѣлїлъ, лѣвую управляше Пїѳагоръ король Кїпрскїи съ Кратеромъ. Алеѯандръ съ правыя стороны поїде въ прекрасномъ караблѣ. Тїряне аще и имѣли флотъ воїнскои, обаче не дерзнули вооружїтїся протїву Македонянъ. Трївеселныя своя будары подъ стѣнами градскїми разставїли; на которыхъ Алеѯандръ набѣжавъ потопїлъ. Во утрїе же обступївъ караблями градскїя стѣны, отвсюду имъ досаждалъ, и наїпаче прїступными хїтростми стѣны сокрушалъ. Обаче Тїряне сокрушеныя стѣны вскорѣ каменїемъ залагающе укрѣпляли, и новую стѣну отъ самаго града, ради предъзащїщенїя, аще бы первую сокрушїли Македоняне, начаша созїдати. Но отвсюду велїю тяготу имѣли. Плотїна толїко въ блїзости была, что бросїти возможно было копїемъ, карабли же стѣны градскїя обступїли, землею и моремъ градъ хотяще получїти. Понеже Македоняне, по двѣ будары четверовеселныхъ тако спреди связали въ мѣстѣ, что носы ихъ заедїно совокупїлїся, кормы же елїко возможно разстоянїемъ развели,

и на

и на нїхъ досками мостъ учїнїли, да бы воїску возможно было на нїхъ стояти, тако уготованы ко граду вели, и съ нїхъ безъ всякаго страха стрѣляли во градъ, сами же носами бударными закрывалїся.

Въ полуноши же, караблямъ, якоже речеся, весма готовымъ сущымъ, повелѣ Алеѯандръ обступїти, и уже отвсюду начаша карабли ко граду пріближатїся; Тїряне же отчаяніемъ одержїми быша. Въ то время густымъ облакамъ небо покрывающымъ, отъ нїхже и свѣтъ во мракъ препворїся. Море же начатъ по малу волноватїся, по томъ вѣтромъ бурнымъ волны превелїкїя воспали, будары между собою тако колебалїся, яко уже и связи бударныя, умїже связаны были, растерзавалїся. Уже мостїны спадывали, и въ море съ собою воїновъ нїзвергали; понеже связаныя, и совокупленыя будары, ни коїмъ образомъ возможно было между волнами управїти, воїни бо карабелщїкомъ, карабелщїки же воїномъ, препятїе чїнїли, и въ таковомъ неначаянномъ случае, знающїи неїскусни въ совѣтѣ показалїся. Сами управїтели и началнїки карабелные, которые прежде повелѣвали, тогда устрашася смерти, повелѣная творїли: обаче всѣми сїлами устремївшеся въ весла, акибы исхїтїли изъ моря карабли, и ко брегу пріплыли, не со

многїхъ

многімъ сокрушеніемъ. Въ тыяжде дни Карѳагенстіи послы во градъ Тіръ пріидоша, чісломъ 30, нако радость а не помощь пріносше. Зане возвѣстіли имъ, яко Пеоняне не о господствѣ и счастіи, но о здравіи своемъ воіною съ непріятелемъ управляются. Сіракузане бо тогда въ Афрікѣ воевали, и не далече отъ стѣнъ Карѳагенскіхъ обозъ поставіли; обаче не устрашіло и то Тірянъ, которые, хотя и надежду уже въ томъ погубіли, обаче жены и чада въ Карѳагену послали, тако надѣющеся яко суще храбри, аще что случітся, изнесши могутъ, не имѣюще при себѣ во время страха нѣхъ любімыхъ вещеи. И егда єдінъ гражданінъ во обще всѣмъ повѣдалъ сіце: яко відѣхъ во снѣ Аполлона, сгоже мы прілѣжно почітаемъ, яко градъ нашъ оставіль, а плотіна отъ Македонянъ устроеная, претворілася въ дубраву. Аще и отъ простыхъ гражданъ былъ тои вѣстникъ; обаче страха ради коувѣренію несчастія своего склонны сталіся, ідола Аполлона златою чепію къ жертвіщу Геркулесову, емуже самыи градъ возложенъ былъ, прівязали, еже бы Геркулесомъ Аполлона удержаши. Того ідола прівезли нѣкогда Філістіняне изъ града Сіракузы, и аки въ началнѣішемъ своемъ отечествѣ поставіли, и многіми багатствы изъ разныхъ градовъ плѣненными, не болѣе

Карѳагенѣ, паче Тїра украсїли. Жертвы такожде, которыхъ їдоли, якоже вѣрую, не требовали, уже чрезъ многая времена отложїли, сїю всеконечно обновїти усовѣтовали, то есть, да бы юношу благороднаго Сатурнусу їдолу замучїти, беззаконную паче и проклятую, нежели Святую жертву. Карѳагеняне отъ своїхъ прадѣдъ преданую даже до разоренїя града своего оставїли; и аще бы старѣйшїны, ихже совѣтомъ все управлялося, не запретїли имъ того, добронравїе бы свое обратїли нынѣ въ кровавую и свѣрѣпую жертву. На конецъ, нужда паче всякїя науки и хїтрости сїлнѣйша, не токмо обыкновенныя, но и новыя имъ помощи паказала. Понеже ради препятїя караблеи и судовъ разныхъ подъ стѣны градскїя подступївшихъ, уготовїли доски крѣпкїя ѕѣло, и къ нїмъ прївязали крюки, руки желѣзныя, и косы, да бы тыя доски стрѣлбою на то уготованною нечаянно на ослабленныя карабелныя верви верженыя похїщали, крюки же тыя и косы вїсящыя у доски, или воїновъ, или будары ихъ разрушали. Къ сему же щїты мѣдныя во огни, разжегше песокъ съ жараткомъ и огненнымъ пепломъ на верхъ полагающе внезапу со стѣнъ градскїхъ на Македонянъ метали, паче всякїя иныя махїны, того ѕѣло боялїся. Понеже гдѣ токмо горящїи песокъ подъ оружїе къ тѣлу прїлѣплялся,

прілѣплялся, нїкто отъ него спасался, къ чему токмо касался, все опалялося. Тѣмже повергше оружїе, вся на себѣ, да бы возмогли свободїтїся отъ язвъ опаляющїхъ, раздїрали, и тако свобождалїся. Крюки же и руки желѣзныя уготованыя стрѣлбою испущеныя, многїхъ похїщали.

4: Тамо царь Алеѵандръ утружденныи разсуждалъ отступїити отъ града, и во Егїпетъ поїти; понеже во Асїю вскорѣ прїшедъ, подъ стѣнами токмо града лежаше, толїко многїхъ вещеи корысть оставївъ. Прочее тако отъїти ищетну ни что сотворївшу, якоже и медлїити срамота бяше. Къ сему же размышляя яко слава его, которою наїпаче, нежели оружїемъ побѣждалъ, ни во что вмѣнїтся, аще вслѣдъ себе Тїръ аки нѣкоего свїдѣтеля, которыи побѣжденъ можетъ быти, оставїтъ. Тѣмже ни коего промысла, егоже бы не искусїлъ во время облежанїя оставїлъ, повелѣлъ болѣе караблеи ко прїступу уготовїти, и воїновъ избранныхъ съ нїми послати. Се Кїтъ превелїкїи по верхъ воды хребетъ показуя оплотїну, которую Македоняне устроїли, дебелымъ тѣломъ своїмъ опїрашеся, бїющїми же волнами возвышенъ, отъ обоїхъ странъ вїдѣнъ былъ. По томъ вначалѣ тоя плотїны, паки во глубїну погрузїлся, иногда выше воды хребетъ показуя, иногда же волнами

покрывашеся, не далече же отъ стѣнъ градскіхъ выплылъ весь. Обоімъ странамъ радостное было вїдѣніе того звѣря; Македоняне толковаша себѣ, яко путь дѣлу ихъ показуетъ, Тїряне же мнѣша яко богъ Нептунъ изведе того Кїта, да бы отмстїлъ насїлство, что море засыпали, и яко вскорѣ тая плотїна имать разорїтїся. Тѣмже радующеся начаша пїрствовати, и пїяни быша отъ вїна, наутрїе еще шумны суще, возсіявшу Солнцу, внїдоша въ карабли, вѣнцами и цвѣтами украшени, тако не токмо себѣ пророчествующе побѣду; но аки уже побѣдїители торжествоваша. Знатно что въ то время царь флотъ морскїи разно раздѣлїлъ, зо меншїхъ кораблеи оставївъ на брегу, отъ нїхже Тїряне два плѣнїли, на прочїхъ же страхъ наїде, егда токмо гласъ услышалъ своїхъ Алеуандръ, немедленно къ нїмъ обратїлъ флотъ, откуду гласъ проїсходїлъ, первая Македонская пятовеселная будара, удївїтелною скоростїю предъуспѣла, на которую Тїряне узрѣвше двѣма бударами отъ разныхъ мѣстъ напали, на едїну отъ нїхъ Мякедонская такъ скоро бѣжала, яко шу носомъ Тїрская ударїла, и въ неи увязла. Иная будара, которая свободна была съ другїя стороны набѣжала нашу, но благополучно трївеселная будара Македонская

пріспѣвъ

пріспѣвъ таковою скоростію, на ону. которая пятовеселна была ударіла, яко началнѣішіи Тірскіи карабелщікъ нізпаде въ море. Потомъ множаішія Македонскія карабли подоспѣли, идѣже и самъ царь былъ. Тіряне будару увязшую получівше со всѣмъ ко прістанішу побѣжали, скоро и царь вслѣдъ гонілъ ихъ, но ко прістанішу не возмогъ пріблїжітіся, зане далече съ стѣнъ градскіхъ стрѣляюще не допущали; обаче будары Тірскія едва не вся, или потопілъ, или поплѣнілъ. По томъ время покоя получівшымъ воінамъ чрезъ два дни, повелѣлъ караблями градъ облежати, и пріступными хітростьми стѣны сокрушати, да бы тако отвсюду устрашеныхъ получілъ, самъ на высочаішую башню съ велікодушіемъ и съ болшімъ страхомъ взыде; понеже на главѣ знакъ чіна своего имѣлъ, и во оружіи ѕѣло свѣтломъ былъ. Того ради вси на едінаго стрѣлы и копія пущали; но достоіна вещъ відѣнія была храбрость его: многіхъ бо на стѣнахъ стоящіхъ копіемъ прободалъ, иныхъ мечемъ убівалъ: тая башня съ которыя білся, была едва не при самои стѣнѣ градскои. Уже отъ непрестаннаго біенія пріступныхъ хітростеи стѣны сокрушаліся, уже и карабли прішли ко прістанішу, нѣцыи же Македоняне на башни взошли, и супостатовъ съ ніхъ прогнали, егда разнымъ

злополучіемъ купно окружени, инїи въ капїща ушли, инїи въ домѣхъ заключїлїся, сами себе смерти предавали; а инїи отпоръ давали Македоняномъ, умрети безъ мести сїце безчїнно не хотѣли, болшая часть на верху домовъ стояла, каменїе, и что возмогли, на идущїхъ метали. Алеѯандръ всему воїнству повелѣ, да бы всѣхъ, кромѣ убѣжавшїхъ въ капїща, до єдїнаго смерти предали; а которїи въ жїлїщахъ заключїлїся огнемъ сожещи. Тамо нїедїнъ обрѣтеся, оружїе на себѣ имѣющъ въ капїще помощи ради отъ бѣжавшїхъ. Младенцами и дѣвїцами капїща наполнены были, мужескїи полъ въ преддверїи домовъ своїхъ стояли, ожїдающе смерти, отъ жестокосердыхъ Македонянъ. Обаче многїхъ Сїдоняне спасли, которїи въ Греческомъ обозѣ были. Тїи бо купно съ побѣдїтели во градъ вошли; но памятующе древнее прїятство Тїрянъ, [Занс оба тыя грады Тїръ и Сїдонъ Агеноръ созда, якоже разумѣли] много ихъ во своїхъ судахъ на морѣ сохранїли, потомъ во градъ Сїдонъ отвезли, 15000 человѣкъ отъ горькїя смерти исхїтївше. Коль велїе тамо кровопролїтїе было, оттуду всякъ познати можетъ, яко во градѣ 6000 вооруженыхъ воїновъ убїто. Потомъ Алеѯандръ сѣло разгнѣвався, печалную сѣло побѣдїтелемъ своїмъ вещъ управїти повелѣлъ 2000 Тїрянъ,

ихже

ихже разъярівшіися ратніцы убівающе мінували, повѣсіши повелѣ по брегу морскому на крестахъ. Карѳагенскіхъ словъ животомъ даровалъ; обаче имъ воіну возвѣстілъ: которую въ то время начати отставілъ прочіхъ ради потребъ. Тірь градъ въ седмыи мѣсецъ отъ начатія облеженія плѣненъ, тои градъ ѕѣло старінныи, и въ премѣненіи счастія своего ѕѣло преславныи въ послѣдняя времена. Созданъ отъ Агінора на морѣ чрезъ многое время, не токмо тѣмъ моремъ, на немже вїдѣнъ былъ, но гдѣ токмо возможно ити подъ властію своею держалъ, аще иновѣрна есть вещъ, тои народъ первыи пїсменамъ навыкъ, или отъ инаго взялъ и научілся. Грады и крѣпости его, едва не во всемъ свѣтѣ обрѣтаются: якоже Карѳагенъ во Аффікѣ, въ бостіи Єебы, градъ надъ Окіяномъ моремъ. Мнітмїся яко море вольное имѣюще, и многократно проходяще въ страны прочымъ не знаемыя, юными, ихже тогда изобілно имѣли, населяли, или зане частымъ трясеніемъ земли прінуждены, [якоже о томъ глаголютъ] новыхъ странъ внѣ предѣловъ своіхъ, чрезъ оружіе получіти, тщатіся. Тѣмже многіми случаями разорени суще, [по разоренії же паки обновленъ былъ] нынѣ многое время въ мірѣ, подъ защіщеніемъ мілостіваго и человѣколюбіваго ѓіма пребываетъ.

5:

5: Въ тыя же дни прінесли Алеѯандру отъ Даріа грамоты, яко ко царю пісаныя. Просілъ Даріи, да бы дщерь его именемъ Статіру, Алеѯандръ въ бракъ себѣ воспріялъ, обѣщавая ему вмѣсто пріданаго, все царство между Елеспонтомъ, и Алінъ рѣками лежащее. А на Востокъ лежащіми странами, самъ будетъ удовлятіся. Аще же взяти не восхотѣлъ бы, да помнітъ, яко счастіе въ равномъ состояніи многое время не пребываетъ, человѣцы же аще бы и превелікое имѣли въ мірѣ счастіе; обаче еще болшую завість имѣютъ. Къ тому: опасенъ есмь въ томъ, да бы не яко птіцы, ихже пріродная легкость возносітъ до небесъ, превознеслся еси тщетнымъ твоімъ младенческімъ умомъ. Ни что бо есть труднѣішее, еже въ сіце младомъ вѣцѣ, толь велiко содержати счастіе. Имѣю азъ еще воіска изобілно, и не всегда въ тѣсномъ мѣстѣ имаши мя срѣтати, и даси мнѣ бои, еще потреба Евфратъ, Тігръ, Араѯъ, и Идаспъ рѣки, велікія государства моего, стѣны и окопы тебѣ Алеѯандре преіти, и на пространныхъ поляхъ предстати, гдѣ съ малымъ воіскімъ своімъ посрамішіся. Въ Мідію же, Ірканію, въ бактры, къ Індіаномъ и населнікамъ надъ Окіаномъ моремъ когда поідеши, или когда доідеши, Сагдіановъ и Арахостовъ, народовъ токмо отъ званія едінаго

знаемыхъ,

знаемыхъ, и прочіхъ, которые у горы Кавказа, и при рѣкѣ Донѣ лежатъ, состарѣешіся, аще и съ міромъ безъ всякаго воінства, и воіны поідеши. На конецъ престани прізывати мя, понеже прішествіе мое будетъ ти въ погібель.

Алеѯандръ тѣмъ, которіи грамоты прінесли тако отвѣщалъ: Даріи мнѣ чюждыя, а не своя вещы обѣщаваетъ, и тѣмъ, что все погубілъ, хощетъ со мною дѣлітіся. Даетъ мнѣ вмѣсто пріданаго Лідію, Іонію, Еоліду, Елеспонтскую страну, которое, азъ побѣдою взялъ, и обладателствую, законъ побѣдітель подаетъ, побѣжденныи же воспріимаетъ. И аще еще не відітъ своего и моего степене, на немже оба стоімъ да всядетъ вскорѣ на коня, и ідетъ на брань. Азъ прешедъ Море, вѣмъ яко Кілікіа, и Лідіа, малы тыя вещы суть на мою побѣду; но Персеполъ століцу государства его, потомъ Бактры и Екбатану и послѣдняя государства его на Востоцѣ, хощу имѣти, и всеконечно ими обладати, гдѣ онъ будетъ уходіти, и азъ имамъ его гоніти, да неустрашаетъ мя рѣками, о немъ же да знаетъ, яко море проідохъ. Сіце царіе пісаша. Родіане тогда мѣсто и прістаніща своя отдаша Алеѯандру въ подданство. Онъ въ Кілікіи Сократа поставілъ; вездѣ же кругомъ Тіра філоту вручілъ. Сірію, которая Целе наріцается, Андромаху

Парменіи полководецъ его отдаде, прочія же мечемъ взялъ страны царь Алеѯандръ. Ефестіону Фінікію моремъ преіти повелѣлъ, самъ со всѣмъ воіскімъ пріиде подъ градъ Газу. Въ тыя дни вся весма Греческая страна собравшіся, игранія обыкновенная отправляли. Тамо совѣтъ сотворіли, [якоже Греческіе разумы счастію подлежатъ] дванадесять пословъ ко Алеѯандру послати, которые аки заступніку здравія и волности государства Греческаго, златыи вѣнецъ въ даръ побѣды прінесли. Тіи полководцы преждереченніи, имѣли нѣкое, аще и ненадежное совѣсти обереженіе, да послѣдствуютъ счастію гдѣлібо токмо имъ сумнітелно быти мнілося. Тѣмже не токмо самъ Алеѯандръ грады, [которіи ему протівни были] обхождалъ; но и старѣішіны его избранніи полководцы на многія страны нападоша: Каласъ Пафлагонію, Антігонъ Лікаонію, балакръ Ідарна воеводу Даріева побѣдівше, Мілітъ взяли. Амфотеръ и Егілохъ имѣюще 160 караблеи, островы между Ахаіею, и Асіею лежащыя, во обладателство Алеѯандрово покоріли. Такожде и Тенедонъ градъ пріяли, которыи сами жітели доброволно здали. Положіли намѣреніе и Хіонъ взяти: но Фарнабазъ Даріевъ воевода похітівъ тѣхъ, которіи Македоняномъ добра желающе вѣсти пріносіли,

Апполлоніду

Апполлонїду и Леонагору полковнїкамъ вѣрнымъ со немногїми вои паки Хїонію вручїлъ. Обаче полководцы Алеѯандровы не толїко на воїнство свое, якоже на тѣхъ надѣющеся, которїи по своему произволенію во облеженїи не отступїли отъ града, нїже бо прелести ихъ въ томъ надежда. Зане егда между Апполлонїдомъ, и между полководцами воїнскїми учїнїлся несоюзъ и мятежъ, що была прїчїна ко взятію града. Понеже егда врата разломали, воїнство Македонское внїде во градъ, граждане, которїи прежде градъ хотѣли здати, собралїся ко Амфотеру и Егїлоху, Персское воїнство побѣдївше, Фарнабаза Апполлонїда и Леонагора связана въ плѣнъ предали: 12 будъ тривеселныхъ съ ратными и карабелщїками, кромѣ тѣхъ, 30 будъ и судовъ морскїхъ, ихже разбоинїки употребляютъ: Грековъ 3000 наемныхъ, которїи у Персянъ нанїмалїся, тѣхъ ради помощи въ воїско свое раздѣлїли, разбоїниковъ смерти предали, плѣнниковъ на своя каралї взяли. Случїся тогда Арїстонїку Меѳїмнеорскому мучїтелю съ разбоїнїческїми бударами, не имущу вѣдѣнїе, что во градѣ Хїи учїнїлося, ко прїспанїщу уже заключенному прїплыти, гдѣ вопрошенъ отъ стражи былъ, кто есть сеи? отвѣща, азъ есмь Арїстонїкъ, прїшедши ко Фарнабазу, рекоша ему,

воістінну уже спітъ Фарнабазъ, и невозможно къ нему итти, но тебѣ яко пріятелю и другу свободно во пріставіщи стати. Заутро узріши его, ни вчемъ не усумнѣваяся Арістонікъ, вніде внутрь пріставіща, за німъ и другія будары внідоша. Егда же пріплыша ко брегу, стражіе заключіша пріставіще, таже блізъ стоящіхъ воіновъ прізываютъ, егда же ніедінъ смѣялъ ополчітіся, всѣмъ оковы наложіли; по томъ отдаша ихъ Егілоху и Амфотеру. Оттуду Македоняне поідоша во градъ Мітілінъ, которыи градъ Харісъ Аѳінеіскіи прежде сего съ 2000 Персянъ ради защіщенія держалъ. Но не могіи пребыти во облеженіи, договоръ положівъ о преданіи, градъ отверзе; самъ поіде во імбръ, Македоняне же здавшімся жівотъ даровали.

6: Даріи царь отчаявыіся міра, которыи чрезъ грамоты и послы своя надѣялся получіти, начатъ собірати воінство, на обновленіе воіны отмщенія ради. Тѣмже повелѣлъ полководцемъ, да бы съ воінствомъ въ Вавілонъ собраліся. бессу бактріанскому воеводѣ и полководцу такожде пісалъ, да бы воіско еліко возможно собравъ къ нему прішелъ. бактріане народъ есть ѕѣло храбрыи, между сосѣды первѣішіи, нравы ихъ дівные, много разнятся отъ безчінія Персскаго, не далече отъ Татаръ, ѕѣло храбрственнаго народа жівутъ, которые

хіщеніемъ

хищеніемъ житіе свое препровождати обыкли, непрестанно во оружіи скітаются. Но бессъ полководецъ Дарію былъ ненадеженъ и страшенъ, и велію о немъ печаль имѣлъ паче всего, яко онъ былъ вторыи по царѣ. Понеже государства себѣ желалъ, того ради измѣны царь отъ него опасался, чрезъ которую возмогъ бы достігнути намѣреніе свое. На конецъ Алеѯандръ всякімъ прілѣжаніемъ хотя извѣстітіся, гдѣ обрѣтается Даріи, обаче ни коімъ подобіемъ возмогъ. было сіе ради таіныя и удівітелныя вѣрности народа Персідскаго, которую таіная дѣла царева по обыкновенію древнему тако сохраняли, яко ни страхомъ ни нуждою извѣстную вѣдомость отъ кого воспріяти возможно было. Древніи цари, казнію научіли ихъ тако творіти, повелѣніе сотворівше на преступніка, смертію сіцевыи да умретъ. За невоздержаніе языка болшую казнь, нежели за иное прегрѣшеніе; и невѣрятъ, да бы тои возмогъ велію таіну удержати, которыи не можетъ малыя вещи утаіті: что всякому прірода на проізволеніе аки вещъ удобнѣішую даде. Сего ради не могіи Алеѯандръ удостовѣрітіся, что Даріи творітъ, или кое его намѣреніе, подъ градомъ Газою, осадою стоялъ? былъ тамо воевода батісъ царю своему Дарію ѕѣло вѣренъ, гдѣ воістінну малою помощію

великіи градъ защищалъ. Тѣмже Алеѯандръ уразумѣвъ состояніе и крѣпость мѣста, повелѣ подкопы дѣлати, и землею подъстѣны ити, и безъ всякія трудности то дѣло чінілося; понеже море близъ лежащее множество песка выкідаетъ на бреги, а отъ каменія препятія не было работнікомъ. Начали отиуду, откуду граждане відѣти не могли, и да бы не познали, башни повелѣлъ къ стѣнамъ подвігати; но отъ тояже земли, понеже песокъ разсыпался, былъ великіи трудъ. Понеже колеса не скоро шли, и мостіны на башняхъ ломаяся, многіхъ уязвляли незапно. И тогда трудъ имѣли прівозя и отвозя ихъ. Прочее Алеѯандръ знакъ далъ будто отступілъ. Наутре же кругомъ стѣны обступіли повелѣлъ; обаче прежде нежели пріступъ учінілъ, возсіявшу Солнцу, вскорѣ жертву прінесе по обычаю Македонскому, помощи у боговъ [по своему словѣрію] прося. И се внезапу врань налетѣлъ глыбу земли, въ ногахъ держащъ, которую опустілъ на главу Алеѯандрову, и разсыпася глыба. Самъ же врань на башнѣ близъ стоящеи сѣлъ, которая смолою и сѣрою намазана была. Прілѣпъ же къ неи врань ногами и немогіи возлѣтѣти, отъ кругомъ стоящіхъ Грековъ поиманъ. Возмнѣся сія прічіна всѣмъ достоіна, еже бы волхва о нси вопросіти, зане мало нѣчто

и царь

и царь усумнѣлся. Тѣмже Арїстандръ, ему же наїпаче вѣрность дадеся, рече: яко градъ возмете по изъявленію птїцъ, но опасатїся надлежїтъ, да бы царь не понесъ язвъ. И совѣтовалъ, еже бы въ тои день нїкакова дѣла не начїналъ. Алеѯандръ же, аще и оскорбїлся, яко єдїнъ градъ безстрашному во Егїптѣ прешествїю возбраняше, и печаленъ былъ; обаче послушалъ волхва, и знакъ учїнїлъ аки бы опъ града отступїлъ. Оттуду возрасте сердце во облеженїи сущїхъ, изшедше изъ града, на уступающїхъ находятъ, по супостатское продолженїе, добрую имъ учїнїло надежду. Но ту брань паче охотою, нежели храбростїю начали, понеже опредѣлїли тако, да бы Македонскїя полки узрѣвше вскорѣ ихъ окружїти, и уже ко царю Алеѯандру вопль боя прїближашеся, тогда въ нїчто вмѣнївъ страхъ возвѣщеныи, самъ въ броня облечеся, которую не всегда возлагалъ на себе. Но за упрошенїемъ друговъ своїхъ надѣлъ, и до первыхъ знамень прїиде. Тамо его узрѣвъ нѣкїи Аравлянїнъ изъ воїска Дарїева, дерзновенїе сотворїлъ паче счастїя своего, щїтомъ мечь покрывая, аки выходецъ предъ царемъ прїпадаетъ. Алеѯандръ же єму восташи и въ своя вси повелѣлъ его взяти. Но тои Варваръ скоро въ десную руку мечь взявъ о выю Алеѯандрову прїражаетъ, онъ же малымъ

уклонєнїемъ

уклоненіемъ тѣла укрывся отъ пораженія меча, руку Варварскую испущеную абіе отсѣкаетъ мечемъ. И тако мняше яко въ тои день избавілся извѣстныя пагубы. Но якоже азъ мню, яко неукрыемо есть несчастіе, зане въ тожъ время стрѣлою уязвленъ былъ воінствующъ между первыми, которую стрѣлу вонзеную въ плечахъ, врачъ его именемъ Філіппъ извлече, потомъ крови много истече. Сего ради вси устрашішася, яко не познаша подъ бронею облеченою, сколь глубоко вонзеся стрѣла. Онъ же ни мало въ лїцѣ измѣнїся, кровь задержати, и язву завязати повелѣ. Многое время потомъ предъ едїными знаменами, или не показуя, или одолѣвая болѣзнь, стоялъ; но кровь мало прежде лѣкарствомъ удержаная, болѣе начатъ тещи язва такожде, въ неіже съ начала еще не слышіма была болѣзнь, отъ теченія крове опухла. Потомъ начатъ обмірати, и на колѣна прїпадати, егоже блїзъ стоящїи взявше, во обозъ внесли. Но батісъ разумѣя яко убітъ, радуяся съ побѣды во градъ поіде. Алеѯандръ еще прежде исцѣленія язвы, повелѣваетъ валъ вышїною равныи стѣнамъ градскімъ насыпати, и многіми подкопами подъ стѣны итти, да бы тако возмогли разрушїти ихъ. Граждане новыя валы таковы высоки, яковы и стѣны насыпали. Но и тое нїже мало могло

сравнїтїся

сравнітіся башнямъ на валу устроенымъ. Сего ради и во градѣ отъ Македонскіхъ стрѣлъ и копіи супостатъ не могъ укрытися. Послѣдняя граду погібель стася, егда стѣны градскія подкопомъ разрушіліся, чрезъ которая мѣста разрушеная Македоняне во градъ вошли. Алеѯандръ первыхъ веде, идущу же ему безъ опасенія, каменемъ въ голень уязвленъ былъ. Обаче на копіе оперся, [хотя и не была еще прежняя рана исцѣлена] между первыми ратовалъ, гнѣвомъ весма ярящеся, яко во облеженіи того града, важды былъ раненъ. Уже полководца башіа преславно брань творящего, и многіми ранами уязвленаго Персяне оставіли, и отступіли; но онъ обаче не ужасно боряшеся броня на себѣ собственную и чужду окровавлену имѣя, егда отвсюду его обступіша съ копіями, Алеѯандръ младыи человѣкъ не обычныя радости исполніся, мужеству тому и въ супостатѣ удівляшеся, рече: башіе не шаковою смерпію, яковыя желалъ еси, умреши: но колікія еще могупъ на плѣненнаго муки, сіце помышляи, яко претерпіши. Онъ же ни мало того устрашівся, но паче гордо на него смотрілъ, ни косого отвѣща прошіво похвалныхъ его словесъ не даде. Тогда Алеѯандръ рече: відіте ли упрямаго въ молчаніи, яко ніже поклонілся, ніже смірсннын гласъ

испустілъ? обаче тое молчаніе его побѣжду, не инако токмо дыханію его препятіе творіши буду. Тѣмже со гнѣвомъ претвориса въ ярость, послѣдствующу по новому счастію, новыя начатъ имѣти нравы. И тако провлекше ремень чрезъ ноги башіевы за лодышки выше стопъ, еще дышущу ему, прівязаша его къ колесніцѣ, и по граду конми влекоша. Тѣмже Алеѯандръ торжествоваше, яко месть воздалъ непріятелю, подражая Ахіллесу прародітелю своему. Убіто же Персянъ и Аравлянъ до 1000 и Македоняне такожде небезъ крове своея одержали сію побѣду. Получение града нетако прославіся градомъ славнымъ, якоже двоякімъ бѣдствомъ Алеѯандровымъ. Алеѯандръ же во Егіпетъ спѣшащъ, послалъ Амінту въ 10 прівеселныхъ бударахъ по воіско въ Македонію. Понеже ратными людми хотя и счастліво, однако скудно было воіско, побѣженыхъ же народовъ въ ратныхъ надежда меншая была, нежели своего государства.

7: Егіпшяне убо издревле Персяномъ непріятели, знающе владѣніе ихъ завістное и прегордое, охотно прішествія Алеѯандрова ожідали: которые Амінту бѣглеца, аки просящаго началства съ радостію пріняли. Тѣмже многое множество ихъ собрашася во градъ Пелузіи, гдѣ чаяли что царь пріидетъ.

Но

Но Алеѫандръ вѣ 7 день по отшествіи изъ града Газы, пріиде во страну Егіпетскую [которую нынѣ обозъ Алеѫандровъ наріцаютъ] а пѣхоту ко граду Пелузію обратілъ; самъ же со избранными и охотными ратными поіде рѣкою Ніломъ, не дерзнули препінати прішествію его, и сопротівостояти, погубівше смѣлость. И уже не далече былъ отъ града Мемфы, гдѣ воевода Астаѫъ, отъ Дарія тамо на защіщенія оставленъ, Оѫъ рѣку прешедъ 80 талантовъ, и все царское сокровіще отдаде Алеѫандру, отъ Мемфы Алеѫандръ тоюже поплывъ рѣкою, и въ самое государство Егіпетское внііде, и устроівъ дѣйства, отеческаго обычая, и законовъ не премѣняя Егіпетскіхъ, умыслілъ поіти къ капіщу Іовішеву и Аммонову.

Былъ тои путь, аще и бліскія разстояніємъ, но неудобно проходенъ. Тамо бо дожди не бываютъ, и воды земля не имѣетъ, сухіми песками наполнена, ихже егда Солнце разжжетъ, человѣкъ отъ горячести ногами ити не можетъ: къ сему же отъ нестерпімаго жара сѣ выше, и не токмо отъ зноя и жара тоя страны; но и отъ глубокаго песка нужду велію страждутъ которыи разсыпаяся, и разступаяся, ногамъ творіятъ несносную тяготу. Сіце Егіптяне о пюмъ пути повѣдаютъ истінно. Обаче Алеѫандра велікое желаніе пріну ждаше

посѣтіши Іовіша, которыи не бывъ доволенъ своею пріродою человѣка смертнаго, или самъ вѣрілъ, или хотѣлъ да бы люди повѣріли, что сынъ Іовішевъ былъ. Тѣмже съ тѣми воінами которыхъ по нраву своему избралъ себѣ, до Маріоша езера блашнаго поіде рѣкою Ніломъ, и шамо послы Кірінеіскіи къ нему прішли съ дары, мира просяще: и да бы грады ихъ посѣтілъ. Онъ же дары ихъ пріявъ, и миръ съ нѣми учінівъ, поіде въ намѣренныи свои путь. Убо перваго и вшораго дне былъ аки сносенъ путь, егда еще не прішли ко жестокімъ пустымъ и голымъ полямъ, и уже сухая и мертвая земля была. Но егда показаліся пространныя поля, песка полныя глубокого, по подобію, аки на преглубокое море вышедъ очіма весма искалъ земли. Тамо ни едіно древо відѣти гдѣ возможно было, ни едінаго мѣста земли ораныя. Такожде и воды скудость была не малая, которую въ мѣхахъ кожаныхъ мски на себѣ несли, въ сухои же земли, и горящемъ пескѣ, кто могъ обрѣсти? Къ сему же Солнце вся ражжігаше, вездѣ суша и жаръ. И се внезапу или по дару [лжівыхъ] боговъ, или по случаю густыя облаки Солнце покрыша, и неізглаголанная отъ жара велікаго утружденнымъ помощь наста, аще и воды не было. Тѣмже егда велііи дождь начатъ быти, всякъ себѣ воду собіралъ,

нѣцыи

нѣцыи отъ жажды великія немогуще терпѣти, уста подставляли. Четыре дни сіце въ жестокіихъ пустыняхъ были, и уже не далече капіще Аммоново было, тамо ихъ стадо вранововъ срѣтіло, летящѣ предъ первыми знаменами лѣтяще, паки на землю сѣли, и паки предъ всѣми летѣли, аки провождающе и показующе путь до мѣста Аммону возложеннаго пріидоша. Пріічіна къ сказанію неудобовѣрна, како то мѣсто въ тѣхъ песчаныхъ пустыняхъ, тако отвсюду вѣтвіемъ закрыша древеса, яко едва сквозь ту густость проходіитъ Солнце? такожде сѣло много источнііковъ сладкіихъ, которые отвсюду лѣса напаяютъ. Паче того удівітелный тамо воздухъ, аки бы во время весны, такожде и прочія части лѣта равныя; жітели того мѣста бліжнее сосѣдство имѣютъ съ Еѳіопляны, отъ Полудня съ Аравітяны, ихже наріцаютъ Троглодітами, поселены даже до Чермнаго моря. На Западъ иные Еѳіопляне жівутъ, ихже наріцаютъ Сценітами: [сірѣчь Кочевыми] отъ Полуноши Насамоны, Сітріцкіи народъ, которые на брегахъ жівутъ морскіихъ, и бурею занесенныя карабли вѣдомыми бродами похіщаютъ, и тѣмъ пітаются. Жітели тоя дубравы Аммонітяне наріцаеміи, въ разсѣяныхъ разно жілішахъ, далече между собою обіітаютъ: средіну дубравы вмѣсто крѣпости

имѣютъ, троїною стѣною окруженую. Первая, древнихъ цареи мучителеи палаты окружила: За другою жены ихъ, наложницы и чада живутъ, гдѣ такожде Аммоново капище. За третіею стѣною домы воиновъ храбрыхъ. Есть такожде и другая дубрава Аммонова, источникъ имѣетъ посредѣ, егоже наріцаютъ, вода Солнечная: егда Солнце восходитъ, нѣкую теплоту имѣетъ; въ Полдень егда жаръ великіи, студена, вечеру же бывшу, согрѣвается, въ Полуноци же sѣло гаряча, егда же нощь къ свѣту станетъ накланятіся, и она начинаетъ хладѣти, даже до Восхода Солнечнаго во своемъ состояніи, пребываетъ. А что вмѣсто бога почитаютъ, не такимъ образомъ было, якоже художники иныхъ Идоловъ изображаютъ. Былъ образъ человѣческіи до бедръ изумрудами, жемчугомъ, и прочимъ драгоцѣннымъ каменіемъ украшенъ. Егда его вопрошаютъ, да бы далъ отвѣтъ къ вопросамъ, тогда носятъ его жерцы въ златомъ ковчезѣ, кругомъ его по обоимъ сторонамъ множество чашъ сребряныхъ. Послѣдствуютъ имъ жены и дѣвіцы, обычаемъ отцевъ своихъ скверныя стіхи поюще, и вѣрующе, которые тѣми стіхами Іовіша ублажаютъ, да бы истінну сказалъ къ вопросу людскому. Въ то время, егда начатъ царь блізъ пріходіти, нѣкіи старѣішіи жрецъ изыде къ нему, сыномъ Алеѯандра нарече, яко

Юпітеръ

Юпітеръ отецъ твои, тако глаголетъ къ тебѣ, и тако наріцаетъ тя, Алеѯандръ же забывъ пріроду человѣческую въ себѣ, тако вѣровалъ и пріялъ. Тѣмже вопросілъ: будетъ ли обладати всѣмъ Свѣтомъ, волхвъ лукавства исполненъ, рече: всего Свѣта управітель будетъ. Еще вопросілъ, всѣхъ ли измѣнніковъ отца моего имамъ смерти предати? Но жрецъ рече: отца твоего нікто не изобідітъ, и убіти не можетъ. Філіпповы же убіицы вси казнь воспріяли. Исія такожде рече, яко будеши непреодоленныи Алеѯандръ, донелѣже преідеши къ богамъ. Потомъ царь сотворівъ жертву Аммону, а жрецамъ дары даде. Другомъ своімъ такожде повелѣлъ, да въ своіхъ дѣлахъ Аммона вопрошаютъ. Но они ни что вопрошали, токмо, совѣтуетъ ли имъ Алеѯандра Царя имѣти за бога, и честь ему божескую воздавати? Отвѣща имъ жрецъ, пріятно будетъ то Аммону, еже ли тако сотворіте, и царю побѣдітелю божескую честь воздадіте. Воістінну еже ли бы кто хотѣлъ благоразумно отвѣтъ Іовішевъ разсудіти, возмнѣлася басня и ложъ. Но счастіе тѣхъ, ихже себѣ єдіному вѣровати пріну дѣло, паче завістныхъ славѣ его, нежели благодарныхъ творітъ. Тѣмже Алеѯандръ не токмо сынъ божіи быти проізволілъ, но повелѣ себе и наріцати. Прочее егда славу дѣістві я

своего

своего превознести, сіцевымъ наріцаніемъ восхотѣлъ, тогда и погубілъ. Понеже Македоняне аще и обыкоша въ поддансивѣ быти у цареи; но въ болшеи волности паче иныхъ народовъ. Того ради Алеѯандра безсмерціію желающаго непокорнѣ унічіжіша, яко ни имъ, ніже царю сіе обратіся въ корысть. Но сія вся на своемъ мѣстѣ воспомянутся, нынѣ же ко начатому Історіописанію возвращаюся.

8: Алеѯандръ отъ Аммона возвратівся, потомъ отъ моря, до Маріота Езера блатнаго, не далече отъ острова Фары лежащаго прішелъ, и відя избранное положеніе мѣста, всеконечно на томъ островѣ, умыслілъ основати градъ, но егда увідѣ тѣсноту онаго угла, во иномъ мѣстѣ созда, идѣже нынѣ відімъ Алеѯандрію, того именемъ нареченную. Еліко равнаго мѣста было между езеромъ и моремъ, обложілъ на 80 стадіи круѣ стѣнъ града, и мастеровъ оставівъ, самъ же поіде до Мемфы.

Велїе желаніе имѣлъ, аще и достоіное, но не во время въ далную страну государства Егіпетскаго и Еѳіопскаго ити, и тамо вся разсмотріти. Такожде склонїли его къ тому, преславныя палаты царя Мемнона и Тіфона: желаше бо відѣти древность, мало не нашомъ мѣстѣ, гдѣ Солнце не заходіть, и не

и не свѣтитъ. Но послѣдующая воїна еще не совершена была, и времене тому непотребному путешествію не даде. И тако во Егіптѣ оставївъ, именемъ Есхіла родянїна, и Павцеста Македонянїна, съ 4000 воїнства, и управленіе имъ вручілъ. Врата у рѣки наріцаемыя Нілъ, Полімену блюспи повелѣ, сего ради даде ему 30 бударъ четверовеселныхъ. Во Афрікѣ, которая съ Егіптомъ прімірілася, Аполлонїа началнїка и властелїна поставілъ. Пошлїну во Афрікѣ и во Егіптѣ Клеомену вручілъ. Изъ блїжнїхъ градовъ порубежныхъ, жителемъ во Алеѯандрію преселіться повелѣлъ, градъ новыи множествомъ людеи весма наполнілъ. Сіце глаголютъ, яко, егда царь назначілъ основаніе стѣнъ градскїхъ осыпая крупами, по обыкновенію Македонскому, разныхъ птіцъ стадо превелїе прілетѣ, и крупы тыя поядоша. Тогда мнози знаменіе тое не добро быти разумѣша, рекоша волхвы, яко въ томъ градѣ множество человѣкъ будетъ обіташи, къ сему же Алеѯандрѣ много странъ будетъ піташи. Тамо Экторъ Парменіевъ сынъ, во цвѣтущемъ возрастѣ, Алеѯандру вѣло любімыи, хотя его рѣкою пловущаго достігнути, сѣде въ малую лодку со многїми людми, того ради лодка погрузїлася, и вси попадали въ воду. Многое время бѣдствуя въ рѣкѣ

отъ одѣянїя воды наполненаго, и отъ сапоговъ на ногахъ прївязаныхъ, плавати не возмогъ; обаче едва жївъ ко брегу прїбїлся, тамо же по утомленїи отъ тоя боязни и гїбели обмеръ; и егда нїкто ему помощи не даде, понеже прочїи на другую страну прїплыли, сїце жїтїе свое скончалъ. Вѣло былъ печаленъ Алеѯандръ о смерти его, тѣло же обрѣтеное, съ великою честїю погребе. Но болѣе ему печали умножїла вѣсть, о погїбели Андромаха воеводы Сїрїскаго, понеже его жїва Самарїтяне сожгли, егоже смерти да бы отмщенїе сотворїти, сколь скоро можаше поиде, гдѣ ему всѣхъ измѣнїковъ выдали. По томъ Мемнона на его мѣсто поставїлъ, но прежде убїицъ смерти повелѣ предати.

Мучїтелеи [между ими шакожде Меѳїмеїскаго, Арїстонїка, и Хрїсолая] подданнымъ на свободу даде, ихже они ради обїды воспрїятыя умучївше, съ стѣнъ градскїхъ наглавы нїзвергоша. Слушалъ по томъ посолства отъ общїны Лѳїнскїя, изъ града Рода, и Хїи, Лѳїняне ему прївѣтствовали о побѣдѣ, и да бы Грековъ плѣненыхъ на воїнѣ, во свояси повелѣлъ свободно отпустїти, молїли его. Родяне и Хїане на воїновъ, которые у нїхъ пребывали, жалобу предлагали: вси что просїша отъ него воспрїяща. Мїшїлїяномъ, ради избранныя

къ себѣ

къ себѣ вѣрности, что ему денегъ во время воіны ратнымъ не пожалѣли дати, залогъ мира даде, и сѣло велію страну къ предѣламъ ихъ прісовокупілъ. Господарямъ Кіпрскімъ, [которые Дарія оставя къ нему прішли, егда же градъ Тіръ получілъ, карабли и воіновъ прісслали] по услугѣ честь воздаде. По томъ Амфотера съ воінскіми караблями, на помощь ко Кріту послалъ, гдѣ и Персяне съ разбоінїками, многія грады получали. Паче всего отъ разбоінїковъ море свободіти повелѣ, которымъ мало не обладали; понеже оба цари упражняліся въ воінѣ. То все скончавъ, Еркулесу *Ідолу Тірскому, егоже Тіръ почітаетъ, златую* чашу и 30 блюдъ въ жертву даде, о Дарії же промыслъ имѣя, походъ до Евфрата рѣки повелѣ сказати.

9: Но Дарії имѣя о немъ вѣсть, что изъ Егіпта, во Афрїку возвратілся; сумнѣвался, въ Месопотамїи ли стояти, или въ далную страну царства своего поіти; извѣстенъ бывъ, яко самъ лучше, послѣднія народы на воіну уготовіть, которые едва воеводъ слушали. Но увѣдомленъ, яко Алеѯандръ со всѣмъ воінствомъ своімъ, въ кое бы царство онъ ни уходілъ, готовъ его гоніти: вѣдя съ каковымъ противнікомъ дѣло имѣетъ, повелѣ, еже бы отъ всѣхъ далніхъ странъ,

на помощь ему воинство, въ Вавилонъ собиралося. бактріане, Тапары и Индіяне, уже пріидоша. Такожде и протчихъ народовъ воинство пріиде. Протчее въ то время въ двое было болше воинства, нежели въ Кілікіи на прежнеи воинѣ: многимъ ратнымъ оружія нестало, чего съ великимъ тщаніемъ искали. Конницу же имѣлъ сѣло вооружену, такъ что и кони въ желѣзѣ были одѣты, которая нічто болѣе кромѣ копеи имѣла, а тогда мечи и щіты имъ раздалъ. Множество конницы между пѣхотою раздѣлілъ, хотя болшую конницу имѣти, нежели прежде была. 200 колесницъ имѣлъ, къ которымъ косы желѣзныя пріѣты были, страхъ Македонянамъ, якоже онъ чаялъ; зане тамошнія народы въ томъ надежду имѣли, въ концѣ бо дышла копія простерты были. А отъ обоихъ сторонъ на коромыслахъ по три меча на люди обращенныя стояли, въ спицахъ разное оружіе прямо стоящее пріѣто было, прочія косы, въ верхъ и внізъ на колесахъ обращаліся, да бы все, что случілося, пресѣкали. Тако устроивъ воинство, и вооружівъ, поиде съ нимъ отъ Вавілона. Въ правои сторонѣ была рѣка преславная Тігръ. Въ лѣвои сторонѣ Евфратъ: обозъ поля Месопотамская наполнілъ. Прешедъ чрезъ рѣку Тігръ, услышалъ яко супостатъ въ блізости, послалъ предъ собою Сатрапаха полковника

съ 1000

съ 1000 избранныя конніцы. Мазею старѣйшінѣ 6000 даде, да бы Алеѯандра чрезъ переправу не пускалъ, томуже прїказалъ все огнемъ разоряти, гдѣ Алеѯандру путь надлежалъ итти. Тако помышляя яко оскудѣнїемъ пищи побѣдитъ Алеѯандра ни что имѣющаго, кромѣ того что бы хїщенїемъ прїобрѣлъ себѣ, ему же самому запасы отвсюду сухїмъ путемъ, и водою, рѣкою Тїгромъ везли. Уже прїиде ко граду Арбеллу, егоже вскорѣ погїбелїю своею прославїти хотѣлъ. Гдѣ болшую часть запасу и имѣнїя оставїлъ. На рекѣ Лїкїи мостъ учїнїлъ, и въ 5 днеи, якоже прежде у Евфрата рѣки, воїнство преведе. Оттуду едва не 80 верстъ прешедъ, обозъ при рѣкѣ бумадѣ поставїлъ. Была тая страна вѣло изрядна и полезна ко расположенїю воїска велїкаго, поле пространно ѣздящымъ было, ни пнеи, ни кустовъ имущо, свободно и мощно было очесами далече зрѣти. Сего ради Дарїи, гдѣ прїгорки были, повелѣ ихъ сравняти. Егда Алеѯандру о множествѣ воїска его слїко могли исчїслїти, повѣдали, не яше вѣры помышляя, аки неудобную вещь, да бы по толїкомъ воїнствѣ побѣжденномъ, возмогъ болѣе собрати воїнства. Но обаче вся союзни, наїпаче же множество воевъ ни во что вмѣняя, въ 11 день съ полками прїиде до рѣки Евфрата, тамо мосты учїнївъ, конніцъ

прежде, потомъ пѣхотѣ прєйти велѣлъ. Мазеи полководецъ въ 6000 конніцы, ради удержанія переправы посланыи отъ Дарїа, ставъ въ строю не дерзнулъ бои дати. Потомъ нѣсколько дни Алеѯандръ, не тако ради упокоенїя, якоже ради прїятїя лучшїя бодрости, воїнству отдохнувшу, гонілъ супостата прілѣжно, блюдыїся да бы въ дальшую страну царства своего не ушелъ: подобаше бо ему вслѣдъ его итти чрезъ пустая мѣста, и со всѣмъ разореная. Тѣмже въ 4 день прешедъ Арбеллу, прїспѣлъ къ Тїгру рѣкѣ. Вся страна объ онъ полъ рѣки въ куренїи дыма была отъ превелїкїихъ пожаровъ. Зане Мазеи гдѣ возмогъ итти, яко супостатъ пожїгалъ. Тамо во первыхъ Алеѯандръ, мрака ради дымнаго бояся измѣны, сталъ. Потомъ егда осмотрїители вѣсть прінесли яко вездѣ нестрашно, послалъ конніцы малую часть прежде себе, да разсмотрятъ глубїну тоя рѣки, которая при брезѣ глубїною конемъ по груди, посредѣ же по шею: нѣсть на Востокѣ Солнца, рѣки таковыя скоро текущїя, которая не токмо многїя источнїки водъ, но и каменїе влечетъ. Откуду ради скорости именованїе имѣетъ Тїгръ, зане Персяне стрѣлу нарїцаютъ. И тако Алеѯандръ, по обоїмъ сторонамъ въ рѣкѣ прямо противо другому брегу конніцу разставілъ,

посредѣ

посредѣ ихъ шла пѣхота на главахъ оружіе несуще. Сего ради безъ всякаго препятія въ полѣ рѣки перешли. Царь прежде всѣхъ первыи предъ пѣхотою, на другую сторону рѣки преіде, бродъ ратнымъ показуя рукою, зане гласа не возможно было слышати, но ишши едва могли. Понеже имъ иногда каменіе слїское трудъ чїнїло, иногда вода подъмывала ихъ. Наїпаче же тїи труждалїся, которые на раменахъ своїхъ несоша вещы, зане собою двїзатїся не могли, во глубїну тыя несомыя вещи погружали ихъ. И егда же всякъ вещы своя жалѣлъ, достїгали ихъ болѣе между собою, нежели съ рѣкою бѣдствовали, похїщенныя бо водою вещы многїхъ опечалїли. Царь увѣщаваше ихъ, да бы паче всего оружіе хранїли въ цѣлости, обѣщавая имъ прочая вся возвратїти. Но ни совѣта, нїже повелѣнія было тамо время слушати. Иногда бо страхъ и трепетъ нападаше на нїхъ, иногда же крїкъ купно пловущїхъ препїнаше отъ того. Обаче гдѣ рѣка тїше текла, имѣли бродъ, вышли благополучно тако, яко вся своя имѣнія и оружія вынесли, кромѣ не многїхъ сумокъ. Погїбло бы его воїнство, аще бы кто дерзнулъ на нїхъ наступїти. Но всегдашнее счастіе Алеѯандрово, отъ того мѣста супостата отгнало. Такожде и у Граніка рѣки, коль многія воїнства тысящы конныхъ и пѣшіхъ,

и пѣшїхъ, по брегу стоящїхъ, побѣдїлъ. Такожде и въ тѣсностахъ Кїлїкїискїхъ, воїнство превелїе и храброе супостатское побѣдїлъ, храбрость и смѣлость колїка въ немъ была, нїкто возмогъ сказати: зане нїкогда таковое бѣдство на него прїходїло, да бы безъ совѣта и разсужденїя творїлъ. Мазеи полководецъ аще бы въ то время егда переправлялся Алеѯандръ, нашелъ, воїстїнну побѣдїлъ бы на брезѣ безъ строя стоящїхъ, нынѣ не во время на вооруженыхъ нападаетъ. Послалъ предъ собою тысящу конницы, о нїхже Алеѯандръ услышавъ яко не мнози, ни во что ссбѣ вмѣняя, Аристону повелѣ [которыи былъ полководецъ надъ Пеоны] съ конницею на нїхъ наступїти. Превелїи бои конница въ тои день учїнїла; а наїпаче Аристонъ Сатрапаѯа полководца надъ Персяны копїемъ тако въ горшань ударїлъ, что на сквозь копїе прошло, и бѣгущаго посредѣ Персянъ гонїлъ, и достїгъ съ коня нїзверже, и протївовоюющему главу отсѣче мечемъ, и предъ царскїя ноги съ велїкою славою прїнесши шую положїлъ.

10. Два дни тамо царь покоїлся, въ третїи день путешествїе сказати повелѣ. Но предъ полунощїю Луна помрачїлася, потомъ аки въ крови заїде, что наїпаче предъ тако блїзкою и страшною бранїю Македонянъ устрашїло всѣхъ, и ропташа

и ропташа яко противу воли боговъ на концы Вселенныя ведетъ ихъ, уже и рѣкъ проходити не могутъ. Уже и Небеса обыкновеннаго свѣтила дати не хотятъ. Земля шокмо пустая, и степи превелікія предъ нами, ради єдінаго человѣка намѣренія и славы, крови толіко многіхъ воіновъ пролити. Онъ наслѣдіе свое унічіжаетъ, отца Філіппа отрічается, Небо суетными помышленми похитити хощетъ. И тако уже не далече къ послѣднему возмущенію прішли. Алеѵандръ ни мало о томъ усумнѣвся, повелѣ полководцевъ, и началніковъ воінскіхъ всѣхъ вѣшатеръ къ себѣ собрати. Таможе прізвалъ Егіпетскіхъ волхвовъ, звѣздословіе и бѣги небесныя добрѣ знающіхъ, каковое о томъ помраченіи мнѣніе ихъ было, да бы явственно возвѣстіли. Они добрѣ бѣги небесныя, яко Луна, или отъ Земли, или отъ Солнца помрачается, разумѣюще, пріічіны истіннаго помраченія воінству не сказали, но тако явственно рекоша. Солнце владѣетъ надъ Греками, Луна надъ Персяны, и колікожды она помрачается, всегда паденіе и погібель народу Персідскому являетъ. Потомъ древнія пріімѣры цареи Персідскіхъ предлагали, ихже затмѣніе Луны облічало, яко имѣюще себѣ противны боги, воіну начінали. Нієдіна вещь тако воінство управляетъ, якоже

многое волшебство; аще и несовершеннаго разума, и жестокаго, премѣнно будетъ, егда токмо суетнымъ волхованіемъ прелстится, скорѣше волхвовъ, нежели полководцевъ послушаетъ. И тако егда тои Егіпетскіи отвѣтъ между воінствомъ возвѣстілся, паки унынїе отвергше, надежду пріяли. Царь такожде, хотя во первыхъ воінскую охоту употребіти, о полунощи съ обозомъ пошелъ. Въ правои сторонѣ была Тігръ рѣка. Въ лѣвои, горы Гордіискія. Тако ему идущу: прішли прежде восхода солнечнаго осмотрітели посланые отъ него, и возвѣстіли яко Дарій идетъ недалече. Сего ради Алеѵандръ въ строи все воінство свое поставівъ, самъ прежде всѣхъ пошелъ. Но не было тамо воіско Дарієво, токмо подѣздъ его показался, съ 1000 конніцы; зане гдѣ дѣла извѣстнаго достігнуті не могутъ человѣцы, ложное нѣчто страха ради разумѣютъ быти. О томъ извѣстівся царь съ немногіми вои, которіи блізъ его были, настігъ Персянъ бѣгущіхъ въ обозъ свои, многіхъ побілъ, прочіхъ же плѣнілъ: конніцу послалъ на подѣздъ: да бы такожде и огнь гасіли; зане супостатъ бѣгущіи, веси и села пожігалъ скоро, но не прілѣжно на строенія и домы металъ огни, которыи на верху лежащъ, не возмогъ вскорѣ внізъ до основанія обьяти. Тѣмже угасівъ тои огнь,

множество

множество многое хлѣбнаго запаса, и иныхъ вещей разныхъ обрѣли. Сіе болшую охоту возбуділо въ Македонянехъ, ежебы Персянъ гоніти. Понеже они землю огнемъ разоряли, а Македоняномъ надобно было поспѣшати, да не разорілъ бы всего. Сего ради нужду тую претворіли въ дѣло: наіпаче и Мазеи полководецъ, которыи ни что болѣе прежде исправляя, села токмо попалялъ. Нынѣ тѣмъ удовляяся, да бы токмо уіти возмогъ, оставілъ вся невредіма и неразоріма. Алеѯандръ извѣстіе имѣя, яко Даріи не болѣе 150 стадіи въ разстояніи отъ него: и имѣя веліе изъобіліе запасовъ, четыре дни стоялъ на томъ мѣстѣ. Потомъ поіманы были грамоты Даріевы которыми онъ Греческіхъ воіновъ увѣщавалъ и возбуждалъ, дабы убіли царя, или ему предали. Усумнѣвашеся о семъ Алеѯандръ предъ всѣми ли чітати явственно тыя, надѣяся яко ему Греки ѕѣло вѣрни, и добродѣтелни были. Но Парменіи не совѣтовалъ о томъ ему, дабы о сіцевыхъ обѣщаныхъ слышали воіни, глаголя, яко едінаго измѣна можетъ тебѣ царю вредіти: завість бо все можетъ сотворіти. Онъ же послушавъ совѣта его, пошелъ въ походъ съ воінствомъ. Егда же путешествова Алеѯандръ, се прібѣжалъ къ нему скопецъ отъ Персянъ плѣненыхъ, которые при женѣ Даріевѣ были, возвѣщая

ему, яко едва жіва и умірастъ, отъ нужды путешественныя и отъ печали, и уже предъ очми свекрове своея, на рукахъ дѣвіцъ дщереи своіхъ обмерла, потомъ и скончалася, се и другіи тожде возвѣщая пріиде. Царь же не о иномъ, токмо о смерти аки истінныя матере своея возвѣщеніе пріялъ, начатъ часто воздыхати, облїваяся слезами, аки бы самъ Даріи плакался: и въ шатеръ, гдѣ матерь старая блїзъ невѣски умершія сїдѣла, пріиде. Егда же узрѣ оную на земли сѣдящую, которая въ томъ настоящемъ случае ѕлосчастіе себѣ пріпомня, взяла къ колѣнямъ своімъ въ возрастѣ сущыя дѣвіцы: воістінну велію болѣзнь купно и печаль пріяла. Стоялъ предъ нею внучекъ во младенческомъ возрастѣ, того едінаго мілосердія достоінъ, яко ѕлосчастія своего весма не разумѣлъ. Повѣрілъ ли бы кто, что Алеѯандръ между сродніки своіми тогда плакался, и не веселілъ прочіхъ; но увеселенія отъ ніхъ самъ требовалъ. Воістінну и піщи отъ таковыя печали лішівся, со всякою честію, по обычаю Персідскому тѣло жены Даріевы погребе. Достоінъ воістінну, еже бы и въ нынѣшнемъ вѣцѣ, добронравія и воздержанія своего похвалу пріяти Алеѯандръ, яко едіножды токмо відѣлъ оную въ тои день, егда плѣнілъ оную, ибо ніже на оную смотрілъ, но на матерь Даріеву; преізрядную

красоту

красоту ея не ради безчінія, но славы ради при себѣ сохраняя. Тірїотъ же скопецъ, которыи былъ между стоящими предъ царїцею во время плача и рыданія убѣжалъ вратами не отъ Македонскія стороны сущими, тамо бо стража некрѣпка стояла, къ Дарію въ обозъ пришелъ: взявше же его стражіе привели ко царю, во одеждѣ раздранои воздыхающа. Узрѣвъ же его Дарїи, и разумѣя нѣчто болѣзненно себѣ, чего наипаче боялся, рече: не вѣмъ, какую причину, лице твое удивително келїкую и злую объявляетъ? Но блюдїся да не поскорбиши мене бѣднаго человѣка, ибо уже я научился быти въ злосчастливыхъ, и многократно бѣдами утѣшаюся, разумѣя несчастіе свое, что азъ наипаче въ пороцѣ имѣю, и боюся изрещи, ибы мнѣ да возвѣстиши о насилствѣ безчінномъ моихъ, которое, якоже азъ разумѣю, паче всякія казни было несносно. Отвѣща Тірїотъ: воистинну сего не бывало, зане понеже келїку могли честь подданые имѣти, побѣдитель Алеѯандръ оную имъ всегда воздавалъ. Но царїца жена твоя нынѣ недавно умре. Тогда во всемъ обозѣ, не токмо воздыханіе, но плачь и рыданіе болѣзненное вездѣ было. Дарїи же чаялъ яко убіита есть за то, что Алеѯандрова хотѣнія не исполнила, и тако отъ превелікія болѣзни аки безумныи крічалъ: что

азъ когда тако лютѣ и безчїнно протїву тебе Алеѯандре учїнїлъ? кого отъ твоїхъ сроднїковъ убїлъ? что бы ты жестокости моеи ревнуя воздавалъ? разъярїлся ты на меня, прїчїны отъ мене не имѣя, которую хотя бы ты и имѣлъ, достоїную бы ты брань воздвїгнулъ съ женами ли надлежало тебѣ оную творїти? Но Тїрїотъ богами отеческїми клялся, глаголя: нїчто таково еи учїнїлося. Наїпаче Алеѯандръ воздыхалъ вїдя оную умершу, и не иначе, какъ ты, плакался. Сїя рѣчь учїнїла Дарїю мнѣнїе, яко плакался аки бы друга и супруги своея истїнныя Алеѯандръ. Тѣмже повелѣлъ всѣмъ изыти изъ шатра, едїнаго токмо оставїлъ Тїрїота, уже не плачущъ, но токмо воздыхающъ, рече: вїдїши ли Тїрїоте, что не малыя прїчїны здѣ ложно реченыя тобою являются? вскорѣ мучїмь будеши, обаче боговъ ради не ожїдаи мученїя, аще что чести царя твоего имѣеши въ себѣ, скажи мнѣ, о чемъ вѣдати желаю, а вопрошати стыда ради не могу, дерзнулъ ли что студно тои и господїнъ и человѣкъ младыи? Тїрїотъ же готова себе на мученїе показуя, и боговъ во свїдѣтелство прїводя, яко въ чїстотѣ и благочїнїи Алеѯандръ сохранїлъ царїцу. И тако Дарїи увѣрївся словами скопцевыми, главу свою закрывъ, многое время плакался,

и еще

и еще слезамъ текущымъ, открылъ главу и лїце свое, руки на небо вознесъ, рече: бози наслѣдїя моего: во первыхъ сотворїте миръ въ царствѣ моемъ, и аще азъ погїбну, молю васъ да во Асїи ни кто инъ царь будетъ, токмо сеи правдївыи непрїятель, и мїлосердыи побѣдїтель Алеѯандръ.

11: Тако аще мира дважды всуе и просїлъ, уже со всѣмъ весма на брань обратїлся; обаче тѣмъ воздержанїемъ непрїятеля своего преодолѣнъ, послалъ къ нему о новомъ договорѣ и мирѣ, десять пословъ честнѣїшїхъ отъ своїхъ сроднїковъ: которыхъ Алеѯандръ собравъ совѣтнїковъ, представїти повелѣлъ, отъ нїхже старѣїшїи тако рече:

Дарїи у тебе уже третїцею мира просїтъ, къ чему нїедїна нужда прїнуждаетъ его, но твоя правда и воздержанїе склонїла его къ тому, Матерь свою, и чадъ не мыслїтъ быти въ плѣненїи, токмо, что не при немъ жївутъ. Чїстоту оныхъ, которые у тебе жївутъ, аки истїнныи отецъ соблюдаеши, царевнами нарїцаеши, честь и велїчество чїна прежняго воздаваеши. Лїце твое сїцево зрїмъ, яково имѣетъ и Дарїи, егда насъ послалъ къ тебѣ, но онъ о женѣ, а ты о непрїятелѣ плачеши. И уже воїнство въ строю ко брани представїлъ бы ты, ежели бы погребенїе тя не задержало. И что дївно, аще отъ тако дружескаго добронравїя мира

просїтъ!

просіть! На что оружіе, между которыми гнѣвъ утолілся. Онъ прежде давалъ тебѣ государство до рѣки Галісы, которая Лідію опредѣляетъ, нынѣ же елїко есть между Элеспонтомъ и Евфратомъ рѣками, то вмѣсто пріданаго со дщерію дастъ. Оха сына, егоже имѣеши, аки заклада несумнімыя вѣрности удержи. Матерь же и двѣ дѣвіцы дщери отдажды, за тѣхъ троіхъ возми 30000 талантъ злата, молітъ тя. Аще бы онъ не зналъ, сколь кроткіи нравъ въ тебѣ не рекъ бы, яко нынѣ время есть, въ которое не токмо бы ны миръ учінілъ; но и самъ бы его еще искалъ. Зри что за собою оставілъ, разсуди колїко еще желаеши. Страшно есть и тяжко таковое превелїкое государство обдержати, егоже весма объяти не можеши. Відіши ли карабли превелікія, како управіти возможно? Не вѣмъ же ли Дарій того ради много погубілъ, что богатствъ множество всегда умаляется. Удобнѣе временемъ побѣдіти, нежели защіщати, глаголю сіе, свідѣтель мнѣсть Геркулесъ, руцѣ наши удобнѣе похіщаютъ, нежели держатъ. Самая смерть жены Дарієвы можетъ тя увѣщати, которая уже мілосердія твоего не требуетъ, якоже прежде. Алеѯандръ же послалъ изъ шатра повелѣлъ уступіти, совѣта требовалъ: что полководцемъ возмнішся, много время нікто

дерзнулъ

дерзнулъ глаголати, не разумѣя къ чему царь склоняется. Обаче Парменіонъ начатъ: совѣтовалъ бы я царю тебѣ, да бы плѣнніки еще подъ Дамаскомъ, ты повелѣлъ отдати, гдѣ ихъ окупали, возможно было многое чїсло казны собрати за тѣхъ, которые сами себе доброволно смерти предали. И нынѣ такъ мнѣ мнїтся, и совѣтъ мои сїцевыи, да бы ты єдїну жену старую, и двѣ дѣвїцы, пути токмо и воїнству препятїе, за 30000 таланпъ злата отдалъ. Прежняя государства могутъ чрезъ договоръ, а не мечемъ взяты быти. Нїже инъ кто между Дунаемъ и Евфратомъ, странъ велми отстоящїхъ, по сїе время кромѣ тебе не одержалъ. Тѣмже лучше Македонїю вїдѣти, нежели о бактрїанѣхъ и Індїанѣхъ помышляти.

Сїми рѣчми его, вѣло оскорбїлся царь. Сего ради скоро отвѣщалъ: и я бы хотѣлъ злата паче нежели славы, ежели бымъ былъ Парменїонъ; нынѣ же аки Алеѯандръ о неїмѣнїи не печалюся, но помню, яко царь есмь, а не купчїна. Правда неимѣю что продати, обаче счастїя моего не продаю. Плѣнніковъ, аще сїце тебѣ мнїтся, много честнѣе даровати, нежели за окупъ свобождати. Потомъ пословъ введоша въ палату, имже сїцевыи даде отвѣтъ.

Рцыте Дарїю, яко непрїятелю благодареніе воздавати, есть дѣло вѣло непотребно: азъ же въ чемъ

мілость мою и добродѣтель показалъ, не ради его дружества, но отъ пріроды моея то сотворіхъ, не противо погібели, но противо сілы непріятеля моего творю, воіну ночіти съ плѣнніками и женскімъ поломъ не обыкохъ. Долженъ быти весма вооруженъ, аще кто непріятель мои есть. Аще бы царь вашъ отъ совершенныя вѣрности, мира просілъ, мнітмісся, помыслілъ бы я сотворіти. Но понеже воінство мое недавно чрезъ грамоты коизмѣнѣ увѣщавалъ и прелщалъ, и у друзеи моіхъ погібели моея златомъ искалъ, надлежітъ мнѣ самого его искати, еже бы погубіти, не аки непріятеля, но аки убіицу на мене ядъ злобы имуща: договоры мирные, которыя пріинесли вы, аще пріиму, побѣдітеля его оны покажутъ. Страну даже до рѣки Евфрата доброхотно даетъ мнѣ. Но что мнѣ глаголете? знатно забыли вы, се азъ уже прешелъ рѣку Евфратъ, такожде вся предѣлы пріданаго, которое мнѣ обѣщаваетъ, воінство мое преіде. Оттуду прежде изгоніте мя да увѣмъ сіе быти ваше, что мнѣ дасте. Чрезъ тоеже мілосердіе даетъ мнѣ дщерь свою въ жену, которая, вѣмъ, яко слугу его нікоего восхощетъ имѣти въ женіха. Велїко ли мнѣ сотворітъ, егда мене паче Мазеа зятемъ наречетъ? Тѣмже идіте и возвѣсіпіте царю вашему, и что погубілъ, и что имѣетъ,

имѣетъ, оные дары вси суть воіны, которая и моего и его Царства предѣлы имѣетъ, та дастъ всякому отъ насъ, что заутра счастіе покажетъ. Азъ же во Асію не того ради, да бы отъ кого брати но инымъ давати, прішелъ. Аще бы и неравенъ мнѣ, но по мнѣ вторыи хотѣлъ быти, едва бы того, чего желаетъ, не сотворілъ. Но ни два Солнца едінъ свѣтъ управляти могутъ, ни двухъ властелїновъ превелїкое царство, безъ препятїя имѣти можетъ. Сего ради или нынѣ подданство, или наутрее брань да уготовїтъ; инаго же счастїя, токмо егоже искусїлъ, да не ожїдаетъ, нїже обѣщаваетъ.

Послы отвѣщаваютъ: Понеже ты воїну возлюбїлъ, твори сїе истїнно безъ всякаго продолженїя, ибо царь нашъ не будетъ имѣти праздныя надежды о прїмїренїи, молїмъ тя отпусти насъ вскорѣ, и ему бо надлежїтъ уготовлятїся. Тѣмже отпущеные воїну возвѣстїли Дарїю.

12: Дарїи же скоро прежде себя Мазеа съ тремя тысящами коннїцы послалъ, да бы путь, имже Алеѯандръ имѣлъ итти, захватїлъ.

Алеѯандръ убо жену Дарїеву погребъ и вся имѣнїя и плѣннїки со не многїми вои въ тѣхъ крѣпостяхъ оставївъ, поїде на Дарїя. раздѣлїлъ же пѣхоту на двѣ части, и отъ обоїхъ сторонъ

конніцею закрылъ, препятія нѣкая послѣдовали полкамъ стѣсненно въ строю наперед идущымъ. Потомъ повелѣ Мінідѣ полководцу съ Татарскою конніцею поити, увѣдомітіся гдѣ Даріи обрѣтается. Но онъ близъ Мазеа прішедъ, не смѣлъ далѣ итти; возвѣщаетъ, яко нічего болше, токмо шумъ человѣческій, и звукъ конскій слышалъ. Мазеи такожде узрѣвъ издалече подъѣздъ, возвратілся, возвѣщая что не далече Алеѯандръ. Но Даріи желалъ въ пространномъ полѣ бои дати; того ради повелѣ воіномъ вооружітіся, и тако воінство въ строи поставілъ. На лѣвомъ крылѣ бактріановъ конныхъ 1000. Даховъ, и Арахазовъ столкоже. Сузіанъ 4000, за ними 100 колесніцъ съ косами. Близъ колесніцъ былъ бессъ, имѣя бактріанскія конніцы 8000. Массагеты тои строи заключали, которыхъ было 2000 съ ними много народовъ разныхъ пѣхоты, всякій народъ своімъ полкомъ. По нихъ Арібарзанъ, и Оробатъ вели Персянъ, надъ Мардами, и Согдіанами. Орістенъ былъ полководецъ, отъ седми болшихъ бояръ, родъ свои имѣяи, наіпаче отъ славнѣішаго царя Кіра. Послѣдовали тѣмъ прочіи народы, которіи мало знаеми были. За тѣми народами шелъ Фрадатъ съ полкомъ превеліімъ Каспіанскімъ, за нимъ 50 колесніцъ съ косами. Потомъ

Індіане

Індіане и Чермнаго моря жітели, именованія токмо, нежели помощи. Во слѣдъ тѣхъ паки 50 колесніцъ со іноземскімъ воінствомъ. Паки Армяне малые, за німи Вавілоняне, послѣдовали тѣмъ обоімъ народомъ беллітяне, на горахъ Коссеіскіхъ жівущіи: за німи шли Гортяне народъ воістінну Евбоіскіи, въ нѣкое время въ тыя страны съ Мідяны прішли, но уже породу и отеческія нравы погубіли: прісовокупілъ къ німъ Даріи Фрігіанъ, и Катаонянъ, за всѣмъ воіскомъ Партіане породу свою нѣкогда имѣюще отъ Татаръ. Таковымъ строемъ шло лѣвое крыло. На правомъ крылѣ были велікія Арменіи Кадузіане, Каппадокіане, Сіріане, и Мідяне, при себѣ имѣюще 50 колесніцъ съ косами. Исчісленіе всего воінства Персідскаго, конніцы 145000, пѣхоты 600000 было. Тѣмже съ таковымъ устроенымъ воінствомъ 10 верстъ прешелъ. По томъ повелѣ имъ стояти, и тако супостата ожідати.

Но на Алеѯандрово воіско страхъ неізвѣстно чесо ради нападе, аки безумніи трепетали, ужасъ бо нѣкіи таіныи сердца ихъ пронзе. блістаніе небесное показася яко огнь, о чемъ тако неразумно вѣровали, аки бы во обозѣ Даріевѣ, огнь между окопами сіцевыи былъ. Аще бы Мазеи полководецъ въ блiскомъ мѣстѣ на распутіяхъ стоящъ на устрашівшіхся напалъ, многіхъ бы побѣділъ.

Но онъ возшедъ на нѣкую гору, стоялъ доволенъ тѣмъ былъ, яко нїкто его вредїлъ. Алеѯандръ извѣстївся о семъ ужасѣ воїнства своего, повелѣ знакъ учїнїти, да станутъ, и оружїе сложатъ, вмалѣ же да укрѣпятся пїщею, увѣщавая ихъ, яко неправедно ужасъ наїде на нїхъ тако нечаянныи: супостатъ же далеко стоялъ. Потомъ егда ужасъ отступїлъ отъ нїхъ, и оружїе и бодрость купно прїяли: и нїгдѣ лутче стати возмнѣли, токмо въ томъ мѣстѣ и обозъ поставїти. Утру же бывшу Мазеи со избраннымъ коннымъ воїскїмъ на верху горы стоявыи, откуду Македонскїи обозъ вїдѣлъ, или страха ради, или токмо имѣлъ повелѣнїе воїско супостатское разсмотрїти, возвратїлся ко Дарїю, потомъ Македоняне на пую гору взыдоша. Зане тамо надежнѣе имъ было, нежели на равнѣ мѣстѣ, и воїско Персїдское возможно было добрѣ оттуду вїдѣти. Но туманъ отъ окрестныхъ горъ мокротныи, аще и не весма помрачїлъ, но обаче шеренгъ, и полковъ не даде совершенно вїдѣти. Велїе множество воїнства на поляхъ было, шумъ и звукъ толїко тысящеи хотя изъ далеча стоящїхъ, ушы Македонянъ наполнялъ.

Тамо Алеѯандръ во усумнѣнїи велїкомъ бывъ, начатъ свои совѣтъ такожде и Парменїевъ уже не вскорѣ воспомїнати, и разсуждати. Зане въ таковое мѣсто

мѣсто вшелъ, откуду немогъ иначе учїнїти, токмо или побѣдїтель, или побѣжденъ возвратїтїся. Такожде устрашїло Алеѯандра множество воїнства Дарїеваго; понеже самъ малую часть воїнства имѣлъ. Но и тое разсуждалъ, коль велїкая дѣла съ Македоняны учїнїлъ, и коль многое множество народовъ побѣдїлъ. И тако надежда страхъ преодолѣваше, разумѣвая продолженїе брани быти страшно, да бы того ради Македоняне во отчаяніе не прїшли, нїчто въ себѣ показуя, наемнымъ воїнамъ Пеонамъ, коннїцѣ на предъ велѣлъ итти, самъ пѣхоту Македонскую на двѣ части, [якоже прежде речеся] раздѣлїлъ, а съ сторонъ коннїцу поставїлъ. Туманъ уже начатъ уступати, и день свѣтлыи воїско Дарїево имъ показалъ. Тѣмже Македоняне, или отъ охоты, или отъ унынїя удївїтелно велїи крїкъ аки на брань учїнїли. Персяне такожде начаша крїчати, яко и лѣса, и поля отъ гласа громкаго возстенали. Невозмогъ уже Алеѯандръ Македонянъ удержати, зане хотѣли набѣгомъ на супостата наступїти. Но обаче Алеѯандръ лутче разсудїлъ, да бы на тои горѣ обозъ укрѣпїти, сего ради окопомъ повелѣлъ обвестїся, которыи охотно егда учїнїли, скоро Алеѯандръ въ свои шатеръ пошелъ, откуду воїско все супостатское возможно было вїдѣти.

13: Тамо во первыхъ блізъ настоящее бѣдство увіdѣлъ, воіны и кони удівітелнымъ оружіемъ блісталя, все съ прілѣжаніемъ велікімъ устроевалося, полководцы полки своя обѣзжали, множество и неспотребныхъ вещеи было. Посіхъ гласъ конскіи, шумъ и крікъ воінскіи, сіяніе оружія, Алеѯандра суща въ печали, и ожідающа конца, вѣло оскорбляло. Тѣмже или усумнѣнія ради, или хотяи сердца своіхъ воіновъ уразумѣти, собравъ полководцевъ вопрошалъ ихъ, како бы съ супостатомъ бои дати? Парменіи между всѣми полководцами искуснѣіши въ воінскомъ dѣлѣ, рече: азъ совѣтую, бои нечаянныи дати, и неізвѣстныи, можемъ побѣдіти ихъ нощію, воінство бо сіе разныхъ нравовъ, и языковъ, къ сему же сномъ и гібелію не начаянною мятущееся страха ради нощнаго, когда можетъ въ строю стати. Но въ день воінство наше узрѣвшо во первыхъ ужасная ліца Татарская, и бактріанская, зане ихъ уста и ліца обросли, и власы долгія на главахъ вісящія, къ сему же возраста вѣло превелікаго, воінъ же паче безdѣлныя вещи, нежели страха достоіныя ужаснется. Наіпаче же толь многімъ воінствомъ возмогутъ насъ, не во мнозѣ сущіхъ кругомъ обступіти. Уже нынѣ не въ Кілікіискіхъ тѣснотахъ, и не во обыкновенныхъ распутіяхъ, но на пространномъ

полѣ,

полѣ, и шїрокои равнїнѣ бои дати потреба. Едва невси сїце разумѣли; Полїперконѣже безъ всякаго сумнѣнія, шои совѣтъ, удобныи путь къ побѣдѣ разсудїлъ быти: на негоже воззрѣвъ царь, [зане прежде сего Парменїа паче, нежели самъ желалъ, укорялъ, уже потомъ невосхотѣлъ,] рече: шои промыслъ есть разбоїнїческїи, егоже мнѣ показуете, зане шо едїно есть ихъ намѣреніе, еже коего лїбо человѣка прелстїити, и обманути. Азъ же всегда славы моея, или ради небытїя Дарїева, или ради тѣсноты мѣста, или тамбою повредїити нехощу, явно въ день бои дати желаю, шо наїпаче въ надеждѣ есть. Лутче ми есть несчастїя своего жалѣти, неже ли по побѣдѣ срамоту имѣти. Къ сему же, или Перяне неслышатъ, и вооружївшеся на конѣхъ неспоятъ? тако ихъ прелстїити и обмануши невозможно, о чемъ извѣстїе имѣю совершенное. И тако будїте готови на брань. Тѣми словесы ихъ возбудївъ, еже бы отдохнуши, отпустїлъ отъ себе. Но Дарїи, что Парменїи совѣтовалъ, супостата прелстїити въ добромъ прозрѣнїи, и разумѣнїи имѣлъ, яко Македоняне тако съ нїмъ бои учїнятъ, кони осѣдланы имѣти, болшеи часши воїска вооруженнои стояти велѣлъ. Сего ради по всему обозу многїя огни были. Самъ съ полководцами, во оружїи стоящыя полки обхождаше,

Солнца, Марса, святаго ивѣчнаго Огня на помощь прізываше, да бы имъ прародителеи древніхъ мужество доспоіное даровали; и воістінну аще бы человѣческая мысль сіе достігнути возмогла, узрѣла бы боговъ себѣ помогающіхъ, они прежде Македонянъ устрашіли. Сего ради аки безумніи бѣгаютъ повертше съ себе оружіе. Заступніки государства Персідскаго, бози уже на безумныхъ месть свою сотворіли. Егда и полководецъ ихъ мудрѣіши, аки звѣрь яковыи, шокмо корысти желаетъ, на погібель же прежде корысти предлежащую бѣжитъ. Не меншая печаль иу Македонянъ была, всю ночь въ смущеніи были, аки бы брань творяще. Алеуандръ самъ якоже въ сіе время, нікогда ужасся тако, повелъ прізвати Аріспанда къ жертвѣ и моленію, которыи одежду бѣлую на себѣ имѣя, въ рукахъ же зелёе посвященное державъ, и главу покрывъ, тако начіналь, яко царь съ нимъ къ богу Іовішу, Марсу, и Мінервѣ, о побѣдѣ молітвы пріносітъ. Жертву же совершівъ, поіде въ шатеръ, уже при концѣ ночи. Но ни спати, ни лежати можаше, размышляя, или на правое крыло Персідское наступіти, или съ самаго чела бои дати; а иногда помышлялъ, не лутче ли на лѣвое крыло ударіти? въ томъ сумнѣніи и печали не малои, наіде на него сонъ превелікіи. Егда

день

день наста, собращася къ нему полководцы, како бы повелѣлъ бои учинити, и необыкновенному его спанію удивляліся зѣло. Зане воина времена самъ ихъ призывалъ, а иногда не скораго ради пришествія ихъ наказывалъ. Нынѣ уже въ послѣднемъ страхѣ тако спитъ: и чаяли, яко не спитъ, но въ печалной болзни сѣдитъ. Обаче нѣдинъ дерзнулъ отъ стражеи внити въ шатеръ, аще уже и время приспѣ, воинство же ни ко оружію, ни къ строю безъ повелѣнія инии смѣяше. Многое время Парменіи ожидая, повелѣ воинству ясти; уже всеконечно подобаше изъ обоза изыти. Тогда внѣде въ шатеръ Парменіи, и многажды именемъ возбуждаше зовыи, не могіи гласомъ, рукою возбудилъ, и рече: уже день великіи: Дарій съ воинствомъ устроеннымъ наступаетъ; твое же воинство еще не вооружено ожидаетъ повелѣнія. Гдѣ бодрость сердца твоего? ты самъ и стражу возбуждалъ. На тое Алеѯандръ отвѣщалъ; вѣрѣти ли едва уснути могъ, не свободився отъ печали, которая мнѣ многое время не даде заснути? вскорѣ повелѣ знакъ трубою дати. Парменіи же наипаче удивляшеся, яко тако безъ страха спаше, рече къ нему Алеѯандръ, егда Дарій страны попалялъ, грады и села разорялъ, такожде всякія запасы ко препитанію искоренялъ, тогда быхъ въ сумнѣніи. Нынѣ же чего имѣю устрашатіся,

сгда явственно бои хощешь со мною учінити? воістінну желаемое получіхъ. Но воіно время ошомъ изъявлю вамъ; вы же идіте всякъ въ свои полкъ: азъ скоро пріиду, и что повелю творіти, услышіте. Едва когда воістінну въ странѣ увѣщанія дружня слушалъ, тогда возложівъ на себя броня воінскую, вышелъ къ полкамъ. Никогда тако весела Македоняне вѣдѣли царя, съ лица его не устрашенна, надежду явственную о побѣдѣ пророчествовали себѣ; онъ же окопъ разрушіти и изъ обоза изыти повелѣ. На правомъ крылѣ поставілъ коннѣцу, которую наріцаютъ избранными. Полководецъ у нихъ былъ именемъ Клітъ, къ немуже прісовокупілъ роты Філота полководца. прочіхъже полководцевъ роты коннѣцы на томже крылѣ поставілъ. На самомъ послѣди поставленъ былъ Мелеагръ, емуже послѣдовали, вои съ копіями; за тѣми Аргіраспіды были, которые полководца имѣли сына Парменіева. Помощи ради стоялъ съ воіскімъ своімъ Кенъ, занімъ Оресть и Лінкесть со иноземческімъ воіскімъ, послѣдовалъ имъ Поліперкъ, тѣхъ всѣхъ полковъ былъ полководецъ Амінтъ. Філагъ подъ своімъ управленіемъ имѣлъ балакряны, прежде сего въ таварыщство пріятыя. Тые были праваго крыла чело На лѣвомъ крылѣ Кратіръ. Пелопоніесянъ коннѣцу подъ своею властію имѣлъ. Къ нея

же

же прїдалъ ему коннїческїя роты, Ахаїскїя, Локрїискїя и Мереонскїя. На послѣди Ѳессалїиская шла коннїца за полководцемъ Фїлїппомъ. Пѣхотныя полки за коннїцею были; тое чело лѣваго крыла было. Но да бы множество Персянъ не обступїли его, въ послѣднїя полки храбрѣїшїхъ воїновъ поставїлъ; по крыламъ крѣпкїя роты расположїлъ непрямо, но аки съ сторонъ поставїлъ строемъ, да бы тако немедленно [ащебы супостатъ покусїлся обступїти] на брань готовы были. Тамо были Агрїяне съ полководцемъ Атталомъ. Съ нїми же совокупїлъ Крїтскїхъ саїдашнїковъ. Послѣднїя шеренги отдѣлїлъ отъ чела, да бы все воїско кругомъ обступїти. [Іллїрїане тамо были съ наемнымъ воїскїмъ, съ нїми же купно Ѳракїянъ прїсовокупїлъ легко вооруженыхъ, тако воїско управно расположївъ, яко послѣднїя роты, да бы не дали кругомъ обступїтїся, обаче да бы могли на чело, обращатїся, и преходїти. Сего ради не крѣпчаїшо было чело, нежели крыла, и крыла паки не лучши послѣднїхъ полковъ. Тое все устроївъ наказывалъ, егда Персяне колеснїцы съ косами напустятъ на нїхъ съ велїкїмъ крїкомъ, да бы они въ молчанїи раступїлїся, и тако между себе пропустїли. Sане не усумнѣвашеся въ томъ яко вредїти могутъ, предъ собою ни кого имѣющїя.

Егда же бы въ молчаніи напустїли колесницы, да бы они крїкомъ и воплемъ устрашїли ихъ, и тако ошвсюду на престрашныя кони метали бы оружїе и закалали ихъ. А на крылахъ стоящїмъ, повелѣ распупїтїся, да бы ихъ не окружїли. Егда тѣсно станутъ; обаче средины не открывали бы. Вся препятїя съ плѣнниками, между имїже мати и чада Дарїева, за стражею были, не далече отъ воїска пригорѣ поставїлъ, и малую часть воїска съ нїми оставїлъ. Лѣвое крыло вручїлъ, яко же всегда обыкъ, Парменїю. Самъ на правомъ сталъ. И тако еще воїска не сошлїся на стрѣлянїя изъ луковъ, въ то время нѣкоторыи измѣнникъ именемъ бїонъ съ велїкою скоростїю прїтекъ къ царю сказуя ему; яко Дарїи съ тоя стороны, съ которыя ждалъ конное воїско супостатское протїво себе желѣзныя крючки въ землю закопалъ, и мѣсто назначїлъ, да бы коннїца его мїновала. Алеѯандръ повелѣвъ прїтекшаго взяти, прїзвавъ полководцевъ прїнесенную вѣдомость имъ повѣдалъ да блюдутся того мѣста, и коннїцу отъ того берегутъ. Но тако велїкое воїнство нїже слышати сїе возмогло, зане шумъ и звукъ несказанныи обоихъ странъ воїнства былъ, сего ради полководцевъ всѣхъ блізъ стоящихъ обхождая увѣщавалъ.

14: Прошедше толїко много странъ, въ надеждѣ

побѣды,

побѣды, о чемъ рать творити подобаше, то токмо єдино имѣите. По томъ имъ рѣку Гранікъ, Кілікіискія горы, Сірію, и Егіпетъ, и прочая неизглаголанная ко славѣ возбужденія пріпоміналъ. И како Персяне отъ Дарія о побѣдѣ наказанные боі дадутъ, зане бѣжати не могутъ. Трети уже день страхомъ одержіми суще, и тяжкімъ оружіемъ обремененни, на томжде мѣстѣ стоять предлагаше: и паки: отчаянію бо ихъ ни коего извѣстнѣишаго и болшаго знаменія нѣсть, токмо яко градъ и села своя пожгли, а чего не сожгли, тое намъ остася, зане не могли того соблюсти. Именованія же неизвѣстныхъ народовъ, чесо ради имѣете устрашатіся, [сіе бо не ко брани, ніже ко страху надлежітъ] ихже они Татарами и Кадузіами наріцаютъ, ніи того ради токмо суть не храбри, и бездѣлни, зане не знаютъ воінскаго дѣла, и изъ степныхъ пустыхъ мѣстъ, не боєвыхъ изведени, и нічего кромѣ именованія токмо имѣютъ. Македоняне же храбростію сего достігоша, яко во всеи Вселеннѣи не обрящется таковое мѣсто, гдѣ бы таковіи мужіе не знаеми были. Зріте на тое ихъ бездѣлное воінство, се нічего кромѣ копеи не имѣютъ, прочіи же токмо пращею камень обращаютъ, сіи немного вооруженыхъ требуютъ: Тѣмже болшая часть тамо во пиде будетъ стояти,

у насъ

у насъ же болшая часть будетъ мужественно брань творіти, нїже желаю того отъ васъ да дерзновенно храбростію на брань вержется, аще вамъ прежде образомъ сердца добраго не покажу. Наїпаче обѣщаваюся предъ первыми знаменами самъ ити, и бітіся: колїко ранъ мнѣ случїтся, толїко пѣлу мосму украшенїя, знаете яко самъ корысти не касаюся, но вся по побѣдѣ на украшенїя ваша обращаю. Сїя же храбрымъ мужемъ глаголю, аще бы которыи между вами шаковыми не былъ, тако азъ къ нїмъ рекъ бы, уже здѣ прїидохомъ, отнуду избѣжати не можемъ, толїко многїя страны прошедше, толїко много рѣкъ, и горъ за собою оставївше, путь себѣ до отечества, и къ богомъ отечественнымъ мечемъ токмо потреба уготовїти, шаковыми словесы полководцевъ и воїновъ блїжнїхъ увѣщавалъ.

Дарїи сталъ на лѣвомъ крылѣ, многїмъ избраннымъ воїнствомъ коннымъ и пѣшїмъ окруженъ, малое тое воїско Алеѯандрово ни во что вмѣняя, и укоряя яко воїнство тое вотще на крылахъ распространено. На конецъ уже на колеснїцѣ высокои превозвысїлся, на правую и на лѣвую сторону показуя, тако къ воїнству своему глаголаше: всѣхъ земель, которыя съ єдїныя страны окружаетъ Окїанъ, съ другїя заключаетъ Элеспонтъ,

вы

вы прежде сего господіе бысте, нынѣ же не о славѣ, но о здравіи, и паче того о свободѣ, мужественно противостояти будете.

Сеи день паче, котораго ни єдинъ вѣкъ болша и честнѣіша имѣлъ, государство весма или обдержітъ или искоренітъ. Надъ рѣкою Гранікомъ ратовахомъ съ супостатомъ нашімъ, но съ малою часпію воіска нашего. Побѣжденни были мы въ Кілікіи, но еще остася намъ Сіріа, велікія царства моего стѣны, Тігръ и Евфратъ рѣки. Нынѣ же наста намъ время, яко по побѣдѣ не возъімѣемъ мѣста гдѣ укрытіся намъ. Понеже тако долговременною воіною вся суть разорена, при насъ. И во градѣхъ жітели, ни въ селахъ земледѣлцы останалія, жены воістінну и чада вслѣдъ насъ идутъ, готовая Македоняномъ корысть, аще возлюбленнаго ради наслѣдія, и здравія своего жалѣти не будемъ, что азъ долженъ быхъ таковое воінство [єгоже сіе неізмѣрімое поле едва вмѣстіти можетъ] собрахъ кони, и оружіе раздѣлїхъ, запасы тако велікому воінству уготовахъ, мѣсто, на немже воінство возмогло бы управлятіся, избрахъ. Прочее въ вашеи сілѣ есть, дерзаіте еже бы побѣдіти, имуще на славныхъ и храбрыхъ мужеи крѣпкое оружіе, славу ихъ ни вочто внѣніте, наглости по сіе время, а не мужества боялія

есте.

есте. Зане по учіненомъ, которая уже бою, аки нѣкіи звѣрь погубівъ жало, обмірает и недѣіствітелен бывает. Нынѣ сія пространная поля открыли ихъ малолюдство, которое Кілікіискія закрывали горы. Відіте ли шеренги рѣдко стоящыя, крыла распространеная; среднія же полки аще и добры, но рѣдки? зане послѣднія полки уже уходятъ, истіну глаголю: конями ихъ потопчемъ, и кромѣ инаго колесніцы съ косами напустімъ на ніхъ. Воспріимемъ совершенное торжество побѣды, хотя єдіножды побѣдімъ ихъ. Нѣсть бо мѣста имъ куды убѣжати. Отсюду возбраняетъ имъ Евфратъ, а оттуду Тігръ рѣки, которыя прежде аки стѣна и щітъ были имъ, нынѣ же суть на пагубу, и побѣжденіе. Воінство наше легко и не отягощено: а ихъ воінство корыстми обременено. Отягощенныхъ же плѣнеными нашіми богатствы, будемъ посѣцати. Что намъ и побѣду прінесетъ, и убытки прежнія возвратітъ, и аще кого отъ васъ Македонская слава устрашаетъ, тои да помышляетъ, яко тамо есть того народа оружіе, а не мужество. Уже по сіе время біющеся многократно, отъ обоіхъ странъ множество крови проліяхомъ, и всегда въ маломъ воінствѣ бываетъ погібель болшая и знатнѣішая. Алеѯандръ бо унывающімъ и боязлівымъ страшенъ аки лютыя

звѣрь

звѣрь мнѣтся, [аще мнѣ вѣрите] но не разуменъ и упрямъ есть. По сіе время страха нашего ради, а не мужества своего благополученъ. Ни что можетъ быти долговременно о немже разумомъ нерадѣтъ. Понеже аще и мнѣтся счастіе пріятно быти; обаче упрямость не воздвігнетъ паче того, токмо краткія и премѣняющыяся вещы человѣческія. Счастіе же ни когда въ единомъ состояніи пребудетъ.

Мнѣтмїся бози сіце восхотѣша тое Персідское царство [которое болши 230 лѣтъ во всегдашнемъ счастіи, въ превелію славу проізыде] паче наказати, нежели погубіти, къ сему же безсіліе и немощь человѣческую показати. Чесого нікто во счастіи зрѣти, ніже памятовати хощетъ. Прежде сего мы сами воіною Грековъ побѣждали, нынѣ же изъ домовъ нашіхъ, отъ оныхъ намъ нанесенное бѣдство да изгонімъ. Едіною равностію и мы и они счастія прославляемся. Понеже царствомъ, егоже Македоняне хощутъ, и мы себѣ желаемъ, народъ єдінъ обладати не можетъ. На конецъ, аще бы и во отчаяніе прішли, обаче нужда всякаго долженствуетъ возбуждати, уже конецъ пріспѣ матерь мою, двѣ дщери, Оха сына моего въ надежду царствія сего рожденна, князи, чада рода царска, полководцевъ вашіхъ, яко

плѣнніковъ въ заключеніи имѣетъ. Аще же не явіте храбрости вамъ подобающія, и самъ есмь аки плѣнникъ, исторгніте отъ узъ упробу мою, возвратіте мнѣ чада моя, заніхже и самъ умрети хощу. Вѣру имѣте мнѣ, яко нынѣ маши моя и чада [зане жену въ томъ плѣненіи погубіхъ] руки къ вамъ воздѣваютъ, и ко отеческімъ богомъ вопіютъ, помощи вашея, мілосердія и вѣры желаютъ, и молятъ васъ да избавіте ихъ отъ плѣненія, отъ узъ, и пітанія нѣщетскаго. Вѣріте ли, яко тѣмъ съ радостію служатъ, имѣже и обладати не восхотѣли бы? Вѣжду яко супостатское воінство пріближается. Азъ же колѣко блізъ есмь страха, толѣко менши, тѣмъ, что рекохъ, есмь доволенъ. Молю васъ чрезъ боговъ отеческіхъ, и чрезъ огнь вѣчныи, егоже на требіщахъ предносятъ. Чрезъ свѣтлость солнца, восходящаго въ предѣлахъ царства моего, чрезъ безсмертную память царя Кіра, которыи Мідіянъ и Лідіянъ завоевалъ, владѣніе отъ нихъ отъялъ, и въ Персідскую державу пренесе во первыхъ. Свободіте отъ послѣдняго бѣдства и поруганія славу и народъ Персідскій. Идіте усердни, и надежды исполнени, да оставіте тую славу въ послѣдняя времена, которую отъ праотцевъ своіхъ воспріясте. Нынѣ въ рукахъ своіхъ, волность, богатство, надежду временъ

предъ-

предѣдущіхъ имѣете. Тои избѣжитъ отъ смерти, кто гнушается ею, а того ищетъ, кто ея боится. Самъ азъ не по обыкновенію отеческому на колесницѣ сѣжу, но да всякъ мя вѣдитъ. О томъ не печалюся, буду ли противостояти, аки воинъ храбрыи, или унылыи?

15: Въ то время Алеѯандръ, [якоже имѣлъ остереженіе отъ бѣглеца:] крючки мѣноваши хотя, на самаго Дарія, лѣвое крыло управляюща, полкамъ послѣднимъ итти велѣлъ; Дарію такожде къ нему съ своими обратилъ, бесса наказавъ, да бы Массагетянскую конницу на лѣвое крыло супостатское послалъ. Самъ колесницы съ косами предъ собою стоящыя, далъ знакъ на супостата погнати. Тѣмже возницы опустивше вожжи сѣло скоро гонили, да бы тѣмъ болше Македонянъ незапно поразили. Того ради иныхъ копія прободали въ дышлахъ укрѣпленая, и протяженая; а иныхъ косы отъ обоихъ странъ колесницъ, уязвляли, Македоняне немало, но весма бѣгуще шеренги и строи смѣсили. Мазеи полководецъ мятущіхся болѣе устрашилъ, повелѣлъ тысящѣ конницы кругомъ обоити созади воіска Македонскаго, ради похищенія плѣнниковъ и богатствъ прежнихъ, тако помышляя, яко плѣнники узрѣвше своихъ сами разрѣшатся отъ узъ. Но не прехитрилъ Парменія, на лѣвомъ крылѣ

стояща. Тѣмже вскорѣ послалъ ко царю Полїдаманта, которои и бѣдство возвѣстїлъ, и совѣтъ что творїти прїнесъ. Алеѯандръ услышавъ Полїдаманта, рече: иди рцы Парменїю, аще въ полѣ побѣдїмъ, не токмо что у насъ нынѣ погїбаетъ, возвратїмъ, но вся яже супостатъ имѣетъ, возмемъ. Сего ради да не отводїтъ воїска изъ строя, но тои убытокъ нївочто вмѣняя, да покажетъ мужество мое, и Фїлїппа отца моего. Въ то время Персяне богатство похїтїли, поразївше мало не всю стражу, къ сему же плѣннїки свободївшеся отъ узъ, елїко случїся похїщали, и съ своїми совокупївшеся, Македонянъ окруженныхъ убївали, веселящеся, матери Дарїевои Сїсїгамбе возвѣщали, яко Дарїи весма Алеѯандра побѣдїлъ, и всѣхъ плѣннїковъ, и вся сокровїща возвратїлъ: зане тако чаяли, яко во всемъ обозѣ такожде счастїе будетъ, и аки бы побѣдїтели, Персяне къ корыстямъ обратїлїся. Сїсїгамба же, егда плѣннїки оную увѣщавали, еже бы не была печална, ни мало премѣнїлася, ни гласа испустїла устнама и лїцемъ ни коего знака не показала; но не поколебїма сїдѣла. Мнїтмїся что не хотѣла прївременнаго счастїя раздражїти, но имущее случїтїся весма, разсудїла. предстоящїи же не могли уразумѣти. Въ то время полководецъ коннїцы Алеѯандровои со не многїми

ротами

ротами на помощъ обозу прітекъ, не извѣстно самъ ли умыслілъ! Или по повелѣнію цареву, но съ Кавказцы, и Татары перваго бою не возмогъ отправіти. Понеже токмо встрѣтілся, и скоро побѣжалъ назадъ ко царю, похіщеныхъ богатствъ паче свідѣтель, нежели заступнікъ бывъ. Уже и Алеѯандръ начатъ о томъ болѣзновати, да бы воіско не обратілося изъ строю, на помощъ ко отнятію вещеи своіхъ, чего не всуе боялся. Сего ради Арета, которыи надъ копеіщіками полководецъ былъ, [ихже Саріссофорами наріцали] послалъ протіву Татаръ. А между Татары колесніцы съ косами, которыя были кругомъ первыхъ знаменъ, воінство возмутіли на копеіщіковъ набѣжавше. Македоняне же укрѣпівшеся бодрственнымъ сердцемъ окружіли ихъ, и стали копеіщіки, аки стѣна нѣкая, копія уставівше, и отъ обоіхъ странъ, егда колесніцы наѣзжали, чрева конемъ прободали, по томъ кругомъ колесніцъ набѣгали, воіновъ на ніхъ сѣдящіхъ устрашающе. Превелікая тогда пагуба была конямъ, и возніцамъ, между всѣмъ воіскомъ. Возніцы содрагающіхся конеи не могли управляти, кони не токмо шлеи съ себя свергали, но и колесніцы превращали, раненые побітыхъ волокли, устрашенны бывше ни стояти ни бѣжати отъ ранъ смертныхъ могли. Обаче

не многіе

не многіе колесницы отъ нихъ на конецъ воіска убѣжали, они же которыхъ достігнути могли, нещадно смерти предавали, отсѣченныя же члены человѣческія на земли лежа и: и тако еще отъ начала не было таковое дѣло, что обсѣченая тѣлеса, и оцепенѣвшая, оружіе держали, изшедшеи же крови, померли. Въ то время Аретъ убівъ полководца Татарского, [которыи обозъ разорялъ] устрашівшіхся же сѣло побѣділъ. Но егда подоспѣли бактріане отъ Дарія посланые, счастіе ино учінілі. Тѣмже мнози Македоняне на первои стрѣчи побіты: а болшая часть ихъ къ Алеѯандру ушли. Тамо Персяне велій окрікъ по обычаю побѣдителеи учінілі, и жестоко на Македонянъ аки на побѣжденныхъ вездѣ наступілі, Алеѯандръ же обѣятыхъ страхомъ увѣщавалъ, и укоряль, баталія, которая уже было окончалася, самъ обновілъ, и укрѣпівъ воіска своего сердца, на непріятеля повелѣлъ ити. Порѣже было воінство на правомъ крылѣ Персідскомъ, по отшествіи бактріановъ къ корыстямъ, сего ради Алеѯандръ нападе на нихъ, съ великою имъ пагубою. Но Персяне стоящіи на лѣвомъ крылѣ, увідѣвъ что могутъ его обступіти, созади наступілі не него. Сего ради былъ посредѣ ихъ въ великомъ страхъ, еже либы конніца Агріанская, стіснувши кони остроганы напѣхъ Персянъ

не

не напала, и на себя ихъ не обратіла. И уже воїнство отъ обоїхъ странъ смѣсілося. Алеѯандръ со обоїхъ сторонъ отъ Дарїа былъ окруженъ, которые позади его были, съ тѣми сражалїся Агрїане, и преодолѣвали ихъ. Занеже бактрїане расхїтївше прежде плѣненыя корысти Македонскїя, хотя и возвратїлїся, но во ордеръ стати не могли, ротами разно стояли, гдѣ кому случїся, тамо при своїхъ стояще ратовали. Два царя едва не купно воїско съ воїскїмъ совокупя, бїтву обновїли, болшая часть Персянъ погїбала, и мало не равная отъ обоїхъ сторонъ была. Дарїи на колеснїцѣ, Алеѯандръ же на конѣ ѣздїли, обоїхъ избранное воїнство безъ памяти между собою бїтву чїнїли; понеже прїнуждену погїбнути царю, не хотѣли, нїже могли быти жївы; предъ очесами же царя своего, всякъ желалъ умрети вмѣсто велїкаго мужества. Обаче въ велїкомъ страхѣ таковые были, которые мужественно протївостояли; занеже всякъ раненыи, отъ царя славы желалъ. Тамо или омраченїе очесъ прелестное, или истїнная была прїчїна тѣмъ, которые при Алеѯандрѣ стояли, вїдѣлося бо яко надъ главою царевою тїхо орелъ леталъ, ни звукомъ оружїя, ни воплемъ умїрающїхъ устрашаяся, и многое время кругъ коня Алеѯандрова аки вїсящъ, нежели летающъ

казался. Волхвъ же именемъ Арістандръ облекся въ бѣлую одежду, и вѣтвь маслічную въ десной рукѣ нося, воїнамъ бітву творящімъ, орла того, аки совершенное знаменіе побѣды казалъ. Тѣмже велікая охота и надежда вмалѣ преждеустрашеныхъ, возбудїла набрань; наїпаче егда возніца, которыи Дарія везъ, и предъ німъ сїдѣлъ, копіемъ прободенъ спался, не сумнѣлїся въ томъ, ни Персяне ни Македоняне, что Дарїи самъ бысть убітъ. Сего ради рыданіемъ болѣзненнымъ и воплемъ нелѣпымъ, все воїско наполнено было, хотя и равныи бои былъ. Сродніки же и избраннїи воїны защіщенія ради здравія его, полѣвую его сторону споящїи, побѣгше оставїли его на колеснїцѣ. По правую же сторону споящїи воїни, взяли его между себе. А самъ Дарїи, якоже глаголютъ, мечь извлекъ, хотяше себе честно убіти, нежели со стыдомъ уходіти. Обаче высоко на колеснїцѣ сѣдя, и еще множество своіхъ храбрспвенно борющіхся вїдя, стыдїлся тако ихъ оставіти. Егда же между надеждою и отчаяніемъ съ мыслію боролся, Персяне помалу уходїли, и шеренги раздѣлялися врознь. Тогда Алеуандръ коня своего премѣнівъ [зане многіхъ утомілъ] сопротівляющіхся убівалъ, убѣгающіхъ же прободалъ, уже не брань, но самая побѣда была. Тогда Дарїи обратівъ колеснїцу

начатъ

начатъ бѣжати. Побѣдітель же Алеѯандръ гонілъ вслѣдъ бѣгущіхъ, но пыль высоко вста и не даде ему відѣти противныхъ. Тѣмже аки во мрацѣ заблужденія былъ много время, токмо на гласъ знаемыи, аки на нѣкіи знакъ собіралїся. Обаче слышанъ былъ звукъ отъ вожжеи, ими же побіваемы были кони въ колеснїцѣ Дарїевои: пѣмъ єдінымъ знакомъ достігали его.

16: На лѣвомъ крылѣ у Македонянъ, гдѣ Парменіонъ, якоже речеся, полководецъ былъ, разно счастіе, многое время съ обоіхъ сторонъ дѣйствовало. Мазеи бо со всею своею конніцею, жестоко на Македонянъ наступалъ, и кругомъ ихъ обступалъ. Въ то время Парменіонъ вскорѣ ко Алеѯандру вѣсть послалъ, въ каковомъ страхѣ обрѣтается, и аще помощи не дастъ вскорѣ, ни коїмъ образомъ возможно будетъ, еже бы бѣгу не вдатїся. Уже далече царь Дарїя гналъ, и блізъ его достігалъ, но егда ему печалная вѣсть отъ Парменіона прїиде, повелѣлъ обратіти кони и воїнамъ всѣмъ стати, негодуя что побѣду изъ рукъ весма у него отъімаютъ. Дарїи же лутче уходітъ, нежели Алеѯандръ его гонітъ. Въ то время Мазеи вѣсть прїялъ о побѣжденномъ Дарїи, сего ради аще и сілнѣе былъ, обаче счастїя Македонскаго боялся, уныло противостоялъ. Парменіонъ воістінну

неізвѣстенъ былъ о тои прічінѣ, но обаче тои случаи къ побѣдѣ мужественно употребілъ. Ѳессаліискую конніцу къ себѣ повелѣлъ прізвати, и рече къ німъ, відіте ли сіхъ Персянъ, яко протїву насъ недавно жестоко стояли, како нечаянно страхомъ одержіми уходятъ, на нашу же сторону счастіе царское побѣду готовітъ? Поля Персянами убітыми покрыты. И что даромъ стоіте, еда подобни есте убѣгающымъ? мняшеся Парменіонъ воінству истіну глаголати, исімъ надежда уныніємъ одержімыхъ укрѣпіла, и стіснувше шпорами кони нападоша на Дарія, которыи уже не помалу, но скоро убѣгаше, и никая разность была отъ убѣганія, токмо яко вспять не обратілся еще. Но обаче не зная Парменіонъ совершенно, что учінілося на правомъ крылѣ у царя, задержалъ ихъ мало. Мазеи же время имѣя ко убѣжанію, не прямо, но кругомъ до рѣки Тігра побѣжалъ, и прешедъ съ досталными побѣжденаго воінства въ Вавілонъ прііде. Дарій такожде въ маломъ воінствѣ бѣгущъ, до рѣки Лїка прііде, и прешедъ помышлялъ, разорвати ли мостъ, или ни? понеже воследъ себе Алеѯандра гоняща слышалъ. Но відѣлъ сколь много тысящеи воінства его, которые еще не прібѣжали до рѣки тоя, ежели бы мостъ разорвалъ, воістінну была бы плѣненная Алеѯандру

корысть. Сего ради самъ прешедъ, рече. Лучше мнѣ есть путь обѣгущімъ оставіти, нежели разорѣти. Самъ вѣло скоро бѣжа о самои полунощи въ сѣло Арбеллу достігнулъ.

Кто таковыхъ и гранеи счастіе, полководцевъ и полковъ разныхъ побѣду, убѣганіе побѣжденныхъ, погібель на едінѣ, и обще, или мыслію достігнути, или словесы опісати возможетъ? едва бо не всего вѣка дѣла, во едінъ тои день счастіе собрало. Иные прямымъ пупемъ и блізкімъ, прочіи же разными лѣсами, и Македоняномъ неізвѣстными стезями въ бѣгство устремілія. Коннѣца съ пѣхотою безъ полководца, вооруженные безъ оружія, раненые, и не раненые за едіно смѣшалія, егда же страхъ мілосердія преодолѣлъ: тѣхъ, которые не могли послѣдовати прочімъ, сообщімъ воздыханіемъ оставляли, жажда раненыхъ и утружденыхъ, паче всего утоміла: тако у всѣхъ источніковъ на распутіяхъ лежали, воду блізъ себѣ текущую, зіяющімі устами хватали, которую отъ многа времяни возмущену, пілі, и отъ того блата вся внутренняя въ себѣ повреділи, и составы ихъ аки мертвы стали. Пріспѣвшу же непріятелю, новыми уязвлени ранами, нѣкоторые далече отшедше надъ источніками сідѣли, гдѣ кто могъ, въ таінѣ воду обрѣсти, еже бы напіться. И гдѣ

обрѣтали каковыи лїбо источнїкъ мало текущїи, вскорѣ нашедше до суха выпївали, и нїедїно сокровенно было мѣсто болотное, которое бы жажда та не обрѣла, и вездѣ по селамъ при пути лежащїхъ, мужеи старыхъ и женъ вопль слышанъ былъ, еще по Варварскому обыкновенїю Дарїя царя прїзывали. Но Алеѹандръ, якоже прежде речеся, удержавъ своїхъ, къ рѣкѣ лїку прїшелъ, гдѣ премногїмъ множествомъ наполнїлся бѣжавшїхъ мостъ, и много отъ нихъ, егда Алеѹандръ прїшелъ пометаліся въ воду, отягощени суще оружїемъ на брани, и бѣгствомъ утомлени утопали, уже не токмо мостъ, но и рѣка бѣгущїхъ не могла вмѣстїти. Безумно бо бѣжали, и купно на мостъ наступали; идѣже бо страхъ въ сердца вселїтся, того єдїнаго и боятся, чего въ первыхъ начали боятїся. Алеѹандръ же, да бы не возмнїлся воїнству своему тако во тще бѣгущаго Дарїя упустїти, предлагалъ имъ, уже прїтуплены суть мечи, руцѣ утруждены, мы сами таковымъ скорымъ бѣгомъ утомлены, и день къ нощи склоняется. Но въ самомъ дѣлѣ печаль имѣлъ по истїнѣ, о лѣвомъ крылѣ чаялъ, что еще бїтва точїтся, и всеконечно хотѣлъ возвратїтїся, уже и знамена обратїли. Въ то время отъ Парменїона прїшли гонцы возвѣщающе о побѣдѣ. Но въ тои день не имѣлъ

страха

страха болшаго паче того времене, егда до обоза съ воінствомъ возвращался. Малая часть ихъ была и безъ строя шли радующеся о побѣдѣ; занеже Персянѣ чаялъ быти всѣхъ, или разгнаныхъ, или побѣжденыхъ. Се внезапу увїдѣли коннїцу Дарїеву на нїхъ идущую. Ибо Персяне на нїхъ обратїлїся, ни во что себѣ вмѣняюще оную малую часть Македонянъ, скоро наступїли на нїхъ. Предъ знаменами же царь Алеѯандръ иде, аки бы не вїдя, нежели ни вочто себѣ вмѣняя оныи страхъ. Но не отступїло отъ него счастїе во всякїхъ страхахъ при немъ идущее; понеже полковнїка тоя коннїцы во брани храбраго, и того безъ опасенїя на него нападша, скоро копїемъ прободе, егда же съ коня полковнїкъ спаде, вскорѣ другаго, и прочїхъ многїхъ тѣмже копїемъ прободе, и тако Персовъ мятущїхся начали Македоняне побѣждать. Но и Персяне не безъ отмщенїя погїбали. Понеже съ таковою храбростїю сердца, (аще и не мнози,) съ каковою и превелїкое воінство прежде, храбро стояли. Обаче Персяне вїдяще, яко лутче бѣжати, нежели въ нощи бїтїся, наразно начали уходїти. Алеѯандръ же необычнаго весма страха избывъ невредїмо, съ воінствомъ своїмъ возвратїлся въ обозъ свои.

На томъ бою побїто Персянъ 40000. которыхъ Македонцы могли изчїслїти, Македонянъ же

менше

менше 300 человѣкъ. Но сію побѣду царь, паче мужествомъ своімъ, нежели счастіемъ одержалъ, не мѣстомъ тѣснымъ (якоже прежде) но храбрымъ сердцемъ преодолѣлъ. Понеже и воінство благоразумно въ строю поставілъ, и самъ храбрственно на бою разъѣжжалъ, и зѣло мудрымъ смысломъ, обраніе корыстеи ни во что вмѣнялъ. Егда въ самомъ сраженіи, послѣдніи страхъ увідѣлъ, [еще неізвѣстну сущу брани окончанію, кто явится побѣдітель] тогда онъ поразілъ Дарія, и бѣжащаго [еже въ самомъ разпаленіи сердца, едва вѣріти можно,] паче разумомъ, нежели яростію прогналъ. Понеже аще бы всеконечно гоніти непересталъ, [еще бо половіна Дарієва воінства осталася;] то или бы отъ своея ему вінности побѣжденъ былъ, или бы чуждою храбростію одержалъ побѣду. Ибо аще бы множества конніцы на него набѣгающія устрашілся, то стався побѣдітель, долженъ былъ бы, или съ бесчестіемъ уходіти, или напрасно погібнути. Достоіни воістінну похвалы и полководцы. Ибо раны мужества ихъ свідѣтели суть. Ефестіону бо плече копіемъ прокололи, Пердікку, Цена, Меніда изъ лука едва не до смерти пострѣлілі. Аще же по истіннѣ хощемъ Македонянъ разсудіти, которые на томъ бою были, обрящемъ, яко и царь таковыхъ слугъ, и слуги тако велікаго царя были достоіни.

КВІНТА

КВІНТА КУРЦІА

КНІГА ПЯТАЯ.

СОБРАНІЕ ВЕЩЕИ КРАТКОЕ.

1. Дарїи въ Мїдїю пріиде, Алеуандръ взялъ весь Арбелу, и Вавїлонъ, котораго положеніе, пространство и нравы, опїсуются.
2. ратнымъ мїлость являетъ, градъ Сузїю взялъ, и сокровїща въ немъ лежащая Дарїева, и Сїсїгамбу утѣшаетъ.
3. Уѵїискую страну взявъ, воеводѣ Мадату имянемъ, и тѣмъ которые здавалїся, жївотъ даровалъ, такожде волность и свободу даде, хотяи въ Персїдскую землю воїти, Арїобарзанъ не даде ему внїти.
4. Плѣнникъ нѣкоторыи показа путь не многїмъ извѣстныи. Алеуандръ убївъ Арїобарзана, воїско Персїдское побѣждаетъ.
5. Въ Персеполь поспѣшая, плѣненыхъ Грековъ 4000 свобождаетъ.
6. Пребогатая въ Персеполи сокровїща разграбївъ, поїде во внутреннюю страну Персїдскую, и народъ нарїцаемыи Марды укротїлъ.
7. Алеуандръ по наговору Танаїды жены блудницы, и прочїихъ гражданъ прелюбодѣевъ во время пїрованія, дворъ царей Персїдскїхъ зажїгаетъ, но томъ достїгати Дарїя намѣреніе положїлъ.
8. Дарїи своїхъ на брань увѣщаваетъ.
9. разные началникѡвъ его совѣты и смятеніе, совѣта ради Набарзанова, которыи имѣлъ согласїе съ бессомъ выдати Дарїя Алеуандру.
10. Бессъ и Набарзанъ, аки бы отложїли безчїнное свое намѣреніе о преданїи или о убїеніи царя, удївїтелными хїтростми покрываютъ тое.

11. О измѣннїкахъ Дарїи прїемлетъ извѣстїе, быти же между Греческїмъ воїнствомъ, безстрашную отъ себе помощъ отлагаетъ, готовъ сыи на погубленїе, аще не восхотятъ свои воїны его сохранїти.

12. бессъ предъ Дарїемъ ласкателными словесы, и плачемъ оправданїе прїносїтъ, златыми же оковами связаннаго, тщїтся на мерзскои колеснїцѣ ко Алеѯандру прївести.

13. Алеѯандръ егда услышалъ о Дарїевои погїбели, поїде къ Персїдскому воїнству. бессъ же съ другїми убїицами убоялся оружїя, и лїца побѣдїтелева, Дарїя колїкократно копїями уязвївъ, побѣжалъ съ совѣтнїки своїми.

14. Алеѯандръ обрѣтъ Дарїево тѣло, плакався послалъ къ Сїсїгамбѣ да погребетъ его.

1. Вся сїя аще бы восхотѣлъ вещы опїсати по времяни, которыя по словеси и по повелѣнїю Алеѯандрову, или въ Греческои странѣ, или во Іллїрїи, или во Ѳракїи содѣялїся, подобаше бы тое Ассїиское їсторїопїсанїе раздѣлїти, которое уже убѣжанїе Дарїево и смерть и прочыя вещи одержїтъ, якоже временемъ непремѣняшеся, тако и мѣстомъ мнїтся мнѣ того не раздѣляти. Тѣмже во первыхъ напїшу, что по воїнѣ было, даже до Арбелы. Дарїи едва не о полунощи до веси Арбелы прїбѣжалъ. Гдѣ такожде множество друговъ его собралїся убѣжавше. Тѣхъ онъ къ себѣ прїзвавъ рече: Не сумнѣваюся азъ, яко Алеѯандръ ко градомъ началнѣїшїмъ и селамъ изобїлнымъ всякїми вещми потребнымъ, прямо пошелъ,

пошелъ, а яко на богатыя корысти самъ и воїнство его взїраетъ, тѣмъ своя вещи въ таковомъ состоянїи цѣлы быти разумѣлъ. Зане съ легкімъ воїнствомъ чрезъ пустая мѣста попреба ему итти. Послѣднїя страны государства моего невредїмы суть, оттуду безъ всякого препятїя возмогу многїя сїлы проттву его собрати. Да обладаетъ тои безмѣрно завїстныи народъ сокровїщами, по многовременномъ же гладѣ да насытїшся злата, вскорѣ мнѣ будетъ самъ вмѣсто корысти. Искусїхся азъ, уже въ семъ, яко сокровїща, наложницы, и скопцевъ множество, нїчто ино суть, токмо отягощенїя и препятїя. Такожде и Алеуандръ съ собою возїтъ, тѣмже чїмъ побѣдїлъ прежде, нынѣ побѣжденъ будетъ. Тая его словеса, мнѣлїся исполнена быти отчаянїя. Понеже Вавїлонъ удївїтелно богатъ, предъ очесами всѣхъ весма имѣлъ быти оставленъ, и отданъ; такожде и Суза, и прочая того государства украшенїя; сего ради тѣмъ побѣдїтель отъ воїны избавїтїся имѣлъ. Но онъ проттво тому рече: Егда счастїе ожесточается, не словеса избранная и удївїтелныи отговоръ, но къ нуждѣ самои, вещы полезныя, подобаетъ предлагати. Желѣзомъ а не златомъ брань творятъ, мужїе, а не домы воїну наносятъ, вооруженнымъ вся послѣдствуютъ. Тако праотцы

мои Персїдстїи царіе во первыхъ побѣду получали, вскорѣ потомъ счастіе первое въ домъ прівлачали. Тѣмже или къ надеждѣ возбуждени или паче на волю его зряще нежели на совѣтъ, купно съ нїмъ въ Мїдію внїдоша. Въ малѣ потомъ Алеѵандру Арбела предадеся, гдѣ царское богатство и сокровїща, сохранены были. Четыре тысящи шаланповъ злата было, одѣянїя предрагая, [якоже прежде речеся] богатство всего воїнства положено было. Но егда многїя недуги случїлїся быти людемъ, отъ смрада убїеныхъ тѣлесъ, вскорѣ мѣсто премѣнїлъ. Идущїмъ же имъ было полѣвои сторонѣ Аравїиское государство, преславно ради разныхъ благовонїи тамо изобїлно растущїхъ, путь вездѣ полемъ; а земля тая между Евфратомъ и Тїгромъ лежїтъ, толїко плодовїта и тучна, яко скотъ съ поля сгоняютъ, да бы отъ обьяденїя не издохъ. Прїчїна того изобїлїя есть мокрота, отъ обоїхъ рѣкъ проїсходящая, зане едва не подъ всею землею, воды аки жїлами текутъ: того ради и верхъ отъ нїхъ влажїтся. Тыя рѣки изъ горъ Арменскїхъ корень имѣютъ. По томъ водами раздѣляются и разно текутъ. Повѣствуютъ положенїе горъ Арменскїхъ пространно опїсующїи, яко на двѣ тысящи и пять сотъ верстъ течетъ. Тыя рѣки егда Мїдію и Гордію преходѣши начїнаютъ, мало поуже

сходятся,

сходятся, и колїко далѣе текутъ, толїко соутѣсненну между собою имѣютъ землю. Тѣмъ полямъ бліжняя есть Месопотамїа, отъ жїшелеи тако нареченная; зане тую по обоїмъ сторонамъ жївущїи посредѣ имѣютъ. На конецъ тыя рѣки Вавїлонскїми предѣлы въ Чермное море текутъ. Алеѯандръ въ четвертыи день до града Мемнїа съ обозомъ прїшелъ, есть тамо мѣсто, изъ котораго множество клея излїваётся, которымъ [что истїнно есть] Вавїлонскїя стѣны шїрокїя древле созданы были.

Алеѯандръ же, егда къ Вавїлону прїближашеся, Мазеи, тамо во время побѣды убѣжавшїи, изыде съ сынами уже въ возрастъ сущїми, и предъ нимъ паде, градъ и себе ему вручая, благодарно и прїятно было царю изшествїе его, зане съ велїкимъ трудомъ подобало бы получїти тако крѣпкїи Градъ, а наїпаче, яко тои человѣкъ рода велїкаго, и воїнъ съ послѣднїя воїны славныи, возмогъ бы прїмѣромъ своїмъ и прочїхъ къ согласїю, на тое зрящїхъ прїклонїти. И тако съ чадами его любезно прїемлетъ. Прочее четвероуголнымъ строемъ воїнству итти, егоже самъ веде, повелѣлъ, аки на ополченїе шли. Множество Вавїлонянъ стояло по стѣнамъ, еже бы вїдѣти новаго царя, болше предъ него на срѣтенїе изыдоша. Между имїже

багофанъ, Града, и сокровіща царскаго оберегатель, не хотя да бы въ томъ его Мазеи предъуспѣлъ, весь путь цвѣтами и вѣнцами во градѣ украсілъ, требіща сребряные по обоімъ сторонамъ поставілъ, не токмо Ѳіміамомъ; но и разными ароматы наполнілъ, за німъ дары послѣдовали, стада скотовъ и конеи, такожде лвы, бабры въ ларяхъ обыкновенныхъ везомы были. По томъ жерцы по обычаю отцевъ своіхъ идоша, послѣдовали имъ халдеи, и Вавілонстіи волшебніки, и маістеры съ разными своіми мусікіями, царская дѣіствія играюще и поюще. Халдеи бѣговъ Небесныхъ двіженія и премѣненіе временъ показоваша. На конецъ конніца Вавілонская, себе и конеи паче безчінно, нежели благочінно украсівше шла. Царь Алеѯандръ посредѣ вооруженнаго воінства сыи, всему народу градскому за своею пѣхотою повелѣ итти. Самъ на колесніцѣ во градъ, и царскіи домъ вніде. Наутріе все сокровіще Даріево осмотрілъ, прочее того града украшеніе и строеніе, не токмо царская; но и всѣхъ обратіли на ся очеса. Тои градъ созда Семірамісъ царіца, или [якоже многіхъ по разумѣнію] Вілъ, котораго по сіе время дворъ и полаты показуютъ, стѣны кругомъ града изъ кірпічу клеемъ созданы, въ шіроту трідесять два степеня, глаголютъ: яко колесніцы четвернею

могутъ

могутъ одна другую мѣновати въ проѣздѣ свободно. Въ высоту сто лактеи, башни десятію лактями выше стѣнъ, кругомъ града обходъ 368 попрѣщъ, на всякъ же день, по єдіной попрѣщи созіданъ былъ, якоже свідѣтелствуютъ лѣтописцы.

Палаты далече отъ стѣнъ на єдіно попрѣще стоятъ. Тѣмже не вездѣ жілища: девять десятъ попрѣщъ разстояніе между дворами, которыя вездѣ между собою не въ блізости. Відѣтся мнѣ яко умыслілі надежнѣйшо пространное быти строеніе въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ вездѣ хлѣбъ сѣютъ нашествія ради непріятелеи, да бы во время таковаго случая имѣли чімъ пітатіся. Евфратъ рѣка чрезъ градъ течетъ, которую превелікое каменіе въ неи лежащее удержаваетъ. Но удівітелнѣе тамо паче всего, кладези сѣло глубоко устроеныя ради собранія въ нихъ тоя рѣки, зане сгда къ тѣмъ каменіемъ задержающімъ вода соберется, и къ высотѣ того каменія премогла бы потопіти градъ, аще бы не были таковыя разсѣлины, шую поглащающыя рѣку. Стѣны Вавілона града суть изъ кірпіча желтаго, клеемъ смазанаго, все крѣпко держащімъ. На рѣкѣ Евфратѣ мостъ каменный поспроснѣ. Которыи исчісляется между дѣлами удівітелными на Востокъ Солнца обрѣтающімся, зане шая рѣка

сѣло

зѣло есть болотїста, которое болото, аще и глубоко ископоваемо, едва твердую землю возможно обрѣсти. Песокъ собравшїися кругомъ каменїя, на которыхъ мостъ стоитъ задержіваетъ воду. Сего ради въ томъ мѣстѣ наїпаче вода спїрается, нежели гдѣ свободно течетъ. Есть тамо и крѣпость на 20 спадїи, основанїе башнеи въ землѣ 30 степенеи, вышїною 80 степенеи. На тои крѣпости градскои есть чудо отъ Греческїхъ спїхотворцевъ опїсуемо, вертограды вїсящїе, которые высотою равны съ самыми стѣнами, и имѣютъ множество древесъ высокїхъ и удївїтелныхъ и велїе застѣненїе отъ древесъ. Каменные столпы тую тяжелость держатъ, на которыхъ изъ четвероуголнаго Каменїя камара основана, имущая на себѣ землю высоко насыпаную, и воду, которою полїваютъ. Того ради тые столпы могутъ держати превелїкая древа, зане кореніе тѣхъ древесъ на 8 лактеи растетъ, а вышїною 50 степенеи: овощъ на нїхъ растетъ аки на самои собственнои землѣ. И аще древность не токмо тыя дѣла, ихже рука человѣческая созїдала, но и отъ самыя прїроды проїсходящыя, помалу повреждаетъ. Обаче тое зданїе, такъ многїхъ древесъ тяжелость имущее, и такъ велїкїи лѣсъ на себѣ держащее, не вредїмо и крѣпко пребываетъ. Понеже

десять

десять стѣнъ широкіхъ есть, отъ нѣхъ столповъ
разстояніемъ на десять степеней, которые издалече
видится аки лѣса на горахъ вѣсящія. Сіце глаго-
люютъ: яко нѣкій виноградъ созда нѣкоторый царь
Сірскій царствующъ въ Вавілонѣ, въ память любве
жены своея, которая склонила его къ тому,
желающи въ поляхъ дубравѣ быти, созда си во
образъ самороднаго лѣса виноградъ. Многое время
въ Вавілонѣ, наипаче, нежели инѣ Алеѯандръ пре-
былъ, и ино мѣсто, болши казны воінскія не
погубіло. Ни что бо есть горше нравовъ града
того, ніже есть гдѣ толь много промысловъ и
возбужденіи къ преізлішнімъ прохладамъ. Отцы
и матери дщери, мужи женъ, аще гостіе подарокъ
дастъ, къ нѣлесному грѣху не возбраняютъ, во
время пірованія царь и вся Персіда и велможи
игры охочи оправляпи. Вавілоняне наипаче къ
вїну, и къ вещамъ послѣдующімъ піянству, суть
склонныи, жены при бесѣдахъ сперва постоянно
во одеждахъ сідятъ, потомъ одежды не шокмо
верхнія, но безсрамно, [почітая уши глаголю] и
исподнія вся совлекаютъ, что не шокмо блудніцы
обыкли творіти, но и честныя жены, и мужескъ
полъ, которыя безчінно обнажено тѣло имѣютъ
вмѣсто шутокъ, и кощунства. Въ таковомъ без-
чінніи тѣшился побѣдітель и разорітель Азіи со

всѣмъ воїнствомъ 34 дня, безъ всякаго усумнѣнія, на пагубу въ предъідущую некрѣпкіи. Аще бы откуду супостатъ явілся: нїже помышлялъ о томъ, зане многократно новое воїнство прїбавлялося, якоже въ то время Амїнтъ сынъ Андроменовъ, отъ Антїпатра прїведе пѣхоты Македонскїя 6000, съ верхъ того коннїцы 500: съ нїми купно Ѳраковъ 600, пѣхоты 3500 изъ Пелопонїса наемнаго воїска мало не 4380 прїшло. Той же Амїнтъ прївезъ 50 юношеи, уже въ возрастъ сыновъ велможеи Македонскїхъ, ради обереженїя здравїя царскаго, которые бы у стола царского предстояли. Коня, на немже ѣздяще на бои, да бы водїли, и охотно за нїмъ ѣздїли, предъ палатою его, или спалнею да бы стерегли премѣняющеся; отъ нїхже велїкїя воеводы и полководцы проїзводїлїся. Тѣмже Алеѯандръ крѣпость Вавїлонскую Агаѳону вручїлъ, давъ ему Македонянъ 700 и наемныхъ ратныхъ 300: Менесту же и Аполлодору воеводство во градѣ и во всеи странѣ Вавїлонскои даде. Пѣхоты при нїхъ оставїлъ 2000, и 1000 талантовъ сребра, да бы болше ратныхъ собрали, повелѣлъ обоїмъ. Мазею бѣглецу обладателство Вавїлонское даровалъ. Багофана, которыи ему крѣпость градскую предалъ, съ собою взялъ. Арменское государство измѣннїку Сардїискому Мїтрену отъдаде. Потомъ

изъ

изъ Вавїлонскїя казны, конницѣ Македонскои, по 600 ефїмковъ даровалъ, а иноземческои конницѣ по 500: пѣхотѣ всякому по 200.

2: Тое совершївъ, въ государство Сатрапанское нарїцаемое пошелъ. Тая плодовїта страна всякїми вещми, и всякаго запаса изобїлство въ себѣ имѣетъ. И тамо многое время пребылъ, и да бы воїнство отъ праздности не унывало, собралъ суден, и чїны вмѣсто подарковъ назначїлъ тѣмъ, которые бы храбрственно предъ нїмъ воевали, между собою осмь, которые сїлнѣїшїи позналіся бы, опредѣлїлъ всякаго надъ тысящею полководца поставїши, хїлїархами ихъ нарїцали. Во первыхъ тогда сїцевымъ чїсломъ воїнство раздѣлїлъ, мужества своего ни кто подарка ни коего не воспрїялъ. Тако многое множество воїновъ собрася, хотя при томъ не обыкновенномъ прѣнїи и судѣ быти, о всякаго мужествѣ свїдѣтелство дати; о правдѣ такожде суден не молчати. Зане уже всякъ въ то время совершенно могъ знати, аще праведно или неправедно кому честь прїсуждена будетъ. Обрѣтеся первѣїшїи Адархїасъ честїю почтенъ, которыи у Галїкарнасса, бои отъ юнѣїшїхъ оставленъ, самъ паче всѣхъ возбудїлъ. Вторыи былъ, по немъ Антїгонъ, третїи Фїлотъ Анген, четвертыи Амїнтъ, по немъ Антїгонъ, Лїнцестъ и паки

Аминтъ, седмыи Θеодотъ, послѣдніи Гелленаікъ. Много такожде въ дѣлахъ воінскіхъ и чінѣ, что было узаконено отъ древле, полезно премѣнілъ. Прежде бо коннїца воінская особѣ на смотрѣ пїсалася всякаго народа: онъ весма тое отставілъ, но обаче полководцевъ и полковніковъ даде имъ инаго народа. Такожде егда хотяше обозъ рушіти, прежде трубою знакъ даяше воінству, которыя многажды, наіпаче въ сїцевомъ мужествѣ неслышны были; сего ради древце долгое, которое бы все воіско возмогло вїдѣти, надъ своімъ шапромъ поставілъ, отъ негоже таковъ знакъ являлся, огнь нощію, во дни же дымъ проісходілъ.

Уже ко граду Сузѣ пріходілъ, гдѣ Абулітъ страны тоя спарѣшіна, или поповелѣнію Дарія, да бы сіце Алеѯандръ корыстію задержалъ, или самъ отъ добрыя воли своея, послалъ къ нему сына своего обѣщая градъ предати, благодарственно Алеѯандръ пріялъ того юношу, которыи его веде до рѣки Коаспы, которая по опісанію имѣетъ воду свѣрѣпу. Тамо встрѣтілъ самъ отецъ, Алеѯандра, Абулітъ именемъ съ царскіми дары. Между дарами были верблюды удівітелно скораго бѣга, къ сему же двандесять слоновъ, которыхъ Дарій велѣлъ прівести изъ Індіи, уже не на воіну проттво Македонянъ, якоже хотяше

быти

быти по намѣренію ихъ, но на помощь, счастіе богатства побѣжденаго побѣдителю принесе. Егда же во градъ вшелъ, премногая сокровища сказуема неімовѣрна быти, взялъ, было тамо 50000 талантовъ сребра недѣланаго; но токмо въ слиткахъ аки каменіе. Тако о томъ разумѣютъ, яко мнози царіе чрезъ многая лѣта толіко превеликая сокровища ради наслѣдія своего собірали, которыя едіно время побѣдителю царю иноплеменніку въ руцѣ предало. Сѣде по томъ на престолъ царскомъ, которыи высокъ былъ, и не по его возрасту: того ради едінъ отъ слугъ его, подставілъ ему подъ ноги столъ, онже увіддвъ едінаго скопца царя Дарія, воздыхающа вопросілъ. Чесо ради тако смущенъ? отвѣща, яко Дарій на томъ столѣ ядяше: азъ же узрѣвъ тои столъ пречестныи въ поруганіи, плача исполніхся. Тѣмже царь отъ части убояся обіду творіти гостіннымъ богомъ, повелъ отставіти его. Но Філотъ рече: не твори того царю, наіпаче же пророчествуи себѣ оттуду, яко столъ на немже супостатъ твои богомъ жертву пріносілъ, твоімъ ногамъ есть подножіе. Тѣмже имѣя волю Алсуандръ въпредѣлы Персідскія итти, градъ Сузу Архелаю вручілъ, на обереженіе ему оставілъ три тысящи ратныхъ. Ксенофілу, крѣпость градскую надзірати, и

тысящѣ Македоняномъ старѣшімъ крѣпость тую стрещи повелѣлъ. Каллікрану сокровища въ соблюденіе даде. Воеводство Сусіское, Абуліту вручілъ. Матерь же Дарієву и чада въ томжде градѣ оставілъ. Привезеная же ему въ даръ, изъ Македоніи одѣянія, и множество багряницъ, и маістеровъ, которые тая одѣянія дѣлали, Сісігамбѣ матерѣ Дарієвои отдати велѣлъ. Зане велікую си честь воздавалъ, аки матери своеи рождшеи. Возвѣстіти тако велѣлъ, аще сіи одежды тебѣ угодны будутъ, научи и внучатъ своіхъ сія дѣлати, и въ даръ посылати. Того ради словесе, слезы испустіла Сісігамба, и неблагопріятенъ си явілся даръ; понеже Персідскія жены ни что такъ себѣ за велікую срамоту имѣютъ, яко упражняшіся, и дѣлати волну. Возвѣщаютъ убо Алеуандру, пріносшіи даръ, что Сісігамба опечалілася. Сего ради возмнілося що дѣло, отреченія. Тѣмже Алеуандръ прішедъ къ неи рече. Маши, сію одежду въ неиже я хожу, не токмо мнѣ въ даръ пріслали, но сами сестры мои дѣлали; обычаю государства нашего послѣдуя, пріслахъ къ тебѣ одежду. Молюшя да немніши себѣ сіе мое невѣдѣніе, быши въ досаду. Что твоего обычая незналъ, слікомъ вѣмъ, все то совершенно я хранілъ. Вѣмъ что у васъ по обычаю, не подобаетъ сыну при машери сѣдѣти,

донелѣже

донелѣже она повелитъ. Азъ такожде коль краты пріходилъ къ тебѣ, и не садился, донелѣже знакъ свои явившими. Многажды на землю пріпадающи хотѣла еси мнѣ честь воздати, я тебѣ того не далъ учінівши, матерію тя, аки возлюбленную матерь мою Олімпіаду, наріцаю.

3. Сіце уповшеніе сердцу ея сотворівъ царь, четырми днями до рѣки Тігра пріиде. Наріцаютъ ту рѣку жителі Пазітігръ. Проісходитъ же изъ горъ Уутискіхъ, и на пятьдесятъ стадіи лѣсными берегами, быстро между каменіями течетъ. Потомъ чрезъ поля уже потіше течетъ, и суды подымаетъ, гдѣ длина еи шесть сотъ стадіи есть, и тако тіхо идущи въ Персідское море устіемъ впадаетъ. Алеуандръ, прешедъ рѣку, съ 9000 пѣхоты. И со Агріанами, и съ воінствомъ наемнымъ Греческімъ, и съ тремя тысящами Ѳраковъ, пріиде въ государство Уутиское. Которое предѣлы своя имѣетъ съ Сузіанами, и идетъ до самыя весма земли Персідскія, трудень вело имѣетъ пріступъ отъ Сузіискія страны. Былъ тамо восвода именемъ Мадаѳъ, младый еще человѣкъ. Понеже намѣреніе положілъ за состояніе вѣры, смертно пострадати. Но знающи оное мѣсто, рекоша Алеуандру, что есть таіный путь, но не до самаго града: еже ли малую часть воіновъ легко вооруженыхъ пошлетъ,

до

до самаго непрїятеля доїдутъ. Егда тои совѣтъ ему угоденъ явїся, тѣхже послалъ вмѣсто провожатыхъ, прїдавъ имъ наемнаго воїнства 1050 человѣкъ, и 1000 Агріанъ, и полковника имъ далъ Таврона, зашедшу же Солнцу, повелѣ имъ въ путь итти. А самъ въ полунощи со обозомъ пошелъ, и прежде восхода Солнечнаго, прїшелъ къ тому тѣсному мѣсту: и велѣлъ насѣкши хвороста, щиты и туры сдѣлати, да бы тѣ которые башни прїставляти имѣли, отъ уязвленїя копеїнаго сохранены были, и повелѣвъ вырубити то все, градъ обступилъ, мѣсто, на немже стоялъ градъ, полно каменїи, разсѣлинъ, и кремнеи было. Тѣмже многїя язвы прїимали, не токмо отъ непрїятеля, но и отъ мѣста того. Обаче прїступъ учинили, зане царь Алеѯандръ между первыми стоялъ, вопрошая толь многїхъ градовъ побѣдителеи, не срамно ли будетъ подъ такїмъ малымъ и худымъ градомъ стояти? Уже и издалече многїя на нихъ пущали стрѣлы, воїнство ни коїмъ подобїемъ могло отъ того мѣста уклонитїся, тѣмже щитами защищалїся. Въ то время при крѣпости града того, явїлся съ воїнствомъ своїмъ Тавронъ полководецъ, егоже осадные узрѣвше во отчаяніе прїшли. Македоняне же храбрственно начаша брань творити. Тогда всеи страхъ и погибель

на

на гражданъ наїде, нїкоїмъ образомъ возмогли протївостояти Алеѯандру, меншая часть мужественно умрети, болшая же часть ихъ вскорѣ бѣжати умыслїла. Мнози бо въ крѣпость градскую убѣжали; оттуду трїдесять пословъ, мїлосердїя просяще прїслали; но печалныи отвѣтъ отъ царя воспрїяли, не восхотѣлъ бо мїлосердїя имъ явїти. Того ради убоялїся погїбели своея, послали къ матерѣ Дарїевои, путемъ таїнымъ, и Алеѯандру незнаемымъ, просяще, да бы царя умолїла. Понеже вѣдомо было имъ, что аки истїнную матерь оную царь любїлъ и почїталъ. Мадаѳъ же дщерь ея сестры имѣлъ себѣ въ жену, и Дарїю блїжнїи былъ сроднїкъ. Многое время Сїсїгамба прошенїя ихъ сотворїти отрїцалася, сказуя что прошенїе мое о васъ, въ сїцевомъ нынѣшнемъ моемъ безсчастїи ни во что будетъ, предлагала и то, да бы толь велїкїя мїлости Алеѯандровы не потеряла. Наїпаче яко плѣннїца, яже нѣкогда бывшая царїца. На конецъ преодолѣна грамотами тако Алеѯандру предложїла прошенїе, что сама себе въ томъ отрїцалася о чемъ молїла. Молю тя, рече: прости сїхъ; а еже ли не хощеши, поне меня помїлуи, понеже о блїжнемъ и сроднїкѣ моемъ, и не о непрїятелѣ, но о прїмїренномъ прошу тя. Храбрость и добродѣтель Алеѯандрову, которыя въ то время

вѣнемѣ были, хотя єдіну сію изѣявімѣ: нетокмо бо Мадаѳа помілованѣ, но и всѣмѣ жітелемѣ подданнымѣ, и плѣннікомѣ свободу даровалѣ, града не повреділѣ, дани ни коея на нихѣ не наложілѣ. У Дарія сына своего, еже либы онѣ такую побѣду одержалѣ, матерь не болѣе бы сего упросіла. По томѣ Уѯіискіи народѣ, кѣ воеводству Сусіанскому прісовокупілѣ, раздѣлівѣ потомѣ воінство сѣ Парменіономѣ повелѣ ему ити полемѣ, самѣ сѣ легкіми полками, чрезѣ горы пошелѣ, которыя не раздѣлнымѣ холмомѣ до Персіды лежатѣ. Вся оныя страны разорівѣ, вѣ третіи день вѣ самую Персіду, вѣ пятыи же день ко ускімѣ путямѣ прішелѣ: (ихже они врата Сусіадская наріцаютѣ) Аріобарзанѣ на тѣхѣ горахѣ каменныхѣ отвсюду разсѣдшіхся сѣ 15000 воінства пѣхотнаго засѣлѣ, на самомѣ же верху, (гдѣ оружіемѣ неудобно было добросіти,) варвары стояли, нарочно скрыліся аки страхомѣ одержіми, донелѣже вѣ самыя весма тѣсноты пѣхота Алеѯандрова вніде. Тогда узрѣвѣ, како безстрашно гнушающеся ими идутѣ, превелікое каменіе на нихѣ метали, которое вѣ разсѣліны нїжнія, сѣ болшею сілою падало, и не по єдіному человѣку, но по цѣлои ротѣ убівало. Пращами же опшїбеное каменіе, и стрѣлы, отвсюду уязвляли ихѣ. Сіе бы храбрымѣ ни єдіно бѣдство сотворіло,

сотворіло, но прінуждени, аки звѣри вѣ вертепахъ обѣятые, отступати. И тако ярость вѣ жестокосердіе претворівше воіни, собрали превеліія камни, да бы могли кѣ непріятелемъ на гору взоіти, другъ на друга ставше подѣімали, каменіе же на верху лежащее отъ многіхъ за оное хватающіхся исторжено на нііже падало. Того ради ни лѣсти, ни стояти, ни укрыватіся щітами. [учіненными кругловідно,] возможно было, егда тако веліое каменіе Персяне на нііхъ спущали. Самаго Алеѯандра не токмо болѣзнь, но и стыдъ озлобляль, что въ такія тѣсноты не опасно ввель воіско. Прежде сего быль непобѣдімъ: нічего нагло творіти не дерзаль. Невредімо горы Кілікіискія тѣсныя прошель, моремъ такожде новыи путь въ Памфілію отворіль: а тогда тои случаи счастіемъ поколебаль, ніже возможно было иначе воіска извести, токмо развѣ бы обратітіся назадъ, откуду прішель. Тѣмже учінівъ знакъ, возвратітіся назадъ повелѣль, и тако щіты на главы возложа густыми рогами ити повелѣваетъ, чрезъ тыя ускія мѣста, которыхъ было полчетверты версты.

4. Тамо въ полѣ пространномъ обозъ поставівъ, не съ полководцами, что творіти совѣтовалъ, но волхвовъ вопрошалъ, излішнімъ бѣсопочітаніемъ возбужденъ бывъ. Но Аріштандръ, (смуже паче

всѣхъ волхвовъ вѣровалъ,) коліко могль о томъ новѣдалъ. Тѣмже жертвы непотребныя отложивъ, Персянъ, которые мѣста знали, прізвати повелѣлъ. Которые путь средній безстрашныи, и угодныи показовали ему; но Алеѯандръ оставіпи воіновъ не погребенныхъ стыдѣлся. Ибо по древнему обыкновенію, ничто на воінѣ честнѣе было, кромѣ еже бы прежде убіеныхъ воіновъ своіхъ погребсти. Тѣмже повелѣ прізвати новыхъ плѣнніковъ, между которымн былъ єдінъ, иже Персідскіи и Греческіи языкъ зналъ. Тои ему рече, всуе царю горами ити помышляеши до століцы Персідскія, вездѣ бо путь лѣсами заросъ, едва возможно имъ єдіному проіти, и весь вѣтвми покрытъ, и єдіна сторона съ другою вѣтвіями сплелася. По другую же сторону Персідская земля высокою окружается горою, та гора длѣною 135 верстъ, шіріною же 15 верстъ, хребетъ же тоя, отъ горы Кавказа лежіть даже до чермнаго моря, а гдѣ кончіпся гора, тамо другое защіщеніе предлежіть, то есть море окружаетъ. Подъ горами же поля велікія и пространныя: земля плодовітая, села и грады многія, чрезъ оныя поля рѣка Аракъ течетъ, имущая съ собою много рѣкъ малыхъ текущіхъ въ Міду рѣку малую. Сама же та рѣка Мідъ течетъ отъ моря на Полдень,

по неіже,

по неїже, не яко по инымъ рѣкамъ, трава токмо растетъ, но идѣже течетъ, множествомъ цвѣтовъ вездѣ украшается. По берегамъ же аки сѣнь распространяется листвіемъ древеса растутъ. Которыя издалече видятся аки непроходимыи лѣсъ, и равны съ горами растутъ. Понеже оную рѣку ниско текущую древа, даже до самаго устія, покрываютъ; такожде и близъ стоящія пригорки покровены суть древами зелеными, ихже коренія обилно напояются водою близъ текущею тоя рѣки.

Во всеи Асіи нѣсть здравѣе тоя страны, небо веселое. Отъ единыя стороны имѣетъ горы нераздѣлно лежащія, лѣсною стѣнію закрытыя, и того ради не жарки, съ другія стороны море, которое теплою влагою напояетъ землю. Егда же сіе сказалъ тои плѣнникъ, вопросилъ его Алеѯандръ, откуду сіе знаеши, слышалъ ли, или тамо самъ былъ? отвѣща, былъ я пастухъ, и прошелъ всѣ тѣ стези, дважды плѣненъ былъ, въ первыхъ отъ Персянъ въ Ликіи, второе нынѣ отъ тебе. И пріиде царю на память, что ему Аммонъ отвѣщалъ, егда его вопрошалъ о счастіи, путь тебѣ къ Персидскои столицѣ покажетъ изъ Ликіи человѣкъ. И яко обѣщаніе сотворивъ по настоящеи потребности и достоинству, плѣнніку повелѣваетъ, да возметъ оружіе Македонское на ся.

По томъ, рече, да не сумнїтся, тои показуя путь, аще и трудень, или тѣсень въ разсѣлїнахъ азъ бо не со многїми своїми поїду; шокмо да бы ты зналъ, гдѣ прежде ходілъ скотїну пасыи. Сїе пастухъ разумѣлъ, что Алеѯандръ ради такія славы, и безсмертныя памяти не поїдетъ. Но плѣнїкъ паки вторїцею неудобство мѣста того, наїпаче вооруженымъ начатъ повѣдати. Тогда царь рече; вѣру ими мнѣ, нїединъ отъ идущїхъ за тобою отречется, и останется, поїдутъ куда поведеши. Тѣмже Кратера ради обереженія обозу поставілъ съ пѣхотою, ихже обычаю воінскому научілъ, и у которыхъ Мелеагеръ полководецъ былъ, и съ двѣмя сипы саїдашнїковъ, и съ тысящею конніцы, велѣлъ великія огни предъ обозомъ нарочно разжещи, да бы увѣрілїся Персяне что самъ Алеѯандръ въ обозѣ. Такожде указалъ Кратеру ежели Артобарзанъ увидїшъ, что стезями окружными иду, съ нѣсколкїмъ воінствомъ на мя обратїтся, ты не далече отъ тебе за идущїмъ поїди, и тако его устрашївъ одержи. Аще же тѣмъ непрїятель твои на горахъ сѣдящїи позовется, и услышїши, что онъ за мною обратїлся, ты чрезъ оныя тѣсноты, изъ которыхъ мы вышли, безъ всякаго сумнѣнія на горы взыди, зане тамо нїединъ останешся, вси бо обратятся на меня.

По томъ

По томъ самъ въ полунощи, знака трубою не давъ, пошелъ тѣмъ путемъ показанымъ, тїхо въ молчанїи, и всякому воїну легко вооруженному, запасу взяти на три дни повелѣлъ. Но кромѣ каменныхъ горъ, и разсѣлїнъ каменныхъ многїя стези имущихъ, снѣги вѣпромъ нанесенныя, и глубокїя, наїпаче ихъ утрудїли. Зане аки въ преглубокїя вертепы падающе, мало не потонули, и товарыщеи, которые хотѣли утопающымъ имъ помощъ дати, наїпаче они къ себѣ ихъ прївлекали. Еще же и нощъ случїся, и страна незнаема, провожатои же ненадежныи [неїзвѣстно весма ли вѣренъ?] сего ради страхъ нечаянныи нападе на нїхъ. Аще же бы стража супостатская усмотрїла, воїстїнну аки бы звѣри дївїи похїщены были. На єдїнаго токмо плѣннїка, всѣхъ надежда, и царская, положена была. Обаче взыдоша на верхъ горы, тамо по правую сторону ко Арїобарзану лежалъ путь, тѣмъ путемъ Фїлоту, Цену, Амїнту и Полїперконту съ своїми ратными легко вооруженными повелѣлъ итти, наказуя, да бы тїхо шли. Понеже коннїца купно была съ пѣхотою, и земля тучная, и кормомъ изобїлная была. Проводнїковъ же даде плѣннїковъ, самъ же со вооруженными полками вышшею и прїстрашною стезею, которою наріцаютъ Агема. Но дальшїмъ путемъ отъ

супостата,

супостата, не безъ великіхъ трудовъ, поіде. Пріспѣвшу же Полудню, утомленымъ же подобаше отдохнути, на средінѣ еще путь стася; но не такія горы и разсѣлины; того ради пищею и сномъ укрѣпівшеся, о полунощи востав, конецъ горъ безъ всякаго неудобія преіде. Но егда тамо пришелъ, идѣже шыя горы наклонілася внізъ, явілася пропасть, которую воды съ горъ искущія учінили, путь прсѣкла. Къ сему же вѣтви сплетшіяся аки нѣкіи плетень показалися. Сего ради на всѣхъ сицевое наіде отчаяніе, яко едва отъ плача воздержалися. Наіпаче ихъ шая мрачность устрашала; понеже, аще и звѣзды тамо свѣтили, обаче густыя древесъ вѣтви, весь свѣтъ закрывали. На конецъ ніже слышаши гласа возможно было, понеже вѣтромъ древа колебалися, и отъ вѣтвеи превеліки шумъ былъ паче вѣтра. Обаче егда Солнце возсіяло, вси нощніи страхи погібли: увідѣли яко возможно обоіти шую пропасть, зане всякъ себѣ удобнаго пути искалъ. Тѣмже возшедше на гору, откуду супостата увідѣли, скоро за оружіе ухватілися, и созади явілися, нічесого таковаго боящеся, отъ ніхже немнози, которые ополчітіся неуспѣли, побіты суть. Тако отъ части побѣды воздыханіе, а отъ части бѣгущіхъ смутное лице тѣхъ Персянъ,

которые

которые еще невредіми, прежде бою возмутіло бѣжати. Услышавъ епонъ и шумъ издалече во обозѣ своемъ Кратіръ, поіде съ воіскімъ въ тыя тѣсноты, изъ которыхъ недавно выступілъ. Повелѣ купно філоту съ Поліперконтомъ, Аміантомъ, и Ценомъ разнымъ путемъ ити. Да бы новыи страхъ Персяномъ учінили. Уже отъ всѣхъ странъ оружіе Македонское бліcтало, егда супостатъ велія страхъ увідѣлъ, памяти достоіныи бои даде, тако разумѣю, яко нужда и унылаго бодра творітъ, а отчаяніе всегда надежду подаетъ. безоружные хватали вооруженыхъ, и тяжестію велікою тѣлесъ своіхъ, жестоко сражалісь, ихже самыхъ копіями кололи. Аріобарзанъ же имѣя при себѣ 40 конныхъ, и 5000 пѣшіхъ, сквозѣ самое воіско Македонское, со многімъ пролітіемъ крове своіхъ, и Македонянъ, прошелъ, хотящъ во столічныи градъ Персеполь убѣжати. Но оттуду его градскіе стражи отгнали. Сего ради вскорѣ на непріятеля пошелъ, и паки бои обновівъ, со всѣми побѣжденъ, погібе. Кратеръ же вскорѣ со своіми прішелъ.

5. Царь же Алеѯандръ на томъ мѣстѣ поставілъ обозъ, гдѣ непріятеля побѣділъ. Ибо хотя и всѣхъ непріятелеи побѣділъ и разгналъ отвсюду: однакожъ по многімъ мѣстамъ глубокія и крутыя рвы пресѣцали путь. Уже не ради непріятеля,

но мѣстѣ трудныхъ и прїстрашныхъ, опасался ишти. Егда же Алеѯандръ ятся пути, вручїли ему грамоты отъ Тірїдата, стража Дарїевыхъ сокровїщъ, въ которыхъ пїсалъ, что граждане услышавъ о прїшествїи швоемъ, хотятъ казну по себѣ разграбїти, сего ради да поспѣшаетъ, и самъ лучше да возметъ, показа же и путь удобный, хотя рѣка Арауъ и раздѣляетъ. Я никоея доброты въ томъ царѣ, паче скорости, похваляю. Занеже оставївъ пѣхоту, всю нощь толь далскїмъ путемъ со утомленою конницею шелъ, и до Арауа рѣки на розсвѣтѣ прїшелъ. Были тамо села не далече, которыя разорївъ, мостъ изъ нїхъ на каменїяхъ устроїлъ. И уже не далече отъ града былъ, тамо къ нему множество плѣненыхъ воїновъ бѣдныхъ, помянувше преждебывшее счастїе, на встрѣченїе вышли. Тамо было плѣненныхъ Грѣковъ мало не четыре тысячи, которыхъ Персяне разными вымыслами мучїли. Инымъ ноги, инымъ руки отсѣкли, ушы обрѣзали, слова языка своего Персїдскаго, на нїхъ печатали, и на болшее поруганїе оставїли жївыхъ. Тогда уже и сами не при прежней свободѣ суще не возбранїли имъ. Сїи неволнїки вїдѣлїся быти аки нѣкїя истуканы, а не человѣцы, и нїчїмъ возможно было ихъ познати, кромѣ гласа человѣческа. Тѣмже болѣе слезъ изъ чуждыхъ очесъ

возбудїли,

возбудїли, нежели сами испустїли; Зане тако въ разномъ ѕлосчастїи, купно вси были равны; кто между ими ѕлополучнѣе, познати не было возможно. Но егда токмо восклїкнули Грецы ко Алеѯандру, отверзи очи намъ о Іовїше, отмстїтелю обїды царства Греческаго, вси чаяли себе, равнымъ мученїемъ казнїми быти! Алеѯандръ же отеръ слезы отъ очесъ своїхъ, повелѣ имъ добрую имѣти надежду, обѣщая яко женъ дѣтеи, и домы своя вскорѣ узрятъ; обозъ же отъ града на двѣ версты поставїлъ; а Греки уступя начали совѣтовати о чемъ бы царя просїти. И нѣцыи совѣтовали просїти нѣкоторыхъ селъ во Азїи, а инїи возвратїтїся въ домы своя желали; тогда Евктемонъ тако къ нїмъ рече. Кая сїя есть наша простота, что мы, которые нынѣ стыдїлїся изъ неволи и темнїцы, ради желанїя помощи изыти. Хощемъ ли оныя муки и казни нашы, срамоты паче неже болѣзни достоїные, аки нѣкую въ Грецїи радость показати? Но тѣ легче бѣду на себѣ носятъ, которые укрываютъ оную; нїедїна отчїзна ѕлосчастлївымъ такъ любезна, якоже уедїненїе, и забытїе прежняго достоїнства. Зане которые много на мїлосердїе своїхъ надѣются, тїи не вѣдятъ, что слезы оныхъ скоро изсыхаютъ. Никто того душевно любїтъ, которымъ

гнушается. Ибо бѣда плачетъ, а счастіе гордіится. Всякъ свое счастіе въ памяти имѣетъ, егда о чуждомъ совѣтуетъ.

Аще бы и мы обще въ томъ не были бѣдствѣ, уже бы давно сдінъ другімъ погнушался. Чему удівляемся сему, яко человѣцы счастлівіи равныхъ себѣ ищутъ? Молю васъ, иже прежде времене умершіи, поіщемъ мѣста. Гдѣ бы намъ сія кости цѣлы сохранішли? и гдѣ нашы толь страшныя язвы сохранітъ заточеніе? Всеконечно къ женамъ нашімъ, [съ которыми во младомъ возрастѣ мы жіли] непріятны возвратімся, дѣти наши лѣтами и счастіемъ цвѣтуще, также и сродніки почаютъ насъ изъ темніцы убѣгшіхъ; и мнози ли обрящутся у насъ, которые бы могли толь далекіи путь преіти? Далече до Европы, въ послѣдніа Восхода солнечнаго предѣлы завезены мы сіпарые, немощные; болшая же часть хромыхъ; можемъ ли то снести, что и вооруженыхъ побѣдітели утомілс? Потомъ, жены сія, ихже намъ здѣ плѣненымъ послѣднее счастіе и нужда, аки нѣкую утѣху даде и малыхъ дѣтеи; возмемъ ли съ собою, или оставімъ ихъ? съ сіми аще возвратімся въ домы нашы, нікто насъ не познаетъ. А ежели оставімъ тѣхъ, которыхъ здѣ зрімъ, не знаемъ; аще узрімъ тѣхъ, къ німже поідемъ, между тѣми пребудемъ, которые

насъ

насъ уже бѣдными познали. Сія рече Евкѳемонъ, смуже противно начатъ глаголати Ѳесѳенъ Аѳінянінъ. Ни кто побожный, ради тѣла, и счастія пріключівшагося намъ пріятати будетъ, что не прірода, но суровство непріятелское сіе намъ сотворіло бѣдство, достоінъ есть той всякаго зла, которыя премѣны случаіныя стыдіться. Понеже которыи не добрѣ о пріродѣ человѣческои разсуждаетъ, самъ не будетъ имѣти о мілосердіи надежды, сгоже иному не покажетъ. Се намъ бози: [чесо мы сами ни дерзнути когда могли пожелати] обѣщаютъ, отчізну, женъ, дѣти, и что человѣцы жізнію замѣняютъ, или смертію доступаютъ. Чего же ради изъ сея темніцы не смѣемъ изыти? иныи въ дому воздухъ, иное Солнце, иныя нравы, иныи языкъ, пѣніе, чего и варвары себѣ желаютъ, каковы разумы наши? что сами хощемъ оставіти вещи безцѣнныя, не иныя ради пріічіны тако злополучни, токмо аки бы насъ кто насілствомъ отъ нихъ отлучалъ. Азъ воістінну въ домъ, и къ домашнімъ возвращуся, и велікую мілость отъ царя получу.

А еже ли которыхъ жены и дѣти здѣ въ плѣненіи къ себѣ пріклонілі. Да остаются съ нѣми, а которые паче отчізны своея ни что любезнѣе имѣютъ, да оставятъ ихъ. Не мнози совѣта сего

послушали. Прочіихъ же свои обычаи, а не прірода преклонїли, усовѣтовали бо просїти у Алеѯандра, да бы имъ жїлїще въ какомъ мѣстѣ назначїлъ. Сего ради сто мужеи аки пословъ между собою избрали, которыхъ Алеѯандръ увїдѣвъ, чаялъ что о томъ хотятъ просїти, о чемъ самъ помышлялъ, рече, повелѣхъ, да дадутъ вамъ на путь кони, къ сему же всякому по три ста ефїмковъ, егда же въ Греческую страну здраво и счастлїво достїгнете, потщуся да бы нїкто паче васъ былъ лучшїи. Но они облївшеся слезами, посупїли свои очи, ни воззрѣти, нїже глаголати дерзнули. На конецъ царь, о прїчїнѣ сїцевыя печали, начатъ истязати. Евктемонъ, такїмъ же подобїемъ, яко прежде совѣтова товарыщемъ своїмъ, рече ко царю. Сего ради Алеѯандръ, не токмо о бѣдствѣ но и о раскаяніи болѣзнуя, повелѣ всякому дати отъ нїхъ по тысяще ефїмковъ, и по десяти гнѣздъ кавпановъ, такожде разныя скотїны, и хлѣба, да бы землю себѣ даную, орали, и сѣяли.

6: На утрїе Алеѯандръ созвавъ полководцевъ своїхъ къ себѣ, рече: нїкоторыи градъ Грекомъ такъ вреденъ, якоже столїца древнїхъ цареи Персїдскїхъ. Оттуду оная безчїсленная воїнства изшедше, на отечество наше нападенїе чїнїли. Оттуду во первыхъ Дарїи, потомъ Ксерксъ изыде, и на Европу немїлостїво

немїлостїво наступалъ. Сего ради на отмщеніе отцевъ нашїхъ, разоренїемъ сего, достоїную жертву прінесемъ. Уже Персяне устрашївшеся, гдѣ кто могъ, побѣжали, оставя градъ, егда Алеѵандръ полки, безъ всякаго медлѣнїя прівелъ. Много прежде градовъ, царскїми богатствы изобїлныхъ, взялъ; иныя пріступомъ, а иные сами поддалїся. Но того града было сокровїще, паче всѣхъ градовъ иныхъ сокровїщъ честнѣїшо и множаїшо. Тамо всего царства Персїдскаго имѣніе собрано было, злата и сребра безчїсленно, одежды, всякїя домашнїя вещи, не ради токмо нужды, но ради показанїя изобїлства своего. Сего ради и сами Македоняне между собою распрю чїнїли, былъ непрїятель тотъ, которыи бы драгоцѣннѣе какую корысть себѣ взялъ. И егда всего, что обрѣли, взяти не возмогли, [зане тѣхъ вещеи не брали, но токмо цѣнїли:] раздїрали царскїя одежды на части, всякъ къ себѣ влекущъ. Златыя же и сребряные сосуды избраннаго художества сѣкїрами разсѣкали, и все грабїли, ни чего въ цѣлости не оставїли. Їдолы сокрушївше, кто что взялъ, тои то и понесъ, и не токмо сребролюбїе, но и мучїтелство во градѣ взятомъ умножено было. Мнози златомъ и сребромъ отягощенни, плѣнникъвъ убївали, и тако весма не разсудно смерти тѣхъ предавали,

которые

которые и на пути ихъ встрѣчали, и которые прежде чрезъ окупъ мілосердія просіли. Того ради множество Персянъ своєю охотою погібло; егда облекшеся въ драгія одежды, съ женами и дѣтми въ глубокія рвы со стѣнъ градскіхъ мепаліся. Инїи же огнь подъ домы своя положівше, со всѣми своїми жгліся; аки бы и Алєуандръ такожде хотѣлъ творіпи, такъ имъ казалося. Обаче Алєуандръ, женскому полу и ихъ одеждамъ, повелѣ не касатіся. Повѣствуется, яко во градѣ семъ премногое множество денегъ взято, еже едва имовѣрно есть. Но или въ иныхъ сумнѣваемся, или вѣру смлемъ, яко въ казнѣ града того было 120000 таланповъ, которые да бы вести съ собою. [ради нужды и росходовъ воінскіхъ умыслілъ взяти:] повелѣ изъ Сузы града и Вавілона прівести коней, и мсковъ, еще взяли къ той казнѣ изъ града взятаго именемъ Пасергада, 6000 талантовъ. Создалъ сеи градъ Пасергадъ, царь Кіръ; сгоже предаде Глобарь. Алєуандръ же крѣпость градскую Персеполя; премъ мыслящамъ Македоняномъ вручівъ, Нікарѳїду оберегати повелѣлъ. Тірідату же, которыи казну предпомянутую предаде, въ старомъ чінѣ быти, въ коемъ прежде былъ у Дарія, повелѣлъ; болшую часть воіска и пягости воінскія оставівъ, Парменіону и Кратеру вручілъ

во

во управленіе. Самъ же съ тысящею конніцы, и съ пѣхотою легкою въ далную страну Персідскую на весну поіде, аще и превеліія дожди и несносная погода была; отъ чего єму прискорбно было; обаче по намѣренію своєму на путь устремілся. Егда же въ такое мѣсто прішелъ, гдѣ превеліимъ снѣгомъ весь путь занесло, и уже отъ мраза веліkаго весь оледенѣлъ. Земля та толь мразомъ и оледенѣніемъ обложеная, и пустая, и людямъ незнаемая, утомленыхъ воіновъ устрашіла. Чаяли что уже до рубежей всея Вселенныя дошли. Смотріли сумнѣвающеся, что вездѣ пустыя мѣста были, неімѣющыя ни малую часть пути ни слѣда человѣческа, и донелѣже еще Солнца и Неба нелішіліся, возвратіті хотѣли. Царь же страхомъ объятыхъ зѣло опасенъ былъ увѣщавати. Но самъ съ коня слѣзъ, пѣшъ чрезъ снѣгъ и ледъ пошелъ; сіпыдно было, во первыхъ бліжнімъ его, по томъ и полководцамъ, на конецъ и воіску не итти за німъ. Перво убо самъ сѣкірою ледъ разсѣкалъ путь себѣ творя, а на него зряще и прочіи такожде уготовляли путь. Прешедъ убо пѣ лѣса неудобопроходныя, рѣдкіи человѣческіи слѣдъ, и скотіну стадами на поляхъ ходящую увідѣли. Жітели же тоя страны, не далече отъ другъ друга по домамъ живущіи, до того времени чаяли,

что нікто къ нїмъ можетъ прїити; егда же увїдѣли Алеѯандрово воїско, своїхъ побїли, которые съ нїми не могли бѣжати, а сами въ горы превелїкїя снѣгами занесеныя побѣжали, но по томъ, егда чрезъ плѣннїковъ разговорами по малу свїрѣпство въ нїхъ Алеѯандръ укротїлъ, предалїся ему. Онъ такожде нїкаковои жестокости имъ не учїнїлъ: тѣмже разорївъ села Персїдскїя, городковъ много во обладанїе свое покорївъ, прїиде къ Мардомъ, народу ѕѣло воїнственному, и много отъ прочїхъ Персянъ нравовъ и жїтїя имѣющему. Созїдаютъ себѣ въ горахъ вертепы, гдѣ съ женами и дѣтми своїми обїтаютъ. Скотїннымъ или ѕвѣрїнымъ мясомъ пїтаются. Женскїи полъ, аще бы ихъ прїрода инако пребывала, нравы имѣетъ простыя. Власы жестокїя, гнусно на главахъ вїсящїя, срачїцы короткїя, повыше колѣнъ, пращами себѣ лобъ обвязываютъ, сїе вмѣсто оружїя и украшенїя имѣютъ. Но счастїе Алеѯандрово и тои народъ укротїло. И тако въ трїдесятыи день по отшествїи своемъ изъ Персеполя, возвратїлся паки въ него. По томъ дары другамъ и прочїимъ всякому по достоїнству заслуженїя даде. И мало не все имъ раздѣлїлъ, что въ томъ градѣ взялъ.

7: Но оное неїзреченное изрядство ума, которое Алеѯандръ въ себѣ имѣлъ отъ прїроды, оное добро-

добродѣтелеи благородіе, имже всѣхъ цареи превосходілъ, оное постоянство, которое въ прі-ключівшіхся бѣдствахъ, въ управленіи всякіхъ дѣлъ, и строснїи, охоту и скорость умножало, къ подданнымъ вѣрность, ко плѣнникамъ мілость, въ прохладахъ проізволныхъ и обыкновенныхъ воздержанїе, уже нынѣ несноснымъ пїянства желаніемъ Алеѯандръ обесчестілъ. Еще бо сгда непріятель Дарїи, которыи съ нимъ о царствѣ воїну имѣлъ, наїпаче же воїну уготовлялъ, гдѣ въ новь народы взяшые, новымъ владѣніемъ гнушаліся, Алеѯандръ по всякъ день къ нимъ во обіталіща ходілъ, гдѣ жены жіли, не пѣ которыя честно и сохранно себе воділи, но блудніцы, свободнѣе нежели подобаше съ вооруженнымъ жіши обыкоша. Изъ тѣхъ єдіна именемъ Θаіса, напівшіся пїяна, къ Алеѯандру рече: велікy благодарность отъ всѣхъ Грековъ, себѣ обрящеши, аще палаты цареи Персідскіхъ сожещи повелїши; того они отъ тебе ожідаютъ, ихже грады рука Персідская разорїла. Женѣ тои блудніцѣ пїяной, о толь велікомъ дѣлѣ совѣтъ сеи предложівшеи, мнози такожде пїяніи сїе похвалїли. А самъ царь наїпаче любостяжателенъ, нежели терпѣлівъ сыи, рече. Чего ради обіды Царства Греческаго неимѣемъ отмстіши? Чего ради града шого не сожещи? Вси пїяни суще безмѣрно, начаша

зажїгати градъ, емуже вооруженнїи уступїли. И перво царь Алеѯандръ огнь верже на царскїя полаты, по томъ пїрующїи, и слуги, и блуднїцы. Тѣ палаты царскїя мало не всѣ отъ Кедра хїтростно состроены были. Сего ради скоро имъ загорѣвшымся, велїи воспалїлся огнь. Сїе вїдя воїнство, недалече отъ града стоящее, чаяло что инымъ каковымъ лїбо случаемъ пожаръ стался, на помощъ прїбѣжали. Но прїбѣгше къ палатамъ царскїмъ, увїдѣли, яко царь еще поджїгаетъ. Тѣмъ возбуждени, воду прїнесеную повергше, подгнѣту начали метати. Таковое окончанїе получїлъ дворъ царскїи всего Востока солнечнаго, гдѣ толїко народовъ судъ прїимали, отчїзна толїкїхъ цареи, нѣкое страшїлїще всего Царства Греческаго, егда тысяща караблеи, и толь воїско велїкое изходїло, которое едва не всю Европу осаждало, и море караблями наполняло сквозь горы скважни учїнївъ, море въ оныя проведе. Обаче тои царскїи дворъ, не чрезъ многая лѣта по разоренїи своемъ, паки восталъ. Владѣтелствовали иными городами царїе Македонстїи, которыя нынѣ держатъ Парѳяне, но того нїже знакъ бы былъ, аще бы рѣка Араѯъ его не показывала, не далече бо текла отъ стѣнъ крѣпости тоя, отъ самаго града 20 стадїи, паче вѣрятъ, нежели знаютъ жїтели тамошнїи. Тѣмже

срамля-

срамлялїся сами Македоняне, что царь ихъ толь преславный градъ сожже въ пїянствѣ. И тако премѣнївше мнѣніе свое, склонїлїся къ тому, будто бы инымъ образомъ невозможно было погїбнути. Царь же Алеѯандръ восставъ отъ сна, освобождену главу имѣя отъ пїянства, начатъ раскаяватїся, и рече: Персяне болшую бы муку и казнь, и всякїя своя обїды, учїнїли бы Грекамъ, еже ли бы на Ксеруовѣ престолѣ въ дому семъ царскомъ чаяли меня вїдѣти.

На упрїе проводнїку своему Лїкїанїну, егоже провожденїемъ, вшелъ въ Персїду, 30 талантовъ Алеѯандръ дарова. Оттуду въ царство Мїдское пошелъ, гдѣ новое воїнство изъ Кїлїкїи стрѣте его 5000 пѣхоты, конницы 1000. над обоїми же былъ полководецъ платонъ Леонеанїнъ. Сїми полкамї воїнство свое наполнївъ Алеѯандръ намѣрїлся за Дарїемъ їтїї.

8. Дарїи уже во Екбатану, въ столїцу государства Мїдскаго пришелъ, которую нынѣ подъ областїю своею держатъ Парѳяне, и лѣтомъ обыкоша тамо жїти. По томъ умыслїлъ итти въ Бактры, но убоявся, да бы его Алеѯандръ скоро не достїгъ, совѣтъ тои, и намѣренный путь премѣнїлъ. Алеѯандръ же былъ отъ Дарїа еще разстоянїемъ на полторы тысящи стадїи, но прошївъ скоростїю его, ни єдїно разстоянїе вїдѣлося

быти ему далеко. Того ради на воїну паче, нежели бѣжати уготовлялся. Имѣлъ же 30000 пѣхоты, а между ими было 4000 Грековъ, которые за царя готовы были умрети. Такожде съ пращами, и съ луками было 4000, кромѣ тѣхъ еще было 3300 конныхъ бактріанъ. Тѣхъ подъ своїмъ владѣтелствомъ имѣлъ бессъ, воевода бактріанскаго государства. Съ сїмъ воїнствомъ Дарїи уклонився мало отъ обыкновеннаго пути воїнскаго, повелѣлъ предъ собою итти кошевымъ и оберегателемъ обоза. Потомъ прїзвавъ своїхъ полководцевъ глагола: Аще бы мя счастїе съ бездѣлными воїнами, и съ сїцевыми [которые какова нїбудь жїтїя, паче честныя смерти, желаютъ] совокупїло, лучше бы умолчалъ я нынѣ, нежели праздная словеса проїзносїлъ. Но вашу вѣрность и мужество извѣстнымъ свїдѣтелствомъ, паче желанїя моего, искусїхъ. Тѣмже наїпаче долженъ есмь, да бы сїцевыхъ друговъ былъ достоїнъ, нежели усумнѣвался. Премѣнїстеся ли вы изъ толь многїхъ тысящей, которыя подъ моїмъ обладанїемъ были, мене дважды побѣждена, дважды убѣжавша, не отступїли отъ мене, и бѣгущему мнѣ послѣдовали. Вѣрность и постоянство ваше сїе творїтъ, что еще мя вѣмъ быти царя. Измѣннїки, и бѣглецы во градѣхъ моїхъ

царству-

царствуютъ, не ради того, яко тоя чести достоїни суть, но да бы тая имѣнія, и чести ихъ васъ пріклонїло. Обаче вы лучше восхотѣсте мнѣ, нежели побѣдїтелю послѣдовати, премного достоїни есте того, аще азъ невозмогу за ту вашу добродѣтель вамъ воздати, бози вмѣсто мене воїстїнну воздадутъ. Ніже єдінъ тако глухїи будетъ вѣкъ, ніже єдіна сїце неблагодарная слава, которая до небесъ вѣчныя памяти васъ не превознесетъ. Тако аще бы и мыслїлъ предъ супостатомъ убѣгати, чпо мнѣ есть паче всего мерзско, такое сердце и добродѣтель въ васъ вїдя, ополчуся противо супостату. Доколѣ въ царствѣ моемъ буду изгоняемъ? доколѣ предъ врами царства моего предъ царемъ страннымъ и прішелцемъ буду бѣгать? Егда возмогу, или мечемъ что погубїхъ, отняти, или честною смертїю погібнути; токмо аще бы тое дѣло было лучше, ожїдати повелѣнія побѣдїтелева, по прїмѣру и Мазеа и Мїорена, упросїти себѣ у него царства єдінаго народа, гдѣ онъ паче славѣ своеи, нежели гнѣву угождати будетъ. Да сохранятъ мя бози отъ того, да бы кто тое главы моея украшеніе, или взяти, или даровати возмогъ. Донелѣже азъ жївъ есмь, царства моего не лїшуся, єдінъ и тоїже и царства моего и здравїя конецъ будетъ. Аще ти въ васъ храбрость, аще твои законъ,

законъ, вси будете свободни: никто отъ васъ уничіженія Македонскаго, нікто лїца гордаго имать терпѣти. Всякаго десніца своя, или отмщеніе толіко многіхъ золъ, или конецъ сотворітъ. Воістінну како не въ едіномъ состояніи счастіе есть! Азъ примѣръ того, самъ есмь. Сего ради премѣненія отъ него мілостіваго ожідаю. Но аще бози праведною и благочінною воіною гнушаются; обаче храброму воіну честно подобаетъ умрети. Молю васъ, ради прежде бывшіхъ цареи праотцевъ моіхъ, которые всего Востока царствами въ безсмертной памяти владѣтелствовали, ради тѣхъ воіновъ, имже Македоняне въ нѣкое время дань давали, ради толікаго воінства моремъ въ Грецію посланного, ради множества знаменъ по побѣдахъ, поставленыхъ, да воспріимете крове вашея благородныя, и народа вашего храбрость и сердце достоіное; такожде да поідете тѣмъ постоянствомъ, противо предъідущімъ бѣдствамъ, якоже и прежде; что лібо счастіе восхощетъ творіти? Воістінну или велікая побѣда, или преславныи бои, въ вѣчная времена безсмертна мя сотворітъ.

9: По окончаніи рѣчи Дарія царя, настоящіи въ блізости страхъ, всѣхъ сердца и бодрость ужасе, ніже бо совѣтовати, ніже глаголати могли. Аршабазъ древнѣіши между други его, которыи,

[якоже

[якоже многократно пріпомянухомъ] у Філіппа нѣкогда въ гощеніи пріятъ былъ, рече: Мы въ дражаішія одежды облекшеся, оружіе сѣло блістающее возмемъ, и восльдъ тебе царя нашего на брань поідемъ съ таковымъ намѣреніемъ, на побѣду паче надѣющеся, нежели смерти боящеся. всѣмъ сіе слово угодно показалося.

Но Набарзанъ на томже совѣтѣ бывыи, тогда съ бессомъ, уже прежде согласіился проціво Дарія, и намѣреніе положілъ, повелѣти воінству, которое при себѣ имѣли, поімати Дарія и связати, да бы Алеѯандру, аще ихъ погоніітъ, отдати жіва, и тѣмъ себѣ мілость у Алеѯандра обрѣсти: веліе дѣло разсуждающе, еже бы Дарія поімати, и аще въ бѣгство устремітся, поімавше его то убіити, и убівше, царствомъ его обладати, и воіну обновіити умыслілі. О томъ убіистві многое время размышляюще, и путь ко исполненію намѣренія своего уготовляюще. Набарзанъ начатъ глаголати: Царю, вѣмъ азъ, яко совѣтъ мои съ первоначалія твоімъ ушесамъ непріятенъ будетъ. Но и врачеве велікія болѣзни жестокіми врачевствы лечатъ. И карабелнікъ, егда сокрушенія карабелнаго боітся, ради цѣлости, вся изъ карабля изметаетъ. Азъ обаче не совѣтую, да бы убытокъ яковыи учінілъ, но да бы и себе самаго, и царство совѣтомъ

добрымъ сохранїлъ еси. боговъ разгнѣванныхъ имѣюще воюемъ, и упрямое счастїе Персянъ гонїши не престаетъ. Вновъ начати и новое воїско собрати потреба. Счастїе и царство вручи иному на время: сгоже до того времяне будемъ называти царемъ, дондеже супостатъ изъ Асїи выступїтъ: побѣдїшель потомъ паки тебѣ отдастъ. Что въ скоромъ времяни разумъ обѣщаваетъ содѣяти? бактрїанское государство еще цѣло, Індїане, и Сагїни, вѣшвоеи власти, толїко много народовъ, толїко много воїска, толїко много конницы и пѣхоты тысящеи, на обновленїе воїны, сїлы готовы обрящеши: болшая еще часть воїнства, нежели прежде была, осталася. Чесо ради на погїбель, образомъ звѣрїнымъ, неразумно и не потребно бѣжїмъ? Храбрыхъ мужеи есть, паче презїрати смерть, нежели возненавїдѣти здравїе, многократно непрїлѣжнїи снужающе отъ трудовъ, о полезнѣїшемъ дѣлѣ промышляютъ, зане добродѣтель ни сдїно дѣло не искусївши оставляетъ; а смерть вся оканчаетъ. къ неїже нелѣпостно ити, всякому подобаетъ. Тѣмже аще къ бактрїаномъ восхощемъ ити, аки къ надежному и безъстрашному мѣсту поїдемъ. Бесса намѣстнїка тамо того царства, времяне ра и таковаго вмѣсто царя учїнїмъ. Которыи все усмїрївъ отдастъ вѣрно тебѣ истїнному царю государство.

Нѣсть

Нѣсть удївленїя, яко Дарїи въ то время гнѣва удержати не возмогъ, аще безчїнїе Набарзаново, въ словесахъ и потаенно было, обаче возопїлъ. безчїнныи плѣннїче, обрѣлъ ли еси время себѣ жалаемое гдѣ убївство открыти? и извлекъ мечь хотѣлъ его поразїти: аще бы вскорѣ не предсталъ бессъ съ бактрїанами, прося о немъ, и лїце печалное показуя. На конецъ аще бы не укротїлся, въ тоже бы время связали его. Потомъ Набарзанъ ушелъ, а за нїмъ изыде и бессъ; воїску же которое подъ своею властїю имѣли, отъ прочаго воїнства отлучїтїся велѣли, и собратїся къ своему таїному совѣту, да бы совершїти намѣренїе свое. Артабазъ же смотря по случаю оному, рѣчь Дарїю прїлїчную предложїлъ, хотя его укротїти, таже увѣщавалъ, да понесетъ въ кротости, что ни было, обаче не отъ чужїхъ но отъ своїхъ, или глупость, или погрѣшенїе. Ибо Алеѯандръ сїленъ ополченемъ своїмъ наступати на насъ, хотя бы и вси совокупно были, каковъ конецъ случїлся бы, егда бы бѣгу ты ялся, они такожде за тобою устремляющеся, будутъ тебѣ непрїятели. Сїце укротїлся Дарїи, и хотѣлъ воїстїнну съ воїскїмъ итти но вїдя всѣхъ въ раздорѣ и смятенїи, тамо остался въ велїкомъ сомнѣнїи и печали своеи и абїе во отчаянїе прїшедъ,

въ шатрѣ заключїлся. Тогда во обозѣ [въ немже управїтеля не было,] разныя мятежи учїнїлїся, ни коего о радѣнїи общемъ совѣта не стало, якоже прежде было. Полковнїкъ же Греческаго воїнства именемъ Патронъ, своїмъ повелѣ, да будутъ готовы ко оружїю. А Персяне отъ прочїхъ отдѣлїлїся. бессъ же съ бактрїанами былъ согласенъ, и прїзвалъ къ своему едїномыслїю Персянъ, сказуя государство бактрїанское въ цѣлости, и богатства его, такожде и настоящая бѣдства. Персянъ мало не всѣхъ гласъ былъ едїнъ, что отъ царя отступїти не достоїтъ. Между тѣми Артабазъ вся должности своя аки полководецъ управїлъ, самъ по шатрамъ Перскїмъ ходїлъ, и всякого наедїнѣ, такожде и обще увѣщавалъ, дондеже извѣстенъ стался, что готовы со всякою вѣрностїю на все, онъ же съ велїкїмъ трудомъ и Дарїя умолїлъ, да бы пїщи вкусїлъ, и сердце царское укрѣпїлъ.

10. Но бессъ и Набарзанъ же прежде умыслїли, оное всеконечно тщалїся совершїти, желающе ѕѣло царства. Но донелѣже жївъ былъ Дарїи, того получїти немогли. [Зане тамошнїе народы чїнъ царскїи въ велїкои и удївїтелнои чести имѣютъ, вси на едїно токмо собїраются, и тако въ счастїи, якоже и въ ѕлополучїи совершенную воздаютъ честь.] Возбуждаше же нечестївыхъ

сердца

сердца страна та, гдѣ первыя чіны воіни имѣли во оружіи, положеніе мѣста ни вѣдіномѣ народѣ лутче было. Третію часть Асіи содержітъ. Толіко много юношеи воінскіхъ имѣетъ, еліко воіновъ Дарія въ прежде бывшія баталіи потерялъ. Сего ради не токмо его, но и Алеѯандра ни во что вмѣняли. Оттуду хотѣли государству помощь дати, аще бы имъ обладали. Многое время о всемъ размышляюще, сіце усовѣтовали, чрезъ воіновъ бактріанскіхъ, которые на все готовы были, царя поімати, и послати ко Алеѯандру, возвѣщающе, яко жіва хранятъ его, и да бы сіцевою измѣною Алеѯандръ не оскорбіся, [о семъ опасны были,] умыслілі Дарія убівше въ бактріанскую страну съ воінствомъ своімъ возвратішіся. Но явно ни коімъ подобіемъ возмогли тое совершіти; понеже толіко многія тысящи Персянъ, не дали бы убіти царя. Инаіпаче боялісь вѣрнаго царю воінства Греческаго. Тѣмже еже не могуще сілою, то чрезъ измѣну совершіти потщалісь. Умыслілі бо аки жалость нѣкую въ себѣ показати, что отъ иныхъ Персянъ отлучілісь, и предъ царемъ въ страхѣ и трепетѣ своемъ у престола его оправдітіся. Обаче послали нѣкоторыхъ, да бы Персянъ, и надеждою и страхомъ пріглашали, что главы своя на смерть несутъ, показующе.

Се бактріанское государство отверзто ожідаетъ васъ всѣхъ, и дарами и богатствомъ всякімъ, егоже вы не чаяли, хощетъ всякаго обогатіити. Сіе имъ глаголющімъ, пріиде Артабазъ, или по повелѣнію царскому, или своею волею, возвѣщая, яко Дарія гнѣвъ свои укротілъ, и по прежнему мілость у него имѣти будутъ. Тѣмже начаша будто плакати оправданіе предлагающе. и Артабаза моляще, да бы ихъ у царя заступілъ, и прошеніе отъ нихъ ко Дарію донесъ. Сіце ноши прешедши, прежде Восхода солнечнаго Набарзанъ съ бактріанами сталъ предъ шатромъ царскімъ, аки ради обыкновенныя службы, безчінное свое намѣреніе покрывая. Дарію же знакъ давъ на путь, по прежнему обычаю на Колесніцѣ сѣде. Тогда Набарзанъ и прочіи измѣнніки, падше на колѣна, поклоненіе ему отдавали, котораго связати вскорѣ хотѣли, такожде слезы изъ очесъ покаянія своего во свідѣтелство изліівали (тако смыслъ человѣческій коварство можетъ умышлятіи.) Потомъ рабское и печалное прошеніе о прощеніи чінілі, и тѣмъ Дарія человѣка отъ пріроды незлобіва, праведна и кротка, не токмо ко увѣренію, но и ко слезамъ склонілі. Обаче и тогда злохітраго своего намѣренія не отступілі, аще и знали, какову царю и человѣку измѣнілі. Дарій уповая отъ домашнія

погібели

погібели быши свободенъ, предъуспѣвающія тогда, отъ Алеуандровы токмо, сяже ужасался, тщался убѣжати.

11: Полководецъ же Греческіи именемъ Патронъ повелѣ своімъ рашнымъ да бы оружіемъ, которое было пріних, вооружіліся, і на всякое повелѣніе были готовы. А самъ за Колесніцею царскою иде, смотря времене рѣчь Дарію предложіти, понеже о намѣреніи бессовомъ извѣстенъ былъ. Но бесъ того самаго боялся, наіпаче аки стражъ нежели спутнікъ отъ Колесніцы не отступалъ. Тѣмже полководецъ Патронъ многое время удержаваяся отъ рѣчи своея въ вѣрности и страсѣ опасенъ бывъ, на царя непрестанно посматрівалъ. Царь же сгда его увіделъ на него взірающа, прізвалъ будауа скопца, между бліжніми за Колесніцею идуща, повелѣ его вопросіти не желаетъ ли чего Патронъ отъ него? онъ же отвѣща, что всеконечно желаетъ, но да прочіи не слышатъ, таіно бы ему рѣчь предложілъ. Тѣмже повелѣ Дарііи къ самои Колесніцѣ пріступіти и безъ переводчіка доносіти; (понеже языкъ Греческіи Дарііи разумѣлъ:) Онъ же рече: Царю, было насъ Грековъ пятьдесятъ тысящъ въ воіскѣ твоемъ, но нынѣ малая часть осталася воіска того, вси счастія твоего друзи, тіи же и въ нынѣшнемъ состояніи счастія, якоже и въпрежде цвѣтущемъ

неізмѣнно

неїзмѣнно вѣрни, куда токмо обратїшїся, и мѣсто избереши, поїдемъ, и вмѣсто отчїзны своя имѣти то будемъ. Счастїе и несчастїе совокупїло насъ съ тобою. Но тою вѣрностїю непремѣнною и непрестодолѣнною, молю тя и заклїнаю да въ обозѣ нашемъ повелїши шатеръ свои поставїти; мы да будемъ стражи здравїя твоего. Лїшїлїся мы Греческїя земли, бакпровъ не имѣемъ, въ тебѣ надежду мы всю полагаемъ, о да бы и прочїи таковы были. Болѣе доносїти не надлежїтъ. Я иноземецъ, здравїя твоего храніти не желалъ бы, ежели бы вѣрїлъ, что инъ кто можетъ вмѣсто мене то сотворїти.

Бессъ же аще Гречески глаголати и неразумѣлъ, обаче облїчаемъ совѣстїю, всеконечно мыслїлъ, яко Патронъ о измѣнѣ его далъ царю вѣдомость, увѣдомяся же отъ Греческаго полмача, утвердїлся въ томъ. Но Дарїи, елїко возможно было отъ лїца его познати, ни мало успрашїлся, начатъ вопрошати о прїчїнѣ того навѣта предложенаго, Патронъ же болѣе не прїлагая, рече: Бессъ и Набарзанъ измѣну нашя уготовляютъ. Счастїе твое и жївотъ въ послѣдней погїбели. Днь сей, или твоїмъ убїицамъ, или тебѣ будетъ послѣднїи. (Тако Патронъ въ цѣлости царя сохраняя, славу себѣ получїлъ; якоже хотятъ, тако да коварствуютъ

(Лѳеїсты,)

(Аѳеїсты,) которые надѣются, яко въ дѣлахъ человѣческіхъ, все самослучаїно, а не по смотрѣнію божію бываетъ, всякъ бо по дѣламъ мзду пріемлетъ. Дарій же сіце къ Патрону отвѣща: аще и зѣло вѣрность Греческая мнѣ извѣстна есть; обаче нехощу отъ племене моего отступіти. Трудно мнѣ, зло окомъ мыслїти, нежели уловлену быти, что ни нанесетъ счастіе мнѣ, между своїми хощу терпѣти, нежели отъ нихъ убѣжати. Не вскорѣ погібну, егда воїнство мое жіву мнѣ быти похощетъ. Патронъ сія слышавъ отчаявся Дарїева здравія, къ своїмъ Грекамъ, имже полководецъ былъ, возвратился.

12. Бессъ же всконечно убіти царя устремілся: но опасаяся того, еже бы мілости Алеѯандровы не потерялъ, аще убітаго Дарія сму предастъ; на будущую нощъ злохітрое свое намѣреніе отложівъ, благодарствіе Дарію воздастъ, что измѣнніка того Грѣка именемъ Патрона, которы уже на счастіе Алеѯандрово началъ смотрїти мудро и опасно совѣта его не послушалъ: глагу бы (рече) твою, о царю въ даръ Алеѯандру отнесъ Патронъ і удівляться сему [рече Бессъ] недостоітъ, понеже Патронъ человѣкъ наняты, і сповъ во всемъ продажу чінити, безчаденъ сы и безъ отчізны отъ всего Свѣта изгнанъ, всегдашній непріятель,

на всякое велѣнїе поторжное готовъ. Егда же того бесса самаго Дарїи увѣрялъ, начатъ оправдатїся, и боговъ отеческїихъ во свїдѣтелство вѣрности своея прїзывати. Дарїи же лїцемъ не протївенъ тому показался; обаче повѣрїлъ что Греки истїнну предлагали. Но и то уже случїлося, что тако злая прїчїна была, еже невѣрїти своїмъ, якоже и далїся, яту быти и отъ иноплеменныхъ, трїтцать бо тысящь было мятежнїковъ. Патронъ же полководецъ токмо имѣлъ 4000, которымъ аще бы здравїе свое Дарїи вѣрїлъ: въ своїхъ Персянехъ невѣрность облїчїлъ бы, и безъ всякаго неудобсива измѣннїкамъ, на ихъ злоумышленїе прїчїну далъ бы. Сего ради избралъ неправедно, нежели праведно, насїлство и напасть терпѣти. Обаче бессу, измѣну свою очїщающему сїце отвѣщалъ. Знаю я, что не меншая есть Алеѯандрова правда, нежели храбрость. Прелщаются тѣ, которые за измѣну чаютъ себѣ мзду отъ него прїяти.

Нощь уже прїближашеся, и Персяне оружїе начали скїдывати, и расходїтїся по обыкновенїю, потребъ ради во градъ блїжнїи. Но бактрїане (по повелѣнїю бессову) вооруженнїи стояли. Тогда Дарїи велѣлъ прїзвати къ себѣ Артабаза. И что Патронъ ему совѣтовалъ, предложїлъ, рече Артабазъ, не сумнѣваюся, что бы лучше ты

учїнїлъ

учінілъ, еже бы шатеръ свои между Греческімъ обозомъ поставілъ. Понеже Персяне о пагубѣ услышавше, сюды соберутся со скоростію. Но Дарій познавъ время назначеное злополучія, и уже не могій понести коего лібо добраго совѣта, єдіну въ томъ злополучіи своемъ помощь, Арпабаза, въ послѣднее съ німъ бесѣдуя обнялъ, и доволно плакався, обземлюща его повелъ отъяти, потомъ главу накрылъ, да бы на отходящаго съ воздыханіемъ, отъ него аки отъ царя, не смотрілъ, и на послѣдокъ Дарій на землю повержеся. Тогда обыкновеннїи стражіе, здравіе царское отъ всякаго навѣта хранящіи убѣжали, помышляюще, яко противу навѣтующіихъ вооруженныхъ мятежніковъ ополчітіся не могутъ. Сего ради въ шатрѣ кромѣ не многіихъ скопцевъ при царѣ стоящіихъ, и гдѣ скрытіся не имущіихъ, нікто инъ былъ. Дарій же єдінъ лежа безъ всѣхъ, разныя мысли предлагалъ себѣ. И уже пустыи шатеръ, которыи доселѣ вмѣсто веселія имѣлъ, возненавідѣлъ, и будаца скопца прізвати велѣлъ, на егоже посмотрівъ рече: идіте и о себѣ промышляіте вы, иже даже до конца царю своему, якоже подобаше, вѣрно служіли. Азъ здѣ окончанія несчастія моего ожідаю, чаю удівляетіся, что жітія моего неокончаваю, но чуждею злобою, а не моею, лучше ми есть умрети.

Скоро по скончанїи тоя рѣчи, будаѵъ Скопецъ воздыханїемъ и рыданїемъ не токмо шатеръ, но и обозъ наполнїлъ. Пріѣжали по томъ инїи, одѣянїе на себѣ растерзавше, болѣзненнымъ воплемъ о царѣ плакалїся. Еже Персяне услышавше, ни за оружїе дерзнули ятїся, да бы съ бактріанами брани не учїнїли, нїже смірно стояли, да не возмнятся быти измѣннїки, безчїнно отступівше господїна своего. Тѣмже во всемъ обозѣ, разныи и не согласныи вопль стася безъ полководца и управленїя. Тогда возвѣстїша Бессу и Набарзану союзнїки ихъ, яко царь самъ себе смерти преда̀де, рыданїе и плачъ прелстїлъ ихъ о немъ. Тако на скорыхъ конехъ пріѣжали купно съ тѣми, которые то дѣло уже давно намѣренное совершїти имѣли, и въ шатеръ вошли, слышаще же отъ Скопцевъ, яко царь жівъ, взяти и связати его велѣли. И тако Дарія царя Персїдскаго [которыи прежде сего на колесницѣ ѣздя поспѣшествованїемъ боговъ, отъ своїхъ имѣлъ честь] помощи ни откуду имущаго, раби домашнїи свои похїтїли, и на мерзскую колесницу посадїли, и кожами отъ всюду закрыли. Казну царскую, аки по нѣкоей воїнѣ расхїтїли, корысть изобїлную злонравно взявше, въ бѣгство обратїтся умыслїли. Артабазъ полководецъ съ своїмъ полкомъ, такожде и съ Греческїми

рашными

ратными къ Парѳіенію пошелъ, весма небоязненно, токмо да бы не нашелъ на измѣнниковъ и убійцъ. Персяне обѣщаными отъ бесса дарами сѣло превелікими прелщеніи съ бактріанами сообщіліся, и въ третіи день настігли ихъ, занеже не имѣли кому бы иному послѣдовати. Но обаче тіи измѣнніки, хранящеся да бы не обругали царя, златыя оковы ему наложіли. Новую игру изъ поруганія себѣ счастіе умыслілло. Но да бы нікто по одеждѣ царскои узналъ, гнусными кожами закрыли, и незнаеміи везли, да бы на вопросъ чіи, между воінствомъ не знали о немъ, стражіе же изъ далече послѣдовали ему.

13: Алеѯандръ услышавъ, яко Дарія двігнулся отъ Екбатанъ, оставівъ намѣренныи путь въ Мідію, за бѣгущімъ скоро пошелъ. Табасъ градъ есть въ Паретаценѣ послѣдніи: тамо прішедшу ему бѣглецы возвѣстіли, яко Дарія въ бактры сѣло скоро убѣжастъ. Но по томъ извѣстнѣе услышалъ отъ багісѳена жітеля Вавілонскаго: яко Дарія не есть по истіннѣ связанъ, но или въ погібели смертнои или окованъ. Тѣмже Алеѯандръ созвавъ полководцевъ, рече: сѣло велїе предъ собою дѣло имѣемъ; но трудъ крапчаішіи. Дарія отъ своіхъ оставленъ или связанъ или убітъ, не далече отъ насъ есть. На немъ побѣда наша вся,

и сіе же великое дѣло, самая токмо скорость явіти намъ можетъ. Вси купно отвѣщаша ему, яко готовы во всемъ, да бы ни на труды, ни на всякіи страхъ смотрілъ. Тѣмже съ полками паче бѣжалъ, нежели шелъ, ніже въ ночи отъ дневнаго труда споялъ. Тако 500 верстъ перешелъ до села, гдѣ Дарія бесъ похітилъ. Тамо Мелона толмача Дарієваго получілъ, которыи немощенъ лежа съ прочіими не возмогъ ити, скоростію Алеѯандровою поіманъ, бѣглеца себе повѣда быти. Извѣстіе совершенное Алеѯандръ отъ него пріялъ. Но утомленнымъ потреба было отдохнути. И тако избралъ 6000 конніцы, имже прісовокупілъ еще 300, которые наріцаются Дімахи. Сіи на плечахъ тяжкое оружіе несли, такожде и на конехъ ѣхали, но егда мѣсто и нужда чего требовала, пѣши въ строю стояли. Егда сіе управлялъ Алеѯандръ, прішли къ нему Орсілъ и Ніораценъ, [которые измѣнѣ бессовои не восхотѣвше помогати убѣжали:] извѣствуя ему, яко въ пяти стахъ попріщъ отъ того мѣста Персяне, и есть къ нимъ блізшіи путь. Ихже прішествіе зѣло угодно было Алеѯандру. Тѣмже въ вечеру съ тѣми проводніками, и охочею конніцею путемъ, которымъ указывали они, пошелъ, копеіщікамъ во слѣдъ себе повелѣлъ ити по возможному, самъ четвероуголнымъ строемъ

полкъ

полкъ веде, и тако путь управлялъ, яко послѣдокъ первыхъ полковъ, досягалъ чела заднїхъ полковъ. Трїста попрѣщъ уже перешли, гдѣ его встрѣтїлъ Брокубелъ, сынъ Мазеевъ, бывыи нѣкогда въ Сїрїи воевода. Тои такожде бѣглецъ, возвѣщалъ, яко бесъ въ дву стахъ попрѣщахъ отъ него, воїско безъ строя идетъ, не имѣюще опасенїя. И мнїшмїся во Ірканїю помышляетъ итти, и аще бы ты поспѣшїлъ, достїглъ бы тако шатающїхся. Дарїи еще живъ. Сѣло охочему еще болѣе перебѣщїкъ прїдаде охоту на теченїе. Тѣмже шпорами стїснувше кони, скоро побѣжали, и уже шумъ идущаго Дарїа былъ слышанъ; но отъ пыли восставшїя вїдѣти ни кого возможно было, сего ради тїше пошли, донелѣже пыль полегла. Уже ихъ Персяне увїдѣли, и они такожде воїско Персїдское велїко предъ собою усмотрїли, которому бы нїкогда противостояти возможно было, ежели бы толь велїкое имѣлъ сердце и смѣлость бесъ къ бою, коль велїкое ко измѣнѣ и злодѣянїю показалъ. Зане и воїско его чїсломъ и мужествомъ превосходїло Алеѯандрова воїнства. Къ сему же утомленные како бы бои дали, со уготованными и сїлными? Но имя Алеѯандрово и слава, сѣло велїя на воїнѣ помощь, устрашїла всѣхъ такъ, что въ бѣгство устремїлїся. Самъ бесъ съ прочїми мятежнїки прїшедъ къ колеснїцѣ

Дарїевѣ,

Дарієвѣ, увѣщаваль его да бы сѣль на коня, и отъ Алеѯандра бѣжаль. Онъ же рече имъ, бози воздатели суть о вѣрѣ, и добродѣтели Алеѯандровои, вопія, не хощу со измѣнніками бѣжати. Тогда исполнівшеся гнѣва, вергли въ него копіями, и тако во многіхъ ранахъ его оставіли. И конеи въ колеснїцѣ его покололи, да бы не могли болше ишти, двухъ слугъ блїжнїхъ [которые при немъ шли.] убіли. Сіе совершівше, да бы слѣдъ былъ не знатенъ, Набарзанъ во Іркантю, бессъ же въ Бактры, со не многіми конными побѣжали. Персяне же полководцевъ неимуще, гдѣ кого или надежда или страхъ прінуждаль, убѣгали. Пять сотъ токмо конніцы сошедшеся размышляли, не знающе, что лутче избрати, бои ли дати, или бѣжати. Алеѯандръ же убоявшіхся Персянъ відя, послалъ Нїканора съ частію конніцы да удержатъ ихъ отъ убѣганія. Съ прочіими самъ пришелъ мало не три тысящи побіто тѣхъ, которые проті востояли имъ, прочіхъ же аки скотовъ неубівающе гнали, по повелѣнію цареву не дерзнули ихъ убівати. Ни єдінъ былъ отъ плѣненыхъ, которыи бы возмогъ колеснїцу Дарієву показати, которыхъ токмо плѣнїли, всякъ искалъ, но не могли слѣда ухожденія царскаго обрѣсти, со Алеѯандромъ спѣшащімъ, едва 3000 конніцы было. На тѣхъ

убо

убо которые тіше шли, множество Персянъ убѣгающіхъ находіло. И едва имовѣрно, болше плѣнніковъ, нежели плѣнящіхъ было. Но тако страхомъ одержімыхъ, счастіе вся смыслы отъяло, яко ни супостатова малолюдства, ни своего множества невідѣли. Дарія, въ колесніцѣ везущіи кони съ пути своротіли, которымъ супостатъ бѣжалъ, и неімуще возніцы, убѣжали съ четыре версты въ сторону, и въ нѣкоеи долінѣ жаждою и ранами утомлени стали. Не далече тамо былъ источнікъ, о немже отъ знающіхъ извѣстівся Полістратъ Македонянінъ, ѕѣло жаждущъ прішелъ. И шлемомъ воды почерпнувъ піяше, увідѣлъ копія вонзеная въ коняхъ издыхающіхъ. Тѣмже удівілся, чесо ради паче пронзены, а невзяты суть, и прішедъ бліже увідѣлъ въ колесніцѣ гнуснои кожами закрытои, тѣло еле жіва человѣка, открылъ, и позналъ яко Даріи, прободенъ воістінну во многіхъ мѣстѣхъ по тѣлу, но еще жівъ. Пріклонівся же къ колесніцѣ плѣннаго, позналъ его Даріи по гласу и рече: Тую токмо въ нынѣшнемъ ѕлополучіи моемъ имѣю утѣху, яко съ тѣмъ могу проглаголати, кто мя познаетъ, послѣдніи же глаголъ мои будетъ празденъ. По томъ повелѣ тако Алеѯандру сказати, умірaю не показавъ ему услуги моея. Но удівітелно велікіхъ добродѣтелеи

его должнікъ ссмь. При семъ благодарствую его за многая и неїзреченная его благодѣянія, которая матерѣ моеи, женѣ и чадамъ являетъ. Зане онъ и здравіе, и чїна царскаго честь, и достоїнство даровалъ имъ. Мнѣже друзи и сроднїцы мои, которымъ здравіе и царство даровалъ, сїя вся отъяша. Желаю дабы во всемъ свѣтѣ побѣдїтель царствовалъ, и повелѣвалъ, будетъ ему сїе въ честь и пользу, егда измѣнѣ надъ мною учїнївшеїся, на образъ временамъ предъїдущїмъ, такожде и царемъ быти имущїмъ, отмщеніе неумедлїтъ совершїти. Уже обезсїленъ и жаждою утомленъ воды просілъ, и егда напїлся къ Полїстраду прінесшему воды, рече: кто ни былъбы еси человѣче, имѣю азъ сїе за послѣднее злополучіе, яко тебѣ за сїцевое ко мнѣ благодѣяніе воздати не могу, но воздастъ тебѣ Алеуандръ. Алеуандру же бози за его велїкое ко мнѣ добродѣяніе и мїлость да воздадутъ. Емуже даси отъ мене залогъ царскїя вѣрности, десную мою руку. Сїя рече, и взявъ Полїстратову руку, умре. О семъ Алеуандръ извѣстіе прїявъ и прїшедъ къ тѣлу, умершаго, тако неправедныя смерти таковому царю, плакался. По томъ снявъ съ себе хламїду и покрылъ его, и въ царское одѣяніе повелѣлъ облещи, къ матерѣ Сїсїгамбѣ послалъ, да бы его по обыкновенію домашнему и царскому погребла, и во гробѣхъ цареи, праотцевъ его положїла.

КВІНТА

КВІНТА КУРЦІА

КНІГА ШЕСТАЯ.

СОБРАНІЕ ВЕЩЕЙ КРАТКОЕ.

1. Опїсаніе воїны, между Лакедемоняны и Македоняны, и миръ отъ Алеѫндра побѣдїтеля Грекомъ данныи, которыи въ небышїи его, не имѣли.
2. Алеѫндръ воїною непреодолѣнныи, праздностїю и прохладами побѣждается. Откуду вѣсть во обозѣ, унылаго возбуждаетъ.
3. Увѣщавателное Алеѫндрово къ воїнству моленїе, да бы воїну во Асїи начатую совершїли.
4. Удївѣтелныя рѣки Зїобера опїсаніе. Алеѫндръ Набарзану просящему чрезъ грамоты прощенїя, обѣщаетъ отпущенїе вїны его дароваши. Потомъ пришедъ къ морю Каспїискому и костранѣ Гїрканїи, нѣкїихъ Воеводъ Дарїевыхъ прїемлетъ къ мїлости.
5. Алеѫндръ Артабаза съ велїкою мїлостїю прїявъ, Грекамъ, которїи Дарїю помогали, вїну отпустїлъ, и Мардонянъ побѣдївъ: нѣкоторои Амазонкѣ царїцѣ прошеніе ея исполнїлъ.
6. Македоняне Алеѫндровыми оскорбїшася нравами. Онъ, да бы смятеніе укротїлъ, умыслїлъ воїну учїнїти противо бесса: что хїтростїю воїнскою начїнаетъ: Такожде Сатїбарзана преодолѣвъ гонїтъ, Персянъ изъ горъ изгоняетъ мужественно; Артакакнъ градъ во обладаніе покоряетъ.
7. Согласїе измѣны на Алеѫндра. Дїмнъ Нїкомаху возвѣстїлъ, онъ же чрезъ брата Кебалїна Алеѫндру изъявїлъ. Того ради казнь Дїмнъ прїемлетъ, самъ своїми руками себе убївается.

8. Фїлотъ сынъ Парменїевъ, началнїкъ возмущенїю, по совѣту другозъ царскїхъ взятъ, егоже главу накрывъ введоша во дворъ царевъ.
9. Алеѯандръ предлагаетъ жалобу предъ воїнами на Фїлота возмутїителя, онъ прїведенъ хощетъ оправдїтїся предъ нїми.
10. Фїлотъ оправданїе прїноситъ въ томъ, яко его оклеветали неправедно.
11. Нѣкїи именемъ Белонъ начатъ протїво Фїлоту глаголати. Тои да бы свободїлся отъ мученїя, ложная оправданїя предлагаетъ; Егда же отъ иныхъ облїченъ бысть, каменїемъ отъ Нїкомаха убїенъ.

1. Брань [Алеѯандръ чрезъ полководца Антїпатра] началъ, побѣдївъ Персовъ, которые мужественно протїву его стояли, и болшую часть разгналъ, но прежде начаша побѣдїтели Македоняне убѣгати, и много воїновъ погїбло, донелѣже въ равная поля не вошли. Но егда мѣсто свободное обрѣли, идѣже могли стати, равныи бои учїнїли. Обаче между всѣми Лакедемонянами царь ихъ, не токмо оружїемъ и красотою тѣла, но и храбростїю сердца былъ славенъ, еюже едїною нїкому себе даде побѣдїти. Опивсюду на него мешали оружїе изъ далеча и изъ блїска, многое же время храбро протївостоя, отъ сдїнаго оружїя щїтомъ укрывался, отъ другаго уклонялся. Но егда ему бедру прокололи копїемъ, и кровии многои изшедшеи; тогда обомре. Тѣмже взявше

взявше его блюстїтели здравїя его на щїтѣ положїли, и во обозъ скоро внесли, гдѣ рань повреждєнїя не возмогъ стерпѣти. Но обаче воїнство его непрестало ратовати, егда же лучшее обрѣли мѣсто, нежели Алеѯандръ имѣлъ, скоро совокупївше шеренги, велми ополчїлїся на Алеѯандра. Тако глаголютъ, яко брани жесточаїшїя нїкогда такїя не бывало. Двоїхъ народовъ сѣло храбрыхъ воїнство, равнымъ боемъ и счастїемъ воїнскїмъ брань отправляли. Лакедемоняне прежнею побѣдою торжествовали, Македоняне же нынѣ преславно надъ нїми побѣду воспрїимаютъ. Лакедемоняны за свободность, Македоняне же за обладателство воїну точїли. Лакедемоняне полководца, Македоняне же мѣста не имѣли. Во єдїнъ день разныя случаи совершаліся, овогда страхъ, овогда надежда обоїмъ странамъ умножалася, аки хотѣнїемъ счастїя между храбрыми вои равныи боя содѣвался. Но мѣсто тѣсное, гдѣ былъ бои, всѣми сїлами недало дѣла отправляти. Тѣмже болшая отъ нїхъ часть безъ дѣла стояла, нежели съ непрїятелемъ брань творїла, а которые далече стояли, тѣ своїмъ крїкомъ, бои съ противнымъ творящїхъ на жестосердїе и ярость разжїгали. Но Лакедемоняне начали ослабѣвати, и убѣгати не могуще болше тяжкаго оружїя держати. Алеѯандръ же

гонілъ разсѣянныхъ, и прешедъ мѣсто, на коемъ Лакедемоняне стояли, на самаго Царя ихъ Агіса въ шатрѣ лежащаго набѣжалъ. Тои, егда воіско его бѣжало, отъ Македонянъ гонящіихъ, увідѣлъ, велѣлъ подняти себе, и будетъ ли сіла мужеству его равна, извѣдалъ. Відя же слабость свою тѣлесную, на колѣна пріпаде, и взялъ на ся шлемъ, щітомъ закрывся, копіе въ рукахъ держа, и къ Македоняномъ кричалъ, да бы кто отъ него здобычь себѣ взялъ. Но нідінъ изъ блізу на него не устремілся, токмо изъ далече метали копія на него, онъ же вопреки обратя на Македонянъ металъ, донелѣже его въ перси не закрытыя, копіемъ поразіли, которые изъ раны выхватя, главу безсілную на щітъ положілъ, по томъ истекшеи крови, на свое оружіе падъ, умре. На семъ бою побіто Лакедемонянъ 5360. Македонянъ же не болѣе 1000. Прочіе же едва которыи нераненъ, возвратіліся въ обозъ. Сія побѣда не токмо Спарта и товарыщевъ его, но и всѣхъ конца и счастія сія воіны ожідающіихъ, преодолѣла. Позналъ убо Антіпатръ, что поздравляющіи ему о побѣдѣ, лицемъ съ мыслію не соглашаліся, но желающему воіну окончіти, была нужда уловлену быть, хотя сіе счастіе Алеѯандру и угодно было, обаче завісти Антіпатръ боялся, понеже болшіе прічіны

къ тако-

къ таковому дѣлу случїлїся, нежели которыя государь его моглъ проїзнести, ибо и самъ Алеѯандръ побѣды желалъ, и аще бы Антїпатръ не побѣдїлъ не неугодно бы было Алеѯандру, сїце разумѣя Антїпатръ, что славѣ своеи умаленїе учїнїтъ оныи, иже чуждои уступїтъ. Тако Антипатръ добрѣ зная нравъ Алеѯандровъ, не дерзнулъ сея побѣды употребляти, но совѣта Греческаго, что съ тѣмъ творїти, возтребовалъ. болѣе между прочїими уговорами не возмогли Лакедемоняне у него упросїти, токмо да бы поволїлъ имъ послати къ Алеѯандру пословъ, у него же мїлостївое прощенїе о своемъ ихъ возмущенїи упросїли, кромѣ тѣхъ началнїковъ, которые сїе возмущенїе начали.

Мегалополїтаномъ, ихже градъ былъ въ осадѣ, повелѣ, да бы за вїну того мятежа, дали Ахеомъ и Етоломъ 520 талантовъ сребра. Тои конецъ воїны, которая якоже скоро начася, сїце прежде и окончася, нежели Алеѯандръ Дарїа у Арбелы побѣдїлъ.

2. Но Алеѯандръ отъ печалеи военныхъ свободїлся, иже паче въ трудѣхъ и отправленїяхъ воїнскїхъ, неже въ мїрѣ и праздности, терпѣлївъ бывъ, устремїлся на прохлады, и егоже Персїдское оружїе не побѣдїло, сего безчїнное жїтїе преодолѣло, безвременныя пїршества творя, въ велїкомъ упражнялся пїянствѣ, всенощнымъ сїдѣнїемъ и играми

упражня-

упражнятіся начатъ со многїми блудніцами, и весма чуждыя нравы воспріялъ, которыя паче домашніхъ возлюбівъ, всѣхъ сердца и очеса нань зрящіхъ оскорбілъ, яко и изъ друзеи своіхъ болше себѣ тѣмъ получілъ недруговъ. Занеже не поколебімыя другова нравы, и обычаи Македонскія, и пищу воздержную, которую токмо ради укрѣпленія пріроды употребляли, премѣнити на іноземческая сластолюбія, и побѣжденыхъ народовъ на злочінія понуділъ. Того ради многая на него быти начаша смятенія, и измѣны, и бунты воінскія, и доброволная, между совокупною скорбію, болѣзнь. Тѣмже и самъ исполнілся гнѣва, потомъ начатъ имѣти въ себѣ подъмнѣніе, которое ему неразсудныи страхъ даде, таже и прочая безчінія, о которыхъ впредь изъявімъ. Сіце егда на піршествахъ роскошныхъ, дни и нощи препровождалъ, въ тѣхъ тоску играми отгонялъ, недоволствуяся музыкою разною изъ Греціи прівезеною: но и многімъ женамъ плѣненымъ по обычаю своему мерзскія пѣсни пѣти велѣлъ. Между тѣми увідѣлъ самъ Алеуандръ, жену паче всѣхъ печалну, которая стыда ради удержавалася отъ того, егда между прочіми шла. Прекрасна была жена, и тую ея красоту срамота украшала, очи на землю наклонівши, по достоінству своему лїце покрывши, стояла, того

ради

ради, порокъ ему сотворїла, яко чїна есть честнаго, и къ сїцевои роскоши и играмъ не прїлїчна. Тѣмъ вопрошена, коея прїроды? отвѣща: яко есмь внучка Оха, которыи прежде Дарїя царствовалъ въ Персїдѣ, сына его единороднаго дщерь есмь, жена же Гїстаспа, Гїстаспъ же былъ Дарїевъ сродникъ, и великаго воїска полководецъ. Еще въ сердцѣ Алеѯандровѣ, прежнїи нравъ мало нѣчто обрѣташеся; сего ради почїташе ю, яко въ домѣ царскомъ родїлася, и не токмо свободно пустїти плѣннїцу; но и вся имѣнїя отдати повелѣ, и мужа сыскати ради сожитїя съ нимъ. На утрїе повелѣ Ефестїону, да всѣхъ плѣнникъ прїведутъ на дворъ царевъ. Тамо о породѣ всякаго извѣстївся, благородныхъ отъ простыхъ отлучїлъ. 1000 была честнѣїшихъ, между ими обрѣтеся Оѯїтръ братъ Дарїевъ, не его счастїемъ, но своею прїродою честнѣїшїи. Изъ послѣднїя корысти, взято въ казну цареву 26000 талантовъ, отъ нїхже ратнымъ раздаде 12000, толїкуюже часть стражи украли. Оѯїдатъ былъ дворянинъ Персїдскїи, которыи по повелѣнїю Дарїеву во ѯзахъ на смерть осужденыи сїдѣлъ. Того свободївъ, воеводу въ Мїдїи поставилъ; брата же Дарїева въ мѣсто друга себѣ взялъ, прежнюю ему честь во всемъ воздавая. Оттуду пошелъ къ Парѳїену, тогда былъ

тои народъ безславныи; нынѣ же во славѣ первѣишіи всѣхъ народовъ, которые за рѣками Евфратомъ и Тігромъ поселены, по самое Чермное море предѣлы своя имѣютъ. Татары вся поля пространная и плодовітая засѣли, сосѣди жестокіе и несмірные. Во Европѣ и Асіи обітаютъ. Которые по выше босфора при морѣ, до Асіи описуются. Но которые въ Европѣ жівутъ, по лѣвую сторону Ѳраки ко Днепру. А оттуду до другои рѣки именемъ Донъ, прямымъ путемъ идетъ, Донъ рѣка между Европою и Асіею течетъ, и нѣсть сумнѣнія, яко Татары которые надъ Парфскімъ народомъ началствуютъ, не отъ босфора, но отъ Европы проізошли. Славныи былъ градъ въ то время Екатомпіль, созданныи отъ Грековъ. Тамо царь пребываше, и отвсюду запасы ему пріводіли. Гдѣ воінству празднующу, не извѣстно, откуду вѣсть пріша, яко Алеѯандръ намѣреніе воіны своя отложілъ, и всеконечно хощетъ въ Македонію возвратітіся. Того ради аки бѣснующіися по шатрамъ шаталіся, сумки на путешествіе себѣ уготовляюще; что відѣвъ возмнѣлъ бы кто, яко повелѣніе имѣютъ собіратіся со обозомъ. О возмущеніи всего воінства, инїи бо піщу себѣ, инїи товарищевъ своіхъ собірали, инїи же колесніцы пріуготовляли. Вѣсть ко царю пріиде. Тое бо стася всѣмъ пріічіна

къ смяше-

къ смятенію, яко нѣкоторымъ воінамъ Греческімъ повелѣ возвратітіся въ домы своя, всякому же воіну конному даде по 6000 ефімковъ; того ради чаяли конецъ быти воінѣ. Устрашеный Алеѯандръ, хотяи Індяны, и послѣднія страны восточныя преіти, созвалъ полководцевъ въ свои шатеръ, и тако предъ німи плача жалобу предлагалъ, яко ему на половінѣ пути славу отнімаютъ; такожде паче побѣжденъ, нежели побѣдітель имущъ въ домъ возвратітіся. И рече: мнѣ уныніе воінское, не препятіе, но завість боговъ, которые воінству нечаянное желаніе ко отечеству учінілі, къ нему же вмалѣ бы времени, съ болшімъ украшеніемъ и славою возвратілъіся. Тѣмже всякъ отъ нихъ начатъ обѣщаватіся, яко неудобная повелѣнія исполнятъ; такожде и воінство охотно будетъ, аще бы ихъ токмо благопріятными словесы восхотѣлъ утѣшіти. Ни когда отъ него, въ шатрѣ бывше невозвращалъіся несклоннымъ сердцемъ. Еліжды охоту его и сіце великое желаніе відѣли сердца его. Отвѣща Алеѯандръ: тако сотворю, вы токмо прісовѣтуіте имъ. Егда же полководцы вся потребная устроіли, повелѣ созвати къ себѣ воінство, и сіце къ нимъ рекъ.

3: Не дівно воінству моему на толіко великія дѣла по нынѣ содѣяныя взіраюшу, уже мира хотѣти, и славы болшія не желати. Зане не воспомінаю

Іллїріковъ, Трївалловъ, Беотіи, Θракіи, Спарты, Ахеовъ, Пелопонісъ, которыхъ или самъ покоріхъ, или полководцы мои покорїли. Се воїну начавше, противо Гелеспонту отъяхомъ изъ рукъ и порабощенія народа варварскаго страны. Іонію, и Еолїду имѣемъ во области. Карію, Лїдію, Каппадокію, Фрігію, Пафлагонію, Памфїлію, Пісїды Кїлікію, Сїрію, Фінікію, Арменію, Персїду, Мїды, Парѳїену. покоріхомъ себѣ во обладателство. Болше странъ обладателству моему прїобрѣтохъ, нежели прочїи отъ градовъ взяли, и не вѣмъ, аще нынѣ изчїсляя не забылъ ли кося, ради великаго ихъ множества. Тѣмже аще бы былъ азъ извѣстенъ, о удержанїи тѣхъ государствъ, которыя въ сїце краткомъ времени взяли; воїстїнну въ домъ бы мои къ матерѣ, къ сестрамъ, и прочїмъ друзьямъ, аще бы и не восхотѣли бысте, убѣжалъ бы, да бы тамо лучше полученую славу съ вами употребілъ, прєізбранныя дары побѣды нашея ждутъ, женъ, чадъ, родїтелеи радость, миръ, упокоенїе, корысти мужествомъ взятыхъ безстрашное владѣнїе и употребленїе. Но воїнство мое въ томъ новомъ, [аще истїнну знати хощемъ:] аки во упрошенномъ государствованїи, егда еще народы къ послушанїю суть сѣло тяжки, потреба времени, да бы шако кротость обыкновенныхъ нравовъ избїра-

избірающе, злонравіе оставіли. И жіта, дондеже созрѣетъ, времене требуетъ, такожде вещы нѣкія, аще и чувства неімѣютъ; обаче обыкновеніемъ собственнымъ къ совершенству пріходятъ. И что разумѣете о сіце многіхъ народахъ? которые въ домашнемъ поведеніи и прозваніи обыкше, съ нами ни въ жертвахъ, ни въ пѣніяхъ, ни во нравахъ, ни въ словахъ не соглашающеся, тою єдіною бранію могутъ быти укрощени которою суть побѣждени. Оружіе ваше держітъ ихъ и управляетъ, а не нравы собственныя ихъ, и которые васъ предстоящіхъ боятся, въ небытіи вашемъ супостаты вамъ будутъ. Съ дікіми звѣри дѣло имѣемъ, которыхъ уловленыхъ и заключеныхъ, аще прірода и не можетъ, но время долгое укротітъ. Тѣмже азъ нынѣ сіце вамъ глаголю, яко уже вся, что Даріи имѣлъ, мы взяли. Надъ Гірканіею Набарзанъ владѣтелствуетъ, бессъ же измѣнникъ и убіица господіна своего, не токмо бактры обдержітъ, но и на насъ еще похваляется. Къ сему же Согдіане, Дахи, Масагеты, Сакіане, Індіане свободно, и поволно себѣ жівутъ. Сіи вси, аще насъ возвращівшіхся въ домы наша увідятъ, во слѣдъ насъ скоро поідутъ. Они бо єдінаго суть рода, а мы иноплеменніки и странніи. Всякъ бо господъ есть своего рода обладателю послушенъ быти, аще бы

каковъ, сего ѕѣло боятіся потреба; того ради, или что обрѣтохомъ погубімъ, или чего не имѣемъ еще обрящемъ. Аки врачъ въ немощномъ тѣлѣ нічего не оставляетъ, что бы вредіти могло: Такожде и мы ко владѣнію что есть препятіе искоренімъ. Многажды малая искра ни во что вмѣняема, велікіи возжігаетъ огнь. Безопасность въ супостатѣ сущая ни во что, да не вмѣнітся, зане аще его въ таковомъ состояніи суща презріши, тѣмъ презрѣніемъ твоімъ сілна его сотворіши. И Дарій не дѣдічнымъ закономъ царство пріобрѣлъ; но престолъ Кіра царя благодѣяніемъ нѣкоего скопца именемъ Багоа, взялъ. Тѣмже не вѣрите, дабы бесъ трудомъ велікімъ государствомъ тѣмъ возъобладалъ. Мы же ѕѣло погрѣшіли, аще того ради побѣділи Дарія, да бы его рабу царство отдати, которыи послѣднее злодѣяніе дерзнулъ сотворіти. Царя и владыку своего, общія помощи требующаго, [воістінну емуже бы побѣдітели простіли:] аки плѣнніка нѣкоего во оковахъ имѣлъ, на конецъ да бы онъ отъ насъ въ цѣлости сохраненъ не былъ смерти предаде. Того ли вы царствованіи терпіте? его же азъ на шібеліцѣ вскорѣ відѣвши желаю, да царемъ и народамъ всѣмъ, вѣрности насілныя воздастъ мзду. Аще вскорѣ вѣсть прійдетъ, яко грады Греческія, или Геллеспонтъ разоряетъ,

каковую

каковую болѣзнь будете имѣти, вїдяще яко бесѕ, корысти и дары вашея побѣды похїщаетъ? Тогда ли коотнятїю имѣнїи своїхъ поспѣшати будете? Вѣ тои ли часъ за оружїе ухватїшеся? Околь лучше есть, донелѣже врагъ страха исполненъ, и едва во умѣ своемъ, побѣдїти! Къ нему же намъ четвородневныи путь предлежїтъ, которые тако много снѣга прїтоптали, тако много рѣкъ перешли, тако много горъ превысокїхъ: уже не море разлївающееся намъ будетъ препїнати на пути, нїже Кїлїкїискїя тѣсноты задержатъ насъ, поля превелїкая и пространная имѣемъ. На самомъ брезѣ побѣды стоїмъ. Не мнози токмо бѣглецы и убїицы государя своего, еще обрѣтаются. Преславное тое ваше дѣло будетъ, свїдѣтель ми богъ, и между первыми славы вашея почтется вѣ послѣдняя времена: егда о васъ глаголати будутъ: яко Дарїя супостата жестокїя смерти, гнѣвъ премѣнївше, надъ убїицами отмстїсте: нїже единъ безчїнникъ отъ рукъ вашїхъ спасеся. Сїе егда сотворїте: и сами Персяне подъ вѣрнѣйшее поддансто ваше покорятся, егда уразумѣютъ: яко благочїнную воїну творїте, не царству ихъ, но злодѣянїю бессову супостаты есте.

4. Сїе сѣло воїнству благодарно явїся, что велїимъ гласомъ засвїдѣтелсивовали, да ведетъ ихъ

аможе

аможе токмо хощетъ. Тѣмже Алеѯандръ немедленно горящая ихъ сердца употребілъ, въ третіи день чрезъ Парѳіенъ идыи, на предѣлахъ Гірканіи сталъ. Оставілъ въ Парѳіенѣ Кратера съ воіскімъ, которое было при немъ, прідаде ему 600 конніцы изъ полковъ Амінтовыхъ, толікожде и саідачніковъ, да бы отъ нашествія супостатъ сохраняли Парѳіену, Ерігію съ обозомъ, и со не многімі вои, полемъ итти велѣлъ. Самъ съ пѣхотою и конніцею, 150 верстъ прешедъ въ долінѣ, чрезъ которую во Гірканію ѣздятъ, обозъ поставілъ, и укрѣпілъ. Есть тамо лѣсъ высокъ и густъ, и тоя ради густіны шеменъ, земля въ долінѣ тучная, которую воды изъ каменныхъ горъ текущія напоюютъ, изъ самаго весма брега горы, рѣка именемъ Зіоберъ течетъ, которая чрезъ три версты текущая о камень ударяется, и оттуду на двѣ части раздѣляется, и збло скоро по каменю течетъ и подъ землю уходітъ. Подъ землею чрезъ трісша верстъ течетъ, по томъ паки аки изъ усшія изходітъ, и новымъ путемъ далече болшімъ, нежели прежнімъ течетъ. Зане шіріна на трінадесять верстъ, но потомъ узше бреги своя имѣетъ, устіемъ же въ другую рѣку именемъ Рыдахъ впадаетъ. Тако отои рѣкѣ жітели тамошніи повѣствуютъ, яко аще кто чтолібо ввергнетъ во устіе тое, которые

которое блізъ источніка, паки, идѣже другое устіе рѣки является, обрящетъ. Сего ради Алеѯандръ двоіхъ быковъ повелѣ тамо врінуши, и послалъ, гдѣ вода изъ подъ земли исходітъ, да увідятъ аще изнесетъ ихъ, якоже и стася. На томъ мѣстѣ Алеѯандръ, уже четыре дни съ воіскімъ отдыхалъ, егда ему грамоты отъ Набарзана, [которыи съ бессомъ Дарія похітіли] прінесли тако напісанныя: Азъ Дарію нікогда былъ супостатъ, наіпаче же еліко відѣлъ полезно, о томъ совѣтовалъ, и зане вѣрныи совѣтъ азъ ему подавалъ, едва мя самъ не убілъ. Помышлялъ Дарій, стражу здравія своего, паче закона и достоінства иноплеменному воінству вручіти, унічіжівъ вѣрность крове своея, которую они чрезъ двѣсти трідесять лѣтъ, царемъ своімъ совершенну и невредіму всегда воздавали. Азъ же отвсюду окруженъ бѣдствомъ, совѣтъ отъ настоящія нужды прінялъ. И самъ Дарій, егда багоа убілъ, не иное оправданіе предъ всѣми учінілъ, токмо рече, что багои здравія царскаго гонітель былъ. Людемъ бѣдствующымъ ни что есть любезнѣе жізни, тоя любовію ко краінему намѣренію я прінуділся: однакожъ отъ нужды сіе сотворіхъ, а не отъ добрыя воли и жаланія. Во общеи бѣдѣ и печали, всякъ свое имать счастіе. Ты же аще мнѣ повеліши, безъ всякаго опасенія

 прііду

пріиду ни вѣ чемѣ усумнѣваяся. Не опасаюся, еже бы пюль великіи царь, слово свое имѣлѣ премѣнити. И аще недостоіна мя копріятію осудіши, много отверстыхѣ и свободныхѣ мѣстѣ есть хотящему убѣжати, вездѣ отчізна, гдѣ человѣкѣ сільный жілище себѣ обрящетѣ.

Не усумнѣлся вѣ томѣ Алеѯандрѣ, дати ему грамоту по обыкновенію Перскому, яко аще пріидетѣ, вѣ цѣлости пребудетѣ. Обаче четверо-угольнымѣ строемѣ шелѣ Алеѯандрѣ, всегда предѣ собою осмотрітелеи посылая. Которые всѣ мѣспа осматрівали, прежде же легкія ходіли полки, а за німи пѣхота, потомѣ обозѣ. Царь же сѣ храбрымѣ воінствомѣ, имѣлѣ попеченіе о мѣстахѣ самородныхѣ ко проходу и пріступу неудобныхѣ и трудныхѣ. Занс долїна та даже до моря Каспіискаго пространно идетѣ. Страна оная на двѣ часпи раздѣляется, которыя средіна відітся, аки луна во время исхода, вѣ послѣдніи четверпи пребывающая. На лѣвои сторонѣ жівутѣ Керкепы, Мошыніане и Халібы, сѣ другія стороны Левкозыры и Амазонскія поля, оныя прошіво Полунощи; сія же прошіву Запада лежатѣ. Море Каспіиское сладчае иныхѣ, вѣ немже сутѣ великія Sміи. Рыбы такожде имѣетѣ оное море отѣ разныхѣ відовѣ. Нарщаютѣ инїи Каспіискімѣ, прочіи же Гірканскімѣ моремѣ. Нѣцыи

сіце

сіце разумѣютъ, что езеро Меотїиское, или мертвое море въ него впадаетъ, и свідѣтелствуютъ о семъ, что та вода сладчае, нежели въ прочїхъ моряхъ, которая здѣ совокупївшїся, Каспїискую премѣняетъ. Отъ Полунощи превелїкїя волны на брегъ возлїваетъ, и далече ихъ влечетъ, а наїпаче егда велїкая буря бываетъ. Тоже море, егда инъ вѣтръ востанетъ, прїемлетъ въ себя залїву, которая, каковою скоростїю находїтъ, такъ истекаетъ, оставя землю, какова была прежде. Иные же разумѣютъ что то не Каспїиское море, но изъ Індїи во Гїрканїю проходящее, которыи затокъ [якоже речеся] нераздѣлною долїною идетъ между горами. Оттуду Алеѯандръ полтретья попрїща прешедъ, стезею ѕѣло малою, лѣсъ надъ собою имущею, воды и рѣки быстрыя препятїе ему на пути чїнїли; обаче нїкаковая ему отъ непрїятеля встрѣча не была, и тако до конца прешелъ. Кромѣ иныхъ пїщеи, которыми та страна изобїлна, яблокъ ѕѣло много имѣетъ, и иными овощами плодовїта, густая древа, аки дубы растутъ: на которыхъ лїствїяхъ много меда прѣснаго. Но тои медъ аще его прежде Восхода солнечнаго не соберутъ, отъ жара засыхаетъ. Откуду едва прешелъ трїдесять верстъ, встрѣтїлъ его Фратафернъ, себе и тѣхъ, [которые

по смерти Дарієвои убѣжали:] вѣ подданство отдавая. Онѣ же мілостівно пріявѣ ихѣ ко граду наріцаемому Арва прішелѣ. Тамо кѣ нему Крашерѣ и Ерігонѣ прішли, и Фрадата воеводу Тапурянѣ отдали ему. Мілость ему подобающую показалѣ пріявѣ его вѣ подданство, что многіхѣ прочіхѣ кѣ тому возбуділо. Потомѣ воеводство Менапію Гірканское вручілѣ, которыи во время царствованія Охова изѣ Персіды бывѣ изгнанѣ, у Філіппа отца его жілѣ. Тѣмже и Тапурянѣ Фрадашу отдаде.

5: Уже былѣ Алеѯандрѣ вѣ послѣднихѣ предѣлахѣ Гірканіи, гдѣ Артабазѣ вѣрнѣішіи царя Дарія [якоже прежде речеся] сѣ сроднїками Дарієвыми и сѣ сыны своїми, и со немногїми рашными Грецескїми прішелѣ кѣ нему. Емуже пріходящу десную свою руку Алеѯандрѣ подаде. Понеже вѣ гостяхѣ у Філіппа отца бывалѣ, егда во время царствія Охова во изгнаніи тамо жівяше, и вѣрность совершенна царю своему превозшла. Тѣмже мілостіво и дружеско пріялѣ его Алеѯандрѣ: онѣ же рече, ты царю вѣ благополучіи процвѣтаи. Я о всемѣ радуюся и веселюся, сіе токмо скорбь и печаль мнѣ наводітѣ, яко велікія ради старости моея, не могу твоімѣ добродѣтелемѣ заслужіти. Имѣлѣ уже лѣтѣ девятдесятѣ и пять, девять сыновѣ отѣ едіныя матере сущіхѣ при немѣ стоящіхѣ. Тѣхѣ

Артабазѣ

Артабазъ къ деснои рукѣ Алеѹандровои пріведе, моля боговъ, да толь многое время жівутъ, доколѣ угодны будутъ ко службѣ Алеѹандровои. Царь часто хождаше пѣшъ, тогда и себѣ ѥму повелѣ дати коня: да бы старікъ відя, не пѣша царя идуща, не устыдіался ѣхати. По томъ егда сталъ обозъ, съ Артабазомъ ѣдущіхъ повелѣ прізвати Грековъ. Они же рекоша, Царю, аще Лакедемоняномъ грамоты свободныя даси, и мы что имѣемъ творіти? должни есмы совѣтовати, отпусти насъ. Были тамо Лакедемонстіи послы, ко Дарію посланніи, которыи егда побѣжденъ былъ, прістали ко Грекамъ, изнаима съ Персяны воюющіми. Царь не давъ имъ свободы и вѣрности грамотъ, повелѣ имъ всеконечно предъ себе пріити, яко счастіе и мілость таковую будутъ имѣти, каковую имѣли. Много время удержаваліся ити, зане мнози разно совѣтовали; обаче пріити обѣщаліся. Но Демокрітъ Леінянінъ, которыи всегда сѣло прошівенъ Македоняномъ былъ, отчаявся мілости царскія, мечемъ себе прободе. Прочіи якоже обѣщаліся, на мілость цареву положіліся, бяше воіновъ 1500. кромѣ пословъ къ Дарію посланыхъ, шѣхъ было 90. Тѣмже ратныхъ шѣхъ, по полкамъ своімъ раздѣлілъ помощи ради, а прочіхъ въ домы отпустілъ кромѣ Лакедемонянъ, которыхъ за карауломъ велѣлъ держати.

былъ народъ именемъ Мардяне сосѣди порубежнїи Гірканамъ, жітіемъ гнусны, на разбояхъ всегда пребывающе. Той єдінъ народъ ни пословъ посылалъ къ нему, ни въ подданствъ быти восхотѣлъ. Того ради разгнѣвался царь сѣло [рече: возможетъ ли єдінъ народъ сїе сотворіти, да бы не побѣжденъ былъ?] обозъ съ не многїми полками оставївъ, самъ съ воїнствомъ избраннымъ и надежнымъ пошелъ. Нощію шелъ, наставшу же дню, супостаты предспалъ: смятенїе паче нежели брань сташа, изгнаннымъ отъ горъ Мардяномъ бывшымъ, на нїхже стояли, а пустая ихъ села бліжняя взяли. Въ далное же ихъ государство съ великімъ весма трудомъ едва возмогло воїнство ити, холмы горъ, высокія лѣса покрывали: непроходїмыя и спезь не имущїя горы ограждали: равнїны же въ полѣ, новымъ промысломъ, насыпали окопомъ Мардяне, растутъ тамо древеса густая вездѣ, нарочно насажденая, которыхъ они младое вѣтвїе наклоняютъ, и въ землю вкопываютъ. Отъ нїхже потомъ аки изъ корене инаго шїрокія пни израстаютъ, и не даютъ тѣмъ древесамъ распространяться по существу. Понеже ихъ купно єдїно сплетаютъ съ другімъ, которыя множествомъ вѣтвеи растущїхъ густо покрываютъ землю. Тѣмже таїное ихъ сплетенїе, аки сїла нѣкая стоящая, по подобію

оплота

оплота заключїла, єдинъ токмо былъ совѣтъ сѣкїрами путь отворїти. Но и тое было сѣло велїко дѣло и трудно. Понеже густое сучье скоро показовало пни, и сплетеныя между собою вѣтви изъ древесъ, аки нѣкая колесца наклонялїся подъ сѣкїры, и стояли цѣлы. Мардяне же аки звѣри по обычаю своему древнему укрывалїся подъ нїми, и Македонянъ таїно убївали. Алеѯандръ же аки звѣреи, яковыхъ обрѣтая многїхъ прободалъ: на конецъ лѣсъ кругомъ обоїти воїнству повелѣлъ, да обрѣтше путь находятъ на нїхъ, которые въ непроходныхъ мѣстахъ заблудїлїся и въ полонъ отъ нїхъ не мнози были взяты. Съ нїми же и Букефалъ царевъ конь, егоже онъ паче иныхъ коней любїлъ. Понеже ни кому весма давался всѣсти; егда же царь хотяше всѣдати, переднїми ногами самъ наклонялся, о немже разумѣли, яко знаетъ, кого на себѣ понесетъ. Сего ради сѣло, паче подобающаго, гнѣва и боязни исполненъ, повелѣ чрезъ толмача сказати, яко повелю всѣхъ до послѣдняго смерти предати, аще Букефала не отдадутъ. Сего убоявшеся, съ дарами прочїми прївели коня. Но Алеѯандръ и тѣмъ не укротїмъ, лѣсъ рубїти, землю отъ горы бросати, и пыя пни засыпати повелѣ. Что Мардяне слышаще и аки гору насыпаную на пняхъ вїдяще, о владѣнїи своего

царства

царства отчаявшеся, вси ему покорїлїся; царь же взявъ закладъ вѣрности мира, а ихъ Фрадату вручїлъ. Оттуду въ пятыи день возвратїлся во обозъ свои, Артабазу потомъ сугубую ему честь, нежели у Дарїя имѣлъ давъ, въ домъ отпустїлъ. Уже ко граду Гїрканїи, гдѣ дворъ царя Дарїя былъ, прїшелъ. Тамо Набарзанъ къ нему съ велїкїими дарами прїшелъ, надѣяся на его мїлосердїе. Между тѣми прїведе багоа скопца избранныя красоты, еще въ цвѣтущемъ юношескомъ возрастѣ, въ чемъ Дарїи обыкъ, въ томъ вскорѣ и Алеѯандръ прївыкъ. Егоже наїпаче моленїемъ возбужденъ, простїлъ Набарзану.

Былъ народъ Амазонскїи, якоже речеся, Гїрнїи порубеженъ, которыи кругомъ рѣки Ѳермодоонта, въ поляхъ Ѳемїскїрскїихъ обїталъ, владѣла надъ нїми царїца именемъ Ѳалестра, и всѣмъ народомъ между Кавказомъ горою и Фасїсъ рѣкою жївущїмъ. Та велїкїмъ вожделѣнїемъ желающи вїдѣти Алеѯандра, поїде изъ предѣловъ своїхъ, и блїзъ сущи послала прежде себе съ вѣдомостїю къ нему, яко идетъ хотящи его посѣтити, и познатїся съ нїмъ. Внегда токмо повелѣ прїити воїско все оставївши, 300 съ собою взявши женскаго пола конницы, поїде; прїшедши же блїзъ царя, слѣзла съ коня, въ деснои рукѣ

держащи

держащи два копья. Одежда на Амазонкахъ не все тѣло покрываетъ, зане лѣвая сторона даже до перси нага, протчее закрываютъ. Обаче внѣзу одежды завязываютъ, дабы нѣзше колѣна не была, тѣтьку сдѣну оставляютъ, ради воспѣтанія чадъ женска пола, правую же поджѣгаютъ, дабы удобнѣе лукъ натягати, и оружіе употреблѧти могли. Дерзновеннымъ и неустрашеннымъ лѣцемъ Θалестра смотрѣла на царя, нравъ его и возрастъ не равныи славѣ, якоже о немъ возвѣщали разсмотряющи, зане народъ тои простыи и грубыи, отъ велѣчества тѣла много разсуждаетъ, разумѣя, возмогъ ли бы кто похвалы и памяти что достоѣное сотворѣти, емуже бы возраста прѣрода не дала? Алеѯандръ вопрошалъ ону, не желаеши ли чесого отъ мене просѣти? онаже немедленно отвѣщала. Я къ тебѣ прѣшла, да бы съ тобою имѣти плодъ возмогла: зане того достоѣна есмь, да бы со мною твоему государству наслѣднѣка оставѣлъ, женскѣи полъ себѣ оставлю; а мужескѣи полъ тебѣ отцу отдамъ. Вопросѣлъ оную Алеѯандръ, аще хощеши ли при мнѣ на воѣнѣ быти? Отвѣщала: государство мое безъ управѣтеля и оберегателя оставѣла, но молю тя, да мя тако не отпустѣши отъ себе, надежды моея лѣшену. Болшая была воѣстѣнну похоть въ тои Амазонкѣ, нежели въ Алеѯандрѣ.

Обаче прінуділь къ тому, да пребудетъ нѣсколко дни. По томъ между собою чрезъ 13 дни желаніе исполніли. Она въ свое государство, Царь же къ Парменену пошелъ.

6. Отнюду же Алеѯандръ, явно началъ безчінствовати, воздержаніе и кротость въ большемъ счастіи безчісленнаго имѣнія, на гордость и блудъ превратілъ. Нравы отеческія, и наказаніе, еже въ чінѣ Македонскіхъ царей, до того времене преславно цвѣшущее, паче же величества своего, имѣлъ, ни во что вмѣнівъ, высокому мнѣнію, и величеству цареи Персідскіхъ, бога безсмертнаго равному, послѣдовалъ. Уже предъ нимъ на землю припадающе тако ему честь воздавали, по томъ пожелалъ прiклонiти къ послушанію рабскому, толь многіхъ народовъ побѣдітелеи Македонянъ, и всеконечно съ плѣнніками сравніти ихъ. Тѣмже багряніцу и вѣнецъ царскіи, бѣлымъ переплетеную, какову Дарій носілъ, на главу свою возложілъ, и во одежду Персідскую облекся. Онъ воістінну самъ глаголалъ, что здобычею Персідскою покрывается, но купно съ нею и нравы воспріимаетъ: гордости же его всякое безчінніе послѣдовало. Грамоты, которыя во Европу посылалъ, домашнею царства своего печатію запечатывалъ, а которыя во Асію пісалъ, печать Дарієву прілагалъ, являя тѣмъ,

тѣмъ, что єдінаго разумъ не можетъ вмѣстіти счастія многіхъ. Наіпаче же того, другова, и коннїцу, и полководцевъ въ Персїдскія одежды облекъ. Тѣмже Македоняне гнушаліся, но противітіся ему не дерзнули. блудніцъ такожде 300 при себѣ имѣлъ, якоже и у Дарія палаты полны были; а при нихъ скопцы тому же дѣлу послѣдователи. Таковымъ безчінїемъ и иноземческіми нравами повреждени старїи Філіпповы воіни, иже прїроды простыя, явно гнушаліся роскошами. Во всемъ воіскѣ равное было мнѣніе и слово, яко болше погубїли побѣдою, нежели что воіною обрѣли. Нынѣ насъ самыхъ побѣждаютъ, конравамъ чуждымъ прінуждающе: таковую ли, многовременнаго здѣ жітія, имѣемъ мзду, да возвратімся въ домы во одеждахъ плѣннічіхъ? Должно имѣти и самому царю стыдъ, відя себя подобна неволнікамъ, нежели побѣдішелемъ. Македонскій царь нынѣ воевода Дарієвъ стался. Алеуандръ же извѣстівся, яко о томъ первѣіши его друзи, и воінство оскорбїліся сѣло, сего ради дарами и благодѣяніемъ покушашеся уполіти ихъ. Но яко же чаю свободному воіску плѣннїческія денги неблагопрїятны суть. Тѣмже дабы не учінілося возмущеніе, нужда была оную праздность укротіти воіною, которая въ то время предъуспѣвала. Понеже бесъ царскую одежду на ся

воспрїялъ, повелѣ уже нарїцати себе Артаѳеруомъ. Татаръ же и прочїя народы надъ дономъ рѣкою жївущїхъ собралъ. Отомъ Сатїбарзанъ возвѣстїлъ, сего въ подданство взявъ, старѣйшїну надъ тѣмже государствомъ поставїлъ, которое прежде обдержалъ. Егда же воїско безчїнїемъ и корыстїю отягощеное, едва возмогло двїгнутїся. Алеѳандръ своя корысти, и всего воїска, кромѣ сѣло нужныхъ, повелѣ снести во єдїно мѣсто на срединѫ, была же равнїна на которои телѣги съ имѣнїемъ стояли. Тамо ожїдали вси, что онъ впредь учїнїти восхощетъ, но онъ рече: да бы кони выпрягше далече отвели, и прежде бы подъ его корысти, такожде и подъ всѣхъ прочыя корысти огнь подложїли. Тѣмже горѣли корысти, которыя зажїгали особные государевы, аще прежде и супостатскїя грады горящыя гасїли, да бы ихъ отъ огня избавїти, нынѣ ни єдїнъ крове своея о мздѣ плакати дерзнулъ, вїдяще яко и царскїя тамо вещи погїбали. Краткая рѣчь къ нїмъ предреченая, болѣзнь усмїрїла, усердніи къ трудамъ воїнскїмъ и готови на все, возрадовалїся, яко корысть, а не обыкновеніе воїнское погубїли. Потомъ къ баптрїанскому царству пошли. Но Нїканора сына Парменїева въ то время смерть неначаянная постїгла, и всѣхъ на конецъ опечалїла. Царь паче всѣхъ былъ

печаленъ,

печаленъ, и желалъ ожїдати погребенїя; но оскудѣніе пїщи прїнудїло его далѣе итти. Тѣмже Фїлота оставїлъ, а съ нїмъ 2600 человѣкъ, да погребетъ брата своего, самже противо бесса пошелъ, тамо на пути вручїли ему отъ порубежныхъ воеводъ грамоты, въ нїхъже возвѣщавали, яко бессъ съ воїнствомъ идетъ противо его, Сатїбарзанъ же, егоже воеводу Арїиска поставїлъ, отступїлъ отъ него. Того ради аще и противу бесса пошелъ; обаче разсудїлъ себѣ, прежде Сатїбарзана укротїти: взялъ съ собою влегцѣ вооруженныхъ, и всю нощь съ нїми шелъ, нечаянно на супостата нашелъ. Узрѣвъ то Сатїбарзанъ, въ двухъ тысящахъ конїцы, [понеже болше вскорѣ нечаянно собрати не возмогъ] до бактръ побѣжалъ, потомъ побѣжало и воїско на горы бліскїя. Была тамо гора каменная раздвоеная отъ Запада къ Востоку не зѣло высока, но многїми древами наполнена, къ сему же ключевыхъ водъ изобїлїе имѣла. Была кругомъ на 32 версты, на самомъ же верху равнїна травою заросла, тамо супостаты людеи ко брани не обыкшїхъ оставїли, сами же на томъ мѣстѣ, гдѣ разсѣлїна была колодами и каменїемъ завалїли себе. Воїска было 13000. Тѣхъ Крателу велѣлъ осадїти, самъ во слѣдъ Сатїбарзана пошелъ, онемъ же услышавъ яко далече побѣжалъ, возвратїлся ратныхъ тѣхъ

получїши, которые на горы убѣжали. Прежде велѣлъ очїстїши пушь, како бы могли взыши на гору, хотя и вїдѣлъ, потомъ трудъ во шще сущїи, отъ препятїя самородныя крѣпости мѣста того, были бо разсѣлїны каменїстыя и кремнїстыя въ горѣ. Обаче разумѣ его всегда въ трудностяхъ противенъ былъ, вїдя яко и напередъ ишши неудобно, и возратїтїся спрашно, разныя мысли предлагалъ себѣ, и тако что умъ не возможе, счастїе преодолѣ, совѣтъ добрыи даде. Велїи насталъ вѣтръ отъ Запада нарїцаемыи Фавонїи, воїни же древъ насѣкше премного по горѣ разлагали, да бы сїце по нїхъ взлѣсти возмогли, которыя въ жаркїя дни засохли. Тѣмже Алеѯандръ болше повелѣ древъ полагашти, того ради вскорѣ съ самымъ горы верхомъ сровняли, и огнь вездѣ подлагали. Тако отъ всѣхъ странъ окружїлъ гору, вѣтръ же ударялъ пламенемъ въ лїце непрїятелю, а дымъ превелїкїи аки облака небо покрылъ. Трещали лѣса отъ огня, древеса такожде отъ Македонянъ изсѣченая и не зажженая, отъ огня блїзъ горящаго сами загораліся, противнїи же, гдѣ преставающъ огнь вїдѣли, туда и бѣжали. Но при пѣхъ мѣстахъ Македоняне стояли. Того ради разно погїбали, ибо ово во огнь металіся, а инїи съ горъ опровергаліся, прочїи же предаваліся, немнози побраны, опалены едва не до смерши.

Алеѯандръ

Алеѯандръ же оттуду пошелъ къ полководцу Кратеру, градъ Артакакну облежащему, которыи уже все уготовалъ къ полученію града; но царя ожїдалъ, уступая его славѣ, пріпѣсуемои ему отъ взятія градскаго. Алеѯандръ скоро повелѣваетъ пріставляти башни: Персяне же токмо зрѣніемъ устрашеніи, со стѣнъ градскїхъ руки къ нему простїраютъ и молятъ, да гнѣвъ свои на Сатїбарзана бунту началнїка обратитъ. Алеѯандръ же вїну отпустїлъ имъ; понеже и предаются, и мїлосердїя просятъ. И не токмо вїну отдалъ имъ, но и вся ихъ имѣнїя въ цѣлости сохранїлъ. Отъ того града егда пошелъ, новое воїнство къ нему прішло. Зоїль именемъ, 50 конныхъ, изъ Іллїріка 3000 Антіпатръ пріслалъ, Ѳессалїискїя конницы съ Філіппомъ было 130 человѣкъ. Изъ Лїдіи 2600 иноземческаго воїнства прішло. Тако пріполня воїско до Дрангіанъ военнаго народа прішелъ. Воевода тамо былъ Базасентъ именемъ, во убїистве государя своего бессу сопрїчастенъ. Тои по заслугѣ своеи убоявся мученія во Індію побѣжалъ.

7. Девять днеи уже тамо Алеѯандръ стоялъ, гдѣ не токмо отъ протївныхъ безъ страха, но и непреодолѣнъ былъ, иногда о бунтѣ и измѣнѣ надъ собою, между своїми изъѣстїлся. Былъ убо нѣкоторыи слуга Алеѯандровъ, именемъ Дїмнъ,

но не

но не въ великои у него мїлости и чести, иже Нїкомаха зѣло любїлъ, тѣлеснаго ради злодѣянїя. Сеи Дїмнъ, [котораго вїдя всякъ бы могъ его съ лїца познати, яко подобенъ ума изступївшему былъ,] обезумяся съ юношею Нїкомахомъ въ капїще пошедъ, тамо ему рече: хощу я тебѣ открыти великую таину, но молю тя кленїся мнѣ, еже бы тебѣ умолчати въ семъ, еже тебѣ хощу возвѣстїти. Нїкомахъ же размышляя о Дїмнѣ, что таково хощетъ сказати, чего бы ради кляпвопреступленїе имѣло быти, богами капїща того клялся. Тогда Дїмнъ возвѣщаетъ: яко въ третїи день царь Алеѯандръ отъ измѣны умышленыя на него погїбнетъ, и азъ [рече] того совѣта благороднымъ и сїлнымъ мужемъ сопрїчастнїкъ. Ѯслышавъ о томъ Нїкомахъ, рече постояннымъ сердцемъ, азъ тебѣ на толь злокозненную продерзость не клялся, ни совѣсть можетъ мя въ томъ удержати, да бы азъ не объявїлъ сего царю Алеѯандру. Тогда Дїмнъ любовїю и страхомъ обезумленъ, руку юноши обымая, плакался, и молїлъ, да бы и тои Нїкомахъ сему дѣлу былъ сопрїчастнїкъ. Аще же сего сотворїти не похощетъ, поне да не оклевещетъ его; котораго, кромѣ иныхъ прїчинъ, и тое имѣлъ противо себе свїдѣтелство любве, въ мѣсто заклада, и здравїя своего не пожалѣлъ, въ вѣрности его

бывъ

бывъ еще ненадеженъ. На послѣдокъ, егда его къ тому прїклонїти не возможе, смертїю ему претяше глаголя, яко тако изрядную услугу бунту отъ твоея главы начнутъ. По томъ нарїцалъ того Нїкомаха бабїкомъ, и пужлївымъ, по томъ измѣннїкомъ рачїтеля своего, и паки велїкая ему обѣщавалъ, овогда и царство нѣкое, разнымъ способомъ къ едїномыслїю своему прїклоняя его сердце, чуждо сущее толь ѕлохїтрыя измѣны. На конецъ уже извлекъ мечъ, овогда къ нему, овогда же ко своеи главѣ прїлагая, и тако прївлекъ моленїемъ и прещенїемъ, яко Нїкомахъ не токмо молчати, но и во всемъ помощнїкъ быти обѣщался. Обаче имѣя постоянство въ себѣ велїе, первыя вїдѣлся воли Дїмновы ни въ чемъ премѣняти: но аки бы прелщенъ Дїмновою любовїю и ласканїемъ въ таковомъ совѣтѣ ни въ чемъ не отрїцатїся прїтворїлся. По томъ началъ вопрошати о товарыщехъ, съ которыми Дїмнъ того дѣла совѣтъ началъ, Много (рече) и о томъ надлежїтъ знати, какїя люди руки своя къ таковому дѣлу памяти достоїному хотятъ прїложїти. Дїмнъ же любовїю и паденїемъ похотнымъ уловленъ, началъ его благодарствовати, радоватїся и прївѣтствовати, что дороднымъ молотцамъ не усумнѣлся помогати въ сообщенїи; а имянно Дїмїтрїю оберегателю

здравія царскаго, Певколаю, Нїконору, Афебету, Локеу, Діоуену, Археполу, и Амїнтѣ. Нїкомахъ же по окончанїи тоя рѣчи отшедъ скоро, брату своему именемъ Кебалліну вся слышаная возвѣстїлъ. Кебаллїнъ же оставя въ своемъ шатрѣ Нїкомаха, да бы не вшелъ неїскусно въ шатеръ царскїи, [идѣже нїкогда случїся ему бывати:] и какова лїбо прїзнака бунтовщїкамъ не учїнїлъ, что о нїхъ прїиде къ царю изъявляти. Самъ Кебаллїнъ поїде, и въ преддверїи шатра сталъ, (ибо въ нутрь итти ему непопущено было), ожїдая кого изъ прервыхъ и началнѣйшїхъ друговъ царскїхъ, да бы его предъ царемъ поставїлъ. Случїся же по отшествїи прочїихъ токмо Фїлотѣ сыну Парменїонову остатїся въ палатѣ царскои, неизвѣстно коея ради вїны, ему же изшедшу Кебаллїнъ лїцемъ и устнама ужасъ велїи показуя, вся отъ брата слышаная сказалъ, и просїлъ его да бы царю о семъ возвѣстїлъ. Похвалілъ его въ томъ Фїлотъ, и скоро къ царю вшедъ, много время о иныхъ дѣлѣхъ предлагалъ, а о томъ, что ему Кебаллїнъ возвѣстїлъ, умолчалъ. Въ вечеру же изъ палаты Фїлоту исходящаго вопросїлъ Кебаллїнъ. Аще царю о томъ донесъ, что ему повѣдалъ, отвѣща Фїлотъ, нынѣ съ царемъ о семъ не было слово. Понеже не время мнѣ было, и тако

отъїде.

отъіде. На утріе же Кебаллінъ паки прежнее дѣло воспомянулъ Фїлотѣ, онъ такожде обѣщалъ, имѣти въ памяти о доношенїи; обаче нїчто о томъ цареви глаголалъ. Того ради Кебаллінъ начатъ на него пореченїе имѣти, и тако не хотя болѣе продолжїти, нѣкоему юношѣ именемъ Мїтрену, надъ всею Артїлерїею началнїку бывшу, вся поряду изъявілъ. Онъ же во Артїлерїи оставя его, самъ скоро ко царю побѣжалъ, и въ то время въ мылнѣ его получілъ, и вся слышанная повѣдалъ. Царь же немедленно послалъ побліжнїхъ, да бы дїмна поїмавъ прївели, а самъ во Артїлерїю поїде: тамо Кебаллінъ увїдѣвъ его, радости исполнїся, рекъ. Имѣю тя жїва отъ рукъ нечестївыхъ изъята. По томъ Алеѯандръ вопросілъ его о чемъ надлежало вѣдати, и о всемъ порядкѣ отъ него извѣстїлся. Паки еще вопросілъ, которыи день егда тебѣ Нїкомахъ сказалъ: отвѣща третїи день, уже нынѣ. Тѣмже Алеѯандръ помышляя, что не испїнну царю въ томъ учїнілъ, повелѣ его взяти. Онъ же начатъ вопїти, яко въ тоі же мїнутѣ и въ тоже время, въ которомъ извѣстїлся о томъ, къ Фїлошѣ прибѣжалъ, и аще не тако есть, вопроси его. Царь пакї вопросілъ его; былъ ли ты у Фїлоты, и велѣлъ ли ему прілѣжно о всемъ донести? Кебаллінъ рече: всеконечно повторялъ, руки на Небо вознося,

исоизлїянїемъ слезъ осемъ доношенїи: аки бы отъ
друга сѣло любїмаго мїлости просїлъ. Сему тако
бывшу, Дїмнъ уразумѣвъ добръ, чего ради царь
понего послалъ, мечемъ, егоже имѣлъ при себѣ,
прободеся сѣло тяжко, но отъ стражеи вскорѣ
прїбѣжавшїхъ удержанъ, взявъ убо его прївели
въ шатеръ царскїи: На негоже возрѣвъ царь, рече:
кое азъ зло помышляхъ тебѣ Дїмне? яко паче
мене самаго показался тебѣ достоїнѣе быти
царству Македонскому Фїлотъ? Но уже Дїмнъ
немогъ глаголати, токмо воздохнувъ лїце отъ
царя отвратїлъ, и падъ умре.

Таже послалъ по Фїлоту Алеѯандръ, и рече
къ нему: достоїнъ былъ бы смерти Кебаллїнъ,
ащебы измѣну намя уготованную чрезъ два дни
ушаїлъ; сїю вїну на тя возлагаетъ, оправданїе
прїнося, что въ то время немедленно возвѣстїлъ
тебѣ. Елїко я великїмъ внутреннїмъ дружествомъ
моїмъ къ тебѣ прїбліженъ, болше толїко твое
комнѣ лїцемѣрное злодѣїство. Еже паче Кебаллїну
неже ли тебѣ прілїчно, якоже азъ мню. Имѣеши
помогающаго судїю, аще что возвѣстїти не
подобаетъ, можеши отрїцатїся того. На сїе Фїлотъ
не убоявся. [аще бы кто отъ лїца смѣлость его
могъ разсудїти] рече: тако есть, яко Кебаллїнъ
мнѣ, отъ блудника извѣстїе взявъ, предложїлъ.

Но азъ

Но азъ сіце безчінному доносітелю ни вчемъ не яхъ вѣры, опасаяся, да бы прочімъ смѣха не учінілъ, распрю между двома блудніками шебъ донося. Царь же рече; понеже дімнъ смерти себе предаде, каковъ либо извѣтъ былъ бы, не подобало его умолчати. Обѣятъ его фїлотъ, и начатъ молїти, да бы паче на прешедшую его вѣрность, а не на вінность, отъ умолчанія, а не отъ дѣла происходящую смотрілъ. Не могу о семъ свїдѣтелствовати, аще ему царь ятъ вѣры, или гнѣвъ въ себѣ до времене утаїлъ; обаче даде ему десную руку назнакъ мілости прежнія, и рече: яко паче презрѣно сіе доношеніе, фїлотъ себѣ имѣлъ, нежели утаїлъ.

8. Обаче созва друговъ на совѣтъ безъ него, и Нїкомаху пріити повелѣ; Нїкомахъ же все то умышленіе злое и предъ самімъ царемъ повѣда. былъ же Кратеръ нѣкто, Алеѯандру сѣло любезенъ, и паче многіхъ мілости имѣлъ у него; тѣмже завістію къ фїлоту непріятенъ, извѣстенъ былъ о тѣмъ, яко Алеѯандру фїлотъ, о себѣ самомъ и о своемъ мужествѣ, такожде и о службѣ съ похвалою велією возвѣщалъ, даже до оскорбленія; того ради не за какову измѣну, но за гордость опороченъ сталъ. Тѣмже не чая нікогда лучшаго случая къ погубленію непріятеля своего пріїкрывъ

завѣсть благочѣстіемъ, тако совѣтуя о всемъ томъ дѣлѣ, рече: О да бы далъ богъ то, что бы ты съ нами о томъ случае вскорѣ съ начала посовѣтовалъ. Склонѣли бы мы тебя къ тому, аще бы ты восхотѣлъ ему вѣну отпустѣти, да бы паче не далъ ему знати, коль много тебѣ долженъ, нежели егда нынѣ конецъ жѣтію его прѣспѣлъ, прѣнуждати его, да бы лучше на смерть свою смотрѣлъ, нежели твои добродѣтели разсуждалъ. Онъ бо всегда возможетъ сѣти тебѣ ставѣти, ты же Фѣлоту не всегда можеши вѣну отпущати. Гдѣ не вѣжу вѣны, коея ради имѣлъ бы ты разумѣти, да бы которыи толь велѣкое дѣло дерзнулъ, по отпущенѣи тоя вѣны, своѣхъ безчѣнныхъ нравовъ отступѣлъ. Добрѣ онъ то знаетъ, что которые мѣлосердіе поглотѣли, ни о чемъ болше надѣятіся не могутъ. Тѣмже и азъ извѣстенъ, яко аще и Фѣлотъ, или покаянѣемъ, или твоею добродѣтелію преодолѣнныи, восхотѣлъ бы престати отъ того: Парменіонъ отецъ его полководецъ таковаго велѣкаго воѣнства, и издревле у твоего воѣнства въ прелавнои чести, по тебѣ малымъ менши, вѣмъ, яко не праведнымъ сердцемъ здравіе сына своего тебѣ предастъ. Суть добродѣтели, ихже ненавѣдѣмъ. Достоѣному по дѣломъ смерти, истѣнну изъявѣти срамно есть. Тѣмже лучше хощетъ сѣцевое у человѣкъ имѣтіся мнѣніе,

яко

яко ему обїду сотворїли, нежели жївотъ даровали. Оттуду вѣмъ царю, яко подобаетъ тебѣ, о здравїи твоемъ вражду съ нїми имѣти. Еще имѣемъ доволно непрїятелеи, протїво которыхъ поїдемъ, но отъ домашнїхъ супостатъ оборони себе. Тѣхъ аще искорењши, чуждаго врага ни въ чемъ не боюся. Сїце совѣтовалъ Кратеръ. Но и прочїи ни мало усумнѣлїся въ томъ. Что Фїлотъ измѣну изъявїлъ Алеѯандру, бывъ сообщнїкъ ея съ прочїими бунтовщїками; понеже кто бы благосердыи и совѣстни добрыя сыи, нетокмо другъ, но изъ послѣдняго чїна, прїчїны толь велїкїя услышавъ, къ царю съ нїми вскорѣ не прибѣжалъ бы: аще бы сїцевымъ образомъ, якоже и Кебаллїнъ сотворїлъ, которыи отъ брата слышавъ, извѣстїлъ Парменїонову сыну, онъ же [полководецъ надъ конницею, и таинъ царскїхъ извѣстнїкъ] умыслїлъ будто бы не имѣлъ времене царю донести, аще бы Кебаллїнъ инаго доносителя не сыскалъ. Нїкомахъ такожде, аще и кляшву предъ богомъ сотворїлъ; однакожъ совѣсть свою свободїти тщался. Фїлотъ же едва не весь день во упражненїи игръ съ царемъ пребывъ, время несвободное и трудное имѣлъ, не много словесъ, [царскому здравїю касающїихся,] въ толь многомъ и мало потребномъ глаголанїи, донести. Понеже аще не повѣрїлъ предложенымъ отъ юноши; чего ради

ради чрезъ два дня, акибы повѣрилъ, продолжилъ; отказати надлежало Кебалліну, егда его доношеніе укорялъ. Всякъ въ своеи бѣдѣ имѣетъ разумъ великъ; но гдѣ о здравіи царскомъ случается, шому вѣріти потреба, аще и недѣлная и непотребная словеса кто доноситъ, слушати. Тѣмже вси осуділи всеконечно пытати и розпрашівати его, да бы сообщніковъ шого бунта изъявілъ. Царь же пріказавъ въ молчаніи совѣтъ и предложеная словеса имѣти, отпустілъ ихъ. Но да бы не мнілся быти иный образецъ учінень новаго совѣта, наутріе походъ сказати повелѣваетъ. Філоту же Алеуандръ прізвавъ на послѣдніи ему піръ, не токмо вечеряти, но и дружески посовѣтовати съ нимъ; аще уже и осуділъ его утерпѣлъ.

Въ Полунощи же безъ огня собралїся съ малыми людми въ палату царскую ко царю, Ефестіонъ, Кратеръ, Ценъ, и Еріги. Сіи были блїжніи царю, изъ полководцевъ же были Пердікка и Леонатъ, чрезъ тѣхъ повелѣніе было, стражи кругомъ палаты царевы вооружены стояли уже по всѣмъ пушемъ, и коннїца воінекая чінно стояла, да бы кто Парменіону въ то время Мідію управляющему, и воіско превеліkое при себѣ имѣющу, таіно вѣсть не учінілъ. Аппаррасъ такожде прішелъ на дворъ царевъ съ тремя спы вооруженныхъ воіновъ, и

десять

десять офіцѣровъ ему послѣдовали, а за нїми шло по десяти оружїеносцевъ. Тїи на разно посланы, разныхъ бунтовщїковъ искати. Аттаррасъ же съ тремя сты воїновъ своїхъ по Фїлота пошелъ, но видя домъ заключенъ, двери выбївъ, пятдесятъ избранныхъ мужеи при себѣ взялъ, прочїмъ же велѣлъ весь домъ обступїти, да бы Фїлотъ таїнымъ путемъ не ушелъ. Крѣпко спалъ Фїлотъ, или ни чего не боялся, или утрудїлся. Аттаррасъ же глубокїмъ еще сномъ спяща его обрѣте, егда же добрѣ отъ сна пробудїлся, оковы желѣзныя на него наложїли, тогда Фїлотъ рече: о царю: горесть непрїятелеи моїхъ преодолѣла твою добродѣтель. И сїя рекъ умолче. Воїни же главу ему покрывше, на дворъ царевъ повели. На утрїе же повелѣ царь вѣсть дати, да все воїнство соберется вооружено. Собрася же мало не шесть тысящъ воїнства, кромѣ того, что поварами и слугами воїнскїми наполненъ былъ дворъ царевъ. Оружїеносцы полкомъ своїмъ окружїли Фїлота, да общїи народъ прежде его не увїдїтъ, донелѣже царь не предложїтъ рѣчи къ воїнству. По древнему обыкновенїю и закону Македонскому, главныя и смертныя дѣла воїско судїло, во время мїрное общїи народъ. Царская же власть нїчто могла творїти, донелѣже они не осудятъ. Тѣмже прїнесли

прежде тѣло дѣмново, о немже мнози не знали, что учінілъ, или какою смертію умре.

9. Прочее царь ради предложенія рѣчи изыде на среду, болѣзнь сердца своего показуя на лїцѣ. Такожде и друзи печалное прїмножали ему лїцеявленїе. И тако Алеѯандръ многое время лїцемъ въ нїзъ посупївся, стоялъ аки изступленному подобенъ. По томъ въ себе прїшедъ, начатъ глаголати. О воїнство мое, не многїхъ людеи злохїтрыи умыслъ, едва мя отъ васъ не похїтілъ, провідѣнїемъ же и мїлосердїемъ боговъ, жївъ есмь. Чести достоїное предстояніе ваше прінуділо мя, да бы горше на тѣхъ не доброхотныхъ убїицъ азъ яростію распалілся. Зане едіно дыханіе, паче же едіна польза жітія мрего сіе мнѣ есть, еже бы толь многімъ храбрымъ воінамъ, мнѣ сѣло добрѣ заслужівшімъ, возмощи еще благодѣяніемъ великімъ воздати. Тогда воздыханіе воінское не даде ему болѣе глаголати, и начаша плакати вси.

Паки царь рече: кольми паче возбужду васъ, егда сіцеваго злоумышленія бунтовщіковъ покажу вамъ, ихже еще боюся наіменовати, и аки бы еще здравы быти могли, именъ ихъ не воспомінаю. Но потреба древнюю внутреннюю мою мїлость забыти, и немїлостівыхъ человѣковъ мятежъ открыти. Како азъ возмогу, толь велїкое

злодѣйство

злодѣйство умолчати? Парменіонъ въ таковомъ своемъ вѣцѣ, толь многіми моіми, якоже и отца моего добродѣяніи одареный, и первѣіши изъ всѣхъ дому нашего другъ, къ тако безумному дѣлу бунтовщікъ первый и началнікъ быти обѣщался. Слуга его Філотъ, Певколая, Дімітрія, и сего Дімна (егоже тѣло предъ собою відіте,) и прочіхъ таковаго безумія способнікові на здравіе мое пригласілъ. Тогда повсюду учінілося стенаніе и смятеніе, каково обыче быти между общімъ народомъ; а наіпаче воінствомъ, гдѣ или распря, или гнѣвъ, или брань бываетъ.

По томъ предстали по повелѣнію, Нікомахъ, Метронъ, и Кебаллінъ, что которыи отъ нихъ говорілъ прежде, то и повторялъ, однакоже Філота ніже едінымъ словомъ опорочіли. Сего ради такожде вси уполівше въ себѣ гнѣвъ замолчали, по изреченіи словесъ ихъ. Царь же рече: какое было того намѣреніе, которыи извѣстівся о измѣнѣ, утаілъ оную. а что та измѣна по навѣту была, смерть Дімнова изъявляетъ. Воістінну, аще бы былъ неізвѣстенъ что сказалъ, мученія не бы убоялся. Кебаллінъ бо ни на малую мінуту восхотѣлъ умедліти, совѣсть свою скоро очіщая, въ мылню прібѣжалъ, егда азъ мылся. Філотъ же самъ нічего не ужасеся, нічему невѣрілъ. О человѣкъ какова

велїкаго сердца, слышавъ о погїбели царя своего, лїца бы не измѣнїлъ ли, и не слушалъ ли бы съ прїлѣжанїемъ тако велїкаго извѣта? Но то молчанїе его знало, что имѣло чїнїтїся, и завїстная надежда о царствѣ, упрямыи умыслъ къ послѣднему концу злодѣїства прїведе. Отецъ его Мїдїю управляетъ, между многїми полководцы моїми отъ мене взявъ сїлу, болше надѣется, нежели можетъ. Та безчадность моя, что бездѣтенъ есмь, во унїчїженїи есть. Но льстїтся Фїлотъ, понеже васъ, и дѣтеи, и отцевъ, и сродникъвъ имѣю, донелѣже вы здравствуете, азъ сїрота не имамъ быти. По томъ грамотку Парменїонову пїсаную къ сынамъ, къ Нїканору, и Фїлоту, оному по случаю таїно врученую, всѣмъ въ слухъ начатъ прочїтати, въ неїже нїчто было велїкаго навѣта, токмо въ себѣ заключало. Во первыхъ о себѣ, по томъ о своїхъ попеченїе имѣїте, зане еже опредѣлїли мы совершїмъ. Къ сему же еще царь рече: тако пїсана, которая, еже ли бы дѣтямъ его вручена была, то они могли бы чрезъ сїю разумѣти о всемъ прежде знающе; аще же и перснята та грамотка, обаче инъ нїкто ни коего зла въ неи домыслїтїся не возмогъ бы. Но Дїмнъ егда прочїхъ бунтовщїковъ назначїлъ, хотя Фїлота не прїпомянулъ, та прїчїна не беззлобїе Фїлотово, но сїлу его

показуетъ

показуетъ: что тако его боятся, которые могутъ его выдати, яко аще и сами повінятся, но его утаятъ. Но Філотъ жітіе прешедшее вѣдаетъ. Онъ Амінтѣ брату моему во первыхъ, егда въ Македоніи еще былъ гонітель здравія моего, помогалъ во всемъ. Онъ Атталу, болше котораго я нікогда непріятеля себѣ не имѣлъ, сестру свою въ жену отдалъ. Онъ, егда азъ къ нему, аки ко искреннему другу пісалъ, кого мя быти богъ Аммонъ нарече, дерзнулъ тако отпісати: Азъ тебѣ поздравляю, яко между боги ты почтенъ, и пріятно желаю имущіхъ быти подъ властію тебе, отъ человѣкъ рожденнаго. Сіи воіни мои, уже многое время отъ мене отріновеннымъ сердцемъ сутъ: пріznаками и свідѣтелствомъ завісти о славѣ моеи, ихже колiко могъ, многое время въ сердцѣ моемъ скрывалъ. Понеже відѣлося мнѣ, аки бы часть нѣкую внутренностеи моіхъ я исторгнулъ, аще бы на котораго изъ сіхъ толь велiе бѣдство нанесъ, и нівочто ихъ себѣ вмѣнілъ. Но уже не словесами подобаетъ наказоватіи, суровость языка въ мечи претворіся. Тыя, [аще ми вѣру емлете:] Філотъ на мя изострілъ, егоже аще свободно пущу, камо самъ обращуся, о воіни мои; или главу мою кому ввѣрю; надъ конніцею воінскою, надъ лучшею частію воіска, надъ первыми благородныхъ юношъ,

того єдінаго началнїка поставїлъ, здравїе, надежду мою, вѣрности его къ защїщенїю вручїлъ. Отца его къ тому достоїнству, которое вы мнѣ дали, азъ вручїлъ, Мїдію паче всѣхъ государствъ богату, толь много жїтелеи домашнїхъ, толь много тысящеи споспѣшнїковъ емуже вручїлъ, откуду хотѣлъ помощи и заступленїя, погїбель мнѣ прїиде. О коль благополученъ азъ былъ бы; еже ли бы на воїнѣ былъ убїтъ, паче Дарїю корысть, нежели своему жертва; нынѣ избавїлся отъ погїбели, еяже токмо ужасался, и на сїе прїшелъ, чего нїкогда не имѣлъ ужасатїся. Обыкосте многократно воїни мои молїти мя, да бы я здравїе мое хранїлъ. Сїе мнѣ дати можете, о чемъ совѣтуете, да бы я творїлъ. До вашїхъ рукъ, до вашего оружїя прїпекаю, кромѣ воли вашея жїти не хощу; аще бы вы и восхотѣли, не могу, еже ли не заступїте мя. По томъ Фїлота: [руки назадъ завязавше] въ ветхомъ одѣянїи, прївести повелѣ; гдѣ всякъ отъ народа могъ вїдѣти его суща въ худомъ и убожескомъ одѣянїи, которыи мало прежде въ драгоцѣнная былъ одѣянъ, и вси ему завїдѣли. Вчерашняго бо дне, вїдѣли его полководца надъ конными, и извѣстны были, чїно на пїру былъ у царя, нынѣ же не токмо осужденнаго, но весма нечаянно и связана зрятъ. Воспомїнали себѣ Парменїона, толь велїкаго

полководца,

полководца, и толь честнаго и Македонскаго господїна счастїе, которыи не давно двухъ сыновъ Эктора и Нїканора лїшївся, нынѣ съ третїимъ на несчастїе еще жївымъ въ отсутствїи сыи оправданїе вїны предложїлъ бы. Тогда Амїнта царевъ бліжныи совѣтнїкъ, [вїдя яко воїнство мїлосердствоваше] новымъ гласомъ противу Фїлоты разъярїлъ его глаголя: яко вы здѣ тѣмъ простымъ народомъ преданы будете; ни единъ отъ васъ къ женамъ ни во отечество, ни къ родїтелемъ возвратїтся, но аки обсѣченыхъ мертвецевъ трупъ, безъ главы, безъ души, безъ имене и славы въ чуждои странѣ противнымъ на поруганїе во вѣки останется. Непрїятны явїлїся тѣ слова Амїнтовы Алеѯандру, ибо воспомїная имъ жены и отечество, непрїлѣжное въ предъ тѣмъ словомъ послушанїе къ воїнскому дѣлу въ Македонянахъ учїнїлъ. Тогда именемъ Кенъ, аще и ѣмѣлъ себѣ жену, Фїлотову сестру; обаче жесточае на него началъ роптати гласомъ велїимъ: нарїцая его злодѣемъ ко царю, отечеству и всего воїска убїицу. Камень же предъ нїмъ на земли лежащъ ухватїлъ, и верглъ бы на него, якоже нѣцыи мнятъ: хотящъ сїце отъ мученїя болшаго скоро его свободїти; аще бы царь руки его не удержалъ, глаголя: потреба ему дати время ко исправленїю и отвѣту; не дамъ азъ рече инымъ обыкнове-

обыкновенїемъ судїти. Велѣли ему паки вторїцею отвѣщати, но онъ или совѣсти ради злоключїмства, или самыя ради прїчїны, тако великїя, аки изумленъ и въ забытїи бывъ, ни очесъ возвести ни воздохнути дерзнулъ. По томъ начатъ источати слезы, и обмеръ, къ держащему его прїклонїлся и сгда слезы отеръ, по малу, начатъ дыхати, и гласъ испущати, каковъ могъ имѣти, возмнѣлся всѣмъ, что хощетъ оправдатїся. Тогда царь зря на него рече: Македоняне хотятъ тя судїти.

Вопрошаю, отеческїмъ языкомъ будеши ли глаголати? рече: много и прочїхъ здѣсть кромѣ Македонянъ, которые якоже мню, удобнѣе уразумѣютъ, егда тѣмже языкомъ буду глаголати, егоже ты употребїлъ, того ради да бы мнози отъ нїхъ слова твоя уразумѣли. Царь же рече, вїдїтели, како Фїлотъ и языкъ свои ненавїдитъ отеческїи, самъ бо гнушается говорїти имъ. Но якоже хощетъ да глаголетъ: вы токмо въ памяти имѣите, яко не токмо нравовъ нашїхъ, но и языкъ ненавїдитъ, сїе рекъ отъїде.

10. Тѣмже Фїлотъ началъ рѣчь свою тако: Словеса невїнному обрѣсти удобно есть: а бѣдному одержати слово, тяжко есть. Того ради между доброю совѣстїю, и худымъ счастїемъ я обрѣтшїися, не вѣмъ како и уму моему, и времени сему злосчас-

злосчастному возмогу угодіти. Не вїжду изряднаго вінѣ моси, судіи [сірѣчь Алеѯандра], которыи, чего ради самъ мене слушати не похотѣлъ? не знаю воістінну, ибо егда позналъ онъ сіе дѣло, тогда вѣ его было воли, или умертвіити мя, или, свободіити; а донелѣже здѣ не познана будетъ вїна моя, свободенъ не могу быти безъ прібытія царева, иже отъ прісутствующаго уже осужденъ есмь. И хотя отъ человѣка связанаго, и праведная рѣчь, не токмо неправедна, но и непріята бываетъ, яко не показуетъ судеіскаго дѣла, но его облічаетъ, обаче каковымъ лібо буди образомъ, токмо надлежітъ мнѣ отвѣщати: не оставлю себе, ни сотворю того, да бы мнѣлся я самъ отъ себе осужденъ быти. Я воістінну вїны не знаю, за что бы вїненъ былъ? Къ бунтовщікамъ, измѣнніkамъ, ни кто мя не прілічіл. Нікомахъ о мнѣ ни чесоже рекъ; Кебаллінъ что слышалъ, болѣе знати не возмогъ. Но царь мнітъ мя быти за главу того бунта и измѣны; аще бы сіе было, умолчалъ ли бы дімнѣ о мнѣ? Наіпаче егда вопрошали его, хотя и неправедно, однако могъ бы мя прімомянути. Зане откривъ намѣреніе свое, потаілъ ли бы имя мое, и умолчалъ ли бы сообщніка своего? Нікомахъ же, которым прочіхъ измѣнніковъ открылъ, чего ради не прімомянулъ имене моего?

Молю васъ друзи мои; аще бы Кебаллінъ комнѣ не прішелъ, що ніже мнѣ возвѣстіти о бунтовщікахъ имѣлъ бы, и не исповѣдалъ бы віны, аще бы никто не клеветалъ на мя. Дімнѣ, аще бы и жівъ былъ, не клеветалъ бы на мя, прочіи, иже до нынѣ жівутъ, віну на ся предложівше, утаіли ли бы мя? Лукавыи и вредоносныи человѣкъ свое утоляющъ злосчастіе, чуждымъ утѣшаетъ себе. И тако много ли повінныхъ на мученіи, иже истінну таятъ? Но того, которыи имѣетъ умрети, ни кто не жалѣетъ, ни онъ кого, яко же азъ разумѣю. Но нынѣ обращуся къ самому дѣлу, [сіесть пріпомянути злое намѣреніе.]

Чесо ради дѣло предложеное ты умолчалъ? По что сіце дерзновенно и безразсудно предложеная тебѣ ты слушалъ? каково лібо ни было дѣло сіе? Ты Алеѵандре, гдѣ ни обрѣтаешіся, однако отпустілъ мою вінѵ, егда истінну повѣдахъ, десную руку твою во знаменіе пріміренія цѣловалъ я, потомъ на обѣдѣ у тебя былъ; ежели ты повѣрілъ мнѣ, що свободенъ есмь; а ежели простілъ, що невінен есмь: держіся суда твоего. Въ самую же послѣднюю нощъ, егда отъ стола твоего отшелъ я, что сотворілъ? Какое новое дѣло мое, тѣбѣ предложеное, мысль твою превратіло? спалъ я нощію, егда, ніже помышляющаго о злосчастіи моемъ, непріятели вяжуще

вяжуще мя возбуділи. И како злохїтрыи убїица и измѣнникъ, толь крѣпко могъ бы спати? Люди отчаянные отъ возмущенїя совѣсти своеи, спати не могутъ, мятежи внутреннїя не даютъ имъ покоя; не токмо по намѣренномъ, но и по учїненномъ злодѣйствѣ. Мнѣ же перво неслобїе мое, по томъ твоя рука, весь страхъ отъ мене весма отгонїла. Нїже ужасахся, да бы, чуждее мучїтелство паче, нежели истїнная мїлость твоя, въ сердцы твоемъ возмогла что сотворїти. Нода не будетъ ти болѣзненно, что повѣрїлъ мнѣ; понеже юноша мнѣ возвѣстїлъ, которыи ни свїдѣтеля, ни сноручника словесъ своїхъ, могъ мнѣ представїть, которыи всѣхъ устрашїлъ бы, ежелї бы того неслушали. Се азъ злосчастныи, блудника и злодѣя послушавъ, а вѣрность его имѣлъ въ подмнѣнїи, что не самъ, но чрезъ брата своего мнѣ возвѣстїлъ; убоялся, да бы не отрекся ввѣренаго слова Кебалїну, и да бы не возмнѣлся я много друговъ царевыхъ въ бѣду прїводити. Тако нїкого не погубїлъ, но обрѣтохъ желающаго, паче мнѣ погїбнути, нежели жїву быти. И что разумѣете, колїкїя бы я получїлъ себѣ ненавїсти, ежели людеи не повїнныхъ во гнѣвъ прївелъ? Но дїмнѣ смерти себе предаде. Могълъ ли бы я пророчествовати, что сїце онъ имѣлъ сотворїти? ни мало. Такъ которымъ токмо

знакомъ вѣрность свою показалъ Кебаллїнъ, тѣмъ меня возбудїти не возмогъ. Воїстїнну, ежели бы я зналъ толїкое Дїмново ѕлодѣянїе, и въ томъ самъ былъ, не ожїдалъ бы двухъ днеи, Кебаллїнъ вскорѣ могъ погїбнути, и по изявленнои измѣнѣ, не вѣмъ, чего ради я имѣлъ бы многое время ожїдати? въ полату цареву я имѣя мечѣ при себѣ, ходїлъ едїнъ. Чего бы ради намѣренїе мое отлагалъ? или не могъ дерзнути безъ Дїмна? убїиство учїнїти? Тѣмже онъ былъ первоначалнїкъ бунту, и подъ его заступленїемъ я былъ, царства Македонскаго желая? Кого я отъ васъ на убїиство то мздою наущалъ? У коего полководца или началнїка мїлости паче искалъ? Предлагаютъ мнѣ, что отеческїмъ языкомъ гнушаюся, будто нравовъ Македонскїхъ ненавїжу и ругаюся ими? Но сїе такова ли есть правда, будто царства желаю, егоже весма ненавїжу? Уже издревле языкъ нашъ домашнїи, всегдашняго ради сообщенїя съ разными народы, едва не погїбе. Такъ побѣдїтелемъ, якоже и побѣжденнымъ, надлежїтъ иному учїтїся языку. Воїстїнну не менши сїя прїчїна вредїтъ меня, нежели егда Амїнтъ сынъ Пердїкковъ хотѣлъ убїти царя. Азъ же имѣлъ съ нїмъ содружество, и еще не укоряю себе въ томъ. Не подобало ли намъ брата царева любїти? Зане аще человѣка суща на сїцевомъ степени, должно было

почїтати,

почїташи, азъ яко неїзвѣстенъ въ томъ былъ, того ли ради есмь вїновенъ? Аще ли невїнный, другъ сыи вїнному, имѣетъ ли такожде съ нимъ погібнуши? аще праведно сїе есть, по что толь многое время жїву? аще же неправедно, по что нынѣ смерти предаюся. Но въ грамотѣ ко царю пїсахъ, тѣхъ жалѣя которые подъ обладателствомъ государя таковаго, которыи вѣруетъ быти себе сына божїя. Но ты вѣрность и совершенная дружба, и ты истїннаго совѣта, погібелная волность, вы меня прелстїли. Вы къ сему меня прїклонїли, да бы что зналъ я, не умолчалъ. Вѣмъ что то пїсалъ къ царю, а не о царѣ; зане не отъ завїсти сїе совершїлъ, но боялся о немъ. Мняшеся мнѣ достоїнѣе быти Алеѯандръ; еже ли бы въ таїнѣ повѣдалъ себе быти сына божїя, а не похваляяся, самъ себе проповѣдалъ; но яко гласъ божїи истїненъ есть, да будетъ свїдѣтель мои богъ.

Вы пошлїте къ Аммону, и о таїнѣ злоумышленїя моего вопросїте, а меня до того времене держїте въ темнїцѣ, азъ не сумнѣваюся въ томъ, что которыи царя нашего прїялъ вмѣсто сына, тои ни едїному измѣннїку рода его дастъ утаїтїся. А ежели паче извѣщенїя и отвѣта Аммонова, надежнѣе муку быти разумѣете, испытаїте правды, и того не отрїцаюся. Обыкоша воїстїнну осужденнїи

на смерть съ родїтелями вамъ представляшїся. Но азъ недавно двоїхъ братовъ лїшїхся: родїтеля нїже показати, нїже о помощи просїти могу; зане и того бунтовщїкомъ учїнїли, мало ему сїе злосчастїе, что недавно толїкїхъ сыновъ отецъ лїшїлся? Но уже на єдїнаго токмо зря, и того хощетъ лїшенъ быти, аще токмо самаго его еще не погребутъ. Сїце возлюбленныи родїтелю, и мене ради и со мною имаши умрети? Азъ тебѣ здравїе отнїмаю, азъ старость твою погубляю! Чего убо ради злосчастнаго мя породїлъ? Еда бози не мїлостїви, или того ради, да бы оную пользу отъ мене воспрїялъ, которая тебе самаго ожїдаетъ?

Не вѣмъ аще младость моя, или старость твоя злополучїя горшая? Азъ въ младомъ вѣцѣ моемъ погїбаю, тебе спекулаторъ замучїтъ, егоже смерть уже ожїдаетъ. Аще бы счастїе восхотѣло мало пождати. Увѣщавало мя отца моего напомїнаніе, какъ я не безъ страха и немедленно имѣлъ предложїти, то еже мнѣ Кебаллїнъ возвѣстїлъ. Зане Парменїонъ услышавъ Фїлїппа врача, уготовляюща отраву царю, скоро къ нему грамоту послалъ, хотя его отъ лекарства отвести, которое врачъ ему имѣлъ дати, повѣрїли ли отцу моему? была ли въ каковои чести грамота его, азъ такожде?

коль

коль краты слышаныя прічіны таковыя предлагалъ, всегда въ поруганіи бывалъ, и невѣріли мнѣ! Се, егда возвѣщаемъ, во укорізнѣ есмы, аще же умолчімъ, въ порокѣ пребываемъ, и что имѣемъ болши творіти? Тогда єдінъ отъ воіновъ, на него возопілъ. На благодѣтелеи бунта нечіни. Філотъ же рече: истінну глаголеши, кто бы ни былъ. Сего ради, еже ли повінень есмь, прощенія не прошу, и конецъ рѣчи моеи творю; понеже послѣднія рѣчи тяжки были ушесамъ вашімъ, и тако отвели его стражіе.

11: Между же полководцами, былъ нѣкіи именемъ Белонъ, въ совѣтѣ неіскусенъ, но въ воінскіхъ дѣлахъ зѣло старыи воінъ изъ малаго чіна, къ тому чіну прішедыи. Тои, егда прочіи молчали, отъ безумія своего жестокъ, начатъ воспомінати. Како его изъ кварперъ уже заняты хъ, изгоняли многажды, да бы токмо вещи мѣлкія, изъ горъ, слугъ Філотовыхъ внесли въ нихъ, откуду и воіни изгоняемы были? Како Філотовы шелѣги, наполнены златомъ и сребромъ, по всеи уліцѣ стояли, и въ ближніхъ домѣхъ прочіхъ, служілымъ стоять не дали? но чрезъ стражу изъ далече указывалъ имъ домы, что бы между собою ропчуще, помѣшки не чінілі покою его? Какъ ругаліся посельнамъ, наріцающе, или Фрігами, или Пафлягонами? Какъ въ македоніи родівся, своіхъ товарыщевъ

и єдіно-

и едіноплеменныхъ чрезъ толмачевъ дѣла слушалъ? Чего ради хощетъ, да бы совѣта просіли у бога Аммона, понеже его сотворілъ лжіва, что Алеѯандра сыномъ своімъ быти повѣдалъ? Тако мнітміся что опасаяся, да бы ему сіе завісти каковы не прінесло, еже бози обѣщали? егда согласіе творілъ на царя своего и друга, не просілъ совѣта у бога? Нынѣ повелѣваетъ послати, да бы въ то время отецъ его услышалъ, и ѕлыхъ людеи къ себѣ пригласілъ, Мідіею обладая, и сокровіща за стражею врученная ему имѣя. Пошлемъ мы сами, не того ради, да бы его вопросіли о томъ, о чемъ отъ царя извѣстіліся, но да бы ему благодареніе сотворіли, и о заступленіи здравія царскаго жертву прінесли. Тогда всѣхъ сердца разъярілїся: оберегатели здравія царскаго, начали вопіти, разтерзаемъ измѣнніка сего руками нашіми. Сіе Філотъ съ горестію слышалъ, тяжкаго мученія ожідая.

По томъ возвратілся царь къ собранному воінству; дѣло же сіе на завтрешніи день отложілъ, или хотя Філота въ темніцѣ мучіти, или лучше о всемъ извѣстітіся. И егда начатъ вечеряти, повелѣ други созвати, тамо нѣцыи совѣтовали, да бы по обычаю Македонскому каменіемъ Філотъ побіенъ былъ. Но Ефестіонъ, Кратеръ, и Кенъ совѣтъ учініли, пытать его, да бы увѣдати правду,

вси

вси купно согласїлїся къ тому, хотя и инако прежде совѣщовали. Тѣмже егда разыдошася вси съ совѣта, Ефестїонъ, Кратеръ, и Кенъ, начали поспѣшати къ розыску фїлотову. Царь же прїзва къ себѣ перво Кратера, и съ нїмъ поговоря [невѣдомо о чемъ] въ дальнїя палаты пошелъ самъ токмо едїнъ, и многое время въ нощи, конца тѣхъ розысковъ и вѣдомости ожїдалъ. Уже были спекулаторы предъ очесами фїлотовыми, вся орудїя къ мученїю потребная предложїли. но онъ самъ изъ добрыя воли немедленно рече: по что мя непрїятеля и убїицу царскаго, смерти не предаете, вїну мою знающе? по что муками розыскївать? мыслїхъ и хотѣхъ его убїти. Но Кратеръ рече, надобно сїе, еже нынѣ глаголеши, въ розыску сказати. И вземше, очи ему завязали, одежду совлекли, тогда [фїлотъ] законы всѣхъ народовъ воспомїная, боговъ отеческїхъ на помощь прїзываше, но глухи уши, не слышали. По томъ безъ мїлосердїя аки осужденнаго, супостаты за Царя начаша терзати. Перво, овогда огненное паленїе, овогда бїчеванїе страдаше, уже не отъ испытанїя истїны. но наїпаче отъ мукъ не токмо гласъ, но уже и дыханїе имѣлъ во изнеможенїи. Но егда отъ язвъ уже тѣло надымашеся, и голыхъ костеи бїенїя не могъ претерпѣти, сѣщалъ повѣдати, что

они хотятъ, токмо бы мучїти престали. Клялїся ему Алеѯандровымъ здравїемъ, что престануть мучїти, да бы спекулаторы отдохнули. Фїлотъ же просїлъ Кратера, рекъ къ нему: Скажи, что хощеши отъ мене слышати? но Кратеръ разъярївся, аки бы ему ругаяся раздражаетъ Фїлота, паки повелѣ спекулаторамъ мучїти его: онъ же начатъ времени просїти, дондеже прїидетъ въ себе, хотяи повѣдати вся елїка вѣсть. Въ то время конные воїни болшаго рода, наїпаче сродникы его бліжніе услышавше, яко Фїлота мучатъ, убоявшеся уложенїя Македонскаго [которыи повелѣваетъ Царевыхъ бунтовщїковъ, исродникы ихъ купно съ нїми смерти предавати] иные сами смерти предалїся, прочіе же въ горы и въ пустыни далныя побѣжали, страхъ велїкъ учїнїлся во всемъ обозѣ. Егда же Царь о томъ извѣстїся, повелѣ сказати, что сроднїкамъ Фїлотовымъ всѣмъ вїну отпущаетъ. Фїлотъ же или истїнно, или ложно, умыслїлъ рѣчь, хотя отъ мукъ свободїтїся: нїчто есть извѣстно, понеже таковыи, аще и правду сказалъ бы, или ложъ, обаче долженъ бѣ погїбнути, и сїце рече.

Знаете, что отецъ мои съ Егїлохомъ дружно жілъ, съ тѣмъ (рече) Егїлохомъ, которыи на воїнѣ убїтъ, тои намъ прїчїна всего зла сталася, понеже егда токмо Царь Алеѯандръ сыномъ Іовїшевымъ

себе

себе нарїцати повелѣ, тогда неблагодарно Егїлохъ сїе понесъ, рече. Того ли царя за бога будемъ знати, которыи фїлїппомъ отцемъ своїмъ гнушается? послѣ насъ, аще терпѣти можемъ, не токмо человѣковъ, но и боговъ презїрати будетъ, которыи повелѣваетъ себе нарїцати богомъ, и будто онъ богъ есть, вѣрїти прїнуждаетъ? Потеряли мы царя, потеряли Алеѯандра, взяли на себе гордость, ни богамъ, имже равна себе творїтъ, ни людемъ ихже отрїцается, удобосносенъ есть. На сїе ли мы ранами и кровїю нашею, бога его нарекли, да гнушается нами, и да бы на совѣтѣ съ людми не сїдѣлъ? вѣру имїте мнѣ, яко и насъ бози, [аще мужественно о себѣ будемъ пропївостояти,] вмѣсто сыновъ почтутъ. Кто праотцу его, Алеѯандру, кто потомъ Архелаю, кто Пердїккѣ о убїенныхъ отмщенїе сотворїлъ? Тои убїицамъ отца своего отпустїлъ. Сїце глагола Егїлохъ во время вечери: на утрїе же возсїявшу Солнцу, скоро отецъ прїзвалъ мя: былъ печаленъ, и на мя такожде печалнаго смотрїлъ, зане слышахомъ о учїнївшеїся печали. Тѣмже помышляюще онемъ, яко шуменъ отъ вїна проїзносїлъ сїе, или прежде умыслїлъ, велѣли его прїзвати, онъ же вторїцею тоже сказалъ, или и излїшше: азъ аще первїи восхощете быти, вторыи буду, аще же сердца

не имаше молчанїемъ запечатаю уста. Но Парменїю еще не время возмнѣлося быти, донелѣже Дарїи живъ былъ, зане не себѣ, но супостату Алеѯандра убїлъ бы. По смерти же Дарїевои даръ убїеннаго царя, мучїтели получїли бы Асїю и весь Востокъ, яко совѣту утвержденѹ бывшу, кляпву между собою учїнїли. О дїмнѣ же не вѣмъ, и сїе что повѣдалъ, ни въ чемъ есть прїлїченъ и невїновенъ. Они же паки устремїлїся на мученїе, наїпаче сами его во очеса и лїце копїями кололи, да изъявїтъ умышленое, егда же восхотѣли, да бы порядкомъ какъ было изъявїлъ, рече.

Вїдя азъ яко Царь хотѣлъ многое время въ бактрїи пребыти, и блюдыїся, да бы отецъ мои толїкаго воїска полководецъ, уже въ семдесятъ лѣтъ сыи не умеръ, тѣмже толїкїя сїлы лїшївся, не имѣлъ быхъ прїчїны како убїти Царя. Того ради тщахся о томъ намѣрснїи, донелѣже въ рукахъ все было. Воспомїнахъ древнїи совѣтъ, егоже отецъ мои предложїлъ, аще не вѣрїте, готовъ есмь паки на мученїе, аще и не могу понести. Они же вїдяще яко все чего требовали получїли, возвратїлїся къ царю. Онъ же наутрїе въ чемъ повїнїлся Фїлотъ, воїнству повѣда, и самого прїнести повелѣ, зане уже самъ не могъ ходїти. Егда же во всемъ повїнїлся, дїмїтрїи того бунта прїчастнїкъ же

прїведеныи

пріведеныи, говорілъ постоянствомъ велікімъ и совѣстію и лицемъ отрицался всего, яко азъ проціву Царю владыцѣ моему нічего не умышлялъ, о семъ готовъ есмь на мученіе. Егда же Філотъ на всѣхъ зря, увідѣлъ нѣкоего именемъ Калїша не далече стояща, начатъ его къ себѣ прізывати, рече паки къ нему Філотъ: даси ли ты Дімітрію ложъ творіти, мене же паки на муки взяти, Калїшъ поблѣднѣлъ и оцепенѣлъ. Македоняне же чаяли, яко Філотъ неповіннаго хощетъ оклеветати зане ніже Нікомахъ, ніже Філотъ на мученіи пріпомянулъ его: но Калїшъ відя яко его окружїли рече: Дімітріи азъ, хотѣли дѣло тое совершіти. Тѣмже всѣхъ отъ Нікомаха наіменованыхъ каменіемъ побїли, знакъ давше по закону отцевъ своіхъ.

Алеѯандръ избавїлся, не токмо отъ погібели здравія, но и жітія; зане Парменіи онъ и Філотъ началнѣішіе друзи, безъ суда всего воінства не могли быти казнімы. И тако сыскано было дѣло сіе чрезъ испытаніе, Філотъ донелѣже неповінїлся, вси чаяли безвінно мучіма быти: егда же сказалъ віну свою, и друзи его не пожалѣли.

КВІНТА КУРЦІА

КНІГА СЕДМАЯ.

СОБРАНІЕ ВЕЩЕЙ КРАТКОЕ.

1. Царь Алеѯандръ, тщїтся смерти предати Лїнкеста царственныхъ ради дѣлъ; потомъ истязуетъ Амїнта и Сїмма друзеи фїлотовыхъ оправданїе прїносящїхъ.
2. Амїнту и братїямъ его мїлость являетъ Алеѯандръ а Палїдама посылаетъ въ царство Мїдское, да предастъ смерти Парменїа, отъ него же проїзыде бунтъ.
3. Многїя народы покорїлъ Алеѯандръ, и Кавказы въ седмьдесятъ днеи перешелъ.
4. Бессъ о воїнѣ на Алеѯандра совѣтуетъ во время вечери, по совѣту же нѣкоего премудраго Кобара именемъ, на брань не идетъ: въ то время Алеѯандръ въ Бактрїанскую страну пошелъ, тамо гдѣ прїиде къ нему вѣстникъ возвѣщая о бунтахъ Греческїхъ, и о Сатїбарзанѣ, яко убїтъ на единѣ бїющся.
5. Воїско Алеѯандрово не имѣя чїмъ пїтатїся, преходитъ чрезъ рѣку Оксъ хїтростїю воїнскою. Бесса чрезъ измѣну плененаго ко Алеѯандру прївели. Алеѯандръ же предаетъ Оѯїтру брату Дарїеву, да предастъ его смерти.
6. Алеѯандръ многїя грады разоряетъ, по проїзволенїю супостатъ и Македонянъ, градъ Алеѯандрїю надъ Дономъ рѣкою созїдаемъ.
7. О воїнѣ съ Татарами, Алеѯандръ немощствуя отъ язвы, совѣтуетъ съ своїми бояры. Арїстандеръ волхвъ по изволенїю Алеѯандрову, паки пророчествуетъ. Менедїмъ съ двѣма тысящами пѣхоты, и съ тремя сты конницы отъ Спїтамїнъ и Даховъ хїтростнымъ утаенїемъ побѣждается, Алеѯандръ сїе съ велїкїмъ тщанїемъ, отъ прочїхъ таїлъ.

8.

8. Егда воїнство уготовлялося на брань, Татарскїя послы пріішли къ нему, мира просяще.
9. Алеѯандръ отпустївъословъ, чрезъ рѣку переправляется донь. брань съ Татарами творітъ, и побѣдївъ, являетъ имъ мілость.
10. Сігдїановъ благородныхъ сердце не преодолѣнное, бессъ казнь пріемлетъ. Новыми ратными умножается воїско Алеѯандрово.
11. Градъ на горѣ каменныи наріцаемыи Петра, пространныи и крѣпкїи sѣло, Алеѯандръ прінудїлъ предатїся.

Якоже на измѣну Філотову взірающо воїнство Алеѯандрово, достоїно казнїма быши его разумѣли. Тако потомъ, егда его не стало, сгоже ненавїдѣли, ненавїсть въ мілосердїе премѣнїли. Наіпаче подвїзала ихъ честность юноши, старость отца его и сїротство. Первыи Царю во Асїю путь показалъ, всѣхъ его бѣдствъ прічастнікъ, всегда во брани другое крыло управлялъ, Філіппу паче всѣхъ другъ, и самому Алеѯандру тако вѣренъ, яко не инаго себѣ слугу избралъ, еже убіши Аттала, тое все воспомінаше себѣ воїнство. Тамже Алеѯандръ слыша бунтъ, ни мало оскорбілся, но аки благоразумныи печаль сію праздень сыи упражденіемъ лѣчілъ, повелѣ, да бы вси предшатерѣ его собралісѧ. И видя сошедшіхся рѣчь предлагалъ имъ. Ни въ чемъ не усумнѣваяся глагола къ німъ: желая, да Лінкестїа Алеѯандра представятъ, которыи давно, еще прежде Філоша хотѣлъ его убіши.

Два

Два о немъ возвѣстїли [якоже прежде речеся] и третіе лѣто уже было въ темнїцѣ ему сѣдящу. Тои съ Павсанїемъ согласїлся Фїлїппа убїти, о томъ истїнное извѣстїе было. Но яко первыи Царя Алеѯандра прївѣтствовалъ, того ради паче казни, нежели вїны свободїлся. Такожде Царь моленїемъ Антїпатра дяди его, гнѣвъ свои укротїлъ. Но память прежняго бѣдства, нынѣшняя печаль возновїла. Тѣмже прївели Алеѯандра Лїнкеста изъ темнїцы, которыи хотя и три лѣта размышлялъ, како бы оправдатїся; однакожъ отъ боязни и страха мало нѣчто предложїлъ во оправданїе. Напослѣдокъ же въ ужасъ пришелъ и оцепенѣлъ. Тогда вси познали, что страхъ тои совершенныи знакъ былъ злыя его совѣсти а не изступленїя. Сего ради блїзъ его стоящїи въ безпамятствѣ сущаго, копїями закололи, егоже тѣло Царь изнести повелъ, а на его мѣсто прївести Амїнту и Сїмма: понеже Полемонъ меншїи братъ услышавъ испязуема Фїлота и мучїма, убѣжалъ.

Сїи были паче всѣхъ другова Фїлоту вѣрнїи, и въ велїкїя и честныя чїны, его заступленїемъ пожалованы, памятовалъ же велми о томъ Царь Алеѯандръ, что они премного союзны съ Фїлотою были. И не сумнѣвался о томъ, что они о умыслѣ его извѣстны были. Тѣмже, хотя имѣлъ обличенїе на нїхъ,

на нїхъ, по извѣту матере своея чрезъ грамоты, да отъ нїхъ здравїе свое хранитъ: обаче инако чаялъ, тогда же явныя имѣя знаки, велѣлъ ихъ связати. Зане никто не усумнѣвался о томъ, что съ Фїлотомъ въ совѣтѣ таїномъ были, за день бо прежде объявленїя о бунтѣ братъ убѣжавыи, (егда во и стязанїи былъ Фїлотъ), явленно сказалъ, чего ради убѣжалъ. Прежде бо мало чрезвычано, аки бы службу свою изъявляя, егда прочїи отъ Алеѯандра стояли далече, а они бліже къ нему стали. Удївляяся же Алеѯандръ, что не во свое время и дневанїе, сїе послуженїе чїнїли, суще трепетомъ обдержїми, которымъ и самъ Царь устрашївся, къ гвардїи блізъ его стоящеи отшелъ. А наїпаче егда днемъ прежде объявленїя о бунтѣ Фїлотовѣ, Антїфанъ коннаго воїска пїсарь говорїлъ Амїнтѣ, да бы по обычаю кони своя далъ не имущымъ: онъ же гордостно отвѣщая ему, аще [рече] не прїстанеши, говорїти, скоро узнаешъ, кто я. Тѣмже языкъ и словеса, имїже облїчали его, нїчто ино токмо злаго намѣренїя прїзнакъ и свїдѣтелство, еже аще истїнна есть, то достоїни казни, якоже и Фїлотъ, аще же ни, то да оправдятся. Представїли прежде Антїфана, онъ же сказалъ, что коней не далъ, и гордостно хвалїлся. Потомъ Амїнтѣ велѣли

оправданіе пріносіти: которыи тако сказалъ.

Аще не царственное какое дѣло, молю да разрѣшатъ мя отъ узъ, донелѣже говоріть буду, да буду свободенъ. Обоїхъ Царь велѣлъ развязати, попросівшу же оружія воінскаго Амінтѣ, копіе повелѣ дати, которое лѣвою рукою взявъ, а съ мѣста, гдѣ лежало тѣло Алеѯандра Лінкеста, выступя, рече: Царю, каковое намѣреніе наше есть и было, объявімъ аще счасліво, должни тебѣ будемъ, аще же ѕлосчастно, не счастію прічтемъ, насілствія не имѣемъ во время оправданія, свободно тѣло и душу имѣемъ, оружіе воінское, якоже вслѣдъ тебе обыкли ходіти, къ намъ возвратілъ. Віны боятіся не будемъ, счастію сіе пріпісуемъ. Молю тя: повели о томъ прежде отвѣщати, что ваше велічество предложілъ на послѣди. Царю, нѣсть нашеи таковыя віны, еже бы мы престолу твоему навѣтъ навѣтовали. Я бы рекъ, [аще бы не было бѣдство] что ты издревле побѣжденъ завістію, будто бы ласкателнымъ сладкоречіемъ иное дѣло [достоїное казни,] відішіся утоляти. Но аще кого отъ воіновъ твоїхъ, или на пути утомленаго, или на бою бѣдствующаго, или въ шатрѣ немощствующаго, и язвы лечащаго, каково бы слово жестоко прінялъ. Однако же за службу нашу воінскую, мы того не были бы не достоїны,

еже

еже бы на наше злосчастное время, а не на насъ самыхъ вїну ты положілъ. Аще злополучіе наїде на насъ, вси вїновны натѣло свое, которое хотя намъ любезно, однако враждебныя подъїмемъ руки. Аще и отцы чадамъ тогда предстануть, непрїятны и ненавїдїмы будутъ. Такожде отъ противнаго, егда насъ дарами почїтаютъ, егда мздою обременены возвращаемся; кто нерадостенъ, и кто можетъ то веселїе удержати? Людеи воїнскїхъ ни гнѣвъ ни веселїе постоянства не имѣетъ. Всякїмъ случаемъ послѣдуемъ, хулїмъ, и хвалїмъ, мїлосердствуемъ и гнѣваемся, якоже тогда сущее время позоветъ. Овогда хощемъ до Індїи, и до моря Окїана, а овогда жены и чада на память намъ прїходятъ; обаче оныя мысли и совокупныя рѣчи окончаваюпся знакомъ данымъ трубою; ибо во своя шеренги всякъ тогда бѣжитъ, и каковъ въ шатрѣ ропотъ израстетъ, сїе все на главу непрїятелскую излївается. О да бы фїлотъ єдїнъ шокмо въ словахъ погрѣшілъ.

Но азъ возвращаюся къ тому, въ чемъ мы обвїнены, въ томъ ли что дружбу имѣли съ фїлотомъ? не отрїцаюся того, но наїпаче, изъявляю, что искали мы въ немъ, и велїкую ползу отъ него прїяли. Или удївляешїся что Парменїонова сына, егоже ты вторымъ по себѣ быти изволілъ, едва не паче всѣхъ друзеи тебѣ любезнѣїша мы

почѣтали? Ты воістїнну самъ Царю [аще истїны хощеши слушати] того бѣдства вїновенъ. Зане, кто инъ то учїнілъ, что мы къ Фїлоту прїбѣгали, которые себѣ мїлости твоея желали того ходатаїствомъ до сего степене мїлости твоея проїзошли. Тои былъ у тебе, егоже мы мїлости, искати, а гнѣва боятїся должни были. Не вси ли [егда самъ прежде реклъ еси, и мы по тебѣ] кляліся тебѣ, что хотя непрятели, хотя друзеи, тѣхъ имѣти будемъ, которыхъ и ты?

Тою кляствою твоею и нашею утверждени, врази ли мы могли быти тому, котораго ты самъ паче иныхъ предпочѣталъ? Аще сїе измѣна есть, ты мало невїнныхъ имѣеши, наїпаче же [свѣдѣтель ми богъ] нїкого. Ибо вси мїлости Фїлотовы искали, и вси ему друзи быти желали, хотя и достїгли желанїя своего. Тако аще съ бунтовщїками купно и други прїчїтаеши, а друзеи отъ бунтовщїковъ не отлучаеши, которые такожде о томъ тщалїся. Тѣмже кои прїзнакъ бунту на насъ изъявляется? Я чаю что єдїнымъ днемъ прежде того, любовно, и на єдїнѣ, купно между собою вы розговарївали. Но я не могъ бы себе оправдїти, хотя бы и прежде єдїнаго дне дружество съ нїмъ премѣнілъ. Нынѣ же егда тако при немъ, въ тои день облїченїемъ наносящїи

былъ,

былъ, якоже и всегда прежде обычаи оправданіе пріносіти. А конеи Антіфану не далъ, что учінілося днемъ єдінымъ прежде объявленнаго Філотова бунта. Но тои хотя на насъ тѣмъ уліки и предлагаетъ, что въ тои день конеи не дали, самъ не можетъ тѣмъ оправдітіся, что ихъ просілъ. Равная воістінну вїна между недающімъ и хотящімъ взяти. Развѣ легчае есть вїна, своего недающему, нежели просящему чуждаго. Царю, я имѣлъ конеи десять, отъ которыхъ Антіфанъ роздалъ осмь не имущімъ своїхъ, а двоїхъ себѣ оставілъ, которыхъ егда отъ мене хотѣлъ взяти. Сеи человѣкъ прегордъ воістінну, и sѣло неправеденъ, не восхотѣлъ я ему отдати, того ради, да бы самому мнѣ не пѣшему служіть. Не отрїцаюся и того слова, что сказалъ, какъ свободныи дворянінъ къ бездѣлному, которыи воінскои своеи службѣ за велїкое дѣло вмѣнілъ, еже бы свободно ему было между воіны, чуждыхъ конеи раздавати. На сїе прішелъ я sлополучіе, что словамъ моімъ во єдіно время, предъ Алеуандромъ и Антіфаномъ оправданіе чініти. А еже мати твоя Олімпіада, о насъ якоже о навѣтнікахъ твоїхъ къ тебѣ пісала. Околь sѣло благоразумно учінїла, и печаль имѣла о тебѣ сынѣ своемъ, и неправедно извѣсніемъ руку помощи изъявїла!

но чего ради не изъявіла страха своего віны? и ни коего ѕла дѣла, что хотѣли мы учініти, но насъ помянувши тако ужасныя грамоты къ тебѣ пісала? О коль ніщетное и худое жітіе мое! Ибо равно ми есть не молчащу въ страхѣ быти, якоже и нічто глаголющу. Но якоже есть, тако да будетъ; обаче я хощу оправданіе мое предложіти нежели віну. Ты увѣси что объявлю: ѕѣло памятно тебѣ, егда ты въ Македонію ради воіновъ посылалъ меня, какъ мнѣ сказалъ, что при дворѣ матере твоея, есть много отъ службы укрываются. Того ради имѣли отъ тебе повелѣніе, да бы кромѣ тебе, ни которыи отъ иного мілости не смотрілъ; а которые не похотятъ служіти, тѣхъ бы прівесть къ тебѣ, что воістінну я и сотворілъ. И свободнѣе, нежели надлежало мнѣ, повелѣніе твое исполнілъ, оттуду прівелъ съ собою къ тебѣ Горгію, Гекатеа, и Горгата, которые и до днесь вѣрно, тебѣ Царю служатъ. Тѣмже что нынѣ, горше того, еда погібну неправедно что тебе послушахъ, достоино погіблъ бы, аще бы повелѣнія твоего не сотворілъ, ни мати твоя коея віны порокъ имѣющи на насъ, показуетъ, что паче женскія мілости возлюбіли мы твою пользу. Шесть тысящеи Македонянъ пѣхоты, и шесть сотъ конніцы

прівedохъ:

пріведохѣ: отѣ нїхѣ же болшая бы часть осталася дома. Аще бы азѣ не хотящїмѣ имѣ на брань ити соїзволїлѣ. Тѣмже яко она тоя ради вїны оскорбїлася на насѣ, ты умолїлѣ ю, зане ты на гнѣвѣ ся послалѣ насѣ.

2: Егда сїе Амїнта говорїлѣ, прішли тѣ, которые брата его Полемона, [о немже прежде речеся.] убѣгающаго достїгли, связанна прівели. Едва умолїли воїновѣ разѣяренныхѣ, да бы по обычаю своему не побїли его каменїемѣ. Но онѣ ни мало устрашївся, рече: я не прошу омнѣ, токмо что я убѣжалѣ, да не будетѣ то за повреждєнїе невїнности братїи моїхѣ. Сїмѣ ежели оправдїтїся немогу, да будетѣ вїна моя намнѣ. Ихже дѣло того ради лучшее есть, что опорочїлся я убѣжанїемѣ. Сїя ему изрекшу; вси тако соїзволїли. По томѣ начаша слезы отѣ очесѣ испущати, и тако вскорѣ гнѣвѣ Царевѣ на мїлосердїе премѣнїли, яко та самая прїчїна ему дарова помощѣ, коея ради имѣли погїбнути. Былѣ сеи юноша, во первомѣ возрастѣ вѣка своего, во время же розыска Фїлотова, вїдя иныхѣ ужасающїхся, самѣ убѣжалѣ. Егда же оставїша его соклевреты убѣгающаго, разсуждалѣ себѣ, возратїтися ли, или уходїти, тогда его поїмавѣ на судїще прівели. Онѣ же тогда начатѣ плакати горко, бїя лїце свое,

свое, не о себѣ печаль имѣя, но яко братїю свою въ бѣду прївелъ: возбудїлъ уже къ мїлосердїю не токмо Царя, но и воїнство; но едїнъ отъ братїи непреклоненъ былъ, которыи зря на него, немїлостївно рече: безумне въ то время почто ты не плакалъ, егда убѣжалъ, измѣннїче братїямъ, и измѣннїкамъ друже? Ѕлодѣю, куды, и отъ чего бѣжанїе твое было? Сїе ты сотворїлъ, да бы смерти преданъ былъ? я на тя вїну излагаю. Онъ же отвѣща, согрѣшїлъ я, наїпаче протїво васъ братїя моя, нежели протїво себѣ. Тогда ни слезъ, ни рыданїя утолїти могли, мїлосердїя вопль предлагая, едїнъ весма гласъ былъ всѣхъ: да неповїннымъ и храбрымъ людемъ сїмъ прощенїе Царь даруетъ. Такожде и друзи Царскїе умїлосердївся, скоро воставше плачущеся Царя молїли. Тогда Алеѯандръ повелѣвъ всѣмъ молчати, самъ же рече, повелѣнїемъ моїмъ Амїнту и братїю его свободныхъ творю. Вы же тако о мнѣ разумѣїте, что хощу, да бы добродѣтель мою паче, нежели бѣду сїю въ памяти имѣли. Сїцевою вѣрностїю въ любовь обходїтеся со мною, какъ и я съ вами обхожуся. Аще бы доносъ о васъ былъ мнѣ о томъ, что совѣтъ имѣли съ прочїми бунтовщїками, всегда бы азъ имѣлъ на васъ пореченїе. Но всегда оправдїтїся лучше есть, нежели быти порочнымъ,

вѣдаїте

вѣдаїте, яко нїкто можетъ быти свободенъ предъ судомъ, токмо кто оправдается.

Ты Амїнтъ брату твоему отпусти, буду же сїе имѣти вмѣсто залога сердца твоего, что со мною ты прїмїрїлся. И тако воїнство отпустївъ повелѣ прїзвати къ себѣ Полїдаманта, любїлъ бо его sѣло Парменїонъ, и всегда во время брани при немъ былъ. Въ то время аще и надеженъ въ невїнности своеи, въ палаты къ Царю прїшелъ. Обаче егда ему велѣли братїю свою, еще юныхъ, и Царя не знающїхъ прївести, оную свою надежду премѣнївъ въ печаль, начатъ ужасатїся паче размышляя, да бы сїе неповредїло ему. И уже бо воїны по повелѣнїю, братїю его прївели, тамо ему едва жїву отъ ужаса стоящу. Царь ему блїже прїступїти повелѣ, а прочїмъ отступїти, и рече къ нему: измѣна Парменїонова всѣхъ насъ къ печали прївела, а наїпаче меня и тебя, и образомъ дружества обманула насъ, егоже казнїти [вїждь како тебѣ вѣрю] чрезъ тебе умыслїлъ я. Закладъ вѣрности твоея, донелѣже сїе учїнїшъ, братїя твоя у мене будутъ, поїди во страну Мїдскую, и къ воеводамъ моїмъ грамоты отъ мене рукою моею напїсаныя отвези. Вскорѣ надобно исполнїть, да бы упередїть тебѣ вся здѣшнїя вѣсти. Хощу да нощїю тамо станеши, на утрїе же

напїсаная да исполнїши, отнеси такожде грамоты и къ Парменїону, єдїну отъ мене, а другую именемъ фїлотовымъ пїсаную, а его печатъ у меня. Тако егда отецъ отъ сына пїсаніе и тебе увїдїтъ, ни вчемъ будетъ опасенъ. Полїдамантъ же отъ того страха свободенъ бывъ, съ болшїмъ прїлѣжаніемъ, нежели надлежало обѣщался сотворїти. Тѣмже отъ Царя похвалу прїявъ и дары, совлекъ одежду съ себе, облекся во Аравїтскую. Двоїхъ Аравлянъ дали ему въ товарыщы на путь, жены же ихъ и чада въ залогъ лутшїя вѣрности взяты къ Царю, побѣжали на Верблюдахъ, чрезъ степи мѣстами сухїми и безводными, въ єдїнонадесятыи же день на мѣсто намѣренное прїѣхали. Полїдамантъ убо прежде вѣдомости прїшествїя своего, паки облекся во одежду Македонскую, и прїшелъ въ шатеръ до восхода Солнечнаго къ Клеандру, которыи тамо былъ воевода Царевъ, и тамо отдавъ грамоты, совѣтовалъ, да бы скоро на восходѣ Солнечномъ къ Парменїону ишли, зане и къ инымъ имѣлъ грамоты отъ Царя. Прїходящїмъ уже собратїся къ Парменїону по согласїю Полїдаманта, о его прїѣздѣ ему возвѣстїли, онъ же радуяся о прїшествїи его, аки друга своего, желая извѣстїтїся, что Царь дѣлаетъ [зане многое время грамотъ отъ Алеѯандра не имѣлъ] велѣлъ сыскати Полїдаманта

[Жїлїща

[Жілїща вѣ тои странѣ имѣютъ кругомъ себе мѣста пространная, и сѣло веселая отъ дубравъ нарочно насажденныхъ, и въ томъ наїпаче Царіе и боярѣ прохлажденіе свое имѣли веліе.] Тамо въ то время Парменіонъ прохлажался съ двѣмя полководцами, имже Царь чрезъ грамоты повелѣлъ да убіютъ его. Время же дѣлу тому назначїли, егда Парменіонъ грамоту взявъ отъ Полїдаманта начнетъ чїтати. Тѣмже Полїдамантъ изъ далече, егда его увїдѣлъ Парменіонъ, веселымъ лїцемъ ко обьятію его скоро поспѣшалъ, прівѣтствованіе же себѣ совокупно сотворівъ, грамоту отъ Царя вручїлъ. Парменіонъ грамоту разпечатавъ вопросілъ, что Царь управляетъ? Онъ же отвѣща: изъ самыя грамоты увѣси. Прочетъ же рече: Царь уготовляется на Арахазовъ, аки воінскіи человѣкъ, нїкогда празденъ хощетъ быти, но уже время здравію опочїти, толь велїкую славу обрѣтшему. Вторую же грамоту именемъ Фїлоты, [якоже съ лїца познавался,] весело чїталъ. Тогда Клеандръ мечемъ проводе его въ бокъ, по томъ въ шею ударілъ: протчіи же по томъ аіще и умерша уже кололи. Гвардія же его извѣстівшіся о убіенїи, прічїны не слыша, въ обозъ прібѣжали, гдѣ всѣхъ воіновъ печалною вѣстію возбудїли, и тако въ ту дубраву, гдѣ убіиство учїнілося, вооруженны

пріішли. И учали крічати; аще намъ Полідаманта и прочіхъ убіицъ не отдадіте, стѣны, иміже сія дубрава обведена, до основанія разорімъ, и кровію злодѣіныхъ людеи, за душу полководца нашего, богамъ жертву пріінесемъ; Клеандръ же началнѣішіхъ пустіити велѣлъ, по томъ грамоту отъ Алеѯандра пісанную къ воінству прочелъ, въ неіже Алеѯандръ всѣмъ извѣстно учінілъ о бунтѣ на здравіе свое, и молітъ да дадутъ ему руку помощи. Тѣмже познавше волю Цареву, не токмо негодованіе, но и бунтъ укротілся. И не мнози осталіся [едва бо не вси разбѣгліся] которые молілі, да бы токмо тѣло его погребсти велѣли, многое время возбраняль имъ Клеандръ, бояся да бы непрогнѣвалъ царя. Но егда начали тѣло его молііти, онъ опасаяся бѣдства, даде имъ тѣло погребсти, главу же отсѣкъ, ко Алеѯандру послалъ.

Таковъ былъ конецъ Парменіоновъ, въ дому во время мира; и на воінѣ честна, и славна мужа, много безъ Царя, благополучно учінівша. И Царь безъ него ни какова дѣла не вершілъ; благополучному Царю, вся благая счастія своего желающему, какъ надлежало семдесятъ лѣтъ имѣя исполнялъ службу свою, которыи въ младомъ вѣцѣ своемъ и полководецъ былъ, многажды же и въ простыхъ салдатахъ служілъ, въ совѣтѣ Сенаторъ честныи,

на воінѣ

на воінѣ воінъ храбрыи, Царю иблїжнімъ любезныи, простому же народу любезнѣїшіи. Истїнное ли имѣлъ желаніе владѣнія, или токмо пореченіе было на него, всякъ о семъ вънедоумѣнїи. Зане Фїлотъ країнїми муками преодолѣнъ, истїнну ли сказалъ, нанюже нїкакова свїдѣтелсіва небыло, или конца мукамъ своімъ желая, тако сказалъ, еще и вѣ што время, егда извѣстнѣїшая прїчїна имѣла быти, сумнїтелно было.

Алеѯандръ же тѣхъ, которые гонїтели были на Парменїона, во едїну роту совокупїлъ, давъ имъ полководца Леонїда, и тои нѣкогда былъ країнїи другъ Парменїоновъ. Были сїи и самому Царю ненавїдїми. Зане, егда въ нѣкое время хотѣлъ воінства своего вѣрности и истїнны искусїти, велѣлъ между всѣми сказати тако, аще кто восхощетъ послати грамоты въ Македонїю къ своімъ, чрезъ почту Царскую sѣло вѣрную посылалъ бы. Тамо вси по истїннѣ пїсали како кому подобало, былъ инымъ Алеѯандръ жестокъ, прочымъ же непрїятна служба была. Онъ же сїце благодарныхъ и дружныхъ, якоже и протївныхъ взявъ грамоты прочїталъ, которые о отягченїи службы жалобу предлагали. Того ради укоряя ихъ особно отъ иныхъ, велѣлъ имъ имѣти, и во обозъ стати, хотя ихъ на болшіи

страхъ и погібель представіти, и языкъ невоздержаный укротіти, ушесамъ скорыя вѣры не давати. Мнітмісѧ яко тои совѣтъ неразсуденъ, понеже тѣхъ воіновъ младыхъ укорізна раздражіла, счастіе токмо Царево, якоже и прочая сохраняло. Нікто изъ тѣхъ ко брани имѣлъ охоту, мужество ихъ и вожделѣніе и попраніе срамоты прінуждаше, и зане відѣли въ малои ротѣ воінскія дѣла и службы, нікоімъ подобіемъ ушасны быти могли.

3. То все Алеѫндръ устроівъ, и Аріаномъ воеводу давъ, пушь ко Аріспомъ велѣлъ сказати, ихже въ то время имя перемѣнівъ Евергетами нарекъ. Зене нѣкогда Кіра царя воіско мразомъ и гладомъ ушомленое, въ домы своя пріяли и препітали. Въ пятыи день по прішествіи своемъ въ то государство получілъ вѣсть, яко Сатібарзанъ, которыи къ бессу измѣнніку паки пріставъ, вторіцею съ воіскімъ коннымъ прішелъ до Аріевъ. И тако послалъ прежде Карана и Еріга съ Артабазомъ, и Адронікомъ давъ имъ 6000 пѣхоты Грѣческія, съ нѣми же было 600 конніцы, самъ въ шестьдесятъ дни государство Евергетское управілъ, многія имъ дары даде за учіненую добродѣтель Кірову, и воеводу имъ Аменіда [которыи у Дарія былъ пісарь,] оставілъ ко Арха-

ко Арахазамъ у Понтійского моря жівущімъ пошедъ подъ свое обладателство покорілъ. Тамо же воїско подъ управленіемъ Парменіевымъ бывшее взялъ, въ которомъ 6000 Македонянъ было, 200 дворянъ, 5000 Грековъ съ 200 конніцы, безъ всякого усумнѣнія сіла вся сія и крѣпость Алеѵандрова. Давъ Арахамъ воеводу Мемнона, ихъ ради защіщенія 4000 пѣхоты и 600 конніцы оставілъ, самъ Алеѵандръ вшелъ съ воїскімъ въ нѣкоторую страну ни окрестнымъ народамъ знаемую, зане жітели тамошніи, ни дружбою какою, ни добронравіемъ съ нїми зналіся. Тои народъ Паропамісады наріцается, народъ дікіи, и между тамошнїми народами Варварскіми, паче всѣхъ прочіхъ гнусныи, мѣста трудная и неудобоскаемая, таковыя имъ такожде и нравы учінілі. А жітіе ихъ на болшои части Полунощныя страны было студеныя, предѣлы ихъ на Западъ съ Бактріанами порубежніи; Полуденная ихъ страна даже до моря Індійскаго идетъ. Домы своя изъ кірпіча созідаютъ. А яко земля неплодная, древъ едва что имѣютъ. Того ради на голомъ верху горы полагаютъ основаніе, и даже до верха каменіемъ созідаютъ, съ нізу отъ основанія шіроко, къ верху же сколь выше столь уже, дондеже аки сводъ сводятъ мало не чрезъ весь, напослѣдокъ подобіемъ дна лодіи, или яковаго судна

совер-

совершаютъ. Тамо окно оставївше, свѣтъ сверху имѣютъ. Лѣторасли и древа, которыхъ бы морозъ не повреділъ, до половіны землею покрываютъ. Во время же Зімы со всѣмъ и свершінами покрываютъ. Егда же снѣгъ стаетъ, вся древа открывше, на Солнце показуютъ, бываетъ тамо глубокіи снѣгъ, и мразъ жестокіи, едва не безпрестанно, яко ни слѣдъ птічеи, ни звѣрінын вїдімъ есть, мракъ темныи, нощи паче подобенъ, нежели свѣтлости Небесныи; покрываетъ землю такъ сѣло мрачно, яко изъ бліска, едва что предстоїмо узріши. Обаче воіска на тои пустынѣ такъ сѣло скуднои въ потребахъ человѣческіхъ, едва токмо возможе нужду понести, претерпѣ неізобілїе, стужу, утомленіе и отчаяніе. Мнози померли отъ необыкновеннаго имъ, такъ велікаго и несноснаго мраза и снѣга, многімъ ноги отмерзли, многімъ же очи повреділо, зане утомлени такъ на голомъ льду лежали, не двіжущеся отъ мраза оцепенѣли, которые потомъ ни востати могли, подымали ихъ товарыщи. Инаго же врачевства не было, токмо прінуждали ихъ ходіти, тогда напослѣдокъ прінужденни ходіти, и тако естественно теплотою начали уды согрѣвашіся: а которые могли внїти въ домы Паропамісадовъ, вскорѣ отогрѣліся, но таковая темнота и сіце мрачно было Небо, яко тѣхъ домовъ ихъ

нікоімъ

нїкоїмѣ образомѣ возможно было вїдѣти токмо дымѣ. Тые Парапомїсады, нїкогда прежде, нїкого вѣ земли своси чужда прїходяща вїдѣли. Егда же не начаянно увїдѣли людси вооруженныхѣ, сѣло устрашїлїся, и что имѣли у себе отдавали, моляще да жївотѣ имѣ даруютѣ. Царь вездѣ пѣшѣ ходїлѣ, нѣкїихѣ лежащїхѣ на земли поднїмалѣ, прочїхѣ же едва итти могущїхѣ, самѣ велѣ. Иногда кѣ первымѣ знаменамѣ, иногда вѣ средїну воїска, иногда вѣ послѣднїя роты, трудовѣ не жалѣя переходїлѣ. Обаче кѣ лучшему мѣсту прїшли, гдѣ вси изобїлїемѣ плодовѣ всякїхѣ пїтающеся укрѣпїлїся. Прочїи же которые не могли поспѣшїти купно, не скоро вѣслѣдѣ ихѣ прїшли. Оттуду воїско поїде до горы Кавказа, которая нераздѣлно лежащи раздѣляетѣ Асїю, отѣ едїныя стороны на Море Кїлїкїиское, отѣ другїя на Каспїиское Море но узко, на Арауу рѣку, и на прочїя степи татарскїя простїраетсѧ. Таврѣ гора велїчїною второя совокупляетсѧ сѣ Кавказомѣ отѣ Каппадокїи начїнаетѣ свою высоту мїмо Кїлїкїи лежїтѣ, и сѣ горами Арменскїми соединяетсѧ, и много горѣ между собою, аки нераздѣлно совокупленныхѣ имѣютѣ, и таковѣ хребетѣ, откуду едва не вси рѣки Асїискїя истекаютѣ, иныя вѣ Чермное море, прочїя же во Ірканское и Понтїиское устїями

своїми впадаютъ. Воїско въ седмьнадесять дньи перешло кавказъ, имѣетъ та гора камень кругомъ шїріною въ десять попрѣщъ, вышїною же четыре. Пїшутъ древнїе лѣтопїсцы о Промѣосе, что у того камня былъ прїкованъ? Избралъ же Алеѫандръ мѣсто при самои тои горѣ, ради созданїя града, и седмь тысящъ Македонянъ старыхъ воїновъ. (которыя уже служїти не могли,) собравъ велѣлъ имъ во градѣ новосозданномъ пребывати, жїтели тамошнїе нарекли тои градъ Алеѫандрїю.

4: Но бессъ Алеѫандровою скоростїю устрашенъ, богамъ отеческїмъ жертву прїнесъ, по обыкновенїю тамошнему, во время пїрованїя съ други и полководцы о воїнѣ начатъ совѣтовати. Пїяни тогда суще, сїлу и крѣпость его выхваляли вси, Алеѫандрову же упрямость и не многолюдное воїнство ни во что имѣли. А наїпаче бессъ дерзскорѣчївъ, злодѣйствомъ Государство взявъ, прегордыи, едва въ памяти своеи сыи, тако начатъ глаголати: за несогласїе Дарїево, Алеѫандръ прославїлся, понеже встрѣтїлъ Дарїа въ Кїлїкїискїхъ тѣснотахъ, могъ бы Дарїи отводомъ поїти, и [illegible] продерзаго Алеѫандра, въ пустая мѣста и не проходная, ко многїмъ рѣкамъ, и многїмъ горамъ прївести; гдѣ бои съ нїмъ давъ Алеѫандръ, ни уходїти, ни помощи себѣ учїнїти возмогъ бы.

А я хощу

А я хощу въ Согдіанскую страну итти, тамо на него вмѣсто защищенія мнѣ будетъ рѣка Оксъ, донелѣже соберутся ко мнѣ болше на помощь изъ иныхъ предѣловъ. Тамо ко мнѣ пріидутъ Хорасмы, Дахи, Саки, Індіане, и Татары, за рѣкою Дономъ живущіе, отъ нихже нѣсть такъ малаго, которыи бы плечами своими до верха главъ Македонскіхъ не досталъ. Тогда закрічали вси піяніи, добръ и здравъ совѣтъ сеи: бессъ же доволно вина всѣмъ подносіти велѣлъ, аки бы при томъ банкетѣ Алеуандра и побѣділъ. Былъ же при тои бесѣдѣ єдінъ именемъ Кобаръ, родомъ Мідянінъ, волшебскои наукѣ искусенъ [аще въ то время каковая иная наука, якоже сія была въ поношеніи и въ поруганіи] обученіемъ же паче нежели ученіемъ честенъ, кромѣ того, сміренъ и добръ человѣкъ. Сеи рѣчь сіцеву предложілъ; вѣмъ яко рабу сѣло полезно есть повелѣнная творіти, а не совѣтовати. Понеже которые сія творятъ, по томъ за єдіно съ прочіми, когда сбудется, терпятъ: совѣтующіи же себѣ пагубу уготовляютъ. бессъ чашу въ рукахъ держімую даде ему, онъ же пріявъ оную, паки возвратілся къ намѣреннои рѣчи, и рече: Сіце и натура человѣческая можетъ неправою быти нареченна, понеже всякъ въ дѣлѣ своемъ собственномъ, не тако прозорлівъ есть, якоже

въ чуждомъ. Нечїсты тѣхъ совѣты, которые сами себѣ совѣтуютъ. Инымъ бо боязнь, а прочымъ желаніе: нѣкогда же вещеи помышляемыхъ любовь возбраняетъ. Въ тебѣ бо воїстїнну нѣсть гордости. Искусенъ ты въ томъ, какъ кто самъ у себе что изобрящетъ, тои имѣетъ въ мѣсто совѣта весма добраго. Тяжкое бремя носїти на главѣ твоеи, вѣнецъ Царскїи, сего или тебѣ подобаетъ смїренно носїти. или (чего не желаю) наїдетъ на тя, бѣдство. Совѣтомъ а не скоростїю надлежїтъ дѣла совершати. Рече о томъ тоїже Кобаръ пословїцу бактрїанскую, которую вси употребляли. болше песъ боязлївыи ластъ, нежели кусаетъ; и рѣки ѕѣло глубокїя, тїхо весма текутъ. (Азъ сїе все [глаголетъ Курцїи] того ради напїсалъ, да бы не умолчати кое остроумїе въ томъ простомъ народѣ могло обрѣтатїся.) Таковою рѣчїю Кобаръ всѣхъ удержалъ, по томъ совѣтъ бессу полезныи нежели прїятныи начатъ предлагати, и рече: се уже въ предверїи палатъ твоїхъ Царскїхъ, удївїтелно скорыи Алеѯандръ стоїтъ.

Прежде онъ воїско свое подыметъ, нежели ты сеи столъ. Нынѣ къ дону ради рашныхъ пошлетъ оружїе, рѣки предлагая, аки бы тѣмъ путемъ, имже уходїти будеши, Алеѯандръ гонїти немогъ.

Путь

Путь обоімъ общїи, а побѣдїтелю надежнѣе. И аще страхъ мнїши быти, аки охотнѣїшїи и мужественнѣїшїи, но обаче скорѣїшая сего надежда. Чего ради отъ сїлнѣїшаго мїлости не ищеши, и не предаешїся ему? Какъ можешъ съ нимъ смїрїся, лучшее бы ты счастїе имѣлъ въ подданствѣ его будучи, нежели непрїятелемъ. Чуждое держїши Царство, безъ котораго удобнѣе можеши жїти. Мнїтмїся, яко испїнныи въ то время будеши Царь, егда тя онъ возведетъ, которыи сїе и дати и взяти можетъ. Се имаши испїнныи совѣтъ, егоже болѣе предлагати излїшнее дѣло есть. Избранныи конь, сѣнїю отъ палїцы управляется, лѣнївыи же ни отъ шпоровъ. Но бесъ и отъ прїроды и отъ пїянства такъ на него разъярїлся, что ежели бы друзи не удержали его, Кобара убїлъ бы, [извлекъ мечь] изыде изъ бесѣды аки мало нѣчто разума имѣя, Кобаръ такожде во время смятенїя скрылся, и ко Алеѯандру убѣжалъ.

Осмь тысящъ имѣлъ вооруженныхъ бактрїанъ бесъ, которые донелѣже чаяли, что Македоняне ради лучшаго воздуха, лучше въ Їндїю поїдутъ, были бессу послушни, егда же услышали что Алеѯандръ идетъ къ нимъ, всякъ въ домы своя, оставя бесса, убѣжали. Онъ же съ тѣми которые ему были вѣрнѣе чрезъ рѣку Оксъ переплывъ, суды

на которыхъ переправлялїся, да бы Алеѯандръ не переплылъ ими, сжегъ: и новое воїско въ Согдїанскои странѣ собралъ. Алеѯандръ уже перешелъ Кавказъ [якоже речеся.] Но такая скудость была хлѣба, что едва не гладъ былъ въ воїскѣ его. Прочее сокомъ изъ древа Сезамы выбїтымъ, или изгнетенымъ аки масломъ уды мазали, но того соку ведро было по двѣсти по четыредесять ефїмковъ, меду по три ста по девятїдесятъ ефїмковъ, вїна ведро по три ста, а пшенїцы не обрѣшалося, или мало что было. Тѣ Варвары выкопали въ земляхъ глубокїя ямы, а называли тѣ ямы Сїрами, гдѣ хлѣбъ сохраняли, и тако таїно накрывше оставїли, да ни кто обрящетъ, кромѣ тѣхъ которые закопали. Тѣмже во оскудѣнїи сїцевыя пїщи, воїни рыбою и зелїемъ пїталїся, егда же начатъ и тое оскудѣвати, повелѣнїе имѣли скотъ разныи бїти на нїхже потребныя вещи на пути везли, и тѣмъ пїтанїемъ перешли въ бактры.

Въ Царствѣ бактрїанскомъ земля есть разная, на нѣкїихъ мѣстахъ имѣетъ древа и вїнограда зѣло добраго изобїлно: тучная, источнїки частыя напоеваютъ тую, гдѣ средняя тамо пшенїцу сѣютъ, послѣднюю на сѣнокосы оставляютъ. по нѣкїимъ мѣстамъ болшую часть того Царства, пески покрывали, суша велїя, гдѣ ни хлѣбъ

родїтся,

родїтся, ни человѣкъ отъ плодовъ какїхъ можетъ пїтатїся. Егда же вѣтры отъ Понтїискаго моря востаютъ, и лежащїи въ поляхъ песокъ возьемлютъ такъ, что издалече, аки нѣкїя горы вїдятся насыпаны. Того ради весь путь погїбаетъ. А которые идутъ по полямъ аки на мори нощїю по звѣздамъ зрятъ, и по ихъ бѣгу путешествуютъ, гдѣ едва не свѣтлѣйшая нощь, нежели день. И тако днемъ нїкто ѣхати не можетъ, зане прїзнака и дороги нѣсть. Денное же сїяніе, возмущеніе веліе на воздусѣ помрачаетъ, кто же въ тои вѣтеръ отъ моря востающїи въ полѣ обрящется, пескомъ его тѣмъ засыпаетъ, и тако погїбнетъ. По инымъ странамъ, гдѣ воздухъ лучшїи, многое множество человѣкъ и конеи изобїлно родятся. Тѣмже было коннїцы воїска бактрїанскаго 30000. Самая столїца бактрїанская стоїтъ подъ горою Паропамезомъ, рѣка же бактръ, отъ нея же градъ и царство нареченное, течетъ подъ стѣнами; тамо Царю съ обозомъ стоящу, прїшла вѣдомость изъ Грецыи, яко Пелопонїсяне, и Лаконяне отложїлїся. еще бо не были побѣжденни, въ то время, егда тїи шли съ вѣдомостїю.

Паки второе смятеніе и страхъ учїнїлся, прїшли вѣстнїцы иные, возвѣщающе яко Татары жївущїи за Дономъ рѣкою идутъ на помощь бессу. Въ то же

время

время вѣдомость такожде прїшла, что учїнїли Катанъ и Ерїгїи у народа именемъ Арїи, бѣглецъ Сатїбарзанъ былъ у нїхъ полководецъ: которыи вїдя что полезная была брань, и отъ обоїхъ сторонъ равная, къ первымъ шеренгамъ прїшелъ снявъ съ себе шлемъ удержалъ копеїщїковъ прїзывая на поедїнокъ, кто бы хотѣлъ съ нїмъ бои на едїнѣ дати, глаголя: яко безъ шлема хощетъ бїтїся. Тамо полководецъ воїска Алеѯандрова Ерїгїи не возмогъ утерпѣти прещенїю Сатїбарзанову, уже воїстїнну старъ былъ, но сердцемъ и тѣломъ сїленъ паче младаго храбръ, снявъ съ главы шлемъ свои, сѣдїну показуя рече; прїспѣ день, которыи или побѣдою или смертїю честнѣїшїи, каковыя други и воїны имѣетъ Алеѯандръ, покажу, болѣе нїчто глаголя, выѣхалъ протїву супостата. Вѣрїлъ бы еси что отъ обоїхъ сторонъ крїчали да престанутъ: по томъ разступїлїся на разно, не на конецъ тѣхъ случаевъ зряще, но своего счастїя. Понеже на чуждую погїбель устремїлїся: прежде верзе изъ далече копїемъ Сатїбарзанъ, отъ негоже Ерїгїи вмалѣ уклонївся главою, избавїлся. Самъ же шпорами стїснувъ коня, къ нему скоро прїскакалъ, и копїемъ въ гортань такъ его ударїлъ, что на сквозь прошло. Уже сваленъ съ коня еще протїво Ерегїю ополчался,

но Ерїгїи

но Ерігіи изъ гортани изторгнувъ копіе, паки во уста его прободе, тогда за древцо ухватівъ Сатібарзанъ, да бы скорѣя умеръ, самъ паче уязвілся. Воіни же его лішівшеся полководца своего, емуже паче отъ прінужденія, нежели, самоволно служіли: помянувше о добродѣтели Алеуандровои Ерігію предалісь. Тѣмже Алеуандръ былъ радостенъ, обаче о Спартанахъ печалілся, но велііимъ сердцемъ утерпѣвъ рече: прежде съ своіми намѣреніями показатіся не дерзнули, дондеже о мнѣ яко во Індію внідохъ, услышали. Пошелъ по томъ противо бесса и встрѣтілъ его Ерігіи, носящъ корысть отъ супостата взятую аки первое украшеніе и славу брани.

5; Тѣмже отдавъ царство бактріанское Артабазу, и корысть съ нѣкіими вои оставівъ, самъ съ охочіми полками, въ Сузіанскія степи вшелъ нощію идыи. Тамо ради оскудѣнія воды якоже речеся, прежде отчаяніемъ нежели вожделѣніемъ жажды распалілся. Чрезъ четыредесять верстъ, ни мало воды было, пески, лѣтніи жаръ разжігаетъ, которыя сгда разгорятся, всякая вещъ аки огнемъ сгараетъ и сохнетъ отъ безмѣрныя горячести земныя, туманъ востаетъ и Солнца відѣти не даетъ, поля же, подобіемъ моря глубокаго и шірокаго, відятся быти. Путь нощію легчаішіи есть, зане росою

и хладомъ утреннімъ тѣлеса охлаждалїся, во дни же жаръ начінающїися всю естественную мокроту поглощалъ, уста и внутренности весма пожїгаетъ. Тѣмже перво, бодрость сердца, потомъ тѣлеса начали унывати; нїкто же восхотѣлъ ни стати, ни на предъ ити. Нѣцыи отъ извѣстныхъ тоя страны научены, взяли съ собою воду: которою мало жажду утоляли, но егда умножался жаръ, паки жажда многая утомляла ихъ. Тѣмже сколько было масла и вїна людемъ давали: да бы сладостно напївшеся, жажды ни мало боялїся. Но отягощївшеся пїшїемъ, ни оружїя на себѣ нести, ни весма ити сами могли, благополучнѣйшїхъ чаяли быти тѣхъ, которымъ воды оскудѣнїе было, зане которые безмѣрно пїли, чрезъ блевотїну вся извергали. Царя тако печалнаго друзи обступїли просяще, да бы памятовалъ о себѣ, показующе ему, яко мужество сердца его токмо воїнству уже утомленному, помощь есть. Тогда два отъ тѣхъ, которые были посланны прежде, ради обрѣтенїя мѣста удобнаго обозу, несли въ двухъ сосудахъ воду, сыновъ ради своїхъ незнающе, что воїско ослабѣло отъ жажды. Егда случилося на встрѣчу Царю ити, єдїнъ отъ нїхъ воды въ чашу наливъ, которую съ собою носилъ, принесъ Царю, онъ же пріявъ вопросилъ.

Кому

Кому несете сію воду; отвѣщали, сыномъ, тѣмже отдалъ имъ тую чашу полную, [якоже взялъ] и рече: Ни самъ пїти, ни толь мало на всѣхъ раздѣлїти могу.

Идїте, и чїто ради своїхъ чадъ прїнесли, то имъ и отдаїте. Егда же въ вечеру до рѣки Оуа прїшелъ, но болшая часть воїнства не могла поспѣшїти. На превысочаїшеи горѣ, разположївши велѣлъ огни, да бы осталныя вїдѣли, яко не далече обозъ, а которые прежде съ нїмъ прїшли, и пїщею и пїтїемъ добрѣ укрѣпїлїся, повелѣ имъ да бы разныя сосуды воды налївше, къ своїмъ осталнымъ несли, тамо которыя чрезъ мѣру пїли, отдохнути немогуще умїрали, и болшая часть ихъ тако, нежели на брани погїбла. Самъ Алеѵандръ ни одежды съ себе совлекъ, ни пїщи и пїтїя вкусїлъ, токмо стоялъ на мѣстѣ, гдѣ воїско шло, и прежде за трапезу не сѣлъ дондеже все воїско не прїшло; и всю нощъ тую въ печали пребылъ не спя, и на ѵпрее не веселъ былъ, яко лодїи и бударъ никакїхъ не имѣли, ни мосту поставївши возможно было. Зане лѣсовъ тамо не было суши ради превелїкїя. Тѣмже таковъ совѣтъ учїнїлъ, егоже нужда шокмо показала. Мѣхи соломою наполнївъ рашнымъ роздалъ, на нїхже лежаще переплывали на другую сторону, которые первѣе переплыли, дондеже бы

другія переправіліся, стерегли, и тако въ шесть дней совсѣмъ воіскомъ на другую сторону рѣки перешелъ.

Уже имѣлъ намѣреніе итти проціву бесса, егда ему вѣсть пріишла, что въ Сузіанскои странѣ содѣялося, имѣлъ бессъ Спітамина друга, егоже паче всѣхъ иныхъ по истіннѣ почіталъ, обаче ни єдіна добродѣтель измѣнніка ублажіти могла, и нічто ему пріятно было, зане въ то время, ни кому что мнѣлося быти неправедно проціву бесса убіицы Царя и владыки своего.

Тои Спітамінъ удівітелную пріічіну имѣлъ о отмщеніи убіенаго Дарія: не измѣну и убіиство бессово, но токмо счастіе ненавідѣлъ, егда токмо услышалъ, яко Алеѯандръ Оксъ рѣку перешелъ, Датаферна и Катена, имже бессъ sѣло вѣрілъ, въ соклевретство пріялъ, и они паче обѣщаліся, нежели онъ просілъ ихъ, осмь юношеи храбрыхъ избравше къ себѣ, таковую измѣну учінілъ. Пошелъ Спітамінъ къ бессу, и на єдінѣ токмо самому сказалъ: получілъ азъ тое что Датафернъ и Катена хотѣли тя поімати, и жіва Алеѯандру отдати. Азъ ихъ саміхъ связавъ въ темніцѣ держу. бессъ такъ великою его дружбою, какъ вѣрілъ, обнадеженъ, иногда благодареніе воздавалъ, а иногда желаніе имѣлъ казніти ихъ,

пріѵести

пріѵести немедленно предъ себе велѣлъ. Но они аки связаны руки назадъ имуще шли, вели ихъ тые же, которые о всемъ о томъ вѣдали, и согласіе имѣли, тое дѣло совершіти, на нїхже бессъ жестоко воззрѣвъ воспалъ, не извѣстно, руками не дерзнулъ ли, но тые оставївше умышленіе, скоро обступіли его, хотя и не давался вязати, связали, и съ главы знакъ Царскаго чїна вѣнецъ сорвавше, одежду которую, между здобычею, убївъ Дарїа, взялъ, на немъ раздрали. Претя же имъ бессъ богами отмстїтелями измѣны; Сїе рекъ: не на Дарїа, егоже ради отмщеніе чїнїте, вашу измѣну показуете, но паче Алеѵандру побѣдїтелю пріятство являете, которому и непріятель самъ всегда помогалъ. [Немогу о семъ говорїти, что воїнство подало либы руку помощи бессу, егда бы вязатели не солгали, что то все по повелѣнію Алеѵандрову учїнїли, и тако еще усумнѣвающїхся ихъ, страхомъ укротїли.] Тѣмже всадївше его на коня ко Алеѵандру повезли. По сїхъ Алеѵандръ своїхъ воїновъ девятьдесятъ избравъ, которые того давно желали, въ домы своя отпустїлъ, и конніцъ даровалъ по двѣ тысящи златнїцъ, а пѣшїмъ по три тысящи, и указалъ имъ да бы оженїлїсь, и о наслѣдіи тщаніе бы имѣли. прочїимъ же благодареніе сотворїлъ,

которые на большее время отъ службы не отрекліся.

Тогда бесса пріѵели предъ него, Алеѵандръ же прішелъ во градъ малыи, гдѣ бранхіады жітели были. Егда же Ксеркс возвращался изъ Греціи, по повелѣнію его, оные бранхіады пошли въ Мілітъ, и капіще именемъ дідіміонъ разорілі, нынѣ же въ томъ градѣ жілище имѣютъ. Еще нравы отеческія въ нихъ обрѣталіся, но двоякімъ языкомъ глаголютъ, и пріродныи и иноземскіи языкъ повреділи. Тогда съ велікою радостію Алеѵандра пріняли, градъ и себе ему предавше, сего ради Мілезіановъ, которые у него были въ воіскѣ и служілі, велѣлъ пріззваши, но воіни его издавна имѣли отъ бранхіанъ обереженіе, и того ради даде ихъ имъ на проізволеніе, да бы или обіду отъ нихъ воспріятую, или породу дрѳвнюю, и сродство Греческое памятующе, что хотѣли съ нїми чінілі. Егда же не возмогли согласітіся, рече: буду азъ самъ судіши, и еже лучше то учінімъ. На утріе же прішедшымъ имъ къ нему, велѣлъ купно ко бранхіадомъ ишши. Тамо подъ градъ прішедъ, Самъ вшелъ съ малыми вооруженными вои, пѣхотѣ же окружіши стѣны градскія повелѣлъ, и знакъ давъ, градъ гнѣздо измѣнніковъ разорілі, жітелеи же до послѣдняго смерши предаши. Потомъ начали стѣны отъ основанія

превращаши,

превращати, да бы ни знака градскаго не было, зане и древеса їдоложертвенная, не токмо изсѣкли, но и со всѣмъ изкоренїли, да земля неплодна безъ корене будетъ. Что аще на самыхъ измѣнниковъ то предуспѣло бы, не мучїтелство, но казнь достоїная была бы: Тогда поїстїнѣ прародїтелеи своїхъ чада мзду воспрїяли, которыя нїже Мїлїта вїдѣли, не токмо Ксерху его отдали. Оттуду Алеѯандръ къ Дону рѣкѣ прїшелъ, гдѣ предъ него Бесса не токмо связана, но и безъ одежды нага прївели, держалъ его Спїтамїнъ на цепи, которая у него была на шѣе, и Персамъ и Македонянамъ было любезно на него зрѣти. Потомъ Спїтамїнъ сїце начатъ глаголати. И тебе ради и Дарїя, Цареи Владыкъ моїхъ, отмщенїе творя, сего мучїтеля господїна своего къ тебѣ прїведохъ, таковымъ образомъ поїмана, якоже прежде онъ сотворїлъ. Желалъ бы да бы на сїе Дарїи очи своя отверзъ, аще бы отъ боговъ подземныхъ возвратїлся, которыи толь жестокїя смерти недостоїнъ былъ, а сея радости воїстїнну достоїнъ есть. Алеѯандръ же Спїтамїна похвалївъ, обратїся къ Бессу и рече; коего звѣря свїрѣпость въ то время сердце твое овладѣла, егда ты Царя Великого твоего благодѣтеля, во первыхъ вязати, потомъ и убїти дерзнулъ: нотого

убїиства

убїйства мзду воспрїиметъ, прїсвоївъ себѣ ложное имя Царское. Тогда онъ не дерзая оправдатіся отъ убїйства, рече: Того ради прінялъ я на себя имя Царское, да бы весь свои народъ возмогъ поддати тебѣ, еже аще бы азъ не сотворілъ, то инъ Царствомъ овладѣлъ бы. Алеѯандръ же имѣя оберегателя здравію своему, Оѯїашра, Дарїева брата, велѣлъ ему прїступіти бліже къ себѣ, и отдаде ему Бесса, да уши и носъ обрѣзавъ, на древѣ его повѣсітъ, и Персяне изъ луковъ да разстрѣляютъ его, мертва же да храняшъ, да бы птїцы не растерзали его. Оѯїашръ же во всемъ пщанїе обѣщалъ имѣти: птїцъ же рече никто можетъ отгнати, якоже Катенъ отгонітъ, восхотѣ избранное свое въ томъ искусство извявіти, которыи такъ прімѣтно стрѣлялъ, что на воздусѣ летящую птїцу убївалъ, и понеже непрестаннымъ употребленіемъ лука, та наука можетъ быти не бѣло удївітелна, обаче немалое чудо зрящымъ мняшеся. Катенъ же въ велію славу тѣмъ проїзшелъ. Потомъ дары всѣмъ даде Царь, которые прівели Бесса, но смерть его отложілъ, желая да тамо мзду воспрїиметъ, на космъ мѣстѣ Дарїа убілъ.

6: Сему бывшу, Македоняне, не разумно и безчінно вышли ради конскїхъ кормовъ, тамо

Варвары

Варвары изъ горъ избѣгше, на нихъ напали, болшую же часть плѣнили, нежели убіли. Гнали ихъ тако предъ собою, и паки въ горы вошли, двадесять тысящь было пѣхъ разбоїниковъ, которые во время рашное пращами, изъ луковъ бїлїся. Егда же Царь Алеѯандръ обступілъ ихъ, между мужественнѣішими храбрствуя, раненъ сталася изъ лука въ голень такъ, что въ самои срединѣ осталося отъ стрѣлы копеїце. Тѣмже печалны и устрашены Македоняне, внесли его въ обозъ, но и сами разбоїники увідѣли сверху горы, что Царя несли, понеже съ горы все возможно было відѣти. Того ради на утріе словъ къ Царю послали, которыхъ немедленно предъ себе Царь пустіти велѣлъ. И обвязаную ногу розвязалъ, аки бы язвы не было, нарочно голень казалъ. Егда же велѣлъ имъ сѣсти, доносіли ему: что Македоняне не болшую печаль имѣютъ, неже мы о твоеи язвѣ извѣстівшеся, и аще бы мы сыскали того, кто сіе учінілъ, выдали бы его головою, зане съ богами брань творятъ, аки богоборцы: Се мы весь народъ свои тебѣ въ подданство вручаемъ, отъ тебе добротою побѣждени суще. Тѣмже взявъ пѣхъ въ подданство, и плѣнніковъ отобравъ, пошелъ въ далную страну, сяде на носіло воінское, къ нему же и конніца и пѣхота прібѣгли.

Говорїла коннїца, съ которою начїналъ воеваши, яко то есть на сїе дарованїе, что Царь съ нами во брани пребываетъ, а пѣшїе говорїли, что наша есть должность, воїновъ раненыхъ въ обозъ относїши, нынѣ самого Царя встрѣте сїе, и несши имѣемъ, отнїмаютъ намъ тои чїнъ. Царь въ такой обоїхъ странъ распрѣ, узрѣвъ тяжкое несенїе, обоїмъ странамъ велѣлъ себе нести. Оттуду во градъ Мараканду въ четыре дня пришелъ. Стѣнъ положенїе кругомъ его на седмьдесять верстъ, но крѣпость града безъ стѣнъ стоитъ. Осаду тамо во градѣ оставївъ, бліжнїя городки разорялъ и пожїгалъ.

Потомъ Азїискїхъ Татаръ послы пришли къ нему. былъ сеи народъ по смерти Кїра въ вольности самовластенъ, нынѣ Царю Алеѯандру поддался. Между всѣми тамошнїми Варварскїми народы правдївы были, ни съ кѣмъ брани не творїли, токмо отъ принужденїя о волности, смїрно жїли, вси чїны равно между собою разположївше.

Любезно пріялъ ихъ Алеѯандръ, къ тѣмже Татарамъ, которые въ Ѥвропѣ обїтаютъ, Пенїда именемъ единаго отъ другъвъ своїхъ послалъ, да повелїтъ имъ да бы не дерзали безъ повелѣнїя Царскаго Донъ рѣку преходїти. Вручїлъ сму и сїе, да расположенїе мѣста разсмотрїтъ, и къ тѣмъ Татарамъ,

Татарамъ, которые надъ босфоромъ рѣкою жівутъ, поідетъ. Мѣсто ради созданія града, надъ дономъ рѣкою да изберетъ, хотя ихъ крѣпостію укротіти, положівъ намѣреніе паки возвратітіся къ німъ. Но Согдіанскіи бунтъ тому намѣренію и совѣту препятіе сталася, въ то время и бактріане бунтъ учінили. Седмь тысящеи конніцы бунтовщіковъ было, которымъ вси послѣдствовали. Тѣмже повелъ Алеуандръ Спітамена и Катена къ себѣ прізвати, которые ему бесса предали, ни въ чемъ сумнѣваяся, что ихъ службою, то смятеніе можетъ укротітіся, укрошівше бунтовщіковъ. Но они сами къ тому бунту суще предводітели, гласомъ велімъ между всѣми возопіли. Царь всю конніцу бактріанскую къ себѣ прізываетъ, и хощетъ смерти предати. Сіе намъ отъ него повелѣся, но мы не восхотѣхомъ дерзати, и протіво своіхъ сіце безчінное убіиство начати, гнушающеся аки бы бессовымъ, такожде и его мучітелствомъ и изнести сего не могуще. И тако возвѣстівше, обьятыхъ страхомъ наіпаче коружію возбуділи. Тѣмже Царь тѣхъ бѣглецовъ измѣну услышавъ, Кратеру Кірополь градъ облежати повелѣлъ. Самъ иныи градъ тоя же страны въ кругъ обступілъ, и насілно взялъ, давъ знаменіе, да бы недорослеи смерти предавали, прочіхъ же вмѣсто

корысти въ плѣнъ брали. Градъ до основанїя разорїли, да бы прочїи окрестъ жївущїи вїдя такое ихъ паденїе ужасалїся.

Мемацены же народъ сїлныи облежанїе града, не токмо постоянно, но и безстрашно разумѣюще быти, положїли намѣренїе укрѣпїтїся. Хотя Царь отъ тоя упрямости отвести ихъ, послалъ къ нимъ пятдесятъ конницы, да бы возвѣстїли имъ о его мїлости къ подданнымъ, купно же и не умолїмое сердце къ побѣжденнымъ. Они же сїце отвѣщали: Мы нїже овѣрности, нїже осїлъ его опасность имѣемъ ни вчемъ, по томъ повелѣли тои конницѣ изыти за градъ. Пїръ аки гостеи ради сотворїли, егда же ядше уснули, о полунощи всѣхъ смерти предали. Алеѯандръ по достоянїю градъ повелѣ окружїти. Вїдяще же суща его крѣпка велми, и не возможно его вскорѣ взяти. Того ради Мелеандра и Пердїкка прїсовокупїлъ ко обстоянїю града: которые градъ Кїрополь [якоже речеся:] облежали, самъ на ихъ мѣсто пошелъ. Тамо обѣщался граду отъ Кїра созданному отпустїти вїну, зане ни кого въ томъ народѣ, паче того Царя и Семїрамїды почїталъ, вїдя въ нїхъ велїчество сердца и преукрашенїе дѣйствъ избранное. Но упрямостїю осажденныхъ гражданъ оскорбїлся. Взявъ градъ повелѣ старѣїшїнамъ Македонскїмъ,

гнѣвомъ

гнѣвомъ разьяреннымъ, разорїти его. Самъ ко Мелеагру и Пердїкку возвратїлся. Нїже єдїнъ градъ паче Мемацєнъ, такъ храброе и сїлное обстоянїе мужественнѣїше претерпѣлъ, и супостату оттпору недалъ, гдѣ множество воїнства избраннаго погїбе, и самъ Царь вмалѣ въ послѣднюю погїбель не прїиде. Зане сїце въ шею каменемъ ударенъ, яко оцепенѣвъ на землю палъ, и въ безпамятствѣ былъ. Воїско же аки надъ мертвецомъ рыдало. Но онъ вїдя что тѣмъ иныхъ ужасаетъ, не преодолѣнъ немощїю, аще и язва еще не исцѣлїся; обаче болшїмъ сердцемъ начатъ доставати градъ. Скоросшь бо прїродную гнѣвъ въ немъ возбудїлъ. Подкопами повелѣлъ ити къ стѣнамъ разорїти ихъ, которые егда упали, мѣсто велїе и пространное учїнїся, и тѣмъ мѣстомъ съ воїскїмъ во градъ вбѣжалъ, и аки побѣдїтель повелѣлъ его разорїти. Оттуду Менедема съ тремя тысящи пѣхоты, осмь сотъ конныхъ, ко граду Марапанду послалъ, въ немже измѣнникъ и бѣглецъ Спїтаменъ затворїлся, осаду Македонскую изгнавъ: что ему и жїтели тамошнїя не похвалїли, но не возбраняли ему, понеже запретїти не могли. Въ то время Алеѯандръ къ Дону возвратїлся, и коль много мѣста занялъ обозомъ, толь такожде далече стѣны созїдалъ, на шестьдесятъ стадїи бысть. Нарещи же

повелѣлъ Алеѯандрїею. Сїце скоро дѣло то совершїся, яко въ седмьнадесятыи день и стѣны совершїлїся, купно же домы покрыли. удївїшелною скоростїю воїны тщахуся, [которымъ было дѣло тое раздѣлено] и поспѣшали хотяще всякъ, да бы прежде скончати, и первыи показати свои трудъ. Алеѯандръ градъ плѣнніками населїлъ, а господамъ ихъ далъ за нїхъ, и свободныхъ ихъ сотворїлъ въ память славы своея, которыхъ и до нынѣ сродство по нїхъ еще пребываетъ.

7. Царь Татарскїи, которыи того времени за Дономъ царствовалъ, сїце разумѣя, яко тои градъ на брегу созданъ отъ Македонянъ, на выю ихъ наложенъ, послалъ брата своего Хархаза, съ велїкїмъ воїскїмъ коннымъ, да градъ тои разорїтъ, и далече Македонское воїско отъ Дону отженетъ. Бактрїанъ, донъ рѣка отъ Татаръ раздѣляетъ, которые Европеїскїми Татарами нарїцаюпся, тая же рѣка чрезъ Азїю и Европу течетъ. Татары не далече отъ Ѳракїи жївущїи отъ Востока до Полунощи идутъ, предѣлы же своя не съ Сарматами имѣютъ [якоже мнози разумѣли] но токмо часть нѣкая есть въ блїзости. Оттуду же прямо посмотрївъ въ иноѵ странъ надъ Дунаемъ поселены. У предѣлъ Азїатскїхъ, сїрѣчь блїзъ Бактрїанъ, которые блїзъ къ Полунощи: за нїми суть лѣса

темныя

темныя и далекія, пустыни превелікія, Тамо къ Дону и до бактръ. Мѣста тѣ надлежатъ ради поселенія и жітія человѣческаго ѕѣло преізбранны. Первыи Алеѯандръ съ тѣмъ народомъ неначаянную брань имѣлъ, надходящаго супостата весма уже відя, и еще отъ язвы немощенъ; наіпаче гласъ свои слабыи слышавъ, егоже и болѣзнь шеіная и малояденіе ослабляше; обаче друговъ своіхъ къ совѣту прізвалъ. Не супостата бо устрашівся, но времяни ѕлополучнаго. Ибо бактріане оставіли его. Татары же начали наступати, Алеѯандръ тогда ніже ступіти ногою, ніже сідѣти на конѣ, ніже увѣщати воіновъ во время потребное, ніже сердце своімъ укрѣпіти возмогъ, въ сіцевыхъ нуждахъ прістрашныхъ изобрѣтенъ, на боговъ началъ клеветати глаголя: яко тако ли лежу, аки бездѣлнікъ какіи, егоже скорости прежде нікто убѣжати не возмогъ? На конецъ рече: не вѣрю яко есмь немощенъ, но умышляю. Сіце которыхъ по побѣжденномъ Даріи волхвовъ отставілъ, паки ко излішнему и поріцанія достоіному пѣнію обратілся, сірѣчь, къ разуму человѣческому и лжѣ, повелѣ Арістанду волхву, [емуже всегда прежде вѣрілъ] да разсмотрітъ отъ жертвы предбудущіхъ вещеи счастія. было сіцевое обыкновеніе, яко волхвы безъ бытія Царскаго, на утробы внутрен-

внутренніе скотскіе смотрѣли, потомъ что знаменовало извѣщали. Того ради Алеѯандръ донелѣже шаіныхъ дѣлъ волхвы въ предъідущіхъ достігнутъ извѣстія, близъ себе повелѣ другамъ своімъ сѣсти, да громко глаголя, не повредіятъ язвы. Енідоша же ніи къ нему, Ефестіонъ, Кратеръ, и Ерігіи въ палапы съ кустодіею. Тѣмже сіце къ нимъ рече: паде на мя прістрашіе, не по времени моемъ, но супостатскомъ; обаче нужда совѣтъ разорястъ, наіпаче на воінѣ, гдѣ едва кто можетъ время избірати. Измѣнілн бактріане, на нхже шеяхъ стоімъ, еще же чуждымъ мечемъ хотятъ искусіти, какое имамы сердце? Но безъ усумнѣнія уничіжены будемъ, аще нынѣ оставімъ Татаръ, которые сами на насъ востали; а возвратімся на измѣнніковъ, которые нами возгнушаліся? Аще же донъ рѣку прейдемъ и побѣдою Татаръ, и кровію ихъ вездѣ не преодолѣнны явімся, кто усумнітся; что Европу отверсту побѣдішели имамы? Прелщается всякъ, кто славѣ нашеи сеи конецъ предполагаетъ, егоже прешли имамы, едіна токмо рѣка раздѣляетъ, и препятіе чінітъ, которую аще прейдемъ, въ Европѣ наши знамена съ обозомъ станутъ. И коль ѕѣло всякъ будетъ имѣти за велікую себѣ честь, Егда иную страну воюемъ и достаемъ ея, акибы на новомъ свѣтѣ,

побѣды

побѣды нашея знаки представляюще. И что прїрода сїце долгімъ разстояніемъ мнїтся раздѣлїти, весма єдіною побѣдою воспрїимаемъ? Но кто речетъ, аще мало потерпімъ Татарамъ, на хребтѣ нашемъ сядутъ? Или мы токмо єдіны есмы, и рѣки преходїти могущїи? Многажды будемъ тѣмъ сами уязвлени, чімъ дотолѣ побѣждали. Счастїе и побѣжденнымъ, хїтрость воінскую показуетъ. Мы же не давно на бочкахъ рѣку преплывающе образецъ имъ показали, что аще Татары и не знаютъ, бактрїане научатъ ихъ. Тѣмже первое воїско того народа прїиде, прочїхъ ожїдая, сїце воїну уступая, воїновъ ихъ на болшое мужество возбудімъ, и которую восхотѣли бы мы имъ навести, ко воспрїятїю ея прінужденны сами будемъ.

Намѣреніе мое сѣло удобно есть, токмо усумнѣваюся, будутъ ли Македоняне или послѣдствовати совѣту моему, ибо тую язву воспрїявъ, нїже на конѣ до селъ сїдѣлъ, нїже пѣшъ ходїхъ. Но аще во слѣдъ мене поїдете, здравъ есмь друзи, много имамъ сїлы. Аще же ни? конецъ уже послѣднїя жїтїя моего прїспѣ, лучше ми есть на сїцевомъ забавленїи умрети. Сїе сѣло тїхімъ гласомъ, аки бы изнемогая оканчавалъ, єдва блізъ его сѣдящїи могли слышати. Тѣмже вси не совѣтовали єму

того скораго и неразумнаго намѣренія, наіпаче Ерігіи, которыи вѣ сердцѣ упрямомѣ нічто можаше сотворіти, начатѣ его устрашати закономѣ, на негоже ніже взірая глагола: и бози противятся тому совѣту, и велія есть предѣ нами погібель, аще рѣку преідемѣ. Тому Ерігію, егда иде ко Царю, встрѣтівѣ Арістандрѣ, волхованія своего злое знаменіе извѣстілѣ. Сімѣ увѣстівся Ерігіи извѣщалѣ. Но Алеѯандрѣ удержавѣ вмалѣ слово его, не токмо гнѣва исполнілся но и срамоты, яко утаенное волшебство ко изѣявленію прііиде. Абіе Арістандра повелѣ прізвати, которыи егда токмо прііиде, воззрѣвѣ нань рече: не Царь азѣ есмь, но едінѣ отѣ общіхѣ? повелѣхѣ ти жертву сотворіти, чесо ради что знаменовало, иному исповѣдалѣ еси? Ерігіи таіны и сокровенныя совѣты моя, по изѣявленію твоему знаетѣ, тои страха ради своего, воістінну мнѣ неложно повѣдалѣ. Азѣ же тебѣ многократѣ прежде самаго дѣіства заказывалѣ. Да мнѣ едіному возвѣстіши, что внутреннія утробы показуютѣ, да бы потомѣ словесѣ твоіхѣ не могліѣ отрещіся. Арістандрѣ же побледнѣвѣ и оцепенѣвѣ сталѣ отѣ страха ни слова возмогѣ проізнести. Обаче тѣмже ужасомѣ возбужденѣ, да не дастѣ многа времене Царю ожідаши, рече: я доносілѣ, что послѣдствуетѣ

труд

трудъ воїстінну не малыи, но премного великіи, ніже меня такъ моя наука, какъ твое желаніе печалітъ: слабое и немощное здравіе твое вїжу, и коль много на тебѣ єдіномъ лежітъ, разумѣю, ужасаюся что нынѣшнімъ дѣламъ и счастію доволно сотворіши не возможешь. Царь же утоленъ, надежду ему о счастіи своемъ давъ, простілъ его, рекъ: бози на ино нѣчто славѣ моси лучшее путь уготовляютъ. Потомъ егда совѣтовалъ съ тѣмїжъ други своїми, какімъ бы образомъ преіти. Паки Арістандръ прїиде, глаголя нікогда тако веселыхъ и велїе счастіе возвѣщающіхъ черевъ скотскіхъ не вїдалъ, много сія отъ первыхъ разнствуютъ. [и скоро печали прежнеи прічіну показалъ] нынѣ же весма добрѣ сотворілася жертва. Егда же сіе содѣвалося, прішли ко Алеѯандру вѣсти, которые счастія его прежде непрестанно бывшаго нѣкое пореченіе творілі, речеся прежде, како послалъ Алеѯандръ Менедема, осадіти Спітамїна измѣнніка и началніка бактріанскому бунту, которыи увѣдомясь что на него идетъ не хотя быти во градѣ осажденъ. Надѣяся же что можетъ самаго его взяти, утаілся въ засадѣ, избралъ бо въ лѣсу мѣсто къ тому угодное, и тамо скрылъ Даховъ. [Тіи Дахи по два садятся на конѣхъ вооруженны, обыкновеніе імѣютъ на бою премѣняяся съ коня скочівъ, бои чініти

пѣши, и конніцу въ Конфузію пріводіть, скорость же равную съ конми имѣютъ] и тако Спітаменъ повелѣвъ имъ лѣсъ обоіти, купноже съ преди и со зади и отъ обоіхъ странъ предъ Менедемомъ явітіся, Менедемъ же отвсюду окруженъ, ни чісломъ воінства Спітамену равенъ, однако же многое время, на своіхъ вопія, противілся: Нічто ино засадою окруженнымъ потребно было, тюкмо бы утѣху отъ честнои смерти воспріяти, прежде многіхъ убівъ супостатовъ. Сѣлъ убо Менедемъ на избранномъ конѣ, и шпорами стіснувъ его, часто въ густыя роты вбѣгалъ, мужественно храбрствуя, многіхъ убілъ; но егда на него едінаго вси напали, уже обмірая отъ толікіхъ многіхъ ранъ, ко Гіпсіду другу возопілъ, да всядетъ на коня его и уѣдетъ. и Тако сіе изрекъ умре, и съ коня на землю упаде.

Могъ бы Гіпсідъ и уіти, но літенъ друга, намѣреніе положілъ умрети, равное имѣлъ тщаніе да безъ отмщенія не умретъ; того ради бодцами стіснувъ коня, посредѣ непріятелеи вбѣжалъ, и пямяти достоіную побѣду между ими сотворівъ, отъ всѣхъ копіями прободенъ. Увідѣвше сіе, которые еще осталіся, убѣжали на гору высокую. Спітаменъ хотя ихъ взяти, гладомъ осаділъ. Погібе воіновъ на тои брани двѣ тысящи пѣхоты.

прісла

трїста конницы, которую побѣду Алеѯандръ ѣло укрывалъ, подъ смертною казнїю, тѣмъ запретивъ возвратившимся, да о всемъ содѣявшемся умолчатъ.

8. Но самъ не могїи болѣе являти лїца разнопремѣняющагося отъ сердца. Въ шатеръ внїде, нарочно на берегу поставленный, тамо самъ сдинъ токмо пребывая, прилѣжно дѣло всякое разсуждалъ, чрезъ всю нощь не спалъ, множїцею полы шатра поднималъ, хотя огни видѣти супостатскїя, отъ нихъ же бы могъ домыслїтися, коль великое воинство есть. Возсiявшу уже Солнцу во одежду облечеся, и къ воинству изыде въ первые по уязвленїи. Тамо его удивительно съ велiею честїю вси прiяли тако, яко безъ всякого неудобства мысль о пагубѣ въ предь идущи, сяже боялiся, пришествiемъ и явленiемъ его отвергли. Тѣмже съ радостїю веселїя ради, слезами облiвшеся встрѣтили его. Бою всеусердно желающе, отъ него же недавно отрiцалiся. Онъ имъ отвѣщалъ, яко имѣю переправляти конницу вооруженную, и пѣхоту на плотахъ, на бочкахъ же которые въ малѣ вооруженни, болѣе словесъ дѣло не требовало, и самъ такожде немощнаго ради здравiя не могъ многословити. Но сiце охотно воинство къ дѣлу обратiся, яко въ три дни

дванадесять тысящеи плотовъ здѣлали. Егда уже все бѣ уготовано. Двадесять пословъ Татарскіхъ пріишли, которые по обыкновенію народа своего по обозу идуще говоріли, да о нихъ Царю возвѣстятъ, что имѣютъ къ нему посолство. Тѣмже пустіли ихъ въ шатеръ, и велѣли сѣсти. Но они очи на Царя обратіли [мнітмісяяко] разсуждали сердце не по величеству тѣла его быти, малъ убо возрастъ неравенъ славѣ его разумѣли быти. Татары тіи были разумнѣе, нежели простіи Варвары, глаголютъ: яко нѣцыи отъ нихъ мудростію упраждняются, которая наіпаче въ людехъ воінскіхъ болѣе можетъ обрѣстіися. Пісано есть: яко къ Царю сіце рекоша: Мнітся намъ не по обыкновенію нашего вѣка, что человѣцы, и времена лучшая, и разумы остріішія имѣютъ. [Но аще кто можетъ ихъ словомъ гнушатіися, обаче вѣрность моего пісанія, въ цѣлости хощу да пребудетъ, како отъ древле напісася сіце непремѣнно и опісую.] Тѣмъ же єдінъ отъ нихъ старѣішіи лѣтами, сіце рече.

Царю Алсуандре, аще бы бози таковое величество возрасту тѣла, какову бодрость сердца тебѣ дали, свѣтъ бы тя объяти не возмогъ, єдіною рукою досягъ бы еси Востока, другою же Запада, таже достігнувъ, восхотѣлъ бы еси знати.

Гдѣ

Гдѣ сіце Великаго бога сіяніе сохраняется. Но и нынѣ толіко желаешь, чего объяти не можеши. Изъ Европы идеши во Азію, изъ Азіи преходішь въ Европу. Потомъ егда весь родъ человѣческій мечемъ покорішь и преодолѣешь, съ лѣсами и со снѣгами, и рѣками, и съ дікімъ и свірѣпымъ звѣремъ будеши воіну творіти. И что ты или не знаешь? яко превелікіе древа многое время растутъ, въ єдіномъ же часѣ посѣкаются. Не разуменъ оный человѣкъ, которыи смотря на овощи высоко вісящія, а высоты не разсуждаетъ. И ты храни себя, егда высоко хощеши вознестіся, да съ вѣтвіями, ихже держіши, въ нізъ не спадеши. И левъ въ нѣкое время малымъ птіцамъ въ снѣдь бываетъ, и ржа желѣзо снѣдаетъ. Ни что есть такъ крѣпко и сілно, смуже бы не была погібель, а еще отъ некрѣпкаго. Тебѣ же какая прічіна до насъ? Нікогда мы землѣ твоеи не коснуліся. Кто ты и откуду прішелъ, надлежіш ли о томъ знати намъ жівущімъ въ лѣсахъ преглубокіхъ? Мы ни служіти кому можемъ, ніже сами владѣти, или кому повелѣвати желаемъ. Да бы ты зналъ Татарскіи народъ: подарілі мы тебѣ двоіхъ воловъ, рало, стрѣлу, копье, и чашу, сія и со други, и протіво супостату употребляемъ. Волами, хлѣба прібрѣтше другамъ удѣляемъ, чашею купно

съ німи

сѣнїми богамъ вїно слївающе, жертву пріносімъ, отъ далече, супостата стрѣлою, а изъ блізка копїемъ убіваемъ. Такъ перво Царя Татарскаго, по томъ Персїдскаго и Мїдскаго мы побѣдїли, и путь себѣ даже до Егіпта отворїли. Ты же чего ради тѣмъ хвалішїся, что идешъ гонїти разбоїниковъ? Ты самъ всѣхъ народовъ разбоїникъ, у которыхъ ты былъ, Ты взялъ Лїдію, овладѣлъ Сїрією, Персїдскую страну держїши, бактріанское государство въ рукахъ твоїхъ, на Індіанъ напалъ. А нынѣ уже на скотъ нашъ руки твои завїстныя и ненасыщенныя простїраешъ? И во что богатства болше желаешъ, которое тебя понуждаетъ алкати? Ты первыи отъ всѣхъ паче сытости почїтаешъ несытость, яко чрезмѣрно имѣя, болше, чего не имаши, желаешъ? Не вїдїши ли, коль многое время обходя бактры, время погубляешъ? Егда ихъ покаряешъ, тогда Согдїане бунтуютъ, воїну побѣда родітъ. Ибо хотя, аще бы ты и болше и сілнѣе всѣхъ былъ, однакожъ нїкто странного прішелца за господаря себѣ имѣти не похощетъ. Преїди токмо донъ рѣку: и узрїши степеи дїкіхъ шіроту, однакожъ нїкогда достїгнеши Татаръ, нїщета наша скорѣе будетъ, нежели воїско твое, многіхъ народовъ здобычею отягощенное. Еще ежели о насъ почаешъ, что мы далече, то въ обозъ своемъ

своемъ насъ узрѣши. равною бо скоростію и гонимъ и уходимъ. Слыхали мы, что Греки пословѣцею степямъ Татарскимъ ругаются; но мы пустыя мѣста отъ людеи оставленыя, лучше градовъ и селъ пребогатыхъ, хощемъ имѣти. Того ради счастїе твое въ рукахъ крѣпко держи, ползко бо есть, и насїлно держїмо быти не можетъ, на сїе твое доброе счастїе возложи узду, и лутше будешъ оное управляти. Такъ говорятъ Татары, что счастїе не имѣетъ ногъ, но токмо руки да крїла; Егда руки подаетъ, за крїла похїтїтїся не дастся. На послѣдокъ, аще ты, богъ, то долженъ ты людемъ благодѣяніе творѣти, а не отъ нїхъ похїщати, еже имѣютъ. Аще же ты человѣкъ, то кто ты иковъ? всегда о себѣ сїе помышляи, безумно есть тебѣ памятьствовати то, чего ради тебе самого забываеши. Съ которыми брани не начнешъ, тѣхъ можешъ имѣти себѣ и друговъ добрыхъ; ибо между равными вѣло крѣпка любовь бываетъ, а мняпся быти тѣ равны между собою, которые еще не їскусїлїся во брани. Понеже кого побѣдїши, блюдїся оныхъ въ дружествѣ себѣ имѣти, между бо господїномъ и рабомъ любви нѣсть и въ мїрное время; однакожъ во время брани, прїсяга въ цѣлости пребываетъ. Невѣрь тому, еже бы Татары прїсягу учїня, прїятство узаконяли, но да бы истїнную

вѣрность ко всякому сохранїти, та у нїкъ прїсяга. У Грековъ то обереженїе есть, которые на себе рукопїсанїе даютъ, боговъ прїзываютъ; а мы прїсягу и страхъ божїи въ самои вѣрности полагаемъ. Ибо которые людеи не стыдятся, тѣ боговъ обманываютъ; а тебѣ такова друга не надобно, о егожебы дружбѣ, могъ ты сумнѣватїся. На конецъ, имѣеши насъ Асїи и Европы оберегателеи, съ бактрами, аще бы не Донъ рѣка предѣлы своя имѣла, за Дономъ даже до Ѳракїи, [которая съ Македонїею совокупїлася, якоже глаголютъ] мы распространїлїся. Тѣмже разсуди, аще блїзъ обоїхъ государствъ твоїхъ предѣлами жївемъ, то другами ли или непрїятелми хощеши насъ имѣти; сїя рече Варваръ.

9. Протїво Царь рече: счастїя моего, и совѣта моїхъ употреблю, зане и счастїя своего, на него же надѣюся не отступаю, и увѣщавающїхъ, да бы продерзо не творїлъ, сохраняю. Отпустївъ же пословъ, воїско на плоты уготованые поставїлъ. Имѣющымъ щїты, повелѣ съ преди прїпадшымъ на колѣнахъ стояти, да бы отъ стрѣлъ невредїмы были. Позади же съ оружїемъ напряженнымъ стояли отъ обоїхъ странъ, и на фронтѣ воїско вооруженно было. Прочїе назади вооружены стоящїе, кормщїка облеченна въ броню воїнскую: щїтами

укрывали

укрывали. Сіце и на иныхъ плотахъ управітелно устроілъ, на которыхъ конніца перевозілася. Болшая часть на концѣ плотовъ стояла, и на веревкахъ кони въ плавь пущенныя держали. А которые на бочкахъ соломою наполненныхъ переплывали, тѣхъ плоты аки стѣны покрывали. И перво Царь отплывъ отъ брега со избранными вои на плоту ко другому брегу, обратіти его повелѣлъ, гдѣ весма на самомъ брегу Татары такъ вооруженны стояли что ни коімъ образомъ пріблі-жітіся было мощно. Тѣмже сверхъ того непріятел-скаго страха, и вторыи ужасъ ѕѣло превелікіи наіде на ніхъ. Понеже чрезъ рѣку пловущіхъ вода уносіла ихъ, кормщіки и веселніки управіти не возмогли, воіны же шаталіся боящеся да не спадутъ, наіпаче препятіе чініли работнікамъ. Копіями ни коімъ образомъ бросати могли. Ибо прежде надлежало имъ крѣпко и безстрашно стояти, по томъ на непріятеля наступати. Оружіе* главное велі-кою бысть имъ помощію, понеже въ частыя станіцы Татарскія, еще безопасно стоящыя, не безъ поврежденія велікого стрѣляли, но и Татары множество стрѣлъ на плоты къ німъ метали, и едва такіи щітъ былъ, которыи мно-гіми стрѣлами пробітъ небылъбы. Уже ко брегу плоты пріблі́жіліся. Тогда роты Македонскія

* хітрость воінская сюже стѣны ломаютъ.

съ щитами устрѣмілісь на безопасностоящіхъ Татаръ. начали копія не даромъ съ плотовъ метати. Егда же увідѣли устрашеныхъ, тогда наіпаче ободрѣли сердцемъ, на брегъ не медля вышли и на устрашенныхъ Татаръ мужественно напали. По томъ коннїца готовая, нападеніе на нїхъ же учінїла, и строи ихъ преодолѣла. Въ то время прочїи позади ихъ стояще, лучше къ брани устроїшася. А самъ Алеѯандръ чего сїлою тѣлесною сотворіти не могъ, еще не въ совершенномъ здравїи сыи, храбростію сердца управлялъ. Гласа бо его увѣщаваюшаго воїновъ, немощно было слышати, ради неїсцѣленыя язвы въ шѣю, но всеусердно ополчающагося вси відѣли. Тѣмже сами себѣ полководцами суще, сдінъ другаго увѣщавалъ, и о здравїи непамятствующе, жестокімъ смѣлствомъ на Татаръ нападали. Того ради Татары, нїже зрѣти, нїже оружія, нїже вопля ихъ терпѣти могуще, вожжи конскія опустївъ. [Конное бо бысть воїнство] начали уходїти. Ихже Царь гналъ чрезъ осмьдесять попрїщъ, хотя и немощенъ, и уже утомленъ бывъ, повелѣ воїнству своему, да бы дондеже заідетъ Солнце, во слѣдъ ихъ гнали, самъ же едва жівъ возвратїлся въ обозъ. Преіде уже Алеѯандръ предѣлы Лївера отца, которыхъ знаки было

каменіе

каменіе на многіхъ мѣстахъ, памяти ради расположены, и древеса превысокія, которыхъ пни блющъ трава покрывала

Но Македонянъ гнѣвъ и ярость далече загнала такъ, что едва не о Полунощи возвратіїлися въ обозъ, многіхъ Татаръ побіли, а болшую часть въ плѣнъ взяли, коней тысящу осмь сотъ пріґнали. Тогда Македонянъ конныхъ шестьдесятъ, а пѣхоты сто побіто, раненыхъ же едва не тысяща было. Сеи бои въ доброе время побѣду получівъ, болшую часть Азіи бунтующуюся удержалъ. Зане же вси чаяли, Татарскіи народъ непреодолѣнъ быти. Увідѣвше же тогда побѣжденъ, явно сказали, что нѣдінъ народъ можетъ быти равенъ въ мужествѣ Македонянамъ. Тѣмже Саки пріслали пословъ ко Алеѯандру, народъ свои поддали. Возбуділа ихъ къ тому паче Царева мілость, нежели мужество, ибо безъ выкупу, отдаде всѣхъ плѣнніковъ Татарамъ, самымъ дѣломъ показуя, что съ народами храбрыми не о гнѣвѣ и плѣнѣ, но о мужествѣ брань творіпъ. Тѣмже Алеѯандръ мілостівно пословъ пріявъ отъ Саковъ, даде имъ проводніка, именемъ Екскіпіна sѣло млада человѣка, егоже любляше: которыи ащс Ефестіону породою тѣла и красотою равенъ былъ, но хітростію и шутками не равенъ. Самъ же Алеѯандръ Кратеру съ болшою частію воіска.

въ слѣдъ себе не многімъ разстояніемъ, итти повелѣвъ, ко граду Маракандѣ пріиде. Откуду Спітаменъ увѣдомясь о пріишествіи его, ко Бактрамъ убѣжалъ. Алеѯандръ же въ четыре дни многъ путь прешедъ, поіде на то мѣсто, гдѣ съ Менедемомъ Полководцемъ двѣ тысящи пѣхоты, да три ста конніцы погібло, и тамо надъ костьми ихъ аки гору насыпати повелѣлъ, и жертву обыкновеніемъ отеческімъ за ніхъ сотворілъ. Уже къ нему съ воіскімъ и Кратеръ пріспѣлъ. Тѣмже, да всѣхъ бунтовщіковъ смерти предастъ, воіско раздѣлівъ повелѣ села жечь, и младенцевъ убівати.

10. Царство Согдіанское, болшую часть имать пусту, едва на осмьдесятъ попріщъ въ шіріну. Превелікія же степи протіво лежатъ, чрезъ которыя удівітелно скорая рѣка течетъ, [жітели наріцаютъ ту рѣку Політіметъ] Во первыхъ не шіроко течетъ, потомъ въ яму впадаетъ, и сіце подъ землю идетъ. Свідѣтелствуетъ тому шумъ воды, зане земля [подъ которую толь велїка рѣка течетъ] сверху ни мало мокроты показуетъ. Прівели было къ Царю плѣнніковъ, началнѣішіхъ дворянъ чісломъ трідесять, тѣломъ ѕѣло превелікіхъ, которыя отъ толмача услышавъ, что по повелѣнію Царскому на смерть ведутъ ихъ, начали пѣсни веселыя пѣти, плясати, и мерзскімъ обраще-

обращеніемъ тѣла, радость показовати. Удівілся Алеѯандръ, что толь бодрымъ сердцемъ на смерть идутъ. Того ради возвратіти ихъ и вопросіти повелѣ, коея ради прічіны, предъ очми смерть уготованую відя, такъ велми радуются? Отвѣщали ему сіце: аще бы мы отъ инаго смерти преданы были, то печаль бы имѣли. Но нынѣ егда толь велікіи Царь, всѣхъ народовъ побѣдітель, повелѣваетъ намъ къ нашімъ прародітелемъ отъитти. По достоінству сіцевую честную смерть, (коея, храбрые люди сами себѣ имѣти желали,) пѣніями домашніми и веселіями украшаемъ. Тогда Алеѯандръ удівляяся бодрости сердца ихъ, рече: вопрошаю, хощете ли жівы быти, и мнѣ не протівітіся, егоже добродѣтелію вы преодолѣнны стали? Оніже отвѣщали: мы тебѣ непріятелми нікогда не бывали; а егда съ мечемъ на насъ ты наступілъ, тогда мы протівны сталіся; а ежели кто восхотѣлъ насъ добродѣтелію, а не ѕлобою прінять, о томъ бы мы тщаліся, да бы въ званіи нашемъ оныи не послѣднѣйшіми насъ узрѣлъ. Паки Царь вопросілъ, какую вѣрности вашея прісягу дадіте? отвѣщали: здравіе еже воспріимемъ, будетъ прісягою, отдадімъ оное здравіе за тебя, когда ни восхощеши. Но ніже солгали во обѣщаніи своемъ, зане которые были отпущены въ домы

свои

свои, прішедше же народъ въ подданствѣ вѣрно удержали. Четырехъ отъ нїхъ себѣ Алеѯандръ оставїлъ во оберегатели здравїя его; тїи въ вѣрности совершеннои къ Царю, ни еднїному Македонянїну уступїли. Тамо убо Алеѯандръ съ тремя тысящами пѣхоты Певколая оставїлъ, болше бо не было нужды, а самъ къ бактрамъ пошелъ отъкуду бесса во Екбатану повелѣ вести, да тамо воздастъ ему мзду за Дарїа убїеннаго. Мало не въ тѣ же дни Птоломеи и Менїдъ, пріѵели три тысящи пѣхоты, и тысящу конницы наняшои, толїкожъ и Алеѯандръ пѣхоты изъ Лїкїи, конницы же пять сотъ пріѵелъ, толїкожъ еще прішли со Асклепїадоромъ изъ Сїріи. Антїпатръ же пріслалъ изъ Грецыи осмь тысящъ, между имїже пять сотъ конницы было. И тако воїска умножївъ Алеѯандръ, поїде на бунтовщїковъ, тамо смерти предавъ измѣнникъ. Четвертаго же дня прішелъ къ рѣкѣ Оѵу; та рѣка была болотна, того ради всегда мутна и не здрава къ пїтїю. Тѣмже начали было воїны колодезь копати, однакожъ хотя и глубоко копали, воды не нашли. Егда же въ шатрѣ Царскомъ узрѣли источнїкъ, о немже яко не скоро познали, помыслїли, что неначаянно истече. Царь же самъ восхотѣ, да вѣру имутъ, что даръ былъ божїи. По томъ прешедъ Охъ и Оѵъ рѣки, пріиде ко граду Маргїнїю.

Маргінію, кругъ егоже избралъ мѣсто ради созіданія шести градовъ, и поставілъ два града на Полдень, а четыре же на Востокъ, всѣ же въ равномъ разстояніи отъ другъдруга, да бы отъ далече помощи не искали. Тіи вси грады стояли на горахъ высокіхъ, того времени, и аки узды народамъ побѣжденнымъ были, нынѣ же породу свою забывъ, тѣмъ служатъ, которыми господствовали, и прочія такожде народы Царь усмірілъ.

11. была едіна токмо гора каменная, юже Арімазеи Согдіанінъ съ трідесятію тысящми воінства обсѣлъ, правіанцы прежде толь много изготовавъ, еже бы толь велікому воіску на два года доволно было. Та гора была вышіною трідесять попрішъ, кругомъ же сто пятьдесятъ. Отвсюду провалины и крутость, путь же sѣло тѣсенъ къ верху былъ. Въ половінѣ горы пещера, которыя входъ тѣсенъ и теменъ. По томъ пространно мѣсто, при концѣ же sѣло шіроко, источніки едва не по всѣмъ пещерамъ текутъ, отъ нїхже воды на едіно мѣсто собірающеся, купно въ нїхъ стекаютъ, и едіну рѣку творятъ. Царь же узрѣвъ не удобное ко взятію мѣсто, умыслілъ отступіти: Но абіе наіде на него желаніе, еже бы преодолѣти пріроду. Однакожъ прежде нежели бы счастіе тои осады искусілъ,

послалъ Кофена сына Артабазова къ Варварамъ, совѣтуя имъ, чтобъ сдали ту гору, Но Арїмазеи надѣяся на мѣсто, много гордостно отвѣщалъ. На послѣдокъ рече: вопрошаю тя, можетъ ли Алеѯандръ летати? Что егда Царю возвѣстїлъ Кофенъ, тогда Алеѯандръ ѕѣло гнѣвомъ разѣяренъ, созва тѣхъ, съ нїмїже обыче совѣтъ творїти, да имъ возвѣстїтъ гордостныи и несносныи отвѣтъ Варвара того, будто Македоняне крїлъ не имѣютъ. Азъ сїце сотворю, рече: въ сїю предъїдущую нощъ, яко будетъ вѣрїти: что Македоняне и летаютъ. И абїе рече: прїведїте ми всякъ изъ полковъ своїхъ три ста юношъ, о нїхже знаете, что скоростїю нїкто имъ не сравнїтся, которые въ домахъ своїхъ по стремнїнамъ и горамъ каменнымъ, не имѣющымъ пути, скотъ гоняли. Онїже абїе волнїцу скорыхъ и бодрыхъ прївели; на нїхже зря Алеѯандръ, сїце рекъ: съ вами о удалые молодцы, и мнѣ равнїи, непобѣдїмыхъ градовъ крѣпости взялъ я и разорїлъ, горы безпрестанныхъ снѣговъ полныя, такожде и тѣсноты Кїлїкїискїя прешелъ; Індїискїхъ мразовъ лютость, не вредно претерпѣлъ. И я себя сказалъ вамъ. И вы себя, каковы изъявїли мнѣ. Сїя гора каменная юже вїдїте, единъ токмо прїходъ имѣетъ, егоже Варвары обдержатъ, а отъ прочїхъ странъ не брегутся. Нѣсть нїединыя стражи, токмо

съ сея

съ сея страны, откуду на насъ зрятъ. Вы наїдете путь на верхъ горы къ непрїятелю, ежели порадѣете. Нїчто толь высоко прїрода не сотворїла, егоже бы мужество достїгнути не возмогло. Вы нашли то, чего иные не чаяли, Азїю имѣемъ во области своеи. Прочее взоїдїте на верхъ сея горы, и егда токмо взоїдете, бѣлыми убрусцами прїзнакъ мнѣ даїте, азъ же съ воїскїмъ прїшедъ, непрїятеля отъ васъ отвращу. Первыи, которыи взоїдетъ на верхъ горы, дамъ ему десять таланговъ. Девять, иже по немъ, и тако даже до десятаго человѣка єдїна будетъ мзда. Азъ извѣстенъ о васъ, что не такъ на гласъ мїлости моея, какъ на проїзволенїе мое смотрїте. Онїже таковымъ усердїемъ Царя послушали, что чаяли себѣ, аки бы на верху горы уже были, и отшедше, желѣзныя клїны, которыя бы въ каменїе вбївать, и верви крѣпкїя уготовїли. Алеѯандръ же гору обшедъ, и съ которои страны не тако бы круша провалїна была, усмотрївъ, о Полуноцы повелѣ изыти. Онїже на два дни корму, по саблѣ токмо, и копїю взявъ, пошли. И перво ногами начали восходїти, а потомъ егда къ развалїнамъ прїшли, иныя за каменїя хватающеся восходїли, прочїиже заверви зацѣпляя подымалїся, клїны желѣзныя прежде между каменїемъ вложївше, и тако весь день во страсѣ и трудѣ

томъ пребыли. Трудныя мѣста вся прелѣзли, а еще труднѣйшія осталіся, и мняшеся имъ что самая гора прірастаетъ. Но сіе весма было болѣзненно зрѣти, егда которыхъ обманули не крѣпкіе ступени, купно съ нїми внізъ падали, показующе образомъ своімъ, что и прочїимъ тоежъ можетъ быти. Однакоже непрестаннымъ трудомъ утомлены, чрезъ тѣ неудобныя мѣста на верхъ горы взошли. Нѣцыи отъ нїхъ повредїли части составовъ, купно же нощъ и сонъ отяготїлъ ихъ. По тѣмъ провалїнамъ и мѣстамъ безпутнымъ утомлены. И на погібель въ предъїдущую не *памятующе, даже до восхода Солнца спали.* Потомъ отъ велїкаго сна восставше, по таїнымъ удолїямъ ходїли и разсматрївали, не знающе, въ которóи странѣ тои горы сіце велїкое воїско супостатское сокрылося, обаче увїдѣли нізше подъ собою дымъ изъ Вертепа проїсходящъ, и тѣмъ уразумѣли, яко тамо воїско супостатское лежїтъ. Сіце копїя уставіша со значки бѣлыми, якоже повелѣ: и счїсляяся, трїдесяти воїновъ, которыя нізпадоша лѣзуще, не обрѣли. Царь паче болѣзновалъ о посланыхъ воїнахъ на явственную погібель, неже гору взяти желая, чрезъ весь день на верхъ горы тоя смотрїлъ, даже нощію егда уже мракъ бысть, поїде брашна вкусїти. Во утрїе не возсіявшу еще Солнцу,

Солнцу, самъ въ первыхъ знакъ горы взятои увѣдѣлъ, обаче усумнѣвался еще, ради облаковъ которыя все помрачали, но егда Солнце выше взошло, достігнувъ совершенно, не усумнѣлся, и прізвавъ Кофена, чрезъ него же Варваровъ искушалъ, абіе послалъ, наказавъ, да бы уже добрыи совѣтъ воспріяли себѣ, аще же упрямы ради крѣпкаго мѣста будутъ, да покажетъ имъ воіско на горѣ уже сущее. Кофенъ посланъ совѣтовалъ Арімазу здати гору, обѣщавая ему мілость Царскую, аще его едіныя горы обстояніемъ не удоволствіетъ. Но Арімазъ паче жестточае и гордостно, неже прежде отвѣщалъ, и Кофенови прочь отъити повелѣлъ. Тѣмже взятъ его Кофенъ за руку и молілъ, да предъ Вертепъ въ малѣ съ німъ изыдетъ. Егда его умоли изыти, показалъ ему воіновъ младыхъ на верху горы стоящіхъ, егоже гордости достоіно смѣяся рече: Алеѫандрово воіско имѣетъ крілa. Уже изъ Македонскаго обозу трубы и звукъ слышанъ бысть. Сіе дѣло тои простыи народъ, [якоже на воінѣ тѣхъ суетныхъ пріічінъ бываетъ много] къ подданству пріклонілo, ибо устрашени, не многіхъ за собою на горѣ стоящіхъ познати не могли. И тако Кофена, которыи отъ устрашенныхъ уже отъіде, воскорѣ возвратіли, и трідесять князеи съ німъ послали, да бы здравіе у Царя

умолівъ гору сдали. Но Алеуандръ аще и боящеся, да бы Варвары узрѣвъ немногіхъ юношъ, съ горы ихъ не свергли; обаче надѣяся на счастіе свое, и на Арімаза гордаго гнѣвъ имѣя, никоего прімѣру не восхотѣ сотворіши. Тѣмже Арімазеи, паче отчаявся, неже погубівъ все, со сродніками и началными господами народу своего въ обозъ прішелъ, ихже всѣхъ Царь во первыхъ палїцами біши, по томъ подъ самою горою повѣсіти повелѣлъ на вісїлїцѣ. А общїзну и имѣнія взяши, и жїтелемъ градовъ новопостросныхъ даровалъ. Артабазу гору и весь тамошніи уѣздъ вручілъ.

КВІНТА КУРЦІА

КНІГА ОСМАЯ.

СОБРАНІЕ ВЕЩЕИ КРАТКОЕ.

1. Массагетовъ, Даховъ и Согдіановъ Алеѹандръ во власть покорівъ. Агаряне дщерь своего Царя въ супружество ему пріводятъ; онъ Лва убівъ, и четыре тысящи звѣреи уловівъ, Кліта славнымъ пірованіемъ учрежденна и дерзновенно глаголющаго убілъ.
2. безвременная Алеѹандрова жалость: по томъ идетъ протіво бактріанъ бѣглецовъ, и Сісімітру воеводѣ. Смерть Філіта мужественнаго юноши и Ерігіа преславнаго полко одца.
3. Женѣ Спітамінови, которая убівши мужа своего, главу его пріносла, повелѣваетъ Царь изыти изъ обозу. Нѣкія страны отъ озлобленія водъ ихъ свобождаетъ.
4. Мразъ лютыи звло озлобляетъ воіско идущее ко Габазѣ: Алеѹандрово постоянство и къ худѣішему воіну добродѣяніе: и бракъ его съ рауаною.
5. Начавъ мыслити о воінѣ Індіискои, прелестнікевъ прелщеніемъ, въ велію гордыню Алеѹандръ превознесся, сыномъ Іовішевымъ велітъ себе наріцати: тое Каллістенъ, многіми словесы претяше ему.
6. безчестія ради Гермолаю благородному юношѣ сотвореннаго, востаетъ на главу Алеѹандрову бунтъ, о немже егда бысть возвѣщено между бунтовщіками неповінныи, Каллістенъ погібаетъ.
7. Гермолая невіннаго быти, Каллістенъ исповѣдая, свірѣпую Алеѹандрову гордость укоряетъ.
8. Алеѹандровъ отвѣтъ протіво поношенія Гермолаева, такожде казнь бунтовщіковъ и невіннаго Каллістена.
9. О рѣкахъ наріцаемыхъ, Індъ, Гангъ, Діардень Індіискія страны, о жітеляхъ ея, и о изобілно богатыхъ Царѣхъ, и о мудрецахъ лвственное описаніе.
10. разныя Індіискія страны народы, удівітелнаго счастія, обаче не безъ крове покори ихъ Алеѹандръ.

11. Гору Аорнъ, и крѣпость непрїступную Алеѯандръ облегаетъ, оставленну же отъ осажденныхъ вземлетъ.
12. Омфъ Царь сїлныи, себе и Царство Алеѯандру поддаетъ: отъ него же паки всецѣло воспрїемлетъ. Того ради взаїмно дары Царю отъ Царя посылаются.
13. Проттво Пора Царя по совѣту Омфа Алеѯандръ брань творїтъ, которая обаче сомнѣтелна въ началѣ велми бѣдственна была.
14. Їндїанъ и Македонянъ преславныи и кровопролїтныи бои, Царя Пора плѣненаго велїкодушїе и Алеѯандра Царское мїлосердїе.

1: Алеѯандръ похвалбою паче болшею, неже славою ту гору каменную взялъ, понеже супоната ради въ разныхъ мѣстахъ стоящего потреба бѣ ему воїновъ раздѣлїти, на три части раздѣлїлъ, съ едїною частїю Ефестїона съ другою Цемона послалъ, самъ съ прочїими шелъ. Но не едїна была мысль у Варваръ. Со иными бои сотворївъ мечемъ взялъ. Болшая же часть отъ нїхъ безъ бою покорїлася, имже села и нївы повелѣ отдати взявъ отъ тѣхъ, которые не восхотѣли отъ бунту престати. А изгнанніи бактрїане имѣюще въ товарыщствѣ осмь сотъ конныхъ Массагетовъ, блїжныя села разорїли, ихже ради укрощенїя, Аттїнъ страны тоя воевода съ тремя сты конніцы западныя таїно не знаемъ изыде. Зане супоната въ лѣсахъ стоя блїзъ поль сущїхъ, вооруженнаго воїна сокрылъ, не многїхъ послалъ со скотомъ, дабы его обманомъ здобычь

здобычь къ засѣдшымъ прівели. Тако Аптінъ безразсудно не устроівъ воіска, егда взялъ корысть бѣжалъ въ передъ. Но ему мінующему дубраву, нечаянно нападе на него непріятель, и со всѣмъ его въ конецъ побѣділъ. Вскорѣ о томъ вѣсть къ Кратеру прішла, которыи со всею конніцею пошелъ. Массагеты же весма уже убѣжали, обаче Даховъ тысящу убілъ, коіхъ побѣдою, весь бунтъ тоя страны укротілся. Алеѯандръ паки Согдіановъ взявъ во область возвратілся ко Мараканду, тамо бердъ, егоже къ Агарянамъ за босфоромъ рѣкою жівущімъ посылалъ съ послами ихъ встрѣте его. Такожде и Фрапаферна, которыи Массагетами и Дахами прілѣжащіми владѣлъ, подданство пріслалъ. Агаряне молілі Алеѯандра, да дщерь Царя ихъ въ жену себѣ поіметъ; аще же сродства сего возгнушается Княземъ Македонскімъ совокупітіся съ дѣвіцами честнѣішаго роду, да не возбраняетъ. Потомъ обѣщали ему, что самъ Царь ихъ прідетъ къ нему: отъ обоіхъ странъ мілостівно выслушавъословъ, Ефестіона и Артабаза въ тѣхъ же мѣстахъ ожідалъ, которые егда прішли, купно съ німі, въ страну наріцаемую базарія пошелъ. Варварскаго того народа неиное изобіліе, токмо въ велікіхъ дубравахъ, избранныхъ звѣрси стада огражденны. Пространныя дубравы избіраютъ

на то, гдѣ бы частыя источнїки были, ограду созїдаютъ каменную и башни ради стоянїя ловцамъ. Тои дубравъ чрезъ четыреста лѣтъ нїкто коснулся, въ которую Алеѯандръ со всѣмъ воїскомъ вшелъ, и повелѣлъ отвсюду звѣреи гонящи. Между которыми выбѣжавъ левъ случаемъ велми великїи, устремїлся на самого Царя, но Лїсїмахъ близъ его стоялъ [которыи по немъ Царствовалъ] хотѣлъ копїемъ ударїти. Но Алеѯандръ его отрѣявъ, отвїщи повелѣлъ: рекъ тако, и азъ добрѣ, якоже и Лїсїмахъ, Льва убїщи могу. Понеже Лїсїмахъ нѣкогда въ Сїрїи на ловїтвѣ, самъ единъ убїлъ Льва звѣло великаго, но левъ растерза ему лѣвое плѣчо даже до костеи, и бысть въ послѣдненеи погїбели здравїя. Тѣмъ его укорїлъ тогда Алеѯандръ, и паче сотворїлъ самымъ дѣломъ, неже рече словомъ. Понеже съ сїмъ звѣремъ не токмо брань сотворїлъ, но единымъ удареніемъ убїлъ. баснь юже вымыслїли аки бы Лїсїмаха Царь на снѣденїе Льву далъ. Отъ сего случая якоже речеся [мнїшмїся] оная баснь начало воспрїяла. Но Македоняне аще и счастлїву Алеѯандръ на поединокъ со Львомъ брань сотворїлъ безъ повреждения; обаче обыкновеніемъ домашнїмъ узаконїли, дабы Царь нїкогда не дерзалъ ловїтвы творїши, безъ избранныхъ началнїковъ и друговъ своїхъ,

своїхъ. Тѣмже убївше четыре тысящи звѣрси, въ тоїже дубравѣ со всѣмъ воїскомъ пѣршествовалъ. Оттуду возвратїлся къ Маракандѣ. Тамо Артабазъ не восхотѣвъ снаросши ради болѣе владѣти, егоже чїнъ тоя страны, Алеѯандръ Клїтови вручїлъ. Сеи Клїтъ былъ, которыи Алеѯандра у рѣки Гранїкъ брань шворяща и имѣюща главу не покровену, щїтомъ своїмъ укрылъ, и розакову руку мечемъ отсѣче, которыи уже со оружїемъ на главу его наступїлъ, старыи еще Фїлїповъ воїнъ, многїми ратными дѣлы славенъ. Елланїка сестра его такожде Царя [Алеѯандра] воспїтала, и аки матерь любїлъ оную Царь. Того ради болшую и сїлнѣйшую часть царствїя, вручїлъ ему въ обереженїе. Уже во утрїе повелѣ ему уготовлятїся въ путь, и прїзвалъ его на преславныи пїръ, на которомъ пїру Алеѯандръ вїномъ себѣ нагрѣявъ главу, дѣлъ своїхъ стался цѣнїтель безмѣренъ, что коего времене содѣялъ, съ велїею похвалою и щеславїемъ начатъ выхваляти, даже тягостно было ушесамъ слышащїхъ и извѣстно знающїхъ, истїнну-ли глаголетъ. Обаче старѣйшїны молчали. Но егда и Фїлїппова дѣла начатъ унїчїжати, рекъ: егда побѣду преславную у Херонїи азъ сотворїхъ, позавїдовалъ мнѣ о неи отецъ, и себѣ толь велїю славу прїчїталъ. Но онъ

[егда между Македонянами и наемнымъ воіскомъ бунтъ былъ,] отъ язвы въ то время лежалъ, не мняше, да бы инако возмогъ быти неустрашенъ, токмо умышленіемъ смерти, егда азъ тѣло его щітомъ покрылъ, и хотѣвшіхъ его убіти, мосю рукою смерти предалъ. Сіе отецъ мои истіннымъ сердцемъ нікогда исповѣдалъ, яко азъ есмь защітітель здравія его. Сіце егда изыдохъ безъ него на Іллірікы по побѣдѣ извѣстіхъ ему, яко супостата побѣдіхъ и разгнахъ, и ни гдѣ мнѣ тамо помощи не далъ Філіппъ. Не тіи похвалы достоіны, иже предѣловъ Самоѳрацкіхъ достігли, зане подобало Азію жечь и разоряти, но которые величествомъ дѣлъ и вѣрность упреділи сіхъ и прочіихъ рѣчеи тѣмъ подобныхъ, младыя воіни охотно слушали: но старымъ не любезно было сіе наіпаче Філіппа ради, подъ егоже обладательствомъ болшее время жіли. Тогда Клітъ, уже и самъ прішумень сыи, обратівся къ сѣдящімъ при немъ, Евріпідовъ стіхъ изрече, сіце тіхо, яко Царю шептаніе паче нежели слова слышны были, тое реченіе знаменало, яко Греки не добрѣ уставіли, да бы на знаменахъ по воспріятои побѣдѣ поставленныхъ, имена токмо єдіныхъ Цареи пісали, понеже тѣмъ обыкновеніемъ пріобрѣтеную славу кровію чуждою похіщаютъ. Тѣмже Царь имѣя

мысль,

мысль, яко тои гласъ имать въ себѣ нѣчто зло, вопрошалъ не далече отъ него сѣдящихъ, да извѣстятъ, что Клїтъ рече. Но егда вси умолчали, Клїтъ мало болшїмъ гласомъ дѣла Філїппова воспомянулъ, и воїны бывшїя въ Грецыи, паче всѣхъ настоящїхъ выхвалялъ. Откуду между младыми и старыми вои распря израсте. Царь же аки бы терпѣлїво послушалъ, егда дѣла его унїчїжалъ, но вѣло нань разъярїлся. Обаче укротїлъ бы сердце Алеѯандръ, аще бы Клїтъ болше не глаголалъ; егда же не преста роптати, Алеѯандръ паче гнѣва исполнїся. Уже бо Клїтъ и Парменїона дерзнулъ оправдати, и побѣду Філїппову сотвореную надъ Аѳїнами, паче неже разореніе Ѳесъ превозносїлъ, не токмо пїанствомъ, но и отъ сердца любопрѣнїемъ возбужденъ бывъ. На послѣдокъ рече: аще бы случїлося за тебе умрети, Клїтъ перво умретъ: а побѣдъ болшую почесть нынѣ прїемлютъ отъ тебе, которые безсрамно славу отца твоего унїчїжаютъ. Даеши мнѣ царство Согдїанское, кое уже многажды бунтовало, и еще не укрощено, и невзято совершенно, егоже и взяти не можемъ. Посылаеши мя къ дївымъ sвѣремъ, а не къ людемъ, гдѣ ужасныя и велїкїя погїбели. Но что мнѣ надлежитъ, сїе не умолчу, много себя выхваляешъ, а Філїпповыхъ

воїновъ унїчтожаетъ. Не помнїши ли, егда бы не Аѳарїи старїкъ младыхъ воїновъ ослабѣвшїхъ возбудїлъ, еще бы мы подъ Алїкарнасомъ стояли? Како убо со младыми тѣми воїнами ты взялъ Азїю? Истїнну [яко мню] сказалъ братъ матери твоея во Італїи, что онъ нападалъ на мужеи, а ты на женъ. Въ томъ его словѣ, ни что болѣе не оскорбїло Царя, паче того, что помянулъ Клїтъ съ честїю Парменїона; обаче сїю болѣзнь въ себѣ сокрылъ, доволенъ бывъ, яко ему повелѣ изыти изъ пїра, и не рече болѣе кромѣ того, да бы не забылъ, и то прїпомянуть, аще имать множае глаголати, како ему и здравїе даде. Тѣмъ бо Клїтъ многажды гордо похваляется. Но егда Клїтъ не восхотѣ востати, тогда блїзъ его сѣдящїи ропщуще нань, за руки его взяли, увѣщая его да изыдетъ вонъ. Онъ же влекомь, къ прежнему пїянству еще гнѣва прїмножїлъ, и рече: грудми моїми я жїзнь его закрылъ, и защїтїлъ, но таковаго нынѣ мздовоздаянїя, понеже время преїде, убо и воспомїнанїе нелюбезна. Еще же Атталово убїиство предложїлъ ему, напослѣдокъ бога Іовїша [егоже отцемъ своїмъ Алеѯандръ нарїцалъ,] извѣщенїю ругаяся рече: болшую истїнну азъ Цареви сказалъ, неже отецъ его, и уже толїкїя ярости исполнїся Царь, отъ колїкїя бы и трезвъ

едва

едва возмогъ удержатіся. Тогда же отъ вїна имѣя умъ шуменъ, вскорѣ и изъ мѣста всталъ. Тогда други убоявшеся, неположївше, но повергше чаши, востали, зряще что Алеѯандръ будетъ въ толь жестокомъ распаленїи творїти. Алеѯандръ же ухватілъ изъ руки у воїна копїе, и на Клїта еще дерзновенно глаголющаго хотѣлъ вергнути. Тогда Птоломеи и Пердїкка поперегъ его обняли, и не допустїли, Лїсїмахъ же и Леонатъ копїе у него отняли. Онъ же воїновъ вѣрности и здравїя своего обрегателеи кликнувъ рече: что други его хотятъ уловїти, якоже и Дарїю прежде случїся, и повелѣ трубїти, да на нихъ вооруженны воїны въ хоромы Царскїя внидутъ. Тогда Птоломеи и Пердїкка падше къ ногамъ его молїли, да престанетъ отъ толїкаго безразсуднаго гнѣва, и да бы разсужденїю мѣсто далъ. Во утрїе бо праведнее вся можетъ розыскати. Но Алеѯандрова ушеса бяху запворенна отъ гнѣва; того ради не могъ удержатіся, побѣжалъ въ преддверїе хоромъ, и у едїнаго отъ стрегущїихъ взялъ копїе, и сталъ при дверехъ, идѣже надлежало исходїти тѣмъ, которые купно съ нїмъ вечеряли, изыдоша прочїи, послѣдней Клїтъ такожде безъ свѣщы вышелъ, егоже вопросїлъ Царь, ты кто таковъ? но вопросїлъ гласомъ намѣреннаго убїиства исполненымъ. Клїтъ же не

своего

своего, но Царскаго гнѣва памятенъ. Отвѣщалъ: я Клїтъ, изхожду изъ бесѣды и пїра. Сія ему глаголющу, Алеѯандръ бокъ его копіемъ прободе, умірающаго же кровію омоченъ, рече: иди нынѣ къ Фїлїппу, къ Парменїону, и ко Атталу.

2: Злыи, человѣческому уму прїрода, совѣтъ даетъ, яко не будущїя, но прешедшїя дѣла себѣ разсуждаемъ; ибо и Алеѯандръ, егда отступілъ отъ него гнѣвъ, и отъїде шумъ пїанственныи, тогда лютое свое безчінія дѣло разсмотрілъ. Увідѣлъ бо въ то время, како излішше великія волности употребілъ Клїтъ, но былъ преславныи во брани воінъ, и аще бы не стыда ради уста запечатлѣнна были проглаголати, яко убілъ защітніка своего, воістінну бы то повѣдалъ, что спекулаторское дѣло употребілъ. Алеѯандръ, Царь сыи, задерзновенныя и неразсудныя словеса, которыя пїянству могли прічестіся, неправедною смертію казнілъ и отмщеніе сотворілъ. Кровь убо того, которыи не давно съ Царемъ былъ на бесѣдѣ, по всему преддверію текла. Стражи же усумнѣвшіся аки изумленны отдалече стояли; По сіцевои жалости вси разыдошася, єдінаго Царя оставілі. Тѣмже Алеѯандръ копіе изъ лежащаго тѣла изторгнувъ, обратілъ къ себѣ, и уже къ персемъ пріложілъ, но стражіе прібѣгше, аще

и воз-

и возбраняше изъ рукъ исхіщіли, и вземше его въ шатеръ внесли. Алеѯандръ же поверже себе на земли, воздыханіе и плачь его превеліки слышанъ былъ по всѣмъ хоромамъ. Потомъ началъ лице свое ногтми терзати, и окрестъ стоящихъ молити, да въ сіцевомъ безчініи не потерпятъ ему жіву быти. Вся нощь въ таковыхъ моленіяхъ прошла. Прілѣжно такожде разсуждалъ, аще бы не прогнѣванія ради боговъ, не впалъ бы въ сіцевое безчініе. Изобрѣте же сіе, яко годовая жертва Ліберу отцу не во уреченное время быстъ сотворена. Того ради привінъ и бесѣдъ сталася явственный гнѣвъ боговъ, но паче всего быстъ ему печално, яко сердца всѣхъ другові відъ сумнѣнныи, и уже нікто съ німъ дерзнулъ. Потомъ секретно слово бесѣдовати, прііиде то едіному, что ему жіти въ пустыни, аки звѣрю дікому, которыи овыхъ устрашаетъ, овыхъ же самъ боится. Во утріе возсіявшу Солнцу, повелъ тѣло прінести такъ окровавленно, якоже лежало, которое егда внесли предъ него, Алеѯандръ слезами облівся рече. Сію ли мілость кормілцѣ моеи показахъ? и сіцевую ли мзду воздахъ, еяже два сына моея ради славы подъ Мілетомъ погібли? Нынѣ же братъ, едіно въ сіротствѣ си потѣшеніе, на піру отъ мене убітъ лежітъ? Камо нынѣ обратітся бѣдная,

отъ всѣхъ ея, азъ єдінъ остахъ, нань же воззрѣти добрымъ окомъ не возможетъ? Азъ же защітітелеи моіхъ убіица, егда возвращуся во отчізну, то нїже руки моея во срѣтеніе кормілїцы, безъ воспомінанія бѣдства ея дати могу? Егда же отъ плача и вопля не престаяше, друзи повелѣша тѣло изнести. Царь три дни заключівся лежаше. Егоже гвардіа и стражіе здравія его познавше, яко всеконечно умрети себе понуждаетъ, вси купно въ шатеръ внідоша, многое же время моляще убѣдіша, да вкусітъ пїщы. Къ сему же да бы того убіиства не размышлялъ, сотворіша наказъ Македоняне, яко Клітъ достоіно убітъ, и погребсти тѣло его не хотѣли, аще бы не самъ Царь повелѣлъ. Тѣмже десять дней, ради совершеннаго утоленія стыда подъ Маракандою стоявъ, съ частію воіска Ефестіона, въ бактріанскоє Царство послалъ, да уготовятъ запасы на зіму. Которую страну Клїту опредѣлілъ, оную Амінтъ вручілъ. Самъ ко Ксенїппу поіде, предѣлы тоя страны съ Агарянами смежны, много имутъ частыхъ селъ. Ибо изобілїе тоя земли, не токмо жітелеи на себѣ содержітъ, но и прішелцевъ къ себѣ влечетъ. бактріанскіхъ бѣглецевъ, которые Алеуандру измѣніша, прібѣжіще и прістанїще было. Но егда Царево прішествіе услышано бысть,

жітел-

жітели изгнаша ихъ отъ себе, бяше ихъ мало не двѣ тысящи двѣсти человѣкъ, вси коннїи бяху, такожде во время мира разбоемъ упражняхуся. Того времени жестокїя разумы тыя, не токмо воїны вожделѣнїе, но и отчаяніе укрѣпляше. Сїце неїзвѣстно на Амїнту воеводу Алеѯандрова нападеніе сотворївше, многое время въ равнѣ рановашася. На конецъ седмь сотъ своїхъ погубївше, отъ нїхже плѣненни бяху тріста, начаша уходїти, но не безъ отмщенїя, ибо осмьдесятъ Македонянъ убїли кромѣ раненыхъ трехъ сотъ пятїдесятъ; обаче и по второмъ бунтѣ прощеніе воспріяша. Тѣхъ въ подданство взявъ Алеѯандръ, поїде въ страну наріцаемую Мануры со всѣмъ воїскомъ.

Бысть тамо Сїсїмїтръ воевода, иже имѣ двоїхъ сыновъ отъ матери своея, ибо между тамошнїмъ народомъ сынъ можетъ пояти въ жену себѣ свою матерь. Той, страны тоя тѣсноты засѣлъ, съ двѣмя тысящми вооруженнаго простаго народа, къ сему крѣпость созда. рѣка такожде ѕѣло быстра течаше, яже тылъ горы заключаше, и обліваше, тую жїтели тако устроїша, что мощно въ бродъ преїти. Пріходъ вершпа того имать свѣтъ, внутрь же его безъ свѣтїла и огня нїчто вїдѣти мощно, путь подъ землею, аки

пещера идетъ даже до поля, нікому же кромѣ тамошніхъ жітелеи вѣдомъ. Но Алеѯандръ, аще и отъ пріроды бысть положеніе мѣста крѣпко, и Варвары ѕѣло вооруженны защіщаху; обаче съ овнами [или быками орудіи стѣноломными] пріступівше, крѣпости, рукою созданныя разори и сокруши. Изъ пращъ же и луковъ стрѣляя, осады болшую часть изгналъ, ихже разгнавъ и разоренныя окопы прешедъ, къ самои горѣ пріведе воіско. Рѣка токмо остала, въ нюже истекаша воды отъ горы чрезъ удолія и долїны, и мняшеся дѣло веліе быти, сіцевыи вертепъ наполніти. Обаче *повелѣ древеса сѣчь, и каменіе метати*. Веліи страхъ на Варваровъ наіде узрѣвшіхъ нечаянно устроеную плотіну. Сіце Алеѯандръ не усумнѣваяся, что страхомъ къ подданству можетъ ихъ пріклоніти, Оѯіатра тояжъ породы послалъ къ німъ, но подданного себѣ, совѣтовати тому воеводѣ, да бы гору здалъ. Тѣмъ временемъ болшаго ради страха и башни подвезли, и оружіе сілное напустіли, того ради не имѣюще защіщенія въ нізу горы и надежду погубівше, вбѣжали на самои верхъ горы. Оѯіатръ устрашеннаго и отчаявшагося сілы своея, Сізімітра начатъ увѣщавати, да бы паче вѣрность и мілость неже сілу Македонскую искусілъ, ніже бы препятіемъ

былъ

былъ путшествію во Індію, воінства побѣдителя идущаго, емуже аще кто попротівится на себе самаго погібель обратитъ инаго. Намѣренъ здатіся Сізімітръ; но мітерь тяжде и жена глаголаше: лутше ми прежде умрети, неже бы я подъ его областію жіла. Тѣмже Варвара сердце паче къ тщеславію, неже ко безстрашію обратіла, срамно бо ему бысть, яко жены паче неже мужескъ полъ волность почітаютъ. Тѣмже отпустівше посла къ миру, положи намѣреніе себѣ облежаніе претерпѣти. Но и своя и супостатскія сілы разсуждая, и како совѣтъ женскіи паче скоръ и упрямъ, неже потребенъ быти разумѣя, начатъ жалѣти, что такъ отпустілъ посла. Вскорѣ же возвратівъ Оуіатра, обѣщается Цареви поддатіся, о едіномъ токмо прося, да оволъ и совѣтъ матере его, Царю не изъявляетъ. Ибо въ то время лутше отпустітъ еи. Сіце отпустівъ Оуіатра къ Царю, самъ съ матерію и чады и со всѣмъ племенемъ поіде, не ожідая залога вѣрности, егоже Оуіатръ обѣща. Царь же коннаго воіна послалъ, да возвратітся во оно мѣсто, егда пріиде, Мінервѣ о побѣдѣ жертву сотвори, государство Сізімітрови возврати, обнадѣжівъ его всѣмъ владѣніемъ, аще вѣрно дружбу съ німъ содержати будетъ.

Тѣмже даде ему двоїхъ сыновъ юныхъ, которыхъ Алеѯандръ въ воінскои чінъ поставілъ. Оставя же пѣхошу, съ конніцею на бунтовщіковъ поіде.

Труденъ съ начала и препінателенъ, каменія ради, путь имѣша, и коль могли, шли, но въ малъ времени, не шокмо кони копыта повреділи, но и сами пѣломъ утомлены, не возмогоша итти, и не многія полки брели, стыду [якоже случаешся] излішнїи трудъ преодолѣваше. Однакожъ Царь кони премѣняя безпрестанно уходящаго супостата достігаше. Уже юноши благородныя, которыя нікогда отъ него не отступали, изнемогли. Кромѣ Філіппа, Лісімаховъ бѣ братъ, уже въ совершенныи возрастъ прішедшіи, и якоже дѣломъ показа, едва сіцевыи можаше изобрѣстіся. Тои пѣхотою при немъ [неятовѣрно рещи] чрезъ двѣсти стадіи въ брони ополченія со оружіемъ идяше, емуже Лісімахъ многократно коня даяше, не восхотѣ взяти, ніже степени едінаго отъ Царя не отсталъ. Тои егда къ лѣсу пріспѣша, гдѣ супостатъ утаілся, храбрственно брань сотворілъ, и Царя съ непріятелемъ сразівшася защітілъ. Но егда Варвары изъ лѣса избѣгоша, сердце, еже его тѣлу во брани храбрость подаяше, оцѣпенѣло нечаянно, изъ всѣхъ членовъ потъ на него наіде,

онъ

онъ къ близъ стоящему древу прїклонївся, не возмогль и тако стояти, хотя Царь и руками своїми его держаше; однакоже паде и умре. Печаленъ бысть Царь, но другая еще не меншая болѣзнь предуспѣ. Ерїгїи преславныи полководецъ бысть, конорыи вмалѣ прежде неже въ обозъ возвратїлся умре. Обоїмъ погребеніе съ великимъ убранїемъ и со всякою честїю сотворїлъ.

3: Потомъ умыслїлъ поїти на Дахи, гдѣ слыша Спїтамїна быти. Но и тои путь и брань счастїе вмѣсто его управїло, якоже и прочїя многїя дѣла, въ изъявленїи мїлости своея, противо ему, нїкоего имѣя труда. Ибо Спїтамїнъ велми жену свою любяше; она же многократныя уходы и премѣны мѣстъ, сдва можаше терпѣти; понеже ону вездѣ за собою, на великїя пагубы влечаше. Она бѣдственными безпокоїствы утомлена, множїцею женскїхъ лщенїи не оставляя, молїла его, да бы бѣганїю конецъ учїнїлъ, и Алеѫандра побѣдїтеля мїлость себѣ свѣдѣтелствованную облажїлъ, предъ нимъ же никоїмъ образомъ укрыпїся не можаше. Трое сыновъ въ возрастъ уже сущїхъ имѣла съ нимъ, ихже къ персямъ отеческимъ наклонїла, молящи, да шѣхъ помїлуетъ, къ сему же болше просїла, вїдя не далече Алеѫандра. Но онъ разумѣя, что его не умолястъ, но предаетъ и желаетъ

и желаетъ того, да бы вскорѣ въ рукахъ Алеѯандровыхъ былъ, сама надѣяся на красоту лїца своего, мечъ извлекъ, хотѣлъ убїити оную, аще не бы братїя ея защїтїли. Повелѣ же си отъ лїца своего изыти, претя смертїю, ежели когда явїтся ему: самъ же вожделѣнїя плоти своея исполняя, начатъ со блудницами пребывати по ночамъ. Но любовь горящая внутрь сердца сущи разпаляше его. Чесо ради со женою прїмїрїеся, начатъ ѣло молїти ю, да нїкогда ему сїце не совѣтуетъ, случаи же какїи ни прїключїтся, купно съ нїмъ да терпїтъ, глаголя: лутше ми умрети, неже поддатїся. Она же оправдающїся рече: что токмо полезное разумѣхъ, мнїтмїся женскїмъ разумомъ, но обаче по исшїннѣ совѣтовала, на конецъ обѣщалася всю волю его исполняти. Сїце Спїтамїнъ мнїмою любовїю прелщенъ, повелѣ пїръ устроїти, дню еще бывшу, гдѣ пїщею и вїномъ утружденаго, такожде сномъ, отягощеннаго, на ложе отнесоша. Жена вїдя его велми спяща, мечъ взяла, егоже подъ одеждою сохранїла, извлекши же его, главу ему отсѣче, кровїю окроплена рабу знающему сїя вся, въ сохраненїе даде, купно же съ нїмъ во одеждѣ окровавленнои въ обозъ Македонскїи поїде, и Алеѯандру извѣстїти повелѣ, яко имать ему нѣчто рещи. Абїе Царь повелѣ

пустїти

пустіти оную, узрѣвъ же кровію окроплєну, мняше, яко пріидє жалобу укорізны своєя предлагати хощетъ, рече: да бы глаголала, чего требуетъ? Она же желаше да раба ея предъ него пустятъ, которому предъ палатами повелѣ ожідати. Тои иже главу Спітамїна подъ одеждою имѣяше, того ради у незнающіхъ бысть въ порокъ, тѣмже егда его обысківали показа ю; но блѣдности ради превеліѣія едва можаху познати, чія бысть. Царь увѣдавъ что главу человѣческую пріносе, изыде изъ палаты и вопросівъ, что бысть? егда же ему сказаша, уразумѣлъ. Оттуду разныя мысли имѣлъ, відѣ како ему сія жена услугу велію сотворіла, егда бѣглеца и измѣнніка и сіцеваго [которыи аще бы былъ жівъ, не малое препятіе творілъ бы ему] убіла, но итако удівітелно страшнаго безчінія изнести не возмогълъ, відя како мужа благодѣтеля великаго, съ німже и чада имѣла прелестію не мілостівно убіла. Обаче мілость и пріслуга преодолѣваше безчініе, повелѣ ей извѣстіти, да изыдетъ изъ обозу, да бы образца, сіце безчінныя волности Варварскія, благонравнымъ и смірениымъ разумамъ Греческімъ не подала. Дахи воспріявше вѣсть о смерти Спітамїна, Датаферна сверстніка его тояжъ измѣны, взявше Алеѯандрови отдадоша, и сами

свое ему поддали. Онъ многіхъ настоящіхъ избавівся печалеи, обратілъ намѣреніе свое казніти воеводы и началніковъ, которыя гордостно и зависстно управляли чінъ свои. Тѣмже Фратаферну Гірканію, Марды, и Тапуры вручілъ, повелѣ же, да бы ему застражею отслалъ Фрадата, на косго мѣсто онъ пошелъ. Старазона въ Карію, на мѣсто Арсамово послалъ. Арсацесу Мідію, по Оуідатѣ пріказалъ. Царство Вавілонское Дедітамену отдаде. понеже Мазеи умре.

4: Сіе егда устрои, въ трети мѣсяцъ отъ станціи, поіде обозомъ въ Царство наріцаемое Габаза. Перваго дня имѣлъ путь покоенъ. Вторыи день аще и не бѣ бурень и скорбенъ, обаче мраченъ и туманенъ, егоже не безъ злополучія преіде. Въ трети день отъ всѣхъ странъ съ небесъ бѣ молнія, откуду не токмо очеса но и сердца всего воінства страхъ превелікіи пронзаше, временемъ являюще свѣтъ, временемъ мракъ. Потомъ бѣ безпрестанныи громъ и нізпаденіе громовыхъ стрѣлъ отвсюду, воіско устрашівшеся, ніже ити, ніже сідѣти возмогли. По семъ весма нечаянно дождь, аки какая рѣка скоротекущая съ градомъ изліяся, которыи сіце оружіемъ покровенныхъ измочілъ, яко на конецъ ни оружія руками слізскіми и замерзлыми держати; ніже въ кую бы страну

обратітіся

обратітіся возмогли, егда отвсюду велія буря воздуха воста, отъ коея нікто ухранітіся невозмоглъ. Сіце строи и шеренги размѣсівшеся, по всему лѣсу гдѣ кто возмоглъ шаташеся, мнози прежде отъ страха неже отъ труда на земли лежали, еще же и мразъ вездѣ воду дождевую въ ледъ претворілъ. Прочіи ко пнямъ уклоняхуся, еже многімъ помощію и подпорою было, иніи же избірали себѣ мѣсто, гдѣ умрети. Егда нідвіжіми суще, естественныя теплоты гонзаху; обаче любезна бяше лѣность утружденнымъ тѣлесами, ніже протівляхуся, еже бы почівающімъ погібнути. Егда не токмо сілная но и непрестанная буря ѕлая оѕлобляше ихъ, и свѣтъ [еже естественное утѣшеніе,] кромѣ не погоды, нощеобразная дубравная темнота закрывала. Самъ едінъ Царь толікое ѕло терпящъ, воінство обхождаше, вкупѣ разсѣянныхъ собірая, лежащія воздвізаше, дымъ не далече въ храмінахъ показуя, да къ німъ бѣжатъ увѣщаваше. Нічто бѣ врачествомъ здравію, паче: егда Царя въ сіцевомъ жестокомъ паденіи, сами отъ него суще отчаянни, срамляхуся оставіти. Обаче показа имъ нужда, паче неже разумъ протіво сіцеваго мраза совершенную помощъ. Ибо начали лѣсъ рубіти, и огни велікія вездѣ разложіли тако, яко мнѣлъ бы кто, что лѣсъ весь горітъ, и едва

мѣсто между огнемъ воїнамъ бысть. Тая теплота содѣла полумертвымъ ожівленіе, и по времени духъ, егоже объятъ хладъ начатъ къ нему пріходіти. Прочіи во храмінахъ Варварскіхъ сідѣша, ихже имъ въ концѣ лѣса нужда показала. Прочіи же въ обозѣ лежали, которыя аще и на мокротномъ были мѣстѣ, но обаче подъ Небомъ свірѣпость свою укротівшымъ.

Погібе въ ту непогоду тысяща воїновъ, купно съ поварами и юношами изчісленныхъ. Памяти ради сіе напісася, яко обрѣтаху нѣкіихъ въ лѣсу о пняхъ стоящія, аки еще жівыхъ, и сіцевымъ образомъ аки бы другъ другу глаголали, въ тѣхъ же одеждахъ, въ которыхъ смерть встрѣтіла когождо. Случіся что едінъ воінъ пѣшіи Македонянінъ, едва чрезъ сілу до обозу со оружіемъ, во слѣдъ прочіихъ пріиде: Узрѣвъ его Царь Алеѯандръ, аще и самъ не давно у огня отъ стужи согрѣвашеся; обаче съ мѣста своего восталъ, и воіна еле жіва суща пріялъ, оружіе съ него обравъ, на своемъ мѣстѣ посаділъ. Воінъ многое время ніже гдѣ сѣдіть, ніже кто его посаділъ, уразумѣти возмогль, обаче согрѣвся и въ память прішедъ, егда стулъ Царскіи, и Царя увідѣлъ самого, ужасеся и вскочілъ. Но Алеѯандръ на него зря рече: что мніши воіне? коль лутшую

здѣ

здѣ имате службу, нежели Персы у своїхъ Цареи. Ибо у нїхъ смертїю казнятъ, которыи на стулѣ Царскомъ сядетъ, тебѣ же сеи стулъ здравїя ходатаи бысть. Во утрїе созва друговъ и полководцевъ, повелѣ извѣстїти, ежели кто что потерялъ, онъ хощетъ возвратїти всякому, и обѣщанїе исполнїлъ. Понеже Сїзїмїтръ ѕѣло много конеи, и верблюдовъ двѣ тысящи прїведе, къ сему же скотовъ разныхъ изобїлно, то все на воїско раздѣлїлъ, купно же отъ убытка и глада свободїлъ. Сотворїлъ же Царь Сїзїмїтру благодаренїе, воїнству пїщи на шесть днеи съ собою взяти повелѣ, и на Саки поїде, землю ихъ всю разорїлъ, трїдесять тысящеи скота отъ тоя плѣнїлъ, и Сїзїмїтру пожаловалъ. Оттуду прїиде въ нѣкую страну, гдѣ воевода благородныи именемъ Когортенъ обладаше. Тои Алеѯандру охотно здадеся. Алеѯандръ же со всѣмъ государство ему отдавъ, болше нїчто у него не желалъ, токмо да дастъ ему двоїхъ сыновъ въ воїнскую службу, а третїяго да оставїтъ себѣ, но онъ и третїяго охотно отдаде, и сотворїлъ богатыи пїръ про Царя, на немже егда съ велїкїмъ веселїемъ пїровали, повелѣ трїдесять дѣвїцъ началнѣїшаго рода прївести. Бѣ между ими дщерь его Роѯанна, лѣпотою ѕѣло прекрасна дѣвїца, возрастомъ удївїтелнымъ, на прїтчу между

Варварами сіцева. Которая хотя и купно со избранными пріішла, однакожъ всѣхъ очеса обранїла на себя, наіпаче же Царскія, которыи уже въ желаніи надъ похотію своею власти не имѣлъ, пребывая въ непрестанномъ счастіи, въ немже человѣцы вѣло не блюдутъ себе. Сіце тои Алеѵандръ, иже къ женѣ дарієвои, ко двумъ дщерямъ его, въ пріродѣ, кромѣ роѵанны, равныхъ себѣ не имѣющімъ, аки отецъ являшеся. Нынѣ же любовію єдіныя дѣвіцы, Царскому колѣну неравныя сіце разжеся, яко рече: къ содержанію и укрѣпленію Царства сіе потребно, да бы два сія народы Персідскіи и Македонскіи бракомъ совокупілісь. Едінымъ токмо сімъ, и побѣжденніи стыда ухранятся, и побѣдітеліе гордость оставятъ. И Ахіллесъ, отъ егоже колѣна проісхожду, таковую же полонянку жену имѣлъ. Да не мнітся убо вамъ [рече] яко недѣло глаголю, понеже и самъ хощу сію въ жену себѣ пріяти. Неначаянную радость отецъ возъімѣвъ, словесамъ его не отрече. Тѣмже Алеѵандръ въ самомъ весма огни похоти горя, повелѣ хлѣбъ пріпести по обыкновенію отеческому, [тои бѣ у Македонянъ крѣпчаішіи залогъ хотящімъ сочетатіся] егоже на двѣ части разрѣзавъ съ веселіемъ, оба снѣдоша. Сіце азъ мню, яко шіи образецъ народомъ подаша, малою

устроенною

устроенною пищею, хотѣша показати брачнымъ, коль малою вещію имѣютъ быти благодарны. Сімъ повседнѣмъ, Царь Азіи и Европы введеную дѣвицу на пиръ ко игранімъ, вѣжену себѣ поятъ, хотя имѣти отъ полонянки сына, иже бы надъ побѣдителями Царствовалъ. Срамляхуся друзи его, яко при пировании и пянствѣ за тестя, того [которыи ему сдадеся] избралъ себѣ.

5. По томъ имѣя намѣреніе итти во Індію, оттуду ко Окіяну морю; да бы ни единаго препятія во слѣдъ себе не оставілъ, повелѣ совсѣхъ странъ трідесять тысящеи юношъ вооруженныхъ собрати и къ себѣ привести, хотя ихъ имѣти вмѣсто закладу вѣрности, и вмѣсто воіновъ. Кратера же противо бѣглецовъ, измѣнніковъ Гавстана и Катена послалъ, отъ нихже Гавстанъ пленень, Катенъ же убіенъ на бою.

Полиперконъ, страну наріцаемую бубацена, яже ему здадеся, взялъ. Прочее вся устроівъ Алеуандръ: о воінѣ токмо Індіискои мысль свою положілъ. Глаголаша о томъ Царствѣ, коль пребогато, и коль злата, бісеровъ и каменеи драгоцѣнныхъ, наіпаче избытка ради, неже украшенія ради изобілство имѣло, глаголаху како у воіновъ щіпы отъ злата и костеи слоновыхъ блісшаху. Того ради да бы его кшо не превозшелъ, понеже

онъ

онъ сталсѧ всѣмъ глава, щіты воінства своего сребромъ покрылъ, ко уздамъ ѕлатыя муштуки прідалъ, броню военную иную ѕлатомъ, иную же сребромъ украсілъ. Воінства вооруженнаго сто двадесять тысящеи имѣлъ нату воіну идущіхъ. И тако вся потребная устроівъ, что прежде напрасною, и неправедною мыслію желалъ, нынѣ уже разумѣя быти времени прісп҃ѣти, да ему божію честь воздаютъ. И не токмо восхотѣ, да его нарѣцаютъ сыномъ іовішевымъ, сѣрѣчь божіимъ, но да и вѣруютъ, аки бы чрезъ тое возмогъ сердцамъ, якоже и языкамъ человѣческімъ повелѣваті. И того желаше, да бы подобіемъ Персідскімъ Македоняне, честь ему воздавали на землю падающе. Имѣ же то его погібелное вожделѣніе облестніковъ много, непрестанное Царскаго чіна ѕлополучіе, егоже престолъ паче языкъ льстівыи, неже супостатъ вооруженныи превратілъ. Не Македонянъ бысть сія віна: ни едінъ убо отъ нихъ, отеческіхъ нравовъ восхотѣ, ніже мало отступіті. Но отъ Грековъ, которые наукъ честныхъ истінну ѕлыми обычаи растліша. Нѣкіи именемъ Агісъ Аргівянінъ, иже мерзскія стіхи напісалъ, послѣдствуя въ томъ Херілю, и Клео Сіцілїанінъ, не токмо отъ разума, но и отъ прірожды своея лстецъ, и прочіи градовъ своіхъ мерзость,

ихже

ихже Алеѯандръ паче друговъ блїжнїхъ, и прочїхъ велїкїхъ полководцевъ почїташе. Небо ему отверзаху [будто Геркулесъ, отецъ Лїберъ, Поллюѯъ и Касторъ, новому богови, то есть Царю Алеѯандру мѣста уступаютъ, явственно глаголаху.] Тѣмже во время нѣкоего празднїка, повелѣ пїръ зѣло превелїкїи изобїлствомъ велїимъ уготовїти, на немже не токмо Македонянъ и началнѣїшїхъ друговъ Греческїхъ, но и дворянъ имѣлъ учреждати. Егда же съ нїми сѣде Царь въ малѣ пождавъ, воста и отъїде. Тогда Клїо, якоже на сїе добрѣ уготовася, начатъ о немъ пространно, съ велїимъ дѣлъ его преславныхъ удївленїемъ глаголати. Потомъ храбрости его изчїсляя, сїмъ [рече] токмо дѣломъ едїнымъ равное благодаренїе показати можемъ, аще его богомъ исповѣдаемъ, егоже во умѣ нашемъ инаго не изобрѣтаемъ, развѣ многою честїю кажденїя, сїце велїкому его благодѣтелству мзду воздадїмъ. Воїстїнну Персы не токмо благочестїво, но и благоразумно творятъ, яко Цареи своїхъ аки боговъ почїтаютъ. Ибо велїчество Царское, есть защїщенїемъ здравїя. Знаемъ совершенно, яко ни Геркулесъ ни Отецъ Лїберъ, богами прежде почтенны не были, донелѣже преодолѣли завїсть, купно съ собою жївущїхъ. Толїко человѣцы будущїя вѣруютъ, колїко

нынѣшнїи вѣкъ подастъ. Что, аще прочїи и не восхотятъ, азъ єдінъ [егда Царь на бесѣду къ намъ возвратїится] на землю предъ нїмъ паду. Должни сушь и прочїи тое сотворїити. Во первыхъ мудрецы, ибо отъ нїхъ имѣлъ бы образъ похвалы Царевои изыти, тое безъ сумнѣнїя Каллїстенови фїлософу въ досаду глагола, егоже честь и волныи гласъ Цареви не бысть прїятенъ, аки бы онъ єдінъ Македонянъ къ тому скланяющїихся отвращалъ. Того ради егда вси на него взїраху, молчанїю бывшу, рече:

Аще бы Царь при словесѣхъ твоїхъ былъ, ни кому бы подобало къ тебѣ отвѣтъ подати, самъ бы тя Царь молїлъ, да бы его ко странныхъ народовъ обычаямъ не прїнуждалъ еси, нїже бы дѣлалъ его сїце благополучнымъ, завїсть таковымъ лщенїемъ творя, но понеже его здѣ нѣсть, азъ тебѣ за него отвѣщаю, ни єдїнаго овоща скораго не изобрящешъ, иже бы многое время состоялъ, ты такожде не даеши, но отнїмаеши Цареви божество, времени потреба, да мнятъ его быти богомъ, всегда же ту мїлость честнымъ человѣкомъ, вѣкъ будущїи обыкъ есть даваши. Азъ же Цареви владыцѣ моему, будущаго желаю безсмертїя, да житїе его будетъ долговременно, и господствованїе вѣчно. Ибо нѣкогда

человѣка

человѣка по смерти ожїдаетъ, а не егда жївет, купно съ нимъ пребываетъ, божество. Воспомянулъ еси нынѣ Геркулеса и Отца Лїбера прїклады. Вѣрїши ли, яко єдїнаго банкета увѣтомъ богами суть сотворенны? и прежде прїрода отъ очесъ ихъ взята, неже на Небеси слава ихъ посадїла. Истїнну ли рекъ еси Клео? яко азъ и ты боговъ творїмъ, отъ насъ ли Царь божество воспрїиметъ? хотѣлъ бы я сїлы твоея искусїти, сотвори кого Царемъ, аще можеши богомъ? ибо удобѣе дати скїпетръ нежели Небо. Желаю того, да бы бози, что Клео изрекъ, ушесами мїлостївыми прїяли, а путемъ сїмъ, имже досель дѣла наша идоша, исправляли. Насъ же при нашїхъ обычаяхъ, да бы сохраняли, азъ отчїзны не срамляюся: ни желаю научїтїся способу, имже бы Царю могъ хвалу воздавати. Азъ исповѣдаю, яко тїи побѣдїтелїе суть, егда отъ нїхъ законы прїимаемъ, и по которымъ жївелствовати будемъ.

Любезно вси, аки общея волности заступнїка слушаху Каллїстена, не токмо бо къ тїхому проїзволенїю прїклонїлъ, наїпаче старѣшїхъ и честныхъ, имже древняго обычая несносно бысть премѣненїе. Но и Царю о всемъ извѣстно бысть. Ибо за завѣсою, яже кругъ одра завѣшена бѣ, стоя слушаше. Того ради послалъ ко Агїсу и Клеону,

да по скончанїи слова, що могли бы сотворїти, да бы Персы, егда токмо прїидетъ Царь, по обыкновенїю своему домашнему, предъ нимъ на землю пали, самъ въ малѣ умедливъ, аки бы дѣло нѣкое великое дѣлалъ, паки къ бесѣдѣ прїиде. Тогда Варвары падоша предъ нимъ, между которыми, егда узрѣ Полїперхонъ по выше Царя сѣдящїи, како единъ отъ нихъ брадою земли досязаше, аки бы смѣяся и дворствуя увѣщавалъ того Персянїна, да бы поніже брадою къ землѣ прїкоснулся. Того ради возбудїлъ гнѣвъ Алеѯандровъ, егоже прежде ни коимъ образомъ удержати можаше. И тако Алеѯандръ рече къ нему: и ты ли не воздаси мнѣ чести? Тебѣ ли токмо единому въ поруганїе достоины мнимся быти? Отвѣща Полїперхонъ: ни Царь поруганїя, ни азъ унїчїженїя достоинъ есмь. Тѣмже похїти его Царь съ одра, и удари о землю, егда же на лїце паде, рече Царь къ нему, вїдїши ли како тожде сотворїлъ еси, чѣмъ недавно другому посмѣялся еси. Потомъ повелѣ его взяти въ темницу, сїце и конецъ пїршеству сотвори: Полїперхонта многое время въ наказанїи державъ простїлъ.

6: На Каллїстена же болшїи гнѣвъ имѣлъ, подсмотряющаго изъ древле его гордость и пороки. Сего ради въ скоромъ времени прїчїну немїлости показалъ.

показалъ. бысть таковое обыкновеніе: [якоже прежде речеся.] у началнїковъ Македонскїхъ, иже не совершеннаго еще возраста чадъ своїхъ Цареви даяху на службу, малымъ чїмъ отъ порабощенїя плѣнніковъ разнствующую, стрежаху бо предъ палатами, гдѣ Царь почїваше, нощїю премѣняющеся. Тїи же наложніцъ инымъ входомъ, но не тамо, гдѣ стража стояше, къ нему прїводїли. Тїи конси отъ конюховъ прїявше, егда имѣлъ всѣдати Царь, подводїли и держали, въ ловїтвахъ и всякїхъ нуждахъ безпрестанно при немъ были, всякїми науками къ разуму прїнадлежащїми отъ ученїя украшены суще. Тую наїболшую честь имѣли, что имъ волно было при столѣ Царскомъ сїдѣти и съ нїмъ банкетовати. Наказати ихъ кромѣ самаго Царя, никто не могъ, и бысть сїя рота Македонянъ, аки бы хотящїхъ быти полководцевъ и полковніковъ гнѣздо. Отъ нїхже и въ послѣднїя времена Македоняне имѣша Цареи, ихже племени рїмляне вся богатства отъяша. Тѣмже Гермолаи юноша благородныи отъ Царскїя роты, будучи на ловїтвѣ, копїемъ вепря убїлъ, на него же самъ Царь имѣлъ намѣреніе ударїти копїемъ, и за сїе по повелѣнію Цареву наказаніе прїялъ жестокое. Кое безчестіе болѣзненно претерпѣлъ, жаловашїся со плачемъ

начатъ предъ Состратомъ. Тояжъ роты бѣ Состратъ, и оскорбляшеся ѕѣло, тѣло его уязвленно зря, и самъ такожде отъ многаго времени велїю на Царя скорбь имѣя, уже того юношу разженнаго къ сему наклонїлъ, купно клятвою укрѣпївше себе, еже бы ему Царя убїти, да будетъ помощнїкъ, и уставїша намѣренїе дѣлу, совѣтомъ и скоростїю не дѣтскаго возраста, ибо прїлѣжно разсуждающе вся, усовѣтоваша взяти въ компанство Нїкострата, Антїпатра, Асклїпїадора и Фїлоту, чрезъ нїхже потомъ Артїла Еляптона и Епїмена прїяша. Но неудобно бѣ тое намѣренїе къ совершенству прївести. Подобаше, да бы вси согласївшїися купно едїныя нощи стражу имѣли, да бы отъ незнающїхъ совѣту препятїя не имѣли. Ибо мнїтмїся разно всякому прїлучашеся стража. Тѣмже въ премѣненїи стражи разно отлыгахуся, разными нуждами, сїце преїде тому днеи трїдесять два, прїспѣ нощъ, въ нюже согласївшїися бунтовщїки, на стражи имѣша стояти, радостны бяху вси о вѣрности своеи, юже чрезъ толїко днеи искусїша. Ни едїнаго ни страхъ, ни надежда измѣнїла. Толїкая: или ярость на Царя, или вѣрность между собою была въ нїхъ. Тѣмже стояша предъ дверми тоя свѣтлїцы, въ неи же Царь банкетоваше, да бы

въ далнюю

въ далнюю отвели его, гдѣ опочіваше, егда изыдетъ отъ пїра. Но счастїе его и бесѣда гостеи болшую веселость сотворїла. Такожде играніа въ подпїткѣ много времени изнуріша, бунтовнїки радостны бяху, яко на пїянаго наїдутъ, но и печалны были, боящеся, да бы до самаго дня не сїдѣлъ. Ибо возсіявшу Солнцу, иная стража премѣнїти ихъ имѣла, на нїхже даже въ седмый день дневанїе прїхождаше, они же надѣяшїся не можаху, да бы до того дне не вредно свою вѣрность всякъ одержалъ. Но егда начатъ разсвѣтати, гости же разходїшїся. бунтовнїки окружїли Царя едіны. Ибо уже время желаемое прїспѣло, усумнѣвшїся же жена, яже по обыкновенїю въ хоромахъ пребываше, якоже мняху, что божїимъ изволенїемъ имъ нѣчто будущаго извѣстїти, не токмо протїво ему иде, но и путь ему собою заградїла, лїцемъ и очесами двїженїе сердца показующи, увѣщаваша его, да бы къ бесѣдѣ паки возвратїлся. Онъ же разсмѣявся рече: добрѣ бози совѣтуютъ, и возвратївъ друговъ, едва не до втораго часа дне забавїлся, и уже стража тоя роты на премѣну прїшла, предъ дверми спалнѣ Царскои стояти. Однакожъ бунтовнїки не отъїдоша, хотяще службы своея должность исполнїти. Тако велми упряма есть надежда, къ неи же сердца человѣческая

безмѣрно

безмѣрно дѣлъ превелікіхъ желающая склоняются. Царь мілостівнѣе, неже во пно время начатъ къ німъ глаголати, и повелѣ имъ ити отдохнути, понеже всю нощь, рече, стрежаху, далъ же всякому по пятідесятъ червонныхъ золотыхъ, и похвалілъ ихъ, что другімъ должность здавше, обаче сами не отступіша.

Онїже такъ велікую надежду погубівше, разыдошася въ домы своя, гдѣ прочіи ожідаху своего дневанія: єдінъ Епімень, или мілости ради Царскія [юже сму между всѣми бунтовнїками особную явілъ] прелщенъ, нечаянно сердце свое премѣнілъ, или повѣрілъ, что бози намѣренію препятіе учінили. брату своему Еврілоху [которому хотяше прежде, да бы не зналъ,] тогда согласіе свое извѣстілъ. Казнь Філоты предъ очесами всѣхъ бысть. Чесо ради Еврілохъ, абіе похітівъ брата за руку въ свѣтліцу Цареву прііде, и возбудівъ стражи, извѣщаетъ, яко имѣетъ донести слово надлежащее дѣло ко здравію Царскому, и время въ которое пріідоша, и лїце не здраваго сердца и єдінаго отъ двухъ печаль велію обьявляя. Возбуділа стража Птоломея и Леоната стоящіхъ при дверехъ спални Царевы, тѣмже двери отворівше, свѣтіло внесше Царя вїномъ и сномъ отягощенна возбудіша, онъ же по шіху къ себѣ прішедшіхъ, и кую вѣсть ему

ему прінесоша, вопрошаетъ. Еврілохъ немедленно рече: державный Царю еще недоконца бози на мои домъ прогнѣвалїся. Ибо братъ мои, аще и положілъ себѣ намѣренїе безчїнно; обаче раскаялся, и самъ о себѣ повѣда; яко въ сїю самую прешедшую нощь, хотѣша тя убїти, бунтовнїки же тїи бяху; о нїхже ни когда неялъ бы еси вѣры. Епїменъ же тогда вся, яже творїшася, и имена бунтовнїковъ исповѣдалъ. Тамо явственная прїчїна бысть, яко Каллїстена между ими неположілъ. Но яко токмо охотно юношъ слушаше, егда на Царя клевещаху, и укоряху его рече: нѣцыи глаголютъ, что Гермолаи, егда предъ нїмъ жалобу свою предлагаше, коль много по повелѣнїю Царскому бїенъ бысть. Той же Каллїстенъ рече; могълъ бы имѣти разсмотрѣнїе, что немладенцы уже есте. Сїе аще ради утѣшенїя токмо бїтаго, или да бы болши возбудїлъ юношъ прочїихъ не извѣстно. Царь же всѣми сїлами сонъ отвергъ егда ему толїкїя погїбели образъ предъ очесами сталъ, Еврілоху пятдесятъ талантовъ, въ тоежъ время предъ очесами своїми дарова, брату его прежде, донелѣже еще моленїя не творілъ за него, отпусшілъ вїну. Бунтовнїковъ же и Каллїстена съ нїми связанныхъ, въ темнїцу повелѣ всадїти. ихже егда въ палаты прїведоша Царскїя, онъ, иже весь

день прешедшыи, и нощь учреждашеся, упокоїлся. Во утріе же повелѣ собратїся воїнству на совѣтъ, гдѣ отцы и сродніки бунтовніковъ быша, и своего здравїя ненадежны. Ибо по закону Македонскому, сїцевыхъ измѣнніковъ вси сродніки купно должны бяху казнь воспрїяти. Тѣмже повелѣ Царь бунтовніковъ, кромѣ Каллїстена, прївести, которые безъ всякаго прїнужденїя, что имѣли творїти, сами изъ добрыя воли исповѣдаша. Егда на нїхъ вси возропташа: Царь самъ вопроси ихъ, каябы вїна была, яко хотѣша его убїти?

7: Сущїмъ имъ во ужасѣ всѣмъ, Гермолаи начатъ сїце глаголати: еда ли незнаеши, что насъ къ тому прїклонїло, и вопрошаеши? Убо отвѣщаваю тебѣ, яко не аки надъ вольными началъ еси господствовати, но аки плѣннїкамъ повелѣваеши. Первыи воста между всѣми отецъ его Сополъ, вопїя: яко сеи истїннаго отца своего есть убїица, и уста ему затыкая глагола; недостоїтъ безчїнїя слушати неразумнаго. Но Царь отцу отступїти, Гермолаеви же, чему отъ учїтеля своего Келлїстена научїлся, глаголати повелѣ. Онъ же рече: изъявлю добродѣтель твою, и чему насъ несчастїе наше научїло, буду глаголати. Коль, много Македонянъ отъ твоего мучїтелства умре. И едва не тїи токмо жївы, иже отъ мѣлкаго

колѣна

колѣна произыдоша. Аттаλъ, Фїлота, Парменїонъ, Лїнцеста Алеѯандръ, и Клїтъ; аще рещи, протїво супостата бывали, во брани сипояли, тебе щїтами своїми укрывали, твоея ради славы и здравїя твоего язвы прїимали, имже ты избранною мїлостїю мзду воздалъ єдїнъ кровїю своєю трапезу твою окропїлъ, другїи жестокую смерть воспрїялъ, Полководцы твоя Персамъ, ихже побѣдїли, бяху намученїи позорїщемъ. Парменїонъ безъ суда убїенъ, чрезъ егоже службу Аттала смерти предалъ еси, ибо развратно руки бѣдныя на смертьу потребляеши, и которымъ прежде малаго времене, убїти повелѣвалъ еси прочїхъ, тѣхъ самыхъ пождавъ мучїти повелѣваеши прочїмъ, вси начаша на него роптати. Отецъ прїискавъ мечь, безъ всякаго сумнѣнїя убїлъ бы его, аще бы Царь не возбранїлъ. Ибо Гермолаеви повелѣ глаголати, паче же да бы умножающаго достоїнство своея смерти терпѣлївно слушали, молїлъ. Тѣмже едва къ сему преклони ихъ, да бы Гермолаи имѣлъ гласъ волныи, онъ же рече по томъ. Како ты мїлостївно и охотно Царю юношамъ незнающїмъ глаголати даеши волю, иже красноглаголанїя неразумѣютъ. гласъ же Каллїсѳеновъ заключенъ, въ темнїцѣ сѣдитъ, ибо самъ глаголати можетъ? Чесо убо ради не прїведутъ его, поне и тѣхъ,

иже во всемъ вїновными себе быти исповѣдаша, слушаютъ. Истїнна есть, яко волнаго гласа отъ человѣка невїнна боїшїся слушати? наїпаче нїже лїца его можеши зрѣти, понеже онъ ни въ чемъ вїновенъ, явственно исповѣдаю. Се предъ тобою стоятъ, которые со мною сїе избранное послушанїе сотворїти умыслїша. Нїже едїнъ сказати можетъ, еже бы Каллїстенъ имѣлъ когда о томъ дѣлѣ извѣстенъ быти. Аще уже его и давно на смерть сѣло праведна и терпѣлїва Царю осудїлъ еси. Тѣмже сїя Македоняне имѣютъ отъ тебе дары, ихже кровь за непотребную и мерзскую себѣ почїтаеши. Но вслѣдъ тебе трїдесять тысящеи Мсками везутъ злато и сокровїща, яже отъ плѣненныхъ корысти собралъ еси. Воїны же въ домы своя ни что болше, кромѣ разгнївшїхся язвъ знаки понесутъ. Обаче вся сїя могутъ тебѣ претерпѣти, донелѣже насъ сїмъ простымъ народомъ на поруганїе не далъ еси, и новымъ обыкновенїемъ иго на побѣдїтелеи наложїлъ еси. Возлюбїлъ еси одежды и нравы Персїдскїя, Македонскїя же возненавїдѣлъ еси. Тѣмже Персїдскаго Царя а не Македонскаго хотѣхомъ убїти, и бѣглеца воїнскїмъ закономъ казнїти. Ты желалъ еси, да Македоняне на колѣна предъ тобою прїпадаютъ, и аки бога восхваляютъ тя. Ты Фїлїппомъ

отцемъ

отцемъ гнушаешїся, и аще бы богъ, которыи былъ болши Іовїша, и самого Іовїша отреклбыся гнушаяся. Удївляешїся яко человѣцы свободнїи гордости твоеи изнести не можемъ: Но чего отъ тебе надѣятїся можемъ, которыя или безъ вїны умрети или въ порабощенїи, еже паче смерти люті́ше есть, жїти долженствуемъ? Ты же аще хощеши исправїти жїтїе свое, много мнѣ долженъ еси. Ибо нынѣ отъ мене воспрїялъ еси извѣстїе, чесо пречестнїи человѣцы изнести не могутъ. Напослѣдокъ отпусти родїтелемъ нашїмъ, нїже отягощаи и озлобляи осїротѣлыя старости. Насъ повели вести, да бы мы сїе отъ смерти нашея воспрїяли, что отъ твоея желахомъ, сїце рече Гермолаи.

8: По томъ Царь рече: яко сїя вся ложна сутъ, что онъ отъ Каллїстена учїтеля своего воспрїявъ исповѣдалъ, мое терпѣнїе изъявляетъ. Ибо аще и провїнїлся въ безчїнномъ дерзновенїи своемъ, обаче азъ сотворїхъ, да бы и вы не токмо азъ, слушали, иже егда ему попустїхъ глаголати, тою же яростїю имѣлъ отвѣщати, яже его ко убїенїю моему прїнудїла, и како отца имѣлъ почїтати. Не давно егда въ ловїщахъ безчїнно сотворїлъ, по обыкновенїю отеческому отъ древнїхъ еще Македонскїхъ Цареи узаконенному повелѣхъ его наказати. Сїе бо подобаетъ творїти,

и аки хранітелямъ сіротъ, мужамъ жены, такожде и слугамъ юношъ въ сіцевомъ вѣцѣ наказоваши повелѣваемъ. Сія есть протіво ему моя свірѣпость, еяже онъ отмщенїе безчіннымъ убіиствомъ восхотѣлъ сотворіши. Но протіво прочіихъ, иже непротівны воли моеи, коль кротокъ есмь, сами вѣсте, и воспомінати нѣсть потребно. Гермолаеви, яко мнітся, казнь быти праведна измѣннічья, еяже самъ достоінъ, тому не удівляюся. Ибо егда Парменіона и Філоту восхваляетъ, вїну свою оправдаетъ. Лінцесту же Алеѯандра, иже дважды хотѣ погубіти мя, азъ дважды отъ казни свободіхъ его. Егда же паки въ томъ обрѣтеся, обаче и тогда чрезъ два лѣта терпѣхъ ему, донелѣже вы сами пожеласте того, да бы за беззаконіе свое казнь воспріялъ. О Аттаалъ добрѣ памятуете, яко главы моея, [прежде неже Царемъ я стался] супостатъ бяше. Клітъ, о аще не прінуділъ бы мя когнѣву, егоже упрямому языку укоряющему мя и васъ, болше терпѣлъ, не бы онъ могль слушати, аще бы азъ ему сіце глаголалъ, Цареи и полководцевъ мілости, не токмо имъ но и подданнымъ искати подобаетъ, послушаніе умоляетъ властелїна. Гдѣ же чести нѣсть и ни во что насъ имѣютъ, тамо прінужденія потреба, да усілствіемъ отпоръ дадімъ. Но чесо ради удівляшіся

мнѣ,

мнѣ, яко мя немїлостївымъ нарече, такожде и завїстна быти воспомянулъ. Не хощу всякаго отъ васъ возбуждати, да щедроты моея въ ненавїсть не прїведу, аще срамотъ вашеи отягощеніе сотворю. Но зрїте на вся воїны, иже въ малѣ прежде, кромѣ оружїя нїчто имѣли, нынѣ же на сребреныхъ одрахъ почївають столы наполнены златомъ имѣютъ, стада плѣнніковъ водятъ, корыстеи супостатскїхъ съ собою возїти немогутъ. Но Персовъ побѣжденныхъ отъ насъ, яко имамъ въ великои чести, сїе есть смїренїя моего истїнное знаменїе, яко и надъ побѣжденными не гордостно владычествую. Прїидохъ азъ во Азїю, да бы не весма народы искоренїлъ, нїже болшую часть земли и государствъ въ пустыню претворїлъ, но да и побѣжденнїи отъ мене нїкогда болѣзнуютъ. И тако купно съ вами воюютъ за Царство ваше кровь свою проливающе: которые гордаго ради повелѣнїя бунты бы творїли. Не многовременна сїя есть держава, юже мечъ даетъ, мїлость же проїсходящая отъ добродѣтели, вѣчна. Аще Азїю имѣши [не преїши токмо] хощемъ, подобаетъ намъ мїлости къ нїмъ употребїти. Вѣрность ихъ состоятелное и вѣчное сотворїтъ Царство, но воїстїнну болше имамы, нежели желаемъ. Ненасытная убо завїсть, еже хотѣти на ближнїи, егда

уже

уже чрезъ верхъ течетъ. Но къ ихъ нравамъ и Македонянъ пріклоняю; во многіхъ бо народахъ вїжду, яко много есть чему достоїно безъ срамленія имѣли мы послѣдоваши. Инымъ убо способомъ, не можетъ нїкто сїце великімъ Царствомъ владѣти добрѣ, развѣ токмо нѣкія обычаи имъ даши, нѣкія же и отъ нїхъ воспрїяти. Сїе же весма смѣху достоїно есть, егда Гермолаи желаше, аки бы я гнушаюся Іовїшемъ [сїрѣчь богомъ] иже мя прїятъ за сына. Еще же и сїе въ рукахъ моїхъ будетъ, что имѣютъ бози глаголаши: исповѣдаши мя быти сыномъ божїимъ, того не отвергаши, самымъ сїмъ нашїмъ дѣламъ, яже творїмъ, весма прїлїчно. Даи боже, да бы и Індїане бога мя быти вѣровали. понеже воїны славою состоятъ, многократно такожде ложъ, юже въ мѣсто истїнны имѣли, пребысть совершенною правдою. Или чаете яко излїшнее сїе сотворїхъ, яко броня и оружїе ваше златомъ и сребромъ украсїхъ. Людемъ къ сему обыкшїмъ ни во что дѣло сїе есть, сїе восхотѣхъ показаши, яко Македоняне, иже нїедїною прїчїною преодолѣнны, и злато преодолѣти ихъ не можетъ. Тѣмже во первыхъ очеса шого народа простаго, иже на худыя токмо и мерзскія вещы зряшъ уловлю, и покажу имъ. яко мы здѣ не злата и сребра ради,

но да

но дався Царства во владѣніе возмемъ, пріидохомъ, которую славу, ты убіице отъ насъ восхотѣлъ еси отняти. Македонянъ же Царя имъ отнявъ побѣжденнымъ народамъ предати. Нынѣ увѣщаваеши мя, да вашімъ родітелемъ отпущу, о чемъ ніже знати вамъ подобало, како о семъ уставіхъ, да съ болшею болѣзнію погібнете, аще кую о родітелѣхъ память и піщаніе имате. Но давно азъ обыкновеніе то отставіхъ, еже казніти невінныхъ родітелеи и сродніковъ съ повінными безчінніками, и извѣщаю что въ равноу мене вездѣ чесни вси будутъ, въ неиже доселѣ были. Но твоего Каллістена, емуже едіному мужъ мніши́ся быти. Ибо разбоінікъ еси, знаю чего ради, да бы его представіли, желаеши, сірѣчь, да бы предъ сіми хулу кую нынѣ дерзнулъ еси на мя глаголати, нынѣ и слышалъ еси, языкомъ своімъ повторілъ. Его же аще бы Македонянінъ былъ, съ тобою прівести повелѣлъ бы достоінаго учіителя, сіцевому ученіку. Но понеже есть Олінчікъ, того ради не едінаго закона.

Потомъ Совѣтніковъ отпустілъ, осужденныхъ же, тоя́жде роты юношамъ повелѣ предати. Которые хотяще вѣрность свою постоянную показати, разными муками смерти и предаша, и Каллістенъ прежде мучімыи, такожде погібе,

въ измѣнѣ тои и бунтѣ предъ Царемъ невїновенъ, токмо яко не имѣ ко двору Царскому лстїваго и помощнаго разума. Того ради ни едїнаго смерть къ болшои ненавїсти на Алеѵандра, между Греками возбудїла паче его вои, яко человѣка обычаемъ избраннаго, и ученаго, иже его отъ смерти избавїлъ, [егда убївъ Клїта всеконечно умрети хотѣлъ,] не токмо убїти, но и мучїти безъ всякїя вїны повелѣ. Мучїтелства того не во время поїстїннѣ пожелалъ.

9: Но дабы въ праздноєти не умножалося новїзны, того ради къ Індїи съ воїскїмъ поїде [Царь] всегда бо на воїнѣ, по побѣдѣ веселѣе.

Індїа едва не вся лежїтъ на Востокъ Солнца, не толїко шїрока, елїко долга. На полденъ же идущая не много горъ имать. Прочїя же страны ея равны, имать рѣкъ преславныхъ изобїлно, яже изъ горы Кавкаса проїшедше, равными полями текутъ. Індъ рѣка паче прочїихъ студена. Воду имать малыми разнствующую отъ воды морскїя цвѣтомъ. Гангесъ паче всѣхъ Восточныхъ рѣкъ честнѣе, течетъ отъ страны Полуденныя, и чрезъ многїя горы превысокїя прямо истекаетъ, горы каменныя протїво еи стоящїя наклонїшася къ Востоку, обѣ рѣки впадаютъ въ Чермное море, ломающе бреги, много земли и древесъ заливаютъ. Каменїе препяшїемъ еи, которыми воспящаема бываетъ.

бываетъ. Аще на мягкую землю наїдетъ, аки езеро творітъ и островы. Еще Зізъ [рѣка] въ него впадаетъ и воды ему умножаетъ. Егда же самъ Гангесъ имать съ моремъ совокупітіся, воістінну съ велїимъ громомъ и шумомъ сходятся межъ собою обоя рѣки, понеже Гангесъ скоротекущімъ устіемъ въ себе воспріемлетъ. Онъ же аще и ударяетъ но не отвращаетъ водъ Гангесовыхъ. Діарденъ рѣка не такъ славна отъ повѣсти человѣческія, ибо послѣднею частію земли Індіискія течетъ, и имѣетъ Крокоділы. Якоже Нілъ рѣка но и Делфіны и народомъ прочімъ не знающія чудеса имать въ себѣ. Ерімантъ рѣка окружно сѣло идетъ, жітели черпаютъ ю ради поліванія земли. Сія вїна есть, яко едва что въ море впадаетъ безъ имени. Имать тое государство множество и прочіихъ рѣкъ вездѣ, но мѣлкіхъ.

Мѣста блізъ моря лежащія, вѣтры Полуденныя сѣло опаляютъ, яже отъ горъ удержавшеся въ далныя мѣста навѣваютъ, сіце хлѣбу не вредятъ. Но въ тои странѣ сіце сѣло времена отъ пріроды естественныя Солнца премѣняются, яко егда въ едіной странѣ жары превелікія бываютъ, въ Індіи снѣги, что многія вещи [illegible] ябаютъ, тамо несносныи знои разжігаетъ, ніже ед[illegible] досшігль того, коея ради вїны сіе творітся. Море таковымъ же цвѣтомъ яко и прочыя. Отъ

Отъ Царя Ерїфра имѣетъ прозванїе, что не знающїя мнятъ, аки бы вода красная была, земля изобїлно ленъ родитъ, откуду мнози одежды себѣ дѣлаютъ. Коры на древахъ такъ мягки, яко можно на нихъ аки на воску пїсати. Птїцы ко гласу человѣческому подражательны. Звѣрїе прочїимъ народомъ незнаемы, токмо аще бы отшуду прївезены были. Въ тои же странѣ и Носоросцы пїтаются, но неплодятся въ томъ Государствѣ. Слоны болше неже въ Афрїцѣ, и по велїчеству сїлы имѣютъ. Обрѣтается въ рѣкахъ злато, которые збло не скоро текутъ. Каменїе драгое и бїсеры море искїдаетъ на брегъ. И не имѣютъ Індїане богатствъ болшїхъ токмо отшуду. Потомъ егда начаша прочїи народы отъ нихъ покупати, ибо и пьянїцы пѣснаго моря гноїще продаютъ, что сотвори безчїнїе. Разумы у человѣкъ, якоже и въ прочїихъ странахъ, положенїе мѣста даетъ имъ. Въ полотнахъ даже до ногъ опустївше ходятъ, на ногахъ носятъ подошвы, главы же убрусами обвївают. Каменїе драгое воушесахъ вѣшаютъ, рамена златомъ украшаютъ. Которыя; или рода честнаго, или богати, власы болше растятъ, неже брѣютъ, брады никогда не брѣютъ, токмо съ боковъ прїстрїгаютъ легкости ради.

Но Царское безчїнїе егоже они украшенїемъ наріца-

нарїцаютъ, паче всѣхъ народовъ мерзость превосходїтъ. Егда идетъ явственно, да его народъ простыи вїдїтъ, идутъ дворяне съ кадїлнїцами сребряными и путь весь, аможе имѣетъ ити прежде разными благоуханїями наполняютъ. На колеснїцѣ златои, на неїже окрестъ бїсеры вїсятъ, лежїтъ, понявами, златомъ и багрянїцею украшенными одѣянъ. Во слѣдъ колеснїцы идутъ вооруженнїи, и стражїе здравїя его, на вѣтвяхъ между ими въ клѣткахъ птїцы вїсятъ, ихже пѣти научїша. Дворъ его на столпахъ златыхъ, по нихъ вїноградъ вылїтыи отъ злата, птїцы сребряны на немъ сѣдятъ, на нихже съ радостїю зрятъ. Не запрещаютъ тамо нїкому входїти.

Егда власы чешетъ и чїстїтъ, того времени посламъ отвѣтъ даетъ, тогда всякїя разсуды творїтъ. Егда ему подошвы съ ногъ снїмаютъ. Абїе благоуханїами ноги ему намазуютъ. Въ ловїтвахъ трудолюбївъ. Егда же въ звѣрїнцѣ разныхъ звѣреи убївает наложнїцы ему поютъ. Стрѣлы тои народъ имѣетъ длїною два лакти, имїже съ болшїмъ трудомъ, неже пользою стрѣляютъ. Ибо стрѣла, еяже сїла вся въ легости отъ тяготы препїнанїе имать, Егда путь малыи имѣетъ. на конѣ ѣздїтъ. Но вдалныи путь въ Колеснїцу запрегше слоновъ, златомъ вездѣ украшенныхъ ѣздїтъ.

Тѣмже да ни что мерзскїмъ нравомъ не оскудѣваетъ. На колеснїцахъ златыхъ множество наложнїцъ во слѣдъ его путешествуетъ, особно, а не купно съ Царїцею, еяже украшенїе отъ избытка безчїнїю уравняется. женскїи полъ пїщу устрояетъ. Вїно безмѣрно всї Індїане пьютъ. Егда Царь пьянъ прї трапезѣ заснетъ въ палату покоевую наложнїцы его относятъ, обычно пѣнїями нощныхъ боговъ прїзывающе.

И кто бы возмоглъ повѣрїти, яко бы въ сїцевыхъ безчїнїяхъ о мудрости тщанїе имѣли; Суть тамо простыя и мерзскїя человѣцы, ихже они мудрецами нарїцаютъ. Тїи мнятъ, будто сїе дѣло ѕѣло преїзбранно, еже прїродныя смерти не ожїдати; того ради даются жїво жечь, а которыя многое время жївутъ, или здравїе немощное имѣютъ, тїи свою смерть безчестну быти мнятъ, тѣлесамъ же, которыя въ старости умїраютъ, никоея чести не воздаютъ, нїже жгутъ сїцевыхъ, мняще быти огню поруганїе; токмо аще еще дышетъ, мощно его спалїти. Тїи иже во градѣхъ общїми нравами упраждняются, глаголютъ оныхъ, яко добрѣ звѣздотечную науку разумѣютъ, и будущїя вещи проповѣдаютъ, вѣруютъ кто смерти не боїтся, такожде не избѣжїтъ и не ухранїтся отъ нея. Вмѣсто боговъ имѣютъ, ихже отъ древле начаша хвалїти, наїпаче древеса, которыхъ сѣчь

не достоїтъ

не достоїтъ подъ смертною казнію. Мѣсяцы пятьнадесять днеи имѣютъ токмо; но обаче годъ цѣлъ состоїтъ. Теченіемъ Луны времена изчіслляютъ: не якоже многіи прочіи народы, но егда начнетъ ущербляшіся луна, того ради краткшія имѣютъ мѣсяцы. Много и прочіихъ дѣлъ пішутъ о Індіанахъ; но мнѣ мнітся, яко не подобаетъ лѣтописанію сему препятія творіти.

10. Тѣмже Алеѯандру [егда токмо въ предѣлы Індіискія внїде] Царіки изъ своихъ государствъ отдающе подданство встрѣтоша его. Егоже третіимъ Іовіша бога наслѣднікомъ знаши исповѣдаютъ себе. Мы отца Лібера и Геркулеса токмо слышахомъ. Ты же самъ прішелъ еси и вїдімъ тя: Царь мілостівно пріялъ ихъ, во слѣдъ себѣ ити повелѣ, хотящъ ихъ имѣти пути своему вожди. Но егда нікого болше не вїдѣ во стрѣтеніе, посла Ефестіона и Пердікку предъ собою съ не многіми полками, насілствіемъ доставати, которыя не восхотятъ покоріться. Наіпаче повелѣ ити къ рѣкѣ Інду, водяныя суды созїдати, да бы воіско на другую страну безъ всякія трудности переправіть.

Онїи якоже потребно бѣ многія рѣки преходіти, сіце настроіша судовъ, ихже взявше на Колесніцахъ везли разобравше, егда же нужда бѣ, паки

собрати

собрати могоша. Кратеру съ пѣхотою въ слѣдъ себѣ повелѣ итти. Самъ съ конніцею и съ легко вооруженными воїнами нападшїхъ на него побѣдїлъ, и во градъ блїжныи загналъ. Прїспѣ уже и Кратеръ: тѣмже страха ради тому народу, сїлы его незнающему, повелѣ да ни едїнаго жїва неоставятъ. Крѣпости града, егоже обстояше, зажегше; но егда окрестъ стѣнъ обхождаше, уязвленъ бысть стрѣлою. Обаче взяша градъ и всѣхъ жїтелеи смерти предавше и строенїе сожгоша. Укротївъ же тои лютыи народъ, оттуду прїиде ко граду Нїгси. Тамо обозомъ сталъ предъ градомъ въ лѣсу, но понеже стужа велїя нощїю оѕлобляше воїновъ, паче неже прежде, огни превелїкїя разложїша, и оттуду помощъ велїкую имѣша. Но пламень нѣкїимъ случаемъ ко гробомъ градскїмъ достїгъ, окружїлъ оны. Тыя гробы издревле отъ Кедра созданны стояли, огнь же начатыи распространївся въ пепелъ всѣхъ обратїлъ. Во первыхъ слышанъ бысть гласъ песїи во градѣ, по томъ смятенїе людское. Тѣмже и граждане непрїятеля услышали, и Македоняне такожде ихъ увїдѣли. Уже Алеѯандръ воїско изъ обозу изведе, и градъ обсталъ: которыя изъ града изыдоша на ополченїе, на главу побѣдїлъ. Тѣмъ же инїи хотѣша сдатїся, прочїї же въ полѣ счастїя искусїтї, о чемъ онъ увѣдомленъ; повелѣ обстояти токмо градъ, нїкого

неубївая,

неубівая; обаче обстоянїемъ прінужденны, здадошася. Глаголаша же яко отецъ Ліверъ градъ тои создалъ, что истінно дѣломъ бысть: положенъ подъ самою горою, юже они нарїцаютъ Меронъ. оттуду Греки вымысліша себѣ баснь, яко отъ сѣмени бога Іовіша, Ліверъ отецъ проізыде, Царь увѣстівся отъ жітелеи о положенїи горы, прежде послалъ пїщу, потомъ со всѣмъ воіскомъ на верхъ горы взыде, изобрѣте тамо множество древесъ нарїцаемыхъ блющъ, и множество вїнограда по всеи горѣ, многія источнїки текоша, яблоки разныя и здравыя быша, ихже земля сама ожівляше, и безъ человѣческаго тщанія плодъ даяше, древеса бобковыя стояли, овощами исполнены, и лѣсъ превелїкїи простыхъ древесъ. Мню азъ, яко не божїимъ проізволеніемъ, но отъ своего безчінія воінство восшавшо, вѣтви блющевыя и вїноградныя ломали, и обвївше главы, по всему лѣсу, аки пїяніи и неразумніи бѣгали и шаталіся. Тѣмже отъ гласа толь много тысящеи воінства восхваляющаго, тои дубравы бога заступніка, горы и холмы превелїи громъ творяху. Егда не мнози начінаша, [якоже обыче быти.] Абїе по томъ вси кончавали, тамо аки бы во время мірное, на травѣ и вѣтвіяхъ нанесенныхъ почіваша. ніже гнушашеся Царь, сіце случівшеюся вольностію,

всякое изобіліе всѣмъ къ пиршеству даде, чрезъ десять днеи съ воискомъ жертву Либеру отцу творяше. И кто будетъ тому противенъ, яко счастіе множае, неже храбрость славу подаваше. Ибо непріятель и на банкетующіихъ, віномъ же и сномъ отягощенныхъ, не возмогль дерзнути ополчіитіся. Тако бо онаго гласа во время піранія, аки бы во время брани ужасахуся. Сіцевое бысть благополучіе, егда отъ Окіана моря возвращахуся, пьяныхъ бо и піруюшіихъ между самымъ супостатомъ покрыло и заступіло. Оттуду Алеуандръ пріиде въ страну наріцаемую Дедаля. Жітели оставіша оную пусту, сами ушедше въ горы лѣсныя и непроходныя, того ради поіде въ страну именемъ Акадера, такожде пустую и выжженую, тѣмже иныи способъ нужда показа ему како воевати, раздѣлівъ убо воіско, во многіхъ мѣстахъ единаго времени воіско показа, ихже изобрѣтъ безъ всякого неудобствія, укротілъ Птоломеи много градовъ: Но самъ Алеуандръ побралъ пребольшія грады, и паки воіско совокупілъ.

Прешедше же рѣку Хоаспъ, повелѣ доставати града пребогатаго, отъ жителеи безіра нареченнаго, самъ къ Мазагѣ поіде, вскорѣ по смерти Ассакановои, иже тамо царствовалъ, мати его того времени градомъ и государствомъ обладаше,

Клеофа

Клеофа именемъ, трїдесять тысящеи было воїновъ во градѣ, которыи не токмо отъ прїроды но и промысломъ человѣческімъ укрѣпленъ бѣ сѣло. Ибо отъ Востока окружаетъ его рѣка быстрая, яже отъ обоїхъ странъ брегы, имѣющи пресѣченыя каменныя горы, не даде прїступа ко граду. Отъ Запада же и Полудня, аки бы нарочно горы каменныя прїодою сѣло превысоки, подъ нїми же ямы и пропасти преглубокїя издревле лежатъ, при окончанїи тѣхъ пропастеи ровъ превелїкїи начїнашеся. Стѣны окрестъ града едва не на трїдесять пять верстъ, ихже основанїе изъ камени, верхъ основанїя кїрпїчь сырыи, егоже каменїе держаше покрывающее. Ибо того ради купно полагаху, да бы не крѣпка матерїа мокроту въ себѣ имѣющая на швердои и крѣпкои лежала. Обаче обоя вещества да не развалятся, бревнами превелїкїми по разнымъ мѣстамъ прїложїли, на нїхже положенныя дски, и стѣны покрываша, и воїскому проходъ свободенъ твориша. Къ тои крѣпости Алеѯандръ егда прїсмотрялся, и что бы творїти не разумѣлъ. [Ибо и пропасти токмо землею засыпати, нїже стрѣлбы инымъ промысломъ подъ стѣны прївести не возмогль] нѣкто со стѣны градскїя ударїлъ его стрѣлою, которая уже въ голеновую кость вонзїлася, онъ же изторгнувъ, оную

повелѣ коня себѣ подвести, и язвы не завязавъ, начатое дѣло окончалъ, сіце глаголютъ, яко егда ему нога уязвленая вісяше, а изъ язвы кровь испекаше, начатъ болѣти, и рече: Меня воістінну сыномъ бога Іовіша наріцаютъ, но азъ немощнаго тѣла болѣзнь слышу. Однако же не отъіде въ обозъ, донелѣже вся нужная разсмотрілъ. И како бы хотѣлъ, что творіши, пріказалъ. Тѣмже по повелѣнію его, иныя загородныя слободы разорілі, чѣмъ бы возмогли завалішти пропасти. Прочіи же, пни кучами, и каменіе превеліко купно съ нїми, въ тыя же пропасти метали. И уже со землею пропасти и долїны сравняли, и пріготовілі башни, которое дѣло удівітелною охотою воіны, въ девять дней совершілі. Пожелалъ же оныя башни Царь відѣти, аще и неісцѣлену еще язву имѣлъ, изшедъ же посмотрілъ, и похвалівъ воіновъ, къ стѣнамъ повелѣ пріближати, съ нихъ же удівітелно густую стрѣлбу на осаду непріятелскую по стѣнамъ стоящую пустіша. Наіпаче устрашаху Мазаговъ [простыи народъ] башни ходящія, ибо не могли відѣти отъ кого сіце пріведенны бяху, такожде толікія окопы, ихже прежде нікогда невідѣша. Тѣмже почаяли, что такъ велїе дѣло сами бози къ стѣнамъ пріведоша. Копіе бо стѣнное и оружіе

удівітелное

удівітелное изъ великія стрѣлніцы пущеное зряще, не вѣріша, яко человѣцы сіцевою стрѣлбою имѣли воевати. Сіце о защіщеніи градскомъ отчаявшеся, въ крѣпость убѣжаша. Оттуду уже осажденнымъ нічто лутшее мняшеся быти, токмо еже бы здашіся, пословъ къ Царю послаша мілости и отпущенія просяще. Егда же умоліша, изыде къ нему Царіца со многіми женами рода благороднаго, въ златыхъ чашахъ вино на жертву несущи. Она же сына въ юныхъ лѣтѣхъ къ ногамъ его пріведши, не токмо прощеніе но и Царство воспріяла. Понеже [Алеѯандръ] Царіцею абіе нарече оную. Нѣцыи мняху красоты ради ея, но не мілосердія ради сотвори сіе. Потомъ егда роділся еи сынъ, какімъ нібудь способомъ, нарече имя ему Алеѯандръ.

11. Оттуду Полїперхонша послалъ ко граду, иже именуется Нора, тамо неісправныхъ гражданъ побѣдівъ, и между стѣнами загнавъ прінуділъ здашіся. Много градовъ пустыхъ отъ жітелеи оставленныхъ, Алеѯандръ во область взялъ, коіхъ градовъ жітели вооруженны на горѣ каменной, именемъ Аорнъ засѣли. было слово, что нѣкогда Геркулесъ осаділъ оную гору, обаче ни чімъ предуспѣвъ отступілъ, відя трясеніе земли, ибо и Алеѯандръ способа не имѣлъ; понеже

отвсюду крута и пресѣченна бѣ гора, єдинъ человѣкъ старъ свѣдомъ того мѣста, пріиде съ двома сынами къ нему обѣщая путь показати, аще бы ему мзду воздалъ. Алеуандръ же осмьдесятъ талантовъ обѣща ему дати, єдінаго сына въ закладъ вѣрности оставівъ, его отпустілъ къ окончанію обѣщаннаго дѣла, и послалъ съ німъ полководца Мулїна, пїсаря своего съ воїнами легко вооруженными. Сіце бо угодно бысть, да бы они обшедше скалу, ради обману супостатовъ осажденныхъ, на верхъ горы взошли. Сія гора не якоже прочыя многія горы мало похїло идуще въ вышїну растутъ и происходятъ, но прямо аки столпъ стоїтъ. въ нїзу шїрока, посредѣ поуже и потонѣ, верхъ имѣетъ заостренныи. Течетъ подъ нею Індъ рѣка глубокая, имѣющїи по обоімъ странамъ бреги крутыя. Отъ другїя страны, тоя горы, бяху пропасти ко прїступу препятїемъ, которыхъ подобало прежде засыпати. былъ тамо не далече лѣсъ, егоже Царь такъ повелѣ сѣчь, да бы шокмо єдіны древеса безъ сучья вметаемы были, ибо препятїе бы творїли сучья носящїмъ. Первое древо самъ Царь очїщено вверже, воїску же начатъ гласомъ велїкїмъ вопїти, во знакъ весєлїя и охоты: всякъ отъ дѣла неубѣгаше, кое Царь начатъ, и юдолїны тыя преглубокїя засыпаша въ седмь днеи.

Царь же

Царь же стрѣлцамъ, которыя съ луками, и Агріаномъ, повелѣ ко пріступу, и чрезъ сілу на верхъ горы ити. И избралъ юноши сілнѣйшіхъ изъ своея гвардіи трідесять; а полководцевъ имъ даде, Хара и Алеуандра, емуже сказалъ, дабы имя, еже имѣетъ на себѣ памятствовалъ. Но яко явственная бысть погібель, не мняшеся, да бы что Царь началъ. Обаче егда токмо трубою знамеше дадеся. Мужъ сѣло дерзновенъ обратівся ко оберегателемъ здравія своего, повелѣ вслѣдъ себѣ ити, и первыи поіде къ горѣ. Гдѣ ніже единъ оста, оставівъ бо, и стражи во слѣдъ Царя идоша. Многімъ болѣзненно тамо бѣ паденіе, которыя съ крутыя горы въ індъ рѣку нізпадающе потопаху. Печаль велія бѣ оніъ далече еще стоящімъ, егда ихъ чуждая погібель, чего сами имѣли боятіся, устрашала, иже ту болѣзнь обратівше въ страхъ, не о другахъ но о себѣ саміхъ плакахуся; уже пріидоша туды, откуду побѣдітеліе безъ пагубы возвратітіся не возмогли. Понеже Варвары превеліkое каменіе начали валіти, что уже устрашенны не крѣпко стояще, и побіваеми на главу, нізпадали и погібали. Обаче Харесъ, и Алеуандръ ихже съ трідесятью Царь послалъ, супостатовъ достігоша, и храбро съ німи біліся. Но понеже на нихъ съ горы каменіемъ мешаху Варвары, того ради

ради множае сами язвы пріимали, нежели ихъ уязвляли. Тѣмже Алеѯандръ и имя и обѣщаніе памятуя, егда жесточа неосторожно началъ бітіся, отвсюду уязвленъ паде, егоже уже лежащаго Харесъ узрѣвъ, начатъ съ яростію на супостата ратовати, нічего кромѣ отмщенія размышляя, многіхъ копіемъ, а нѣкіихъ мечемъ убілъ. Но егда многіхъ руцѣ на едінаго возложены сталіся, умірая на тѣло друга своего паде, не инако, токмо якоже подобаше, и сіхъ избранныхъ юношъ и прочіихъ воіновъ смертію Царь печаленъ даде знакъ да возвратятся вспять. Сіе бысть здравію защіщеніе всѣмъ, иже легко и безъ страха уступілі. Варвары же суще и тѣмъ доволны, яко Македонянъ отгнаша, вослѣдъ не гнаша ихъ. И уже по истіннѣ Алеѯандръ умыслілъ отступіти, ибо никоея имѣлъ надежды о тои горѣ.

Но обаче образъ обстоянія показоваше, аки бы ни коімъ подобіемъ хотѣлъ отступіти, ибо и вся разпутія осадіти повелѣ, и башни пріближати, на мѣсто же утружденныхъ свѣжімъ полкомъ ити. Егоже упрямость Індіане узрѣвше, чрезъ два дни и двѣ нощи, показующе, не токмо надежду, но и о воспріятои побѣдѣ торжествующе, въ тімпаны по обыкновенію своему играша. Третія же нощи, аще тімпановъ и не слышно бѣ. Обаче

по всеи

по всеи горѣ бяху расположены отъ нихъ огни, да бы нощію мрачною, по непроходнымъ горамъ безстрашно могли уходити. Царь Балякра послалъ проповѣдати, которыи извѣстилъ ему, что Инды съ горы убѣжаша. Сіце даде знаменіе, да все воіско вопль сотворитъ, еже безъ строя уходящихъ сѣло устрашило. Тако яко мнози разумѣюще блізъ супостату быти, на слізкихъ каменіяхъ и разсѣлінахъ погібоша. Болшая часть отъ нихъ составы повредівши отъ прочіихъ остася.

Алеѵандръ мѣста паче, неже супостата бывъ побѣдітель, обаче велікія побѣды богамъ жертву и честь воздаде. Олтари на верху горы богінѣ Минервѣ поставілъ. Проводнікамъ, иже съ легковооруженными взыдоша, аще и менше, неже обѣщаша, въ службѣ своеи сотворіша, по уговору мзду воздаде.

12. Гору и всю страну ту Сізокостосту въ защіщеніе вручілъ, оттуду поіде ко Екболіму, пріявъ же извѣстіе, яко тѣсныи путь засѣлъ нѣкіи, именемъ Ерікъ. Со двадесятію тысящами вооруженныхъ воіновъ, повелѣ Ценону тяжкими полками итти тіхімъ путемъ; а самъ прежде съ воінствомъ, пращы и стрѣлы имѣющімъ поіде, и засаду изгнавъ, путь полкамъ во слѣдъ себе грядущімъ отверзе. Індіяне же, или ненавісти ради къ полководцу своему, или побѣдітеля Царя

мілости себѣ желающе, Эрїкса тогоже полководца убѣгающе убїша, и главу со оружїемъ его прінесоша къ Царю; Царь же сіцевому безчінію наказанія не даде. ніже чести, ради образца въ предбудущее время. Оттуду къ рѣкѣ Инду прїиде въ шестыи надесять день. Вся же устросенная, якоже повелѣ Ефестїону обрѣте, ко преходу рѣкѣ. Царствоваше въ томъ господствѣ Омфїсъ, иже отцу своему, еще сущу жіву, совѣтоваше, да бы Алеѫандру покорїлся. Такожде послѣ смерти отцевои къ нему послалъ, вопрошая, аще ему повелітъ здати отъ себе Царство, и тако прішествїя его ожідати. Алеѫандръ же даде ему свободу царствовати, но онъ не дерзаше тоя чести употребляти. Ефестїона къ себѣ посланнаго благодарственно прїятъ, и нуждная вся воїнству его даде, токмо къ нему не изыде, вѣрности нікоея, кромѣ самаго Царя, не хотя искусіти. Но прїходящу Алеѫандру, съ воїскомъ во стрѣтеніе ему изыде. слоны между воїскомъ, по обыкновенїю строемъ идоша, и аки городки какїя, образъ отъ далече паказоваша. Тамо Царь въ началѣ за непрїятеля, а не вмѣсто друга во стрѣтеніе идущаго, быти его помыслілъ. И тако повелѣ воїнству ко оружію, коннїцѣ же по странамъ стати да бы аки ко брани готовы были.

Но

Но Індіанінъ узрѣвъ подмнѣніе, оставя все воінство, самъ єдінъ на конѣ, на немъ же сѣдяше, къ нему поїде. Еже такожде и Алеѯандръ сотворілъ, аще бы аки супостатъ, или аки другъ во стрѣшеніе исшелъ, или мужествомъ своімъ, или вѣрностію его будетъ обнадеженъ. Сошедшімся же имъ, якоже отъ обоїхъ лїцъ мощно бѣ разумѣти, дружескіми сердцами, между себе безъ толмача глаголаши, егда же пріведоша его, начатъ Омфїсъ, и рече. Азъ изыдохъ съ воінствомъ къ тебѣ, яко да немедленно всю сїлу Царства моего отдамъ тебѣ, не ожїдая, еже бы чрезъ посланнїки закладъ вѣрности далъ ми еси. Тѣмже и себе самаго и Царство мое тебѣ вручаю, о немже вѣмъ, яко ради славы воюеши: азъ же ничего не боюся кромѣ безславїя. радостенъ Алеѯандръ о тои Індїиской простотѣ, и десную руку вмѣсто заклада вѣрности даде ему и царство возвратілъ ему. Пятдесятъ шесть слоновъ были, ихже Алеѯандру даровалъ, и множество скотовъ великаго возраста, быковъ три тысящи, драгое въ тои странѣ сокровїще, къ тому бо Царїе охоту имѣютъ. Егда же вопрошаше его Алеѯандръ, кого болше имѣетъ, земледѣлателеи или воїновъ? Отвѣща: яко со двома Царями брань имамъ, со Абїзааромъ и Поромъ, Того ради болше мнѣ надобно имѣти воїновъ.

Порѣ богатѣе бѣ владѣлецъ, оба же за рѣкою Гідаспомъ Царствоваша, и кто бы прошіву имъ оружіе поднялъ, положа намѣреніе воінскаго щастія искусіпи: даде ему власть Алеѯандръ, да бы паки Омфісъ Царскія Клеїноты на себѣ носілъ, имя же чіну того, кое и отецъ имѣлъ, подданные, да бы ему дали Таксілъ, якоже всякаго Царя своего наріцати обыкоша. Тѣмже чрезъ три дни угощая Алеѯандра, въ четвертыи день коль много хлѣба и запасу на воіско Ефестіону даде, показалъ. Златыя вѣнцы ему и другамъ, паче того осмьдесятъ талантъ денегъ сребреныхъ даровалъ, коея ради щедроты его Алеѯандръ радостенъ, и поднесеное ему возвратілъ, и тысящу талантъ отъ корысти, которую съ собою возілъ дарова; паче же того, много сосудовъ златыхъ и сребреныхъ ко учрежденію потребныхъ, множество одѣянія Персідского, трідесять коней отъ своея конюшни, такъ нарядныхъ, якоже самъ всѣдаше, прісовокупілъ къ тому. Но сія щедрота Алеѯандрова, якоже Індіискаго Царя ко друголюбію вѣрному наклоніла, тако другова его зѣло оскорбіла. И едінъ отъ нихъ Малеаргенъ при банкетѣ бывъ шуменъ, рече: поздравляю тебѣ Алеѯандре, яко въ Індіи изобрѣлъ еси достоінаго тысящы талантовъ. Царь же воспомянулъ, коль

несносна

несносна ему бяше смерть Клітова, егоже за языкъ дерзостныи убілъ. Тѣмже и удержася отъ гнѣва, шокмо рече; человѣкъ завістлівыи самъ себѣ мученіемъ и казнію бываетъ.

13. Во утріе пріидоша послы къ нему отъ Царя Абіазара, Царство ему, якоже повелѣніе имѣли, отдающе, тѣмже вѣрности клятву между собою сотворівше, возвратішася ко Царю своему. Алеѯандръ же мняше, яко Поръ відя славу имени его, такожде здастся, послалъ къ нему Клеохара, иже бы ему воззѣстілъ, да бы дань пріслалъ, и въ первыхъ предѣлахъ Царства своего Алеѯандра встрѣтілъ. Поръ отвѣща: едіно отъ сіхъ сотворю, входящаго въ Царство мое на рубежѣ встрѣчу, но во оружіи. Уже Гідаспъ рѣку Алеѯандръ преіти всеконечно умыслілъ. Егда же ему барзента началніка бунту Арахозовъ связана, и трідесять слоновъ купно плѣненыхъ пріведоша: помощь sѣло полезна на Індіанъ бысть, которые паче въ тѣхъ скотахъ неже въ воінствѣ своемъ надежду полагаютъ Такожде Гамакса Царіка едіноя части малыя, земли Індіискія, сверстніка барзентова связавше пріведоша, Тѣмже барзента измѣнніка и того Царіка за стражу отдавъ, а Слоновъ Таѯілю вручівъ, къ рѣкѣ Гідаспъ пріиде. Тамо на другои странѣ Поръ въ снарядѣ воінскомъ ожіданіе,

хотящѣ его преходу возбранїти. Осмьдесятѣ Слоновѣ представљлѣ, велїкаго возраста, паче того колеснїцѣ трїста, пѣхоты трїдесять тысящѣ, между имїже бяху стрѣлцы сѣ луками, [якоже прежде речеся:] имѣюще стрѣлы тяжки ко стрѣлянїю неполезны. Самѣ Порѣ сѣдѣ на слонѣ высочаїшемѣ паче прочїихѣ, стрѣлбу златомѣ и сребромѣ украшенну имѣя, тѣломѣ и возрастомѣ во удївленїе бѣ. равенѣ сердцемѣ сїлѣ тѣла своего, наїпаче мудрѣ елїко можетѣ изобрѣстїся, между онымѣ простымѣ народомѣ. Но Македонянѣ не токмо зрѣнїе непрїятелское, но и велїчество рѣки, юже преходїти имѣли, устрашаше. Гїдаспѣ бо шїрїною бѣ на четыри версты, ни вѣ коемѣ мѣстѣ броду не имѣя, аки море какое мняшеся быти, и сїце шїрока суща, еще же и зѣло быстра, мѣстами воспящающїся течаше, подѣ водою каменїе, егда отбївашеся, на многїхѣ мѣстахѣ показоваша ужаснѣїшїя имѣ мняхуся быти, поля при брегахѣ, конеи и воїновѣ полны. Стояху безмѣрно превелїкїя скоты, яже скрежетомѣ своїмѣ нарочно раздраженымѣ ужасающе ушеса наполняху. Оттуду супостатѣ, отсюду же рѣка, сердца весма надежныя, и вездѣ искушеныя, боязнїю нечаянною устрашїли. Ибо мнѣли, яко плотовѣ ко брегу прївести, и безбоязненно при немѣ стати не могли.

бяху же

бяху же острови густыя въ полу рѣкѣ. Къ нимъ же Індіане и Македоняне, стрѣлбу на главѣ держаще, временемъ преплываху, тамо брань между собою, аще и малую обаче творїли: оба два Царіе малымъ убышкомъ, о счастїи въ предъ идущемъ надежду себѣ полагаша. Но въ обозѣ Македонскомъ два благородныя юноши, упрямостїю и дерзостїю преславны, Лісімахъ и Нїканоръ всякую погібель нізочто себѣ почїташа. Якоже и тогда ихъ предводітелствомъ, избранныя юноши токмо копіе взявше, къ тому же острову прїплыша: гдѣ уже много Індіанъ, ихже, храбрымъ сердцемъ паче, неже оружіемъ многіхъ убїли. И могли бы съ велікою славою возвратїтіся во обозъ, аще бы благополучная упрямость не возхїтїла ихъ чрезъ мѣру. Понеже егда надходящіхъ Індіанъ съ гордостїю и унічїженіемъ ожїдали, окружїша ихъ тїи, иже опаи ныркомъ прїплыша, и издалече оружіе влекуще побїша, [Македонянъ] которые же отъ супостата возмогли уїти тѣхъ, или вода похїтїла или крутїны потопїли. Сія бїтва велію надежду Пору сотворїла. Ибо вся творімая со брега вїдѣлъ. Алеѯандръ же не зная весма что творїти, сїцевую обаче хїтрость употребілъ на прелщеніе супостату. бяше на рѣкѣ острovъ, паче прочїихъ велікъ, иже зарасте лѣсомъ,

лѣсомъ, ко утаенію засады потребенъ, къ сему же ровъ преглубокій недалече отъ брега съ Македонскія страны, которыи ровъ не токмо пѣхоту, но и конницу могль укрыти въ себѣ. Тѣмже да бы отъ сего промысла отвратилъ очеса супостатскія, повелѣ Птоломею со всѣми полками конными ѣздити далече отъ того острова, И оттуду Індовъ гласомъ и шумомъ устрашати, аки бы рѣку хотяще преіти. Что Птоломеи егда чрезъ многи дни творилъ, къ сему приведе Пора, яко весь обозъ на ту страну противу ему обратилъ и поставилъ. Тѣмже на тои островъ супостатъ уже не смотрилъ. Алеѯандръ на другои странѣ шатеръ свои поставіти, и гвардіи своеи, которые всегда при немъ были тамо стояти повелѣ, и всякое чіна своего Царского украшеніе, очесамъ Індіискімъ показоваши. Ашталя же равнаго себѣ очесами и тѣломъ, аще и не совершенно во одежды Царскія облече, да бы всегдашнее его прібытство показовало, о переправѣ нічего не помышляти имъ. Сіе намѣреніе и хітрость въ первыхъ начатъ, не погода разоряти, но вскорѣ потомъ и помощи подала, егда и убышки къ доброму окончанію привела форшуна, имѣлъ уже [Царь] суды отъ брега отпустіти ко острову намѣренному, яко же речеся, отвратівъ непріятеля поніже, гдѣ Птоломеи

на брегу

на брегу стояше, тогда такъ велїкїи дождь излїяся, яко едва и подъ кровлею мощно его претерпѣти, таковая мятелїца наїде на воїновъ, яко съ судовъ и плотовъ убѣгоша, смятенїя же того, не даде шумъ водяныи услышати супостату. Потомъ вскорѣ престалъ дождь: но толїко мрачны облака были, яко свѣтъ помрачїли, и едва могли распознати другъ друга, между собою глаголюще. Та мрачная нощъ устрашїла бы и инаго, еже ли бы чрезъ рѣку незнаемую, случїлося кому переправлятїся, гдѣ мнїтмїся на томъ брегу супостатъ ожїдалъ, на которомъ слѣпыя и погїбелныя съ прїстрашїемъ хотѣли славы искати. Но Алеѯандръ въ тои мракъ, иже прочїхъ устрашаше, дѣлу своему надежденъ, даде прїзнакъ да вси съ молчанїемъ внїдутъ въ суды и на плоты, самъ первыи поплыве, а на другои странѣ рѣки ни кого не было. Ибо Поръ Птоломеа токмо оберегался; тѣмже вси здраво и цѣло преплыша, едїно токмо судно о камень разбїлося. Алеѯандръ же воїнамъ оружїе взяти и ко брани итти повелѣ.

14. Уже полки вооруженныя самъ Алеѯандръ поведе; тогда Пору возвѣстїша, и яко брегъ, оружїя и воїнства наполненъ, и послѣдняя уже весма погїбель прїспѣваетъ. Поръ же съ начала человѣческаго разума прелестїю обнадеженъ, чаялъ яко Абїазаръ

по уговору на помощь ему идетъ. Но егда токмо свѣтъ болшіи су постата откры лъ, тогда Поръ сто четверныхъ колесніцъ, и четыре тысящы коннїцы на предъ поставїлъ. Полководца съ нїми брата своего Гагеса послалъ, вся сїла и надежда бѣ въ колесніцахъ, которые по шести воїновъ на себѣ везли, двоїхъ со щїтами двоїхъ стрѣлцовъ по обоїмъ странамъ поставленныхъ, прочїи же возніцы и тѣ вооруженны. Ибо егда прїлучїтся въ блїзости, оставлше кони, копїами бои чїнїли. Но въ тои день сїе, едва что помощи подало. Понеже [якоже предречеся] дождь превелїкїи, и едва когда тако сїлныи изліяся, слїзки поля икъ ѣздѣ нетребны, сотворілъ колесніцы тяжки, ихже едва кони могли двігнути съ мѣста въ блатахъ и рвїнахъ увязше стояли. Протївнымъ образомъ Алеѯандръ охотныя и легкїя полки послалъ. Агаряне въ первыхъ и Дахи нападоша на Індїанъ. По томъ Пердїкку съ коннїцею на правое крыло непрїятелское напустілъ. И уже отъ всѣхъ странъ брань началася, егда возніцы шу послѣднюю помощь зряще, конямъ брозды опустіша, и въ самую весма погібель вбѣжали, еже обоїмъ странамъ sѣло бѣ вредно. Понеже пѣхоту Македонскую, съ начала колесніцы и воїны на нїхъ сѣдящїя побѣждали, но и самыя такожде колесніцы по слїзкїмъ мѣстамъ

бѣгуще,

бѣ уще. и путь мінующе возніцъ и Індіанъ нізвергали. Прочіихъ кони устрашеные, не токмо впропасти и рвы но и въ рѣку колесніцы вметали. Не мнози отъ нихъ убѣжали къ Пору, которыи храбро отпоръ чінілъ. Онъ же узрѣвъ ако колесніцы безъ управітелеи вездѣ по полямъ шатаются, бліжнімъ другамъ раздаде слоновъ, по нихъ пѣхоту и стрѣлцовъ обыкшіхъ въ кімвалы бряцати послалъ, Індіане бо вмѣсто трубъ употребляютъ ихъ, звукъ же слонамъ добрѣ пріобыкновенъ никоего смятенія и страха не творілъ. Несоша же предъ пѣхотою Ідола Геркулеса, которыи былъ воінству возбужденіемъ превелікімъ. А которые бы оставіли его, тѣхъ за измѣнніковъ пріічітали, и смертною казнію оныхъ вершіли, еже ли бы съ собою не изнесли его. Сіце тои страхъ отъ непріятеля воспріятыи, въ вѣрность и честь претворіли.

Македоняне же не токмо на слоны, но и на Царя Пора воззрѣвше, не много возпяшіася. Ібо скоты разставленныя между вооруженными, аки бы башни нѣкія мняхуся быти. А самъ Поръ бѣ болшіи возраста и велічества человѣческаго. къ семуже и слонъ, на немже сѣдяше высотою и дебелостію превосхождаше прочыхъ. Сія вся Алеуандръ узрѣвъ, воіско же и Царя разсудівъ себѣ рече. Нынѣ сердцу моему конечную гібель

вѣжду, со скопами бо и храбрыми мужами есть дѣло. Тѣмже зря на Ценона, рече. Егда азъ со Птоломеомъ, Пердіккою и Ефестіономъ на лѣвое крыло непріятелское ударю, и увѣдіши мя уже жестоку брань творяща, ты на правое крыло нашедъ, мятущіхся устрашаи. А вы Антігоне, Леонаше и Тавроне, нашѣхъ иже вофронтѣ стоятъ, прілѣжно ополчітеся, копія наши долгія и крѣпкія ни на что ино потребны могутъ быти, якоже на скотовъ и управітелеи ихъ, мещіте ихъ по земли, и слоновъ прободаіте. Не надежну сію имѣютъ помощь, своімъ си паче вредітъ скотъ. Ибо егда ему велятъ, што на непріятеля бѣжітъ, егда же устрашітся, своіхъ паче повреждаетъ. Сія изрекъ, первыи скочілъ на конѣ. Іуже храбро боряшеся съ супостатомъ, егда Ценонъ по прїказу Царевому на правое набѣжалъ крыло, пѣхота на самое чело Індіискаго воіска купно ополчілася яростно. Но Поръ абіе немедля, куда обратілася конніца, туда слонамъ повелѣ итти. Скопы же тѣ тяжелы суще и едва двіжущеся, не могли ко скорости конскои сравняться, ніже стрѣлъ употребляти. Ібо прежде подобаше лукъ о землю опереши, потомъ долгіми и тяжкіми стрѣлами стрѣляти: а въ то время сколска и болотна земля была, и не дала имъ скоро обращатіся, того ради

ради предуспѣвающе ихъ Македоняне убіваху. Тѣмже и Царскаго повелѣнія уже неслушающе: [что едва не всегда случается, егда мящущымся жесточае страхъ, неже полководецъ начнетъ повелѣваши:] толіко бяху полководцевъ, слікo полковъ рыскаху. Иныя повелѣваху собіраши воіско, прочіи же раздѣляти, нѣкія же спаши, созади супостата заіти; нічто къ дѣлу достоінаго быши не совѣтоваша. Обаче Поръ со не многіми, которые славу, не страхъ предъ очесами имѣша, расіпоченныя собіраше, и на супостата поіде, слонамъ предъ своімъ полкомъ повелѣвая ити. Тамо велікъ страхъ Македонянамъ скоты тѣ сотворіша: неслыханныи же нікогда скрежетъ не токмо кони отъ всякія прічіны боящіхся; но и воіновъ простыхъ ужасілъ, и уже помышляху бѣжаши, иже прежде бывше побѣдітелми. Тѣмъ временемъ Алсуандръ Агріанъ и Ѳраковъ легко вооруженныхъ, нашествіемъ лушшіхъ, и наѣздомъ неже совокупною бранію, на тѣ скоты напустілъ, которые безчісленное множество стрѣлъ на нихъ и на ихъ управішелеи пустіша. Пѣхота такожде на устрашенныхъ бодрственно ополчілася. Но нѣцыи дерзновенно слоновъ прободали, и уязвіше оныхъ, паче на ся раздражіша. Тѣмже отъ нихъ попіраемы, прочіимъ, да бы опасно нашествіе

творїли, образцомъ были. Паче всего прїчїна ужасна была, егда носомъ со оружїемъ и воїновъ похїщающе, управїтелемъ своїмъ на себѣ сѣдящїмъ слоны подавали. Тѣмже сумнїтелна бѣ сїя брань, егда временемъ слоны гонїли и убївали, временемъ предъ нїми убѣгали и много дня тѣмъ упразднїли, донелѣже [Македонцы] сѣкїры взявше: [ихже помощи ради уготоваша] ноги начаша слонамъ подсѣкати. Копїдами наріцаютъ мечи, мало накрївлены, косамъ подобны, тѣми носы слонамъ отсѣкали. И не токмо боящеся смерти, но и погїбающе нїчего кѣ побѣдѣ не оставляли. Прочее слоны отъ язвъ утомленны, своїхъ убївали, и которыя управляли ихъ, нїзвергше ихъ съ себе, ногами попїрали. Сїце аки скотовъ, даже за воїско Порово гнали. Поръ же отъ многїхъ оставленъ, броню прежде уготованную начатъ [на тѣхъ, которыя его окружїли,] метати со слона своего, и егда многїхъ уязвїли издалече, и самаго такожде на верху сѣдяща отвсюду не мїноваху. Уже девять язвъ въ плечахъ и грудяхъ имѣлъ. Кровиже много егда истече, оружїе руками ослабленными паче опускаше, неже меташе. Но и слонъ розъяренный еще не уязвленъ многїя шеренги размѣшалъ, даже управїтель его узрѣвъ, яко Царь руцѣ опустївъ, оружїя не держаше едва

жївъ,

жівъ, изведе слона, и повелѣ ему уходіти, егоже Алеѯандръ во слѣдъ гоняше. Но конь [Алеѯандровъ] отъ многіхъ язвъ ослабѣвъ къ земли пріпаде, паче Алеѯандра ссажая, неже нізвергая, тѣмже донелѣже всѣде на новаго, мало умедліль отъ гоненія. Обаче посла за нимъ вскорѣ брата Царя Індіискаго Таѯіля, прося его, да сдастся ему, гнѣву же побѣдітелева на себе да не возбуждаетъ болшаго. Но Поръ ще уже и безсілень едва не безъ крове, обаче познавъ его по гласу, мало укрѣпівся, рече: знаю азъ Таѯілова брата, Царству моему измѣнніка, и копіе, еже послѣднее уже отъ рукъ своіхъ не испустіль, вергнуль нань, и груди на сквозь проводе ему, то послѣднее дѣло храбрости своея показавъ, вскорѣ начатъ уходіти. Но слонъ многіми ранами бысть утомленъ, того ради Поръ престалъ уходіти, пѣхоту супротіво находящему супостату поставівъ. Алеѯандръ же уже достіже его, и відя упрямство Порово, повелѣ да нікого упрямого не пощадятъ. Тѣмже и на пѣхоту и на самаго Царя стрѣлы испустіша, иміже преодолѣнъ, начатъ со слона къ земли наклонятіся. Індіанінъ же, иже Слона управляше, мнящъ яко хощетъ слѣсти, повелѣ по обыкновенію Слону на колѣна пріпасти, которыи егда пріпаде, тоже и прочіи сотвориша. ибо сіце бяху научены.

Сія

Сія прічіна и Пора и прочіхъ предаде.

Царь же повелѣ одежду сѣ него совлещи, мнящѣ яко убіютъ, и егда же хотѣша броню воінскую и одежду совлещи, абіе слонъ нача защіщати господіна своего, и находящіхъ біяше, самаго же Пора подняти, и на себе посадіти хотѣлъ. Того ради мешаху на него копіями, и прободше сняша, и на колесніцу его положіша. Узрѣвъ же Алеѯандръ его отвержающаго очи, не ненавістію но мілосердіемъ возбужденъ, рече: кое безуміе прінуділо тя брань творіти со мною, моіхъ дѣіствъ знающаго славу? егда и Таѯілъ здався мілости моея бысть тебѣ извѣстнымъ прікладомъ, и образомъ? Поръ же отвѣща: понеже вопрошаеши мя, того ради свободно [якоже вопрошалъ еси] отвѣщю дамъ, ни кого сілнѣішаго паче себе нечаяхъ быти, ибо мою сілу знахъ, твоіхъ же сілъ еще не искусіхъ, сілнѣішаго же тебе суща, конецъ воіны показалъ. Но и сіце не мало благополученъ есмь, ибо вторый есмь по тебѣ. И паки вопрошенъ, что бы имѣлъ съ німъ побѣдітель творіти? отвѣщалъ: то сотворіши, что нынѣшнім день будетъ тебѣ совѣтовати, воньже искусілъ еси, како непостоянно есть счастіе.

Болше сімъ увѣщаніемъ, неже аще бы о здравіи просілъ Поръ, мілость изобрѣте. Ибо Алеѯандръ

відя

вїдя храброе того сердце, нїже мало устрашенно, нїже сїцевымъ злополучїемъ преодолѣнно, не токмо мїлосердїе, но и честь велїю явїлъ ему. И о немощномъ такъ имѣлъ попеченїе, аки бы за него воїну точїлъ.

Здраваго же, паче всѣхъ чаянїя, вмѣсто друга между прочїихъ прїялъ. И вскорѣ болшее Царство, неже прежде имѣлъ, дарова ему.

Воїстїнну Алеѯандръ нїчто въ себѣ имѣлъ состоятелнѣе, яко же славу и мїлость. Обаче надежнѣе славу отъ супостата, неже отъ своїхъ быти разумѣлъ; ибо сїце мняше, яко домашнїя велїчество его разорїти могли, тоже яснѣйше могло быти; аще бы сїлнѣйшїхъ себе побѣдїлъ.

КВІНТА КУРЦІЯ

КНІГА ДЕВЯТАЯ.

СОБРАНІЕ ВЕЩЕЙ КРАТКОЕ.

1. Побѣдивъ Пора Алеѯандръ, внѣде во Індїю, разныя народы и Грады ихже нравы опїсашася, во область взялъ.
2. Егда восхотѣлъ итти, къ народамъ нарїцаемымъ Гангарїды и Фарразы, воїновъ своїхъ утомленыхъ, и во брани унывающїихъ, велїимъ моленїемъ увѣщаваетъ къ состоянїю.
3. Цень именемъ отъ всего воїнства Алеѯандру отвѣщаваетъ, и вскорѣ потомъ изнемогши умре.
4. Народа Собѣйскаго и прочїихъ побѣдивъ, [Алеѯандръ] внѣде въ Царство Оуїдраковъ, и Малловъ, увѣщавъ же воїновъ, Варваровъ разгналъ, и градъ ихъ облегъ, волхва именемъ Демофонта укорїлъ.
5. Алеѯандръ скочївъ со стѣны во градъ Оуїдраковъ, кѣмъ сталася уязвленъ, и храбрыя нѣкїя полководцы убїты, градъ же вскорѣ взялъ и за себе и за своїхъ отмщенїе творїтъ.
6. Други умоляютъ его, да своему здравїю и общему дастъ покои. Къ нимъ же благоразумно отвѣщалъ, яко въ намѣренїи своемъ стоїтъ, еже бы ему упокоїти Свѣтъ.
7. Описанїе бунту нѣкоторыхъ Грековъ бывшїихъ въ странѣ Бактрїанскои, егда Алеѯандръ Індїискїихъ пословъ учреждаше, между Гїрратомъ и Дїоуїппомъ воста распря, которые неравнымъ оружїемъ едїноборно брань творяшѣ. Вскорѣ потомъ Дїоуїпъ отъ недруговъ своїхъ порокомъ безмѣрно раздраженъ, самъ себе смерти предаде.
8. Взявъ [Царь] отъ пословъ Індїискїихъ дары: Сабраковъ, Мусїкановъ и прочїя народы во область мечемъ емлетъ.

Птоломеи

Птоломеи егда бысть уязвленъ оружіемъ яда исполненнымъ, былѣмъ исцѣлѣлъ, котораго цвѣтъ Алеуандръ во снѣ вѣдѣлъ.

9. Желаніемъ вѣдѣти Океанъ море прінужденъ, но не безъ гібели отъ корабелніковъ не искусныхъ; обаче намѣреніе свое исполніалъ.

10. Отъ Окіана возвращается, въ Царства, Аравіітское, Гедрозіоцкое: Індіиское, гдѣ гладомъ и моромъ воінство его погібаетъ. Потомъ паки свобождается отъ того. Отъ туду востаютъ піршества излішняя пьянства, обьяденія, тогда и Аспастъ воевода по повелѣнію Цареву смерти предается.

1: Алеуандръ же бысъ радостенъ отъ толіко великія и славныя побѣды, которою Востокъ Солнечныи отворенъ бысть ему, [якоже онъ мняше.] Солнцу жертву прінесе. По томже воіновъ своіхъ умоляя, да бы охотнѣе по томъ были, рече. Коліко Індіане сілъ и крѣпостеи имѣли, сею побѣдою все сокрушіли есте. Царство, аможе идете, дадятъ вамъ богатыя корысти, тамо бо зѣло преславны сокровіща. Оттолѣ уже Персідскія корысти ни вочто будутъ, драгоцѣннымъ каменіемъ, бісерами, златомъ, костію слоновою, всю Македонію и Грецію, доволно домы ваша наполніте. Завіділвое воінство къ денгамъ и славѣ, такожде яко и обѣщаніе его нікогда ихъ не обманывало, ко всякому дѣлу обѣщаваются быти готовы. Царь же съ доброю надеждою

отпустївъ ихъ, повелѣ уготовляти караблїцы, да бы всю Азїю обшедъ конецъ земли и море посѣтїлъ. Лѣсъ велїкъ былъ на горахъ блїзкїхъ: и древа на немъ ко строенїю караблїцевъ потребны, тамо безмѣрнаго Велїчества змїевъ вїдѣли. И рїноцеры звѣри индѣ ѕѣло рѣдкїе, на тѣхже горахъ были. [Сїцевое имя тѣмъ звѣрямъ Греки дадоша, но иныя народы инако ихъ нарїцаютъ.]

Убо Царь Алеѯандръ, по обоїмъ странамъ Гїдаспы рѣки два грады создалъ при брегахъ, полководцемъ же своїмъ всякому отъ нїхъ вѣнецъ златыи и тысящу червонныхъ даровалъ, прочїимъ по оффїцїи своеи, а иныхъ зря на заслуги дарами пожаловалъ.

Абїазаръ [иже прежде, неже брань съ Царемъ Поромъ была] прїслалъ ко Алеѯандру пословъ, и о подданствѣ своемъ паки другїхъ пославъ, которые предложїли, яко Царь нашъ готовъ есть повелѣнїе твое всякое исполняти. Токмо молїтъ, да бы самъ своею персоною не былъ прїнужденъ къ подданству: Ибо нїже безъ государства жїти, нїже аки плѣннїкъ господствовати хощетъ. Алеѯандръ повелѣ ему возвѣстїти, аще ему прїскорбно есть посѣтїти мя, то азъ самъ къ нему прїиду. Оттуду Гїдаспу рѣку прешедъ, и Пора побѣдївъ, во внутреннїя Індїискїя страны поїде.

И въ пер-

И въ первыхъ пошелъ чрезъ лѣсы превеліѣія, конца не имѣющія, превысоки зѣло въ нихъ древеса были, ихже вѣтвіе аки колоды нѣкія лежали на земли, оттуду паки въ верхъ возрастали. Яже не аки вѣтви но аки новое древо растущее мняшеся быти.

Воздухъ велми здравый, ибо отъ жара Солнечнаго стѣнь покрываше, воды изобїлныя изъ источнїковъ текутъ. Обаче и тамо премногое множество Змїевъ было, чешую аки злато на себѣ сїяющую имѣющихъ. Толь же люты оныи Змїи, яко по угрызенїи, абїе человѣкъ умїраше, донелѣже показаша жїтели отъ того яда лекарство. Оттуду пустынями прїиде къ рѣкѣ Гїдраоту, надъ нею же бяше лѣсъ, древа въ немъ растяху ни гдѣ невїданы. Павлїновъ дїкихъ, многое множество въ немъ было. Отъ того мѣста обозомъ поїде, и градъ не далече стоящїи обстоянїемъ взялъ, и дань на нихъ наложїлъ. Потомъ прїиде къ столїцѣ тоя страны, яже не токмо стѣнами, но и езеромъ была укрѣплена. Индїане же колеснїцы своя перевязавше купно, сѣдяще на нихъ противу на бои изыдоша, иные отъ нихъ имѣли саїдаки, иные копїя, прочїи же сѣкїры. И егда нужда бѣ своїмъ помощь подати, тогда вскорѣ съ колеснїцы на колеснїцу прескакаша. Не обыкновеныи убо тоя промыслъ военныи, съ начала Македонянъ

не много поустрашілѣ, ибо издалече уязвляли ихѣ, но потомѣ неразумнымѣ воінствомѣ возгордѣвшеся, по обоімѣ странамѣ колесніцами [Царя] окружілі, и супостата убівали.

Алеуандрѣ же повелѣ первіе пресѣкати, имже колесніцы связаны бяху, да бы сіце удобѣе всякую возмогли окружіти. Прочее осмь сотѣ Індіицовѣ убіша, а оставшіися во градѣ убѣжали.

Во утріе лѣснічы отвсюду пріставівше, стѣны взяша, не мнози скорости ради уідоша: которыя узрѣвше градѣ взяты, езеро преплыша, и бліжнія городки устрашілі, сказавше, яко воіско непреодолѣнно, и конечно отѣ боговѣ самыхѣ пріиде.

Алеуандрѣ же Пердікку, сѣ легковооруженными полками, разоряти оную страну послалѣ, а Евменію часть воіска вручілѣ, да бы онѣ Індіанѣ кѣ подданству наклонілѣ. Самѣ же сѣ прочімі кѣ нѣкоему граду крѣпкому, вѣ него же изѣ иныхѣ городовѣ жітели убѣжали, поіде.

Граждане же послаша кѣ Царю молїти его, но обаче ко брани уготовляхуся. Ибо смятеніе меж у простымѣ народомѣ воста, и совѣтѣ разны̆и сотворілo. Иные бо терпѣти все хотѣша кромѣ подданства, прочіи же на сілу свою надежды не полагалѳ.

Но егда вѣ простомѣ народѣ сего не бысть совѣта,

совѣта, которые о подданствѣ помышляли, тѣ градъ Алеѯандру отворіли. Онъ же аще бы и моглъ протівнои странѣ гнѣвъ свои изъявіти и отмщеніе сотворіти; обаче отпустілъ всѣмъ віну, закладъ вѣрности взявъ, поіде оттуду къ бліжнему граду съ воіскімъ.

Идоша же предъ воіскімъ Алеѯандровымъ тѣ граждане, ихже со стѣнъ узрѣвше, аки едіноплеменныхъ своіхъ, на разговоръ къ себѣ пріглаcіша. Они же мілость Цареву, купно же и сілу имъ объявівше, къ подданству пріклоніша ихъ, и прочія грады таковымъ образомъ въ подданство покорілъ.

Оттуду пріиде въ Царство Софіта. Тои народъ [не якоже Варвары тѣхъ странъ] мудростію превосходятъ, и добронравіемъ первіи. Дѣтемъ не какъ родітели хотятъ воспітаніе даютъ, но по разсмотренію ихъ имже вручены суть. Аще которыхъ увідятъ лѣнівыхъ, или бездѣльныхъ и скорбныхъ какіми удесы, велятъ убівати и не воспітовати таковыхъ. Бракъ чінятъ не на породу и благородіе зряще, но на красоту и благолѣпіе тѣла, ибо таковыхъ же и дѣтей своіхъ чаютъ быти. Градъ того народа, егоже Алеѯандръ облеже, самъ Софітъ въ то время управляше, и въ немъ жівяше. Заключенны бяху врата, постѣнамъ и башнямъ ни едінаго воіна не відѣша;

и въ сум-

и вѢ сумнѢнїи бяху Македоняне, аще избѢжали граждане, или осады ради пріїтаїлїся. Тѣмѣ временемѣ самѣ Царь Індїецѣ врата отверзѣ со двѣма сынами вѣ возрастѣ уже сущїми, ко Алеѫандру изѣ града изыде, сѣло паче всѣхѣ Варваръ высокѣ возрастомѣ, одежда бѣ на немѣ изѣ багрянїцы златомѣ тканныя, длїною до лодыжекѣ, башмаки златыя, драгїмѣ каменїемѣ унїзаны, рамена и лакти бїсерами украшенны, во ушесахѣ сѣло прекрасное и драгоцѣнное каменїе вїсѣло, тростьимяше вѣ рукахѣ, каменемѣ бїрюзою усажденну, которую поднесѣ Алеѫандру, и пріѵѣтствовалѣ, да здраво пріиметь. Себе же и чадѣ своїхѣ и народѣ вѣ подданство ему предаде.

Вѣ тои странѣ псы изрядны кѣ ловїтвѣ звѣрїнои, сказуютѣ о нїхѣ, егда де увїдятѣ звѣря, никогда не лаютѣ, на Львовѣ наїпаче жестоки. Ихже сїлу хотящѣ Софїтѣ Алеѫандру показати, превелїка едїнаго Лва повелѣ пріѵесити, и четырехѣ псовѣ на него пустїлѣ, которые скоро нападоша на него. Ловецѣ же зря: коль сїлны псы, едїнаго отѣ нїхѣ за ногу со Лва повлече, но никоїмѣ подобїемѣ можаше его отторгнути, отсѣче ему ногу, но и сїмѣ нїчто успѣлѣ, паки другую отсѣче, но и потомѣ песѣ не отступїлѣ, шого ради оружїемѣ убїенѣ бывѣ, зубы своя во Лвѣ издыхая лучше

похотѣлѣ

похотѣлъ оставїти. [Тако жестокую охоту къ ловїтвѣ прїрода даде тѣмъ псамъ, якоже о томъ пїшутъ.] Азъ воїстїнну въ лѣтописанїи семъ моемъ болше пїшу, неже вѣрю, и свїдѣтелствовати о томъ не дерзаю въ чемъ сумнѣваюся, оставїти же, еже чїтахъ, нѣсть достоїно. Тѣмже Алеѫандръ оставївъ Софїта въ Царствѣ его, поїде къ рѣкѣ Гїспаду, со Ефестїономъ соединївся, иже въ разныхъ мѣстахъ градовъ доставаше.

Бліжняго народа бѣ Царь Фегелъ, которыи подданнымъ своїмъ землю управляти по обыкновенїю повелѣвъ. Самъ Алеѫандра съ дарами стрѣтїлъ, отдався ему въ подданство, и тамо два дни у него пребылъ.

2: Царь Алеѫандръ въ третїи день чрезъ рѣку, не токмо шїрокую, но и каменми наполненную восхотѣ преїти. Тѣмже вопрошая о дѣлахъ нуждныхъ Фегеля, увѣстїлся отъ него, что путь предъїдущїи будетъ ему, чрезъ великїя пустыни днеи одиннатцать. Потомъ рѣка Гангесъ, въ тои странѣ Индїискои паче всѣхъ болшая. За рѣкою же два народы поселены, Гангарїды, и Фарразы, Царь же ихъ именемъ Аграмъ, тои двадесять тысящеи конницы, и двѣсти тысящеи пѣхоты имѣя, вездѣ путь засѣлъ, къ сему же имать четверныхъ колесницъ двѣ тысящи, слоновъ три тысящи, страхъ

превелїи воїнскїи. Алеѯандръ же тому всему не ятъ вѣры. Того ради Пора Царя вопросїлъ, [Ибо при немъ бѣ,] тако ли есть? онъ же отвѣща, сїла народа того и государства воїстїнну такова, якоже Фегелъ рече. Но Царь не токмо человѣкъ простъ, но и ѕѣло мѣлкїя Фамїлїи, отца имѣлъ стрїгача, которыи едва моглъ пїтатїся ремесломъ своїмъ поденно, но Царїца [того времене] красоты ради любляше его, тѣмже Царя своего измѣною убїла. А сего вмѣсто защїтнїка и заступнїка прїяла. Потомъ насїлно Царствомъ овладѣлъ. Царевїчевъ же смерти предаде; а съ нею до сего дне жїлъ. Въ малои ѕѣло у своїхъ есть чести, отческому чїну и велїчеству подобенъ. Сїе Порово извѣщенїе многїхъ Алеѯандру печалеи умножїло. О непрїятелѣ бо и слонахъ нїчто помышляше, но положенїе мѣстъ и превелїкїя рѣки его устрашїли. Мняшеся бо ему дѣло ѕѣло неудобно, еже гоняти и искати людеи, ихже прїрода въ послѣднїя предѣлы свѣта загнала. Желанїе же славы и чести, нїчто далекаго и безпутнаго быти показовала. Їногда такожде сумнѣвашеся, помышляя, аще Македоняне толїко странъ прешедше. Во бранехъ и обозѣ состарѣвшеся, чрезъ рѣки и чрезъ толь много отъ прїроды предстоящыхъ бѣдствъ, вослѣдъ мене итти не восхотятъ. Многое изобїлство

корыстеи

корыстеи имѣютъ и отягощены ими, пріобрѣтеныхъ употреблятіи, неже пріобрѣтающе искатіи похотятъ и труждатїся. Къ сему же не толіко намѣреніе воінство имать, еліко азъ. Мое желаніе всѣмъ свѣтомъ овладѣти, азъ же еще аки въ предверіи дѣлъ моіхъ стою. Воіны трудами утомлены, какія нібудь корысти, по окончаніи погібели не восхотѣли бы въ радости употребіти. Сіцевыя мысли имѣлъ [Алеуандръ] обаче желаніе преодолѣло разума, воінство бо къ себѣ прігласівъ сіце къ німъ рече.

Нѣсть мнѣ таіно воіни мои, коль много въ сія дни Індіане нарочно возвѣщали, еже бы васъ устрашіти могли. Но вы лжівства ихъ искусісте уже. Тако Персяне страшныхъ бѣдствъ множество предлагали, о тѣснотахъ Кілікіискіхъ, о поляхъ Месопотамскіхъ, о Тігрѣ и Евфратѣ рѣкахъ, отъ нїхже едіну бродомъ, другую мостъ построівше преідохомъ, нікогда вѣдомость, якоже подобаетъ совершенныя правды не имать, что извѣщаетъ, то болшая есть ложъ, неже истінна, якоже и наша слава, яже есть утвержденна: обаче болше имать имени между человѣки, нежели какъ есть сама въ себѣ. Прежде малаго времени, кто о слонахъ, [которые аки башни мняхуся быти,] кто о Тідаспѣ рѣкѣ, и о прочіихъ пріічінахъ вѣсказаніи,

а не во истіннѣ безмѣрно велікіхъ, аще и помыслїти моглъ бы. Воїстїнну уже давно изъ Асіи убѣжали быхомъ, аще бы насъ Фабулы возмогли преодолѣти. Вѣрїте ли о слонахъ, яко стада ихъ, глаголютъ быти, болши домашнїя скотїны. Звѣрь тои есть рѣдокъ, ко уловленїю прїтруденъ, а ко укрощенїю наїпаче. Таяжъ ложъ изчїсляше вамъ пѣхоту и коннїцу. Аще о рѣкѣ дѣло, то коль есть шїрѣ, толь тїше течетъ, ибо въ тѣсныхъ быстра, въ пространныхъ же легко текущая бываетъ. Къ сему же на брегу вся погїбель, гдѣ супостатъ въ судахъ пловущїхъ ожїдаетъ. Сїце какую нїбудь рѣку преходїшъ, равна будетъ погїбель, егда ко брегу прїблїжїшїся. Но да будетъ сїе истїнною, что они глаголютъ. Азъ вопрошаю, велїчество ли Слоновъ, или множество воїска устрашаетъ васъ? о слонахъ недавныи имѣемъ образецъ, како лютѣе на своїхъ нежели на насъ ожесточахуся, егда мы толь велїкїя тѣлеса сѣкїрами пресѣкахомъ, и копїами прободахомъ, и что есть, яко толїкое множество ихъ, елїко Поръ имѣлъ, аще и три тысящы, едїнаго бо, или другаго уязвївше, вси уходятъ, якоже вїдѣхомъ. Не многїми, якоже подобаетъ управляти, не могутъ, егда же толїко тысящеи ихъ будетъ, сами отъ нїхъ попїраеми будутъ. Ибо нїже стояти, нїже

уходїти

уходіти превелікія оные тѣлеса возмогутъ. Азъ сіхъ звѣреи ни во что себѣ имѣхъ аще и многи были у мене: обаче ко брани не представіхъ, извѣстенъ бывъ, яко паче своімъ а не супостату вредятъ.

Но мнітміся, яко велічество воіска пѣшаго и коннаго устрашаетъ васъ; ибо обыкосте токмо съ малымъ воіскомъ брань имѣти, нынѣ же вамъ пріспѣ съ бездѣлнымъ и безстроинымъ велічествомъ воіска, дѣло чініти. Но свідѣтель есть непреодолѣннымъ Македонянамъ протіво велікіхъ воіскъ, Гранікъ рѣка, и Кілікія кровію Персідскою обліянная, и Арбелля, си же пространныя поля покрыхомъ костми побѣжденнаго воіска.

Не вскорѣ полки супостатскія начасте изчітати, егда побѣдівше Азію въ пустыню претворісте. Тогда о множествѣ намъ глаголати подобаше, егда чрезъ Море Гелеспонтское преходіхомъ; а нынѣ во слѣдъ нашъ идутъ Агаряне, бактріанскія помощи имѣемъ. Дахи и Согдіане въ полкахъ нашіхъ стоятъ. Обаче азъ множеству тому невѣрю, на руки ваши надежду полагаю, храбрость вашу въ дѣлѣ, еже еще хощу творіти вмѣсто заклада имѣю. Донелѣже съ вами во брани стояти буду, ніже о своемъ воіскѣ буду памятствовати, ніже супостатскомъ. Вы токмо охотны и надеждни

пребудїте. Не вѣ преддверїи трудовѣ нашїхѣ, но на самомѣ концѣ стоїмѣ. Прїидохомѣ кѣ Востоку Солнца, и до Моря Океана, аще не будетѣ препятїемѣ лѣность, уже оттуду послѣднїя предѣлы Свѣта побѣдївше, вѣ домы своя побѣдїтелями возвратїмся. Не погубляїте [якоже нѣцыи земледѣлатели творятѣ] поспѣлыхѣ овощеи лѣнївства ради отѣ рукѣ вашїхѣ. болшыя сутѣ дары паче погїбели, богато оное Царство, но народѣ не военныи. Того ради не такѣ на славу, якоже на корыстѣ васѣ веду, достоїни есте того. Да бы оные богатства яже море на брегѣ извергаетѣ, во отчїзну свою вы занесли есте, достоїни иже все искусївшїи, ни что за боязнїю оставїли есте. Осемѣ азѣ прошу васѣ, вами самыми и славою вашею, еюже всѣхѣ людеи превосходїте, и моею кѣ вамѣ, и вашею ко мнѣ услугою; о которои не преодолѣнно прѣнїе имамы, да вы меня кѣ предѣламѣ человѣческаго народа идущаго воспїтаннаго и сверстнїка вашего, [да не реку Царя] не оставїте Вся прочая повелѣвахѣ вамѣ, вѣ едїномѣ семѣ долженѣ есмь. И еще васѣ самѣ молю, иже ни что когда повелѣвахѣ вамѣ, аще бы самѣ не имѣхѣ во всякои погїбели первыи быти, которыи щїтомѣ своїмѣ воїско покрывахѣ; не удержїваїте рукѣ моїхѣ, имїже Геркулесу и Лїберу отцу [аще завїстѣ погїбнетѣ] равенѣ буду.

буду. Дадіте сіе прошенію моему, и сіце упрямое молчаніе отвержіте. Гдѣ есть твои гласъ, иже охоты вашея свѣдѣтель? гдѣ тое Македонянъ моіхъ лице? не знаю васъ за воінство мое, и аки бы всѣ такожде самаго мене не вѣдаете, во ушеса глухія уже многое время толкаю, отвращенная сердца и унылая возбудіти желаю.

Но егда воіни на землю склонівше главы стояша и молчаху, паки Алеѯандръ рече къ німъ. Не вѣмъ что безумно вамъ сотворіхъ, яко и воззрѣти на мя не хощете? мню мя быти въ пустынѣ, ни кто мнѣ отвѣщаваетъ, и ни кто прошівоглаголетъ, къ німъ же азъ глаголю: и что желаю, вашу славу и велічество воздвігнути хощу. Гдѣ суть тіи, ихже прѣніе прежде малаго времени відѣхъ, кто бы Царя уязвленнаго нести имѣлъ, оставленъ и непріятелю преданъ есмь? Но аще и тако есть, азъ едінъ поіду, предадіте мя звѣрямъ, рѣкамъ, и сімъ народомъ, ихже имянъ ужасается, могу обрѣсти такіхъ, которыя во слѣдъ мене вами оставленнаго поідутъ. Агаряне и бактріане поідутъ за мною, иже недавно супостаты, а нынѣ воінство наше. Лутше есть умрети, неже чрезъ моленіе повелітелемъ быти. Идіте въ домы ваша благополучно, идіте Царя оставівше съ радостію, азъ здѣ, или сумнітелную отъ васъ побѣду, или честную смерть изобрящу.

3

3. Но и тако нїже отъ едїнаго воїна возмоглъ гласа услышати, ожїдаша, да бы полководцы, и господа возвѣстїли ему, яко язвами и непрестанными воїнскїми трудами утомленны. въ предъидущїя службы итти не отрїцаются, но никоїмъ образомъ снести не могутъ. На конецъ сами страхомъ обдержїми, очи къ земли прїклонївше сїце стояху. Тѣмже въ первыхъ роптанїе нѣкое, потомъ воздыханїе воста, болѣзнь нача слегка являтїся, откуду начаша плакати, тако яко и Царь гнѣвъ на мїлосердїе претворїлъ, аще и не хотѣлъ; обаче отъ плача не моглъ удержатїся. Егда весма уже все воїско въ слухъ уха плакашеся, а полководцы не дерзаху глаголати. Ценъ же между ихъ къ престолу Царскому прїблїжїся, давъ прїзнакъ, яко хощетъ нѣчто рещи, котораго воїнство, егда онъ снїмаше Мїсюрку, узрѣвше [ибо обыкновенїе бѣ сїце къ Царю глаголати] начаша просїти, да бы вїну воїнствъ повѣдалъ, тогда Ценъ рече. Не дадїте бози сїцевыхъ умысловъ намъ, и воїстїнну не дадутъ, таже есть въ насъ охота и сердце, яже всегда бѣ прежде, итти аможе повелїши, брань творїти, погїбати, кровїю нашею, славу твою временамъ будущїмъ опїсати. Того ради [аще намѣренїя твоего не отступїши,] нагло безъ оружїя, безъ крови якоже

токмо

токмо восхощеши, или вслѣдъ тебе, или предъ тобою поїдемъ.

Но аще хощеши, да бы слушало несмысленное воїнство твоего гласа, токмо послѣднімъ насїлствїемъ и нуждою изреченнаго. Молю тя мїлостївно послушаи ихъ, понеже повелѣнію и счастію твоему доднесь постоянно послѣдствоваша, и аможе восхощеши послѣдствовати будутъ. Побѣдїлъ еси Царю велїчествомъ дѣлъ твоїхъ, не токмо супостатовъ, но и воїнство твое. Что токмо рука человѣческая обьяти возмогла, вся сїя взяхомъ, море и всю землю прешедше, паче неже жїшелемъ, вся намъ суть извѣстна, прїидохомъ едва не въ послѣднїя предѣлы Свѣта. На инои ли Свѣтъ хощеши ити, и ищеши Індїи, о неи же и сами Індїане не знаютъ? Желаеши ли между звѣрми и смїями людеи жївущїхъ изъ вертеповъ и жїлїщъ ихъ извлекати, да болшею неже Солнце вїдїтъ, побѣдою просвѣтїшїся? Достоїно намѣреніе сердца твоего, но несравны ему наши мысли. Ибо мужество твое всегда расти желаетъ, наша же сїла скончевается. Воззри на тѣлеса, сущая, безъ крове, толь многїми ранами прободенная, толь многїми язвами гнїющая. Уже мечи наши прїтупїли, оружїе оскудѣваетъ. Въ Персїдскїя одежды облекаемся, ибо домашнїхъ прївести не

мощно, іноплеменнїческія воспрїяхомъ устроенія. Много ли насъ, иже имѣемъ пансыри военныя? Кто имать коня; повели вопросїти за многїми ли рабы идутъ; кому что отъ корысти доселѣ осталось? Вся побѣдїхомъ, во всемъ скудни остахомся. Не прїбытка ради и богатства великаго воздыхаемъ и стенемъ, но воїны ради, орудія бо воїнская сокрушїхомъ. Нынѣ ты избранное воїско обнаженно звѣрямъ представляеши. Ибо аще о ихъ множествѣ Індїане нарочно глаголютъ, обаче и отъ лжи прїзнаваю, яко ихъ есть изобїлно, что аще всеконечно хощеши въ далную ипшп Індію, на Полденъ страна та бліжнія предѣлы имать, которую во область взявше, прїидемъ къ тому морю, кое прїрода человѣкомъ предѣлъ представїла. Чего ради кругомъ ищеши славы, которая предъ руками твоїми лежитъ? и здѣ есть Окїанъ; токмо аще хощеши по Свѣту шататїся, поїдемъ аможе насъ щастїе твое поведетъ. Сія рѣчь предъ лїцемъ твоїмъ паче, неже безъ тебе съ нїми хотѣхъ глаголати, не ради изобрѣтенія мїлости у воїновъ, но да бы гласа ихъ паче нежели воздыханія и роптанія слушалъ еси. Егда же токмо Ценонъ рѣчь свою скончїлъ, отвсюду воспа вопль и плачь, все воїнство вопїяше Царю, отче, и владыко, шакожде и прочїи полководцы, наїпаче

наіпаче началнїки, ихже оправданіе старости ради честно и честь болшая бѣ, о томъ моліша. Алеѯандръ ніже укоряшти упрямыхъ, ніже утоліпти болѣзнь и гнѣвъ возмогущъ, и что бы съ нїми болѣе творїти не знаяше, вскорѣ съ престола побѣжа, и полаты царскїя затворїти повелѣ, и нїкого къ себѣ пускаши кромѣ обыкновенныхъ. Два дни сїце гнѣва бѣ исполненъ, въ трешїи же день изыде, и двинадесять капїщъ изъ каменїя четвероугольнаго повелѣ поставїпи на память воїны своея въ тои странѣ. Окопы окрестъ обоза пространнѣе окопаши, и одры болшїя, неже тѣлеса Македонскїя бяху, созїдаши повелѣ, хотящъ сїце оставїти въ предъїдущїмъ временамъ на удївленїе, образъ лжївыи всѣхъ дѣйствъ своїхъ.

Оттуду поїде прежнїмъ путемъ къ рѣкѣ Ацезїну, и тамо обозъ поставїлъ, идѣже на Ценона нечаенная немощь наїде и уморїла его. Алеѯандръ увѣстївся о смерти его, аще и воздохнулъ, обаче рече: ради немногїхъ днеи, сїце *многое сотворїлъ* Ценонъ *прошенїе*, аки бы самъ имѣлъ вїдѣпти Македонїю. Уже карабли готовы на водѣ стояли, ихже повелѣлъ было уготовїти. Тѣмъ временемъ Мемнонъ изъ Фракїи на помощь шесть тысящеи конницы прїведе, кромѣ тѣхъ отъ Гарпаля седмъ тысящъ пѣхоты, и оружїя

разнаго двадесять пять тысящъ златомъ и сребромъ обложеннаго прівезено. Которое раздѣлівъ [Алеѯандръ,] ветхія сожещи повелѣ. Самъ въ тысящѣ карабляхъ на Окіянъ море имѣ поіти. Недружныхъ между собою Індіискіихъ Цареи, Пора и Таксіля чрезъ совокупленіе бракомъ новымъ къ миру пріклонілъ, и въ государствахъ своіхъ имъ оставілъ, ихже пріѣѯжанія и тщанія Велікаго въ строеніи карабелномъ употребілъ. Два града создалъ, едінъ Нікеа, другіи буцефаліа, на память своего издохшаго коня наіменовалъ. Слоны же и прочія препоны сухімъ путемъ послав, а самъ рѣкою поіде благополучно, едва не по четыредесять верстъ на всякъ день уходя, да бы въ лутшіхъ мѣстахъ и полезныхъ съ воіскомъ изходіти всегда возмогль.

4: Пріплылъ уже въ ту страну, гдѣ Гідаспъ съ Ацезіномъ рѣкою соединяется, оттуду прііде къ предѣламъ Собеіскімъ. Тіи глаголаху старѣішінъ своіхъ быти отъ воіска Геркулесова, которые немощни оставшеся, обладаша тою страною; Кожи звѣріныя вмѣсто одѣнія носятъ, булавы вмѣсто оружія употребляютъ. И аще уже нравы Греческія и отрінуша, обаче много еще подобія тому народу въ нихъ обрѣтающеся. Тамо на брегъ изшедше двѣсти пятьдесятъ верстъ сухімъ путемъ

Царь

Царь иде, и страну тамошнюю разорілъ. Століцу же градъ ея облежаніемъ взялъ. Четыредесять тысящеи пѣхоты инаго народа бреги тоя рѣки осадіша, но онъ прешедъ рѣку, разгналъ ихъ, и запворенныхъ въ градѣ пріступомъ взялъ Старѣйшінъ смерти предати, прочіихъ же продати повелѣ. По томъ другаго града доставаше, откуду храбро прогнаша его, и много Македонянъ погібоша. Но егда паки упрямостію облежалъ, граждане отчаявшеся, огнь подъ строенія градскія положіша, дѣтеи женъ и себе самыхъ жгуще, что егда оные творіли, непріятель огнь угашаше, новыи былъ Образъ воіны: граждане градъ разоряли. А супостаты защіщали: Сіце и законъ пріродныи отъ воінъ премѣняется. Крѣпость градская осталася въ цѣлости невредімо: ея же воінами своіми осаділъ. Самъ на каралъ обыде ея, ибо три рѣки во всеи Індіи, кромѣ Гангеса, болшія течаху. Подъ стѣнами градскія крѣпости, Індъ отъ Полунощи, отъ Полудня Ацезінъ, соедінівшеся, волненіе творятъ морскому подобно, блато же и песокъ буреніемъ водъ возмущены, аможе пловутъ карабли путь засыпаетъ и тѣснітъ. Сіце егда прівеліія волны восташа, оттуду изъ боковъ карабли біюще, карабелніки начаша вѣтріла снімати. Но обаче страхъ и безмѣрная рѣкъ быстрота,

не даде имѣ того вскорѣ совершіти. Тѣмже два
корабля между всѣми болшіе предъ очесы утопоша,
меншіе иже легче, аще и не дадоша управляшіся
легко, обаче въ цѣлости ко брегу пріплыша.
И самъ Царь на быстрыя яры набѣжалъ, имѣже
карабль препінаемъ, бокомъ шелъ, и управляшіся
недадеся. Уже Алеѯандръ одежду съ себе сверже
плаванія ради, други же которые бы его къ себѣ
взяли, не далече отъ него плаваху, явственная
бѣ весма погібель, аще бы и кораблемъ шелъ, аще
бы и плавалъ. Того ради несказаннымъ, но велііимъ
трудомъ и прілѣжаніемъ [кое бы токмо могло
обрѣстіся], карабелніки тщахуся, да бы насілныя
волны преодолѣши; повѣрілъ бы еси что волны
прерываша и коловороты рѣчныя заліваша, отъ
нихже аще и изторгнуша карабль, однакожъ ко
брегу не могли превести. Ибо на броду увязе,
инако не ялъ бы еси вѣры, развѣ яко съ рѣкою
была брань. Тѣмже толіко капіщъ, елііко рѣкъ
поставівъ, и жертву сотворілъ, трідесять верстъ
[Алеѯандръ] преіде. Оттуду къ странѣ Оѯідраковъ
и маллов пріиде. Сіи аще прежде и брань
между собою имѣли, обаче того времени, общая
погібель совокупіла ихъ. Имѣша бо девять тысящи
пѣхоты юношъ вооруженныхъ, кромѣ тѣхъ
конніцы десять тысящъ, колеснііъ четверныхъ

девять

девять сотъ, тамо Македоняне уразумѣвше, яко всѣмъ погїбелямъ конецъ сотворїша, слыша о новои воїнѣ со Індїискїмъ воїнствомъ ѕѣло храбрымъ, нечаянною боязнїю устрашены, паки на Царя аки бунтовнїки возропташа.

Мы [рекоша] Гангесъ рѣку и что за нею лежїтъ. прїнуждены преїдохомъ, обаче конца не достїгохомъ, но токмо премѣняемъ брани, дїкїмъ народомъ насъ представляетъ, да ему кровїю нашею до Окїана моря путь оттворїмъ, въ нѣкое мѣсто за звѣзды и Солнце влечетъ насъ, и прїнуждаетъ въ ту страну итти за собою, которую прїрода отъ очесъ человѣческїхъ укрыла и заключїла. Къ новому оружїю, еже намъ раздаде, нового супостата прїводїтъ, ихже аще и всѣхъ побѣдїмъ, кую мзду будемъ имѣти; мракъ, темноту, и нощъ вѣчную, надъ преглубокїмъ моремъ чудесъ и ѕвѣреи превелїкїхъ ѕѣло полно море, и недвїжїмыя воды, въ нїхже прїрода обмїрающи унываемъ.

Царь же не о себѣ но о воїнствѣ печаль имѣя, созвалъ всѣхъ, и показуетъ имъ, яко тои народъ простъ, егоже ужасаются, и яко нїчто болше обрѣтается. Кромѣ того народа, еже бы предѣлы Свѣта прешедше до конца, трудовъ своїхъ возмогли имѣти почїтїе. Сїце такожде и прежде ужасастеся, обаче вамъ Гангесъ рѣка, и толь

много

много народовъ за нію Поселѣнныхъ уступіли. Азъ путь онамо обратіхъ, гдѣ славу равную, меншую же погібель можемъ имѣти. Уже вїжу Океанъ: уже воздухъ отъ него къ намъ заходітъ, славы мнѣ, ся же ищу не позавїдіте, за предѣлы Геркулеса и Лібера отца заідете, малымъ трудомъ Цареви своему безсмертіе пріобрящете, обаче да изыду съ вами изъ Індіи а не убѣгу.

Всякая общіна, наіпаче же воінская, премѣненному нраву послѣдствуетъ. Сіце бунту болшія начашки, паче усміренія ихъ бываютъ, нікогда прежде сіце охотнаго гласа воінство, якоже тогда не показало. Свідѣтелствующе, да помощію боговъ поідетъ, и равенъ будетъ во славѣ тѣмъ. Имже сверстнікъ хощетъ быти.

Радостенъ о сіцевомъ воінскомъ радѣнїи Алеѯандръ, немедленно поіде обозомъ протіво супостата. Храбръ же бѣ тои народъ Індіискіи, и брань бодрственно устрояше. Полководца отъ народа Оксідраковъ искуснаго мужа избраша себѣ, которыи подъ самою горою обозъ поставілъ. Пространныя огни расположіши повелѣ, множество воіска умышляющъ, и уже спящіхъ Македонянъ, шумомъ и воплемъ внезапу тщашеся устрашіти. Возсіявшу же Солнцу, Алеѯандръ надежды добрыя исполненъ, охотному воінству

оружіе

оружїе воспрїяти, и на брань итти повелѣ. Но неїзвѣстно: отъ страха ли, или отъ смятенїя между собою сотвореннаго. Індїане нечаянно весма убѣжаша: обаче на непроходныхъ горахъ поставїша воїско свое. Царь же во слѣдъ ихъ гоняше наскоро, и у нїхъ обозъ взялъ. Прїиде потомъ подъ градъ Оѵїдраковъ, въ негоже мнози вбѣжали, не болшую на стѣны паче оружїя надежду полагающе. И уже начатъ прїступати ко граду Алеѵандръ, тогда волхвъ начатъ его умоляти, дабы не прїступалъ, или на иное время отложїлъ, показуя ему здравїя его погїбель. Царь же на Демофоонта зря: [ибо онъ бысть волхвъ] рече: аще бы тебѣ кто препятїе творїлъ, егда наукою твоею и на утробы зрѣнїемъ упражняешїся, не сотворїлъ ли бы тебѣ скорби? отвѣща Демофоонтъ: Тако есть. Царь паки рече: разумѣеши ли, яко толь велїкїя дѣла, не скотїнныя жїлы предъ собою имѣя, болшее имѣлъ бы еси препятїе? облїчїлъ волхва неправое обаянїе творящаго, сїя изрекъ. И болши не медля, повелѣ лѣствїцы прїставляти. Егда же прочїи не дерзали, самъ Царь на стѣну градскую взыде, яже бѣ ѕѣло узка, зубцовъ не имѣющая, якоже въ иныхъ градѣхъ: но нераздѣлная кровля, которая не даде преїтти ему. Сего ради Царь, паки аки бы вїсѣлъ

при концѣ кровли, нежели стоялъ, щїтомъ укрываяся отъ оружїя, еже отвсюду мешаху нань издалече.

Ніже воїны подоїти можаху, множества ради стрѣлъ и копїя сверху нїспущаемаго: обаче велїкую погїбель срамота преодолѣла. Ибо вїдѣша како лѣностїю сердца своего, Індїанамъ Царя предаша, но торопяся, тѣмъ самымъ не возмогли вскорѣ помощь подати. Взбѣгше бо на лѣснїцу множество ихъ, тако яко лѣснїца изломїлася, и удержати немогуще, они же на землю нїзпадоша, єдїну о Царѣ надежду погубївше, тѣмже стояше предъ всѣмъ сїце велїкїмъ воїскомъ, аки бы на пустынѣ оставленъ и поверженъ [Царь.]

5. Уже лѣвую руку [єюже щїтъ держа со всѣхъ странъ отъ стрѣлъ укрывашеся] утомїлъ Алеѯандръ: друзи же на него крїчаху, да къ нїмъ скочїтъ: стояху бо готовы ухватїти его. Егда же Алеѯандръ смѣлость ко увѣренїю неподобную, и неслыханную прїялъ въ сердце свое, да бы паче упрямость, неже славу его воспомїнали и прославляли, во градъ, супостатовъ наполненный, съ высокаго и крутаго мѣста скочїлъ. Гдѣ инаго немогъ надѣятїся, еже бы токмо отмщенїе сотворїлъ, погїбълъ. Ибо донелѣже бы востал, мощно бы его убїти, или жїва взяти, сїце угодїлъ тѣломъ, яко на ноги упалъ,

упалъ, и начатъ бїтїся. И да бы его не окружїли, дала ему фортуна таковую помощъ: было древо на томъ мѣстѣ при стѣнѣ, вѣтвеи ѕѣло много имущее, аки бы нарочно Царя укрывающее. При томъ древѣ Алеѯандръ сталъ укрываяся щїтомъ отъ стрѣлъ, идѣже мнози на едїнаго метали: обаче нїкто дерзнулъ прїближїтїся: копїя и стрѣлы болшею частїю въ вѣтвїяхъ увязаху, неже на щїтъ падаша. бои чїнїла спервоначалїя вмѣсто его, имене его слава, потомъ отчаянїе, паче же къ чесшнои смерти возбужденїе. Но егда болше непрїятелеи тамо собралося, и уже многое множество стрѣлъ щїтомъ воспрїимаше, уже и мїсюрку каменїемъ разломїли, и отъ непрестаннаго труда уже на колѣна прїпаде Алеѯандръ.

Тогда Індїицы аки бы гордящеся имъ, безъопасно прїближїшася нападоша на него, отъ нїхже, двоїхъ мечемъ убїлъ, потомъ ни единъ къ нему дерзнулъ близъ прїступїти, но отдалече стрѣлы меташа нань: онъ же аки прїмѣта всѣмъ поставленъ бывъ, едва уже на колѣнахъ можаше стояти. Тѣмъ временемъ Індїанїнъ стрѣлою на два лакти длїною [сїце бо у нїхъ велїки стрѣлы, якоже рекохомъ:] ударїлъ его такъ, яко сквозь пансырь военныи мало повыше праваго боку вонзїлася стрѣла. Егда же бысть уязвленъ, начатъ кровь исшекати,

аки бы умірающему подобно, оружіе изъ руки испустілъ, и ослабѣвъ десною рукою, ніже стрѣлы изъ себе извлещи возможе. Тѣмже тои Індіанінъ, иже его пострѣлілъ, радостенъ бѣжа къ нему, хотящь съ него одежду совлещи. Но егда токмо услыша Царь осязаніе руки Індійскія, мнітміся послѣднімъ руганіемъ побѣжденъ, обмеръ, паки въ себе пріиде, мечемъ бокъ варвара того непокрытыи прободе. Лежаху убо окрестъ Царя три тѣла, прочіи же отъ далече дівляхуся. Онъ же да бы біющся умеръ, со щітомъ воздвізаше себе, но егда сіла ослабѣла въ немъ весма, десною рукою ятся вѣтвія надъ німъ вісіщаго и хотѣлъ восшати, обаче безсіленъ не возможе, паки на колѣна пріпаде, рукою зовущъ супоспшата, да бы кто дерзнулъ къ нему пріити.

Тѣмъ временемъ Певцестъ, на другои странѣ Града Індіановъ состѣнь согнавъ, подъ тѣми же стѣнами Царя ищущъ бѣжалъ, и къ нему пріиде, егоже Алеѫандръ узрѣвъ, уже не здравію своему, но смерти потѣшеніе имѣя, на щіту утомленъ ляже. Понемъ же Тімеусъ вскорѣ, а потомъ Леонатъ и Арістонъ пріѣжалі. Індіане же услышавше о Царѣ, яко во градѣ, оставівше прочіихъ, тамо собрашася, брань творяще съ тѣми, иже его защіщали. Тімеусъ многія раны пріявъ на ся

храбро

храбро борющся, паде. Певцестъ прїжды уязвленъ, обаче не себе, но Царя щїтомъ укрываше. Леонатъ же егда всеусердно находящаго супостата отгоняше, сѣло въ шею уязвленъ, предъ ноги Царевы, еле жївъ паде, уже и Певцестъ отъ язвъ изнемогая, не можаше щїта держати, на Арїстонїка едїнаго нюкмо надежда бяше. Но и тои сѣло уязвленъ, толїкїя сїлы непрїятелскїя болше не могль снести.

Сїе егда дѣялося, прїиде вѣсть къ Македонянамъ, яко Царь погїбе, отъ сего страхъ и трепетъ на оныхъ нашелъ бы, но они паче пѣмъ возбуждены сталїсь. Ибо все забывше, орудїемъ желѣзнымъ стѣны пробїша, и проломъ сотворше, во градъ вбѣжаша, Їндїанъ же болше уходящїхъ, неже бїющїхся побїша, ни старымъ, ни женамъ, ни младенцамъ, отпущенїе было: кто бы имъ ни случїлся, отъ того чаяли быти Царя уязвленна; паче всѣхъ на главу избївше, гнѣвъ въ себѣ утолїша. [Пїшетъ Клїтархъ и Тїмогенъ, яко Птоломеи, которыи бѣ потомъ Царемъ, въ тои брани бысть: обаче самъ о себѣ напїса, весма славы своея неумаляя, яко того времене посланъ былъ въ иное мѣсто брань творїти. Сїцевое въ тѣхъ человѣцѣхъ, иже древнїя дѣйства пїсали не прилѣжанїе, или равная тому хула, всему увѣренїе

бысть.] Царя же въ шатеръ отнесше, врачеве древо по самое желѣзце, да не шатается, отрѣзаша. Совлекше же одежду, узрѣша, яко то желѣзце имать крючки, и не мощно бѣ изняти инако, токмо развѣ болшую язву сотворїти, боящажеся да бы разрѣзая рану, болше лїшнїя крови не истекло. Ибо велїко желѣзце было, и мняшеся яко и ко внутреннїмъ достїгло. Крїтобуль первыи врачь, ужасомъ объятъ въ сїцевомъ паденїи, прїкоснутїся тѣла боящеся, да не обратїтся погїбель на главу его, аще бы врачевствомъ помощи не дали. Узрѣвъ же Царь плачуща и отъ ужаса поблѣднѣвша, рече къ нему: Чесо ради, и коего времене ожїдаеши и не избавляеши мя отъ сея болѣзни, аще и блїзъ смерти суща? или боїшїся, да бы не постїгла тя вїна, яко азъ неїзцѣлїмую язву возпрїяхъ? Тѣмже Крїтобуль или отвергши страхъ, или не показуя въ себѣ, начатъ его увѣщаваши, да повелїтъ себе держати, доколѣ желѣзцо изыметъ. Ибо малое двїженїе тѣла, можетъ препоною быти. Но Алеѯандръ рече: яко непотребно есть сїе дѣло, и тако съ терпѣнїемъ, якоже подобаше, лежаше. Тѣмже егда токмо болшую язву сотворїли, и желѣзцо выняли, безмѣрно кровь начатъ изтекати. Царь же начатъ обмїрати, очи затворївъ протяжеся, подобенъ бывъ умїрающему.

умірающему. Егда же крови врачеве не могоша утоліти, друзи его начаша вопіти и плакатіся, мняще уже быти умерша: но егда утолісся кровь, по малу въ себе пріиде Царь, и стоящіи окресть себе познали, весь день и всю нощь пріходящую, воінство окресть шатра Царева вооруженно стояло, велімъ воплемъ повѣдающе, яко тѣмъ єдінымъ духомъ жівутъ, ніже вратъ отступіша, донелѣже увѣстішася, яко не много сномъ упокоілся. Тѣмже лучшую надежду здравія его въ обозъ пріносоша.

6. Царь же седмь днеи пребысть на томъ мѣстѣ язву исцѣляя. Потомъ же вскорѣ [аще и не исцѣлісся еще,] услышавъ яко Індіане мнятъ его быти всеконечно умерша, два судна вмѣсто совокупіти, и посредѣ явственно шатеръ свои поставіши повелѣ, въ немже показалъ себе быти жіва Індіанамъ, которые разумѣша его быти умерша: но узрѣша, яко въ надеждѣ своеи прелстішася. Потомъ благополучно поіде рѣкою, далѣ прежде прочіхъ, повелѣвающъ, да бы ему во упокосніи сна еще несовершенно здравому, двіжуще веслами препятія не творілі. Четвертаго дня, пріиде въ страну отъ жітелеи оставленную, но въ неи хлѣба и скотіны бѣ изобілство. Возлюбілъ Царь то мѣсто, своего ради и всему воінству покоя.

бысть

бысть же то обыкновеніе, яко донелѣже Царь немоществоваше, началнѣйшіи друзи предъ палатами его стрежаху, того и въ то время не оставляюще, купно вси къ нему внідоша. Ужасеся сначала, мня яко пріносоша новое нѣчто: понеже вдругъ пріидоша. Вопроси же, егда кустодіа о новомъ непріятелѣ возвѣщаетъ, но Кратеръ, емуже вручіша моленіе друзи предложіши Цареви. Сіце начатъ глаголати къ нему:

Вѣріши ли царю, яко не болшую печаль имѣли быхомъ, аще бы уже непріятель обозъ нашъ осаділъ, и въ немъ былъ, неже нынѣ зряще, яко здравіе твое ни во что себѣ имѣеши? Да уготовитъ кто на насъ какія хощетъ сілы всѣхъ народовъ, да наполнитъ весь свѣтъ оружіемъ и воінствомъ, море караблями да покрыетъ, необыкшіхъ же и очесамъ человѣческімъ невідѣныхъ звѣреи на насъ да изведетъ: ты насъ побѣдіши не даси, ты насъ побѣдітелями сотворіши. Но кто между боговъ сіе здравіе, сіе свѣтіло царства Македонскаго долговѣчнымъ быти обѣщати можетъ, егда на сіце явственную идеши погібель? Не памятуеши ли коль много гражданъ хотѣша тя убіти? Кто бо желаетъ или можетъ, иже бы болше тебе жілъ? Сюды пріидохомъ, щастію и повелѣнію твоему послѣдствующе, откуду

въ домы

въ домы наша ніже єдінъ отъ насъ, токмо съ тобою вождемъ можемъ возвратіітіся. Аще бы єси съ Даріємъ о царствѣ Персїдскомъ брань творілъ, хотя и нікто желастъ: обаче не могли бы мы сіце безмѣрно великому на всякую погібель дерзновенію удівляшіся. Ибо, гдѣ погібель, и мы равны между собою, и въ благополучіи болшая есть польза, и въ злополучіи болшая радость обыче быши. Твоею же главою бездѣлныи градецъ, или село нареку: кто возможетъ покупаши; не отъ твоіхъ ли токмо воіновъ; но такожде отъ всякаго народа варварскаго, которыи извѣстенъ о чесіпи и величествѣ твоемъ. Ужасаемся весма, воспомянувше то, что преже малаго времене відѣхомъ. Боімся изнесши, како мерзскіхъ человѣковъ руцѣ отъ тѣла твоего не преодолѣннаго, совлекли было корысть, аще бы не сохранілотія щасшіе, мілосердствующее надъ нами. Вси есмы измѣнніки, вси отъ тебе отступіхомъ, иже во слѣдъ тебе ишши не могохомъ, аще все воінство сімъ именемъ укоріши. нікшоже будетъ противенъ каятіся тоя віны, отъ неяже ни коімъ образомъ уклонітіся не возмогли. Молімъ тя убо, инымъ образомъ, да будемъ предъ тобою унічіжены, аможе токмо повелііши, поідемъ. Добрые и худые брани да будушъ, желаемъ себѣ. Тыже блюди себе отъ

 таковыхъ

таковыхъ бранеї, яже велічеству твоему равняются. Вскорѣ слава погібаетъ отъ мерзскіхъ супостатовъ. Ни что бо есть того безчестнѣе, еже тамо погубіти славу, откуду она восташи и явітіся не можетъ, то же рече и Пиѳоломеи, и прочіи купно сказали. Уже плачуще молїша его разными словесы, да бы когда нібудь ненасыщенноі славѣ конецъ учінілъ, здравію же своему и общему упокоенїе далъ.

Со благодаренїемъ пріялъ царь мілость внутренную другові, чего ради и всякаго любезно обнялъ и сѣсти имъ повелѣлъ, и отъ самаго начала сіце начатъ глаголати.

Благодарствую вамъ, вѣрнѣішіи и любезнѣішіи едіноплеменніки и друзи мои, не токмо того ради, яко нынѣшняго дня здравіе мое, паче своего предлагаете, но такожде яко еще отъ начала браней моіхъ, ни едінаго свідѣтелства любве своея отъ мене не оставіете, сіце яко долженъ есмь исповѣдати, яко здравіе мое ни когда мнѣ бысть любімо якоже нынѣ, аще бы токмо съ вами многое время возмогълъ пожіти. Но иная мысль тѣмъ, иже за мя хотятъ умрети, иная же моя мню бо, яко ту любовь вашу, добродѣтелію моею пріобрѣтохъ себѣ отъ васъ. Вы бо многовременныя, мнімімся, и всегдашныя ползы отъ мене себѣ желаете,

желаете: Азъ же не съ лѣтами и временемъ, но со славою равняю себе. Могль азъ доволенъ быти и отеческимъ царствомъ, и между Македонскими предѣлы, въ празднести и безъ всякія славы, старости добрыя ожідати. Аще не прілѣжніи времене себѣ не уставляютъ, но єдіно многовременное жіше, вмѣсто самаго щастія быти разумѣютъ, многократно же смерть ихъ постігаетъ. Обаче азъ не лѣта и вѣкъ мои, но побѣды изчісляю, аще даровъ счастія добрѣ употреблю: многое время жіхъ, наченъ отъ Македонскаго царства, государство Греческое держу, Ѳракію и Іллірікы во область взяхъ: Трівалловъ и Мідовъ есмь повелітель. Азіа, юже окружаетъ Елеспонтъ и чермное море, моя есть, и уже не далече есмь отъ края Свѣта, егоже прешедъ, иныя пріроды инаго Свѣта положілъ намѣреніе искати, изъ Азіи въ Европеіскія предѣлы въ разстоянііи єдінаго часа преідохъ. Въ девять лѣтъ отъ начатія царствованія моего, шѣ двѣ части свѣта побѣдіхъ. Како же вамъ мнітся, по двадесять осмомъ лѣшѣ моего возраста пріобрѣтеніе славы, [еи же азъ себе вручіхъ] могу ли отрінути? Не сотворю того, гдѣ токмо буду воеваши, всегда аки предъ очесами всего Свѣта есмь представленъ буду мыслішы, мѣста не добрые, сотворю честными

и славными. Отверзу всѣмъ народамъ землю, юже прїрода далече отдѣлїла. Въ сїцевыхъ трудахъ и упражненїяхъ, аще и умру, изрядно будетъ. Того ради родїхся, да бы прежде чеспнаго неже долговременнаго жїпїя, долженъ былъ себѣ желати. Молю васъ разсудїте по себѣ, яко мы въ пакїя страны прїидохомъ, идѣже за велїкое мужество, єдїна жена славу имать превелїку, коль велїки грады Семїрамїда создала, какїе народы во владѣнїе взяла. Коль много дѣлъ сотворїла, еще сея жены, славою мы не достїгохомъ, нїже сравнїхомся: обаче уже славою доволны быти мнїмся, тако ми боговѣ, болше еще оскудѣваемъ, но по все чего доселѣ не имамы, такъ будетъ наше, аки бы себѣ нїчего не имѣли: откуду бы слава велїкая возрасти могла. Вы же нынѣ отъ домашнїя хїтрости и измѣны блюдїтеся, воїнскїя погїбели нїже мало ужасаюся. Фїлїппъ во брани надежнѣе, неже на престолѣ многократно спасеся отъ рукъ супостатскїхъ, своїхъ же домашнїхъ не ухранїлся. И прочїихъ Цареи конецъ жїпїя аще разсмотрїте, болшую часть отъ своїхъ, неже отъ супостатъ убїенну изобрящете. Но еже во умѣ моемъ издавна имамъ, нынѣ прїспѣ время, да по повѣмъ Всѣхъ трудовъ моїхъ и дѣлъ, шу буду имѣпи болшую полву, аще Олїмпїада маши моя, по смерши

богїнею

богінею отъ всѣхъ будетъ почтена. Аще житіе мое будетъ продолженно самъ потщуся о томъ: аще же прежде смерть мя постігнетъ, памятуйте яко сіе вамъ вручаю. Сіце друговъ отъ себе отпустілъ, и многое время на томъ мѣстѣ пребываше.

7. Сіе егда во Індіи дѣялося, Гречестіи вои, ихже въ Карабактры уже на житіе прежде малаго времени Царь отпустілъ, бунтъ нѣкіи между собою сотворівше, отступіша отъ Алеѯандра, не толіко его презрѣвше, еліко боящеся мученіи. Понеже нѣкоторыхъ своіхъ убіша: и тако иже сілнѣе бяху, брань творіти умысліша. Тѣмже градъ бактріанскіи, въ немже стража бысть неопасна, взявше бактріановъ, въ тоже совокупленіе бунту прінудіша. Антенодоръ бѣ ко всему предводітелемъ, тои и Царемъ наріцати себе [не тако царства желая, якоже да бы въ отчізну со сверстніки своіми, моглъ возвратітіся:] повелѣ. Но нѣкіи именемъ біконъ позавідѣ ему того достоінства, коварно позвавъ его на піръ чрезъ Мацеріана боѯу, таможде пірующаго, убілъ. Во утріе же созвавъ всѣхъ, возвѣстілъ, како Антенодоръ промышляше о погубленіи его, и тѣмъ многіхъ прелстілъ, но у прочіихъ бѣ тая хітрость біконова въ порокѣ. Тѣмже Греки извлекше оружіе, убіли бы бікона,

аще бы прочіи господа ихъ, народа не уполіли. біконъ же паче надежды своея избавівся отъ уготовленныя погібели, вскорѣ потомъ начатъ искати погібели заступніковъ своіхъ, иже его отъ смерти избавіша, о томъ они вѣсть воспріявше, и того и боуа похітіша. Боуа тогожъ времене смерти предаша, а бікона прежде мучіти умыслішя. И уже начаша его мучіти, тѣмъ временемъ Греческія воіны, неізвѣстно коея ради віны, аки обезумлены, по оружіе побѣгоша, о ихже смятеніи услышавше мучівшели бікономы, пустіша его, да бы имъ ради вопіющіхъ, того не имѣли сотворіти. Онъ же какъ былъ обнаженъ, такъ ко Грекомъ пріиде, они же узрѣвше лице бѣднаго человѣка на смерть преданнаго, абіе сердце имъ премѣнішся всѣмъ, и повелѣша его пустіти. Тѣмже дважды біконъ спасенъ съ прочіими [которыя оставіша мѣста отъ Царя имъ пріказанныя:] поіде. Сіе въ Бактрахъ и предѣлахъ Агарянскіхъ чінілося.

Тѣмъ временемъ отъ двоіхъ народовъ: [о нихже прежде речеся:] стоословъ къ нему пріидоша. Вси на колесніцахъ ѣхали, возрастомъ сѣло велікы, въ одѣяніи полотняномъ, златомъ и багряніцею украшенномъ, и себе самыхъ, грады, и царство, и волность свою, чрезъ много лѣтъ нікогда невредімую во область отдаша, глаголюще: яко

намъ

намъ то не страхъ, но бози показаша, невредїмыя сїлы имѣюще и власть. Царь же совѣтъ сотворївъ, взялъ ихъ въ подданство, и дань обоїмъ тѣмъ народамъ, которую дотолѣ Арахазомъ давали, даяти повелѣ, къ сему же двѣ тысяцы пять сотъ конніцы. еже все якоже подобаше исполнїша. Потомъ на пїръ пословъ всѣхъ народовъ и царїковъ окрестныхъ просїлъ, мѣсто пїру тому украсївше. Поставїша сто одровъ златыхъ, малымъ разстоянїемъ едїнъ отъ другаго, окрестъ же ихъ бяху отъ злата и багрянїцы завѣсы сїяющїя. Колїко было, или Персїдскаго древняго, или Македонскаго новаго богатства, въ то время при учрежденїи показалъ.

Бяше нѣкто именемъ Дїоуїппъ Аѳїнеанїнъ, славныи борецъ на томъ пїршествѣ, которыи за велїкую сїлу свою имѣлъ мїлость отъ Царя. Завїстлївїи же смѣющеся и въ правду ругашася ему многажды, аки бы онъ былъ подобенъ тѣломъ скотїнѣ тучной, и рекоша: Егда мы поїдемъ на бои, онъ же того времени еще мозочное отъ масла чрево уготовляетъ къ обѣду. Прочее во время тогоже обѣда едїнъ отъ Македонянъ именемъ Горратъ, уже шуменъ отъ вїна, начатъ его укоряти, зовыи: аще еси мужъ, то поїди со мною на поединокъ. Царь же, или мою упрямость

и безумїе

и безумїе, или твою гнусность да разсудитъ. Діоуитъ же уничїжая воінскую жестокость, произволілъ ити на брань. Во утріе же Царь прілѣжно о томъ просілъ обоіхъ, не могущъ ихъ отъ того и страхомъ отвратити, даде имъ въ томъ волю.

Убо многое множество собрася воіновъ, между ими же бяху Греки, которые Діоуитову страну держали, Македонянинъ же возложілъ на себе оружіе, мѣдный щитъ копіе въ лѣвую руку, въ десную же рогатіну, мечъ на себе препояса, аки бы со многіми имѣлъ рать творити. Діоуитъ же отъ масла блістаяся, въ вѣнцѣ, въ лѣвои руцѣ имъ красную понявіцу покровенія ради главы, въ правои же руцѣ палїцу велікую суковатую, та самая пріпна, болшое удівленіе всѣмъ сотвори. Ибо всякъ мняше паче безумїе быти, неже упрямство нагому брань творити съ вооруженнымъ. Тѣмже Македонянинъ неусумнѣваяся, иже его могълъ отдалече убити, верже нань копіе, отъ негоже Діоуитъ вскорѣ уклонися, и донелѣже взялъ Македонянинъ въ десную руку рогатіну, Діоуитъ вскорѣ пріближися, и палїцею ону пополамъ преломи, Македонянинъ же оба погубівъ копія, начатъ мечь извлекати, егоже Діоуитъ похитівъ о землю удари, мечъ же отнявъ, ногою

наступи

наступівъ на выю, и палїцею своєю къ нєи начатъ прїмѣряти: и аще бы не Царь запретїлъ, убїлъ бы Македонянїна. Сія прїчїна не токмо Македонянамъ, но и Алєѯандру печаль нанесе: наїпаче яко тїи Варвари вїдѣша вся творїмая, да бы преславная храбрость Македонская въ посмѣянїе отъ того не прїшла. Отпуду начатъ Царь слушати отъ завїстнїковъ оклеветанїя. Ибо по малыхъ днехъ нарочно во время пїршества, чашу златую утаїша: слуги же жалобу предъ Царемъ предлагаютъ о пропажѣ, которую сами учїнїли. Но єже многократно случается, яко срамота не толїко дрєзновенна, слїко вїнна. Дїоѯїппъ [понеже вси на него обратїша очи, и тѣмъ аки бы его таюя мняху быти] претерпѣти того не возможе. Изшедъ изъ за стола напїса пїсмо къ Царю, да послѣ оно вручатъ єму. Себе же самаго смерти предаде. Сѣло печаленъ сталася Алєѯандръ о его смерти, мнящъ ю быти свїдѣтелємъ гнѣва, а не покаянїя, наїпаче єгда по томъ клевета на него сотворєная, радость и весєлїе завїстнїковъ о его смерти открыла.

8. Послы Індїискїе отпущеные въ домы своя, вскорѣ къ нєму съ дарами возвратїшася. Прїведоша бо конєи три ста, колєснїцъ тысящу, три ста четвероконныхъ, не много одеждъ полотняныхъ,

тысящу Індіискіхъ щитовъ. Бѣлаго желѣза сто талантовъ, львовъ и тигровъ возрастомъ великіхъ, и мало обрѣтающіхся: оба два роды тѣхъ звѣреи, уже укрощенны, ящеріцъ великіхъ, шубы и мѣхи черепаховые.

По томъ повелѣ Кратеру Царь, да бы Понадъ рѣку, чрезъ которую самъ имѣлъ плыти, съ полками прешелъ. А которыя всегда при немъ обыкоша быти, тѣхъ въ карабли разставілъ и въ предѣлы Малловскія вніде, оттуду къ Сабракамъ пріиде. Тои народъ храбрыи, рѣчь посполітая у нихъ, а не Царіе управляютъ государство, шесть тысящеи пѣхоты имѣли, коннѣцы осмь тысящъ, при томъ воіскъ пять сотъ колесніцъ шло. Избраша же себѣ троихъ полководцевъ, мужеи во брани искусныхъ, но въ селахъ жівущіи бліз рѣки [часты бо села были на брегахъ] токмо узрѣша, яко вся рѣка вездѣ судами наполнена, оружіе же свѣтло сіяетъ, и толь много тысящъ воіновъ. Сѣло устрашівшеся отъ вѣсти невіданыя, возмнѣли что воінство отъ боговъ прішло, и вторыи лѣверъ отецъ [у того народа имя то славное] пріплылъ. Такожде воінскіи вопль, и звукъ отъ весль, разные корабелніковъ гласы, уши страхомъ наполніли жітелямъ. Тѣмже вси пріѣгше ко своему воінству возопіли: обезумістеся, съ богами ли брань хощете чініти,

чїнїши, безчїсленное множество судовъ, на нїхъ же непреодолѣнно идутъ. Сіце сїмъ народъ свои и воїнство устрашїша, якоословъ послaвше здадошася. Взявъ убо ихъ Алеѯандръ въ поддaнство, въ четвертыи день къ инымъ народамъ прїиде, которые такое сердце имѣли каково и прежнїе. И тамо создавъ градъ, повелѣ нарещи Алеѯандрїею. Потомъ въ предѣлы внїде народа нарїцаемаго Музїканы. Бѣ же тамо воевода десперїолъ, егоже надъ Парапамїсадами властелїномъ поставїлъ, которые гордость того воеводы и завїсть, многїми доводами Царю показаша. Того ради повелѣ его смерти предати.

Оѯїатръ же старѣїшїна бактрїанскїи, не токмо свобожденъ, но и болшее государство дадеся ему. Потомъ страну Музїкановъ взявъ, во градѣ ихъ закладъ положїлъ. Оттуду къ Престамъ, и самымъ Індїискїмъ народамъ прїиде.

Царствоваше же у нїхъ Оѯїканъ, которыи въ крѣпкомъ градѣ, съ велїкїмъ воїскомъ затворїлся. Но Алеѯандръ тои градъ въ третїи день по облежанїи взялъ. Оѯїканъ же въ крѣпость градскую убѣжавъ, послалъ оттудуословъ къ нему здавая себе: но донелѣже прїидоша послы къ Царю, двѣ башни съ велїкїмъ громомъ падоша, чрезъ которыя развалїны, Македоняне внїдоша

въ крѣпость градскую, и взявше ю, Оуїкана съ не многїми ополчеными убїли, градъ же разорївше плѣнниковъ продали. И абїе поїдоша на Царя Сабїна, многїя же грады тамо побравше, въ столїцу градъ крѣпкїи того народа подкопомъ внїдоша.

Бысть сіе съ велїимъ удївленїемъ Варваромъ, не знающымъ воїнскїхъ хїтростеи. Ибо посредъ самаго града, изъ земли вышли, прежде нїкоего прїзнака подкопнаго не показавше.

Пїшетъ Клїтархъ: яко въ шои странѣ осмьдесятъ тысящь Индїанъ убїша, многїхъ плѣнниковъ продаша. Егда паки Музїканы бунтъ учїнїли, послалъ на нїхъ Алеѯандръ Пїтона, которыи плѣнївъ ихъ, князя началнїка бунту, къ Царю прїведе, егоже Алеѯандръ повелѣвъ повѣсїти, поїде къ рѣкѣ, гдѣ его флотъ ожїдаше.

Четвертаго дня благополучно рѣкою пловущъ, прїиде ко граду, откуду былъ путь въ царство Сабово. Недавно шои Сабъ здадеся, но граждане въ томъ не терпѣливы, враша градскїя заперїли. Тѣмже Алеѯандръ не многїхъ супостатовъ себѣ разумѣя быти, токмо съ пять сотъ Агрїановъ подъ стѣны градскїя послалъ, да бы отъ стѣнъ градскїхъ почали по томъ будто уходїти, и Индїанъ изъ града тѣмъ выманїли: надеженъ бо бѣ въ томъ,

что

что на выласку выдутъ во слѣдъ уходящіхъ. Агріане же повелѣнное сотворіша, нашедше на супосташа, абіе нечаянно вспять обратішася, во слѣдъ которыхъ безъ всякаго строя Індіане избѣжали, и на засаду гдѣ былъ Царь напали. Прочее бои учіня, отъ трехъ тысящеи Індіанъ шесть сотъ убіша, а тысящу плѣніша, а осталные во градъ убѣжали. Но сея побѣды не толь радостенъ конецъ, якоже начало имѣли. Понеже варвары напоіли ядомъ мечи своя, отъ чего уязвленные умірали. А врачеве пріічіны такъ скорыя смерти познати не могли: ибо хотя и малы язвы были, но неісцѣлны: чаяли варвары, что Царя неопасно рать творящаго и упрямаго, между прочіми возмогутъ уязвіти: но онъ между первыми храбрствуя невредімъ пребысть. Птоломеи аще и малую язву въ лѣвое плечо пріялъ, обаче болше погібель, неже язва печаль велію сотворіла: бѣ бо Царю кровно бліжніи. Нѣкоторые мняху что Філіпповъ сынъ. Извѣстно же сіе стало быти, что отъ наложніцы Філіпповы роділся, къ сему же оберегателемъ здравія его былъ, и храбръ воінъ: а къ совѣту и правленію общаго народа лучшіи. И того ради честнѣішіи, кротокъ, пріступенъ, гордости Царскои ніже мало въ себѣ имѣлъ. Того ради аще Цареви, или народу

былъ любезенъ, усумнѣватіся бы въ томъ мощно, обаче того времени искусілъ сіце. Ибо мняхуся Македоняне, аки бы о будущемъ достоінствѣ его въ томъ паденіи пророчествовашь: понеже не меншую печаль о немъ, неже о Царѣ имѣли. Алеѯандръ воіною и печалію утомленъ, сѣдяше блізъ Птоломеа, и повелѣ себѣ постелю свою прінести, на неіже егда ляже, крѣпко усне. Востав же отъ сна, сказалъ: како відѣ змію зелїе несущую, вмѣсто врачевства яду, то зелїе изобразующую. Сказалъ же, каково и цвѣтомъ то зелїе было, и моглъ бы познати, ащебы кто оно сыскалъ: которое обрѣпше: [ибо мнози искаху] къ язвѣ прїложілъ, и абіе болѣзнь отступала вскорѣ, и язва изцѣлѣла. Індіане же въ прежнеи прелстівшеся надеждѣ, себе и градъ здадоша.

Оттуду къ бліжнеи странѣ, наріцаемои Паталія прііиде Царь, гдѣ Мерісъ бѣ Царемъ, иже градъ оставівъ въ горы убѣжалъ. Тако Алеѯандръ въ пустыи градъ вшелъ, а села разорілъ, многое множество скотовъ разныхъ, и велїе изобілїе хлѣба взялъ. Потомъ вождеи знающіхъ ту рѣку взявъ, прііиде къ острову посредѣ самыя рѣки стоящему.

9: Тамо многое время прінужденъ стояти: ибо проводніки

проводнїки убѣжали: онъ же послалъ иныхъ искати, но не обрѣте оныхъ. Упрямое и непреодолѣнное желаніе, еже бы Окіанъ море вїдѣти прїнудїло его, да бы хотя и безъ проводнїковъ до конца Свѣта достїгнулъ: и тако здравіе свое и воїнства всего, неїзвѣстной рѣкѣ предаде.

Понеже плыли, не знающе сами куда, и коль далече еще море, и какія народы, и коль надежно моя рѣки устіе, мощно ли долгїми караблями прєїти, ненадежное и слѣпое достіженіе, токмо пророчествовало себѣ. Едіно бѣ упрямости весєліе, щастіе всегдашнее: и уже четыре ста верстъ прєїдоша: егда карабелнїки возвѣстїли Царю, что воздухъ морской добрѣ имъ прїмѣтенъ, вѣетъ, того ради всеконечно блізъ есть Окіанъ море. Убо радости исполненъ сімъ возвѣстіемъ Алеуандръ, просїти начатъ карабелнїковъ, да поспѣшатъ: имѣмъ, рече, уже не далече всѣми трудами вожжелѣнныи конецъ, уже нїчто славѣ нашеи не оскудеваетъ, нїчто сопротївно есть мужеству безъ брани, безъ пролїтія крове: Свѣтъ весь осягнете, нїже прїрода далшїи путь сотворїти можетъ, вскорѣ будете зрѣти, на что сами бози зрятъ. Обаче не многїхъ послалъ на брегъ, да отъ жїтелеи Індїискїхъ извѣстятся совершеннѣе: они же ищуще

во всѣхъ

во всѣхъ жїлїщахъ ихъ, едва обрѣтоша сокрывшїхся: и вопросїша: коль далече море. Індїане же отвѣщаша, яко нїкогда слышахомъ о мори. Но въ третїи день прїидеше къ водѣ горькои, которая истребляетъ сладкую. Оттуду уразумѣша, яко не знающе о мори, глаголютъ о немъ. Сїце карабелнїки съ велїею охотою, и прїлѣжанїемъ начаша плаванїе творїти, и коль блїжшїи путь имѣли, толь болшая надежда желанїя умножашеся имъ.

Въ третїи день, уже совокупляшеся съ рѣкою море, малая и легкая еще буря возмущаше оную. Тѣмже къ острову посреди рѣки прїидоша. Но егда возбуренїемъ волнъ возпящаеми сташа, и ради пропїтанїя разыдошася, нїчто помышляюще о злополучномъ паденїи, которое на нєїзвѣстныхъ наїдетъ. Ибо въ третїи часъ, по обыкновенїю своему Окїанъ волноватїся начатъ, и наступати, рѣку вспять гоня, которая съ начала аще по малу и опїрашеся, обаче егда сїлными волнами море удари оную: тогда скорѣе, неже прочїя скоротекущїя рѣки, вспять обратїся. Люди же прїроды тоя морскїя не знающе, возмнѣша яко нѣкая чудеса и знаменїе отъ гнѣва боговъ являются. Но море наїпаче волнами врѣмо, и поля сухїя преждебывшїя водою покрыло, и вси карабли

въ разнь

въ разнь расточїло. а которые изыдоша изъ караблеи, отъ всюду къ караблямъ устрашївшеся нечаяннаго паденїя, бѣгутъ. но въ смятенїи многолюдномъ, и скорость лѣнїва бываетъ. иные бо жердїемъ караблеи отторгали, прочїи же ожїдали, какъ весла будутъ готовы, нѣцыи поспѣшающе ко брегу, и тѣхъ которые внѣшнїи имѣли не ожїдали: поврежденые уже суды непрїлѣжно подвїгали. прочїи же безумно пѣснящїхся не могоша забрати. Сїце и во многолюдствѣ, и въ малѣ сами себѣ препятїемъ были. Вопль бѣ отъ едїныя страны, жди, а отъ другїя, поѣжжаи, гласы разны, нїже зрѣти, нїже слушати допустїли, и сами управївшеи караблеи помощи не могли дати. Которыхъ мятущїися ни гласа, ни повелѣнїя ужасшеся слушали. Тѣмже между собою караблеи единъ отъ другаго ударїлїся, весла мешающеся, иныя, а не своя суды ко плаванїю прїнуждали.

Повѣрїлъ бы кто, что на водѣ разныя воїска, а не едїно между собою брань творятъ. Ударяхуся носами о кормы суды, которыя же предъ собою идущымъ препятїе творїли во слѣдъ себе, такожде отъ прочїихъ терпѣли нужду. Того ради и бои между собою гнѣвомъ разъярены начали творїти. Уже было, что всѣ поля вода покрыла, окрестъ рѣки верхи токмо прїгорковъ показовалїся, на которыя мнози страха ради оставївше караблеи, плыти начаша.

Карабли же иныя разгнаны, на глубїнѣ стояли вѣ дїшїнѣ, а прочїе на мѣлкомъ увязли мѣстѣ. И егда вода равную и не равную обѣятъ землю, се внезапу новыи, и паче перваго болшїи страхъ наїде: егда начатъ возвращатїся море, велїкїмъ путемъ къ нему возвращахуся воды, землю якоже прежде бѣ оставляюще. Тѣмже карабли безъ воды оставшеся, иныя на носы, прочыя же на бокъ падали. Наполнены были поля сумками, оружїемъ и веслами ломаными. а воїнство нїже изыти изъ караблеи можаше, и въ нїхъ пребываши боящеся, блюдущеся впредѣїдущїя погїбели. Едва могли вѣрїти, еже бы имѣли когда то вїдѣти. что претерпѣли, на поли утонути, въ рѣкѣ съ моремъ бѣдствовати. Конца же тому злу не вїдѣша, гладъ и смерть разумѣюще быти. Ибо неїзвѣстны были о томъ, вскорѣ ли море имѣло возвратїтїся и карабли тѣ снести: тамо и чудеса морскїя ужасныя сѣло оставшїяся отъ воды, на полѣ бродїли. Уже нощь наступаше. Царь же отчаявся здравїя печаленъбѣ, обаче сердце непреодолѣнно имѣя, всю нощь стрежаше: послалъ конницу къ устїю рѣки, да всю нощь стрегутъ, въ кое бы время токмо увїдѣли, паки бѣгущее море и возвращающееся.

Тѣмъ временемъ повелѣ суды разбїтыя почїнїти, прочыя же волненїемъ морскїмъ превращенныя подымати, и моря паки ожїдати. Егда же всю нощь

нещѣ стрежаше, вскорѣ конніца поспѣшаетъ къ нему, сказуя что море бѣжитъ, которое съ легка пріхода, начатъ возносіти карабли, вскорѣ же всѣ поля покрыло, и флотъ карабелныи воздвігло. радость и веселіе начаянное береги исполнїло гласомъ карабелнїковъ, которыя удївляющеся вопрошаху, какъ такъ прішло море прежде малаго времени отшедшее, кая прірода того Елеменита, овогда тако овогда же инако бываетъ.

Царь разсуждая тои случаи, достіже того, яко по восходѣ солнца, та буря обыче быти, того ради хотя избѣжати тоя бѣды и волненїя, о полунощи поїде съ не многїми караблями по рѣкѣ благополучно. изшедъ же изъ нея за четыреста верстъ, и пріиде на море плаваше по немъ, желаніе свое древнее исполняя, богамъ морскімъ, и мѣста того, жертву сотворівъ возвратіся ко флоту своему.

10. Оттуду идущъ въ верхъ рѣки, во вторыи день пріплылъ недалече до езера славнаго, егоже не извѣсиная прірода многіхъ прелстіла. Ибо егда токмо начали купатіся, струпъ на тѣло ихъ наіде, тако что и прочіихъ повреждали; но масло бысть всякому врачевствомъ. По томъ Леонатта предъ собою послалъ, да ископаетъ студенцы, и сыщетъ воду, которымъ путемъ

сѢ воїнствомѢ ему итти, бяше бо суша велїя вѢ тои СтранѢ. СамѢ же ожїдая весны на квартерахѢ воїско поставїлѢ, и много градовѢ создалѢ.

Неарху такожде и Онесїкрїту кѢ морскому плаванїю сѢло искуснымѢ повелѢ, да болшїя карабли на море ОкїанѢ спустятѢ, и по немѢ [гдѢ бы безстрашно мѢсто быти разумѢли] плавали, и прїроду его уразумѢли. КѢ нему же тою же рѢкою, или ЕвфратомѢ, вспять бы возвратїлїся. По окончанїи зїмы карабли лїшнїя сжегше, сухїмѢ путемѢ поїде сѢ воїскомѢ, и вѢ девятыи день прїиде вѢ государство АрабїтовѢ: а оттуду толїкїми деньми вѢ страну Гедросїскую. НародѢ же тои самоволенѢ, совѢтѢ сотворївѢ здадеся: имже ни что бѢ повѢлено кромѢ правїанта. ПотомѢ пятаго дня, прїиде кѢ рѢкѢ АрабѢ отѢ населнїковѢ нареченнои, и паки прїиде вѢ страну отѢ людеи оставлену, оттуду ябїе преїде кѢ ГорїпянамѢ. Тамо болшую часть воїска вручїлѢ Ефестїону, а легковооруженныхѢ воїновѢ со ПтоломеомѢ и ЛеонатомѢ послалѢ. Три воїска едїнаго времени Їндїю разоряли, и многїя корысти и плѢнїковѢ взяли. НадѢ моремѢ жївущїхѢ Птоломеи, вѢ инои странѢ Царь, во инои же странѢ ЛеонатѢ огнемѢ разорїлѢ. И вѢ тои странѢ созда градѢ, и насели вѢ немѢ АрахозовѢ, Оттуду прїиде кѢ ЇндїанамѢ надѢ моремѢ лежащїмѢ,

которые

которые сѣло на пространномъ мѣстѣ поселены, и страна ихъ пуста, со окреспными же странами ни коего союзства въ промыслахъ не имѣютъ. Того ради нравы и разумы скотскія имѣютъ а не человѣческія. ногтеи нікогда не чѣстятъ, власы на главѣ стелчатъ, и нікогда не стрігутъ ихъ, ніже брѣютъ, жіліща себѣ изъ раковінъ, и смешія морская созіданотъ, въ кожахъ скотінныхъ ходятъ, рыбу на Солнцѣ печеную ядятъ, прочіими такожде чудесами морскіми [ихже волны извергаютъ,] пітаются. Того ради Македоняне. егда пищею оскудѣша: во первыхъ бо нужда, потомъ и гладъ пріиде на нихъ, кореніемъ палмовымъ [токмо бо то древо тамо родится] пітахуся, вездѣ его ищуще. Но егда и то оскудѣло, разнымъ скотомъ начаша пітатіся, яко и конеи ядоша: корысти отъ супостатъ плѣненныя, не имѣюще на чемъ вести, огнемъ жгоша, коіхъ ради вся страны восточныя преідоша. Потомъ гладу прешедшу, бысть моръ. Ибо отъ пищи худыя соку новаго на утрудженныхъ и печалныхъ нападоша немощи, и не могоша путшествовати, ніже на едіномъ мѣстѣ стояти. Идущіхъ моръ, стоящіхъ же гладъ устрашаше.

Того ради наполнены были поля, паче полужівыхъ, неже мертвыхъ. Не могоша бо и мало болящіи послѣдствовати, понеже скоро воіско

иде, здравіе свое въ едіномъ поспѣшномъ пути полагающе: чего ради немощніи моліша знакомыхъ, да подадутъ имъ руку помощи. Но и конеи не бѣ, ими же могли бы ихъ вести, едва бо и сами оружіе несоша, о себѣ такожде размышляюще, и ужасающеся, да самыхъ то же не постігнетъ. Сіце многократно вопіяху къ німъ, но ніже обратіти ліца своего хотѣша мілосердіе страхомъ отрінувше. Оставленіи же во свідѣтелство боговъ прізываху воспомінающе совокупныя жертвы, отъ Царя помощи желаша, глухіе уши зряще на услышаніе моленія ихъ отчаянія ради своего. Таковаго же ѕлополучія другамъ и клевретамъ своімъ желаша.

Царь болѣзнуя и срамляяся, ибо самъ віною сіцевою погібели бысть, послалъ къ Фратаферну Партіискому воеводѣ, да бы повелѣлъ вскорѣ на верблудахъ вареныя піщи прїслати въ обозъ, прочіхъ такожде воеводъ окрестныхъ о тои нуждѣ своеи увѣстілъ, и не умедліша въ томъ потщатіся. тако едва токмо воінство отъ глада свободіся, пріидоша къ предѣламъ Гедрозіискімъ.

Та страна во всемъ изобілна и плодоносна есть, тамо опочіти воінству даде, да пріидутъ къ первому здравію. Прінесоша же ему тамо грамоту отъ Леоната, въ неи же напісано, яко имѣлъ бои со осмью тысящами пѣхоты, и пятію сты

конныхъ

конныхъ Горіпповъ, и побѣдилъ ихъ. пріиде и отъ Крашера посланникъ извѣствуя, како Ожіна и Зарїаспу Персїдскіхъ дворянъ бунтъ творящіхъ укротилъ, и плѣнивъ ихъ, въ оковахъ ведетъ.

Даде Алеѯандръ Гедрозамъ, воеводу именемъ Сїбурпа, ибо Мемнонъ немощствуя умре, самъ же Царь поїде съ обозомъ въ Карманію. былъ тамо воеводою Аспастръ порученъ Алеѯандру во измѣнѣ, егда въ Індіи былъ, обаче егда встрѣте его на пути, нїкоего отъ себе гнѣва не показа, мїлостївно съ нїмъ бесѣдуя, донелѣже о всемъ что на него извѣщено, совершенныя вѣсти не воспріялъ, и въ прежнеи чести возъимѣлъ его.

Того времени по повелѣнію воеводы, Індіискіе яже во области своеи имѣлъ множество конеи скотовъ разныхъ, такожде къ колеснїцамъ и работѣ конеи пріслаша, еже все требующымъ раздаде, оружіе по прежнему украсілъ. Ибо Персїда не токмо бѣ въ мірѣ и подъ владѣнїемъ его, но и богатствомъ изобілна. Тѣмже [якоже прежде речеся] желая себѣ не токмо Лївера отца славы, которую отъ тамошнїхъ народовъ воспріялъ, но и чести умыслілъ въ первыхъ аки торжество, или играніе бакхуса, паче человѣческаго разума превозносящся, ибо грады чрезъ которыя имѣлъ итти, вѣнцами и цвѣты украсити, во врашахъ же домовъ чаши вїна наполнены, а на пути въ разныхъ

въ разныхъ сосудахъ поставіти повелѣ, колесніцы
дсками покрываху, да болше воіновъ сядетъ,
стѣны коврами, понявами бѣлыми, и одеждами
драгіми повелѣ обіти, идоша прежде други его,
и гвардія царская въ вѣнцахъ отъ разныхъ цвѣтовъ,
по странамъ на трубахъ и бубнахъ играша: къ сему
же на колесніцахъ по изобілію всякаго украшен-
ныхъ, веселыя мысли бяху, оружіе по обоімъ
странамъ свѣтлое вісѣло. Самъ Алеѯандръ иде
на колесніцѣ съ тѣми, иже учреждаша ихъ,
отвсюду чаши златыя повѣшены бяху по странамъ.
Сіце седмь днеи торжествуя, воіско иде, корыстъ
взявше, аще бы побѣжденные на пірующіхъ
дерзнули, тысяща мужеи трезвыхъ, могли бы
торжествующіхъ чрезъ седмь днеи побѣдіти.
Но щастіе еже дѣламъ славу и драгоцѣніе даетъ,
тамо и срамоту и безчініе воінское обрашіло
въ честь, тому и настоящіи и прешедшіи вѣкъ
удівляшеся, како чрезъ народы еще не доконца
покоренныя, сіце піяны дерзновенно идоша,
народъ простыи, упрамство творящіхъ, мужество
разумѣша быти. По сіхъ всѣхъ украшеніяхъ и
веселіяхъ спекулаторъ иде, которыи Аспаста.
о немже прежде речеся, по повелѣнію смерти
предаде. шако ніже безчінію мучітелство, ніже
мучітелству безчініе, препятіе шворітъ.

КВІНТА

КВІНТА КУРЦІА

КНІГА ДЕСЯТАЯ.

СОБРАНІЕ ВЕЩЕИ КРАТКОЕ.

1: Клеандръ и инїи вожди о согрѣшенїихъ прощенїя просятъ. нѣцыи же мало согрѣшївшїи казнятся. Совѣтъ Алеѯандровъ о шествїи въ западную Европы часть. Мїлость къ Абїзарову сыну: надъ Орсеномъ благороднѣїшїмъ болярїномъ немїлосердїе.

2: Когда смѣшены Греки чїнъ усмирїти, и воїновъ [мздою чюдею свобожденныхъ] иныхъ отпустїти въ домы, и иныхъ воспятїти помышляетъ. Въ полкахъ раздоръ раждается, егоже изящною рѣчїю и царственною властїю усмїряетъ.

3: бунтовщїковъ казнїю умучївъ, всего воїнства разсыпаетъ совѣты, и персамъ ввѣряетъ тѣла своего храненїе.

4: рѣчь Македонскаго воїна связаннаго, согласїе на Алеѯандра иже отравою угасаетъ.

5: рѣчи и дѣла его *предъ смертїю*, колїко *отъ* своїхъ бяше любїмъ, наїпаче же *отъ* дарїевы матери, яже жалости подлежащи, по маломъ времени умре, Алеѯандрово гробное надпїсанїе.

6: О наслѣднїкѣ Алеѯандровѣ между началнїками совѣтованїе, и разлїчныя мысли.

7: Арїдеи сынъ Фїлїпповъ, за возведенїемъ Мелеагровымъ *отъ* нѣкїихъ Царь поставляется, *отъ*нуду же брани домовныя начало.

8: Первѣїшїя вожди Мелеагрову хїтрость *предъубѣгаютъ*, Арїдеи же мїра хотящъ, смятенїя усмїрити среднею нѣкоею прїчїною тщїтся.

9: Пердїкъ мелеагра, и три ста послѣдствующїхъ ему хїтростїю убїваетъ.

10: Алеѯандрово царство на части раздѣленное, его вящшая часть Арїдею отдана, провїнцїи же велможамъ.
умершаго тѣло прїятелми сохранено, таже во алеѯандрїю егїпетскую прїнесено бысть.

1. Въ оныя же дни Клеандръ и Скїталкесъ, и со Агаѳономъ Нїканоръ прїходятъ, Парменїона повелѣнїемъ царскїмъ убївше: и пять тысящъ пѣщїхъ съ тысящїю коннїцы прїведше, но и клеветнїцы ихъ отъ страны въ неїже началствоваху послѣдствоваша. Не толїко дѣлъ, елїко оставїли, воздати можаху убїиства любезнаго цареви служенїемъ. Ибо егда вся мїрская плѣнїша, нїже отъ священныхъ удержавахуся, и дѣвы, и началныхъ жены прелюбодѣянїя претерпѣвше, тѣлъ поруганїя плакахуся: ненавїдїмо Македонянъ имя, сладострастїе ихъ и похоть Варварская творяше. обаче же между всѣми явно бяше Клеандрово неїстовсто, иже благородную дѣвїцу опрелюбодѣїствовавъ рабу своему въ подложнїцу даде. Мнози друзи Алеѯандровы не тако на множество ѕлыхъ дѣлъ, яже явственнѣ предлагахуся, яко на память убїеннаго, ими Парменїона, которыи таїно помогати у Царя можаше, взїраху радостны, яко отъїде гнѣвъ на гнѣва служїтелеи, нїже яко всякая власть ѕлобою истязаная есть долговременна. Царь увѣдавъ вїну изрече: яко

едїно

єдіно отъ клеветнїковъ исїе превелїе прегрѣшеніе прешедшее, есть отчаяніе здравія его, нїкотдаже бо таковая имѣли бы дерзнути, иже его отъ Індіи здраваго, или желали бы возвращшїся, или уповали бы яко возвращшїся. Убо оныхъ связалъ. а шесть сотъ воїновъ иже яросии тыя служїтели бяху, убїити повелѣ. Того же дни и оныхъ казнїлъ, ихже началнїковъ убѣженія персїдскаго Кратеръ пріведе. не по мнозѣ же Неархъ и Онїсїкрїтъ, имже далече на Окіанъ отъїти повелѣлъ, пріходятъ. Извѣствоваху же иная слышанная, иная извѣстная, яко островъ къ ходу рѣки подлеглыи, злапомъ изобїлуетъ, скуденъ же конми, яко всякїи конь аще отъ брега прівести кто смѣлъ бы, по єдїному шаланту тамо цѣнїшся, и яко исполненно есть звѣрми дїкїми море, волнами благополучными носятся, велїкїхъ кораблеи велїчеству подобны, страшнымъ крїкомъ устрашены, послѣдствуютъ кораблю съ велїкїмъ морскїмъ шумомъ, аки бы потопленыи корабли погрузївшїися въ водѣ. Прочее тамошнїмъ жїлцамъ яша вѣры, между сїми же, и сїе повѣдаша, яко чермное море, не отъ цѣта воднаго, по повѣствованію многїхъ. но отъ Ерїора Царя именуется, и глаголаху: не далече бывши отъ брега островъ, многїми фїнїками

насажденныи, и посредѣ сада столпъ стоїтъ сіяющіи. Ерїѳра Царя гробъ, пїсмены языка онаго пїсанныи. Прілагахуже, яко карабли, въ нїхже вещи купцы прівезли, злата ищуще, правїтели, на островъ изыдоша, и послѣ отъ нїхъ, невїдїмы быша. Царь же познати множае желанїемъ воспаленъ, паки имъ землею итти повелѣваетъ, дондеже ко Евфрату прїгонятъ карабли, оттуду противъ рѣки до Вавїлона имущымъ итти. Самъ же безчїсленная воумѣ содержащь, умыслїлъ, всю при востоцѣ поморскую страну усмїрївъ, изъ сїрїи итти во Афрїку Карѳагену разоряти, оттуду Нумїдїискїя пустыни прешедъ, путь къ народу Гадарску отправляли: ибо тамо столпамъ Геркулесовымъ быти повѣствуется. Таже во Іспанїю, юже Іверїею Еллїны отъ рѣки Івера нарїцаху, доїти, и прейти Алпїискїя горы и страну Італїискую, откуду во Епїръ крїтскїи ходъ есть. Убо месопотамскїмъ судїямъ повелѣ, древъ на ліванскои горѣ насѣщи, и прівести во градъ сїрїискїи Капсагу, велїкїхъ караблеи фундаменты уготовляти, яко всѣмъ быти седмовеселнымъ, и оттуду препроводїти ихъ въ Вавїлонъ. Кїпрскїмъ же Царемъ повелѣно денги и канаты и парусы готовїти, сія творящему отъ Пора и Тавксїлїа Цареи пїсанія подаются,

яко

яко Абїзарѣ отъ немощи. Фїлїппъ же началникъ его отъ раны умроша, а ранївшымъ ихъ казнь учїнена, убо вмѣсто Фїлїппа поставляетъ Евдемона, вождь бѣ врачевскїи, Абїзарово же Царство сыну его дарствуетъ. Таже прїидоша въ посаргады. Персїдскїи сеи родъ егоже властїтель Орсенъ бяше, благородїемъ и богатствы всѣхъ Варваровъ превосходящїи, родъ влечется отъ Кїра, бывша древле Царя Персїдскаго, богатство же отъ старшїхъ даное имѣяше, и самъ въ долгомъ Царствїя владѣнїи собїраше, онъ Цареви отъ всякаго рода дарми, не токмо самому, но и другомъ его хотящъ дарствовати. въ стрѣтеніе изходїтъ, конеи дворовыхъ стада ему послѣдовали, везуще колеснїцы златомъ и сребромъ украшенныя, драгоцѣнныя скрыны, їзрядныя камыки, златыя тяжковажныя сосуды, и одежды багряныя, и знаменїшаго чїстаго сребра четыре тысящи талантовъ. Убо толїкїя дары варварїну сталїся смерти прїчїною. Ибо егда всѣхъ другов царскїхъ дарами выше ихъ мѣры почте, багою свнуху, [иже Алеѯандру служенїемъ плотскїмъ угождаше;] ни єдїныя чести воздаде. Увѣщанъ же отъ иныхъ, яко багои у Алеѯандра въ любви есть, отвѣща: азъ другов царскїхъ, не блудницъ почїтаю. нїже обычаи есть

персянамъ за мужеи вмѣняшіи пѣхъ, иже блудомъ женоподобно скверняшіся. Сія слышавъ скопецъ, власшь свою злобою и безчесшіемъ снѣскапую, на главъ благороднаго и незлобіваго персяніна извѣявилъ. Ибо иногоже племене перскаго нѣкіихъ злыхъ людеи съ ложными навѣшы успроилъ, увѣщавъ ихъ: да бы донесли царю Алеуандру, когда онъ багои повелѣлъ. Между сіими же, елѣжды на единъ багои ни былъ, ушеса царева навѣшами наполняль, пришворяющъ прічіну гнѣва, вѣчемъ совершеннѣишая сіла клевещущаго была бы. Не бѣ еще въ гнѣвѣ Орсенъ, но уже стало ему быши по хуже, вінень бо въ шаінѣ шворашеся, сокровеннаго бѣдства не вѣдая. Злонравнѣишіи же блудникъ, блуда и безчесшія въ шерпѣніи онъ руганія хошя избыши, колікожды похошь цареву на ся воспалише, а на Орсена овогда о сребролюбіи, иногда же обычаѣ клевешаше. И уже засшарѣлыя лжи напогубленіе невіннаго созрѣвали, и случаи (егоже неизбѣжныи жребіи есшь) ожіданіе. Ибо егда гробъ Кіровъ Алеуандръ повелѣ опкрыши, въ немъ же бѣ сохранено его шѣло. (емуже Алеуандръ яко бы хошяше сопворіши помінокъ,) злашомъ и сребромъ гробъ шои исполненъ быши мняше: ибо яко и повѣсшь персідская промчеся. но кромѣ щиша его согнівшаго, и луковъ двоіхъ

скіоскіхъ,

скіѳскіхъ, и меча обоюднаго, нічтоже обрѣте. Таже вѣнецъ ѕлатыи наложенъ, покрывало еже употребляше, столъ, на немже тѣло лежаше. Алеѯандръ же удівляшеся, толікаго имене царя, толікіми изобілующа богатствы, погребена бывша, не богатѣе простолюдіна мужіка. бяше же при Алеѯандрѣ евнухъ тои, иже зря на царя, рече: Что дівно, яко праздны гроби царстіи, егда боярскія домы ѕлата изъ гробовъ износімаго вмѣщати не могутъ, еже мнѣ случіся, самъ сего гроба прежде не відѣхъ, но отъ Даріа уразумѣхъ, яко три тысящи талантовъ закопаны съ Кіромъ. Оттуду же такое пріятство къ тебѣ явілъ Орсенъ, чего безъ казни имѣти не могъ бы, тѣми дарами мілость твою получілъ: Возбуділъ уже багои цареву мысль ко гнѣву. Тогда тіи имже сеи багои дѣло навѣта вручілъ, пріходятъ, отсюду багои оттуду же его повелѣнные ложными клеветами исполняютъ Алеѯандру ушеса. и прежде даже оклеветанъ чаяшеся быти, Орсенъ во оковы отданъ бысть, но не доволенъ казнію неѕлобіваго Евнухъ багои, самъ на умірающаго руку наложілъ. На негоже зря Орсенъ рече: слыхалъ я, что нѣкогда царствовали въ Азіи жены: а сіе ново есть, что царствуетъ обрѣзаныи скопецъ. Сія бѣ встрѣча благороднаго Персяніна,

и не

и не токмо неслобіваго, но и изящнаго въ пріятствѣ ко царю. Въ томъ же времени Фрадатъ царствовати желая, обнесенъ и обличенъ убіается. начінаше же уже часто царь представляти казни, такожде и неятовѣрімымъ вѣріти. Тако убо дѣла благополучныя могутъ измѣнити пріроду, и рѣдко кто́лібо ко благімъ своімъ многосмотрѣлівъ бываетъ. Ибо онъ же вскорѣ Алеѵандра Лінцеста оклеветаннаго отъ двоіхъ навѣтнікова казніти не удержася. Такожде меншімъ повіннымъ, противу его воли, яко прочіимъ відяхуся несогласны, не даяше прощенія, а непріятелемъ побѣжденнымъ, царства ихъ возвращаше. Напослѣдокъ самъ отъ себе самаго отдѣлілся тако премного: яко по плотолюбівои похоти умышленіемъ блуда, инымъ царствія дароваше, а отъ иныхъ и жізнь восхіщаше.

Во оныя же дни пісма отъ цена пріялъ одѣлѣхъ въ Европѣ содѣянныхъ. Когда самъ въ Індіи пребываше, зопіръ Θракіискіи началнікъ, тогда посолство въ геты творяше: бури же и волнамъ, нечаянно возставшымъ, со всѣмъ воінствомъ бѣдствоваше, которую гібель познавъ Севфъ одрскіи народоначалнікъ, своіхъ ко отлученію убѣждалъ, потерявъ весма Θракію мало и не Грецію.

2: Прочее трідесятми караблями Сунію [мѣсто тако зовомо] проходятъ. прістаніще

есть

есть Аттіческія земли, оттуду прістани градскія искати опредѣлили. Сія познавъ Царь, на Арпалы и на Аѳінянъ, ново разгнѣванъ, карабли уготовати повелѣ, во Аѳіны абіе хотящь ити. Сеи же совѣтъ умышляющу ему, таіно пісма ему вдаются: яко Арпаліи совершенно внѣде во Аѳіны, златомъ пріміріевъ себѣ властелінскія мысли. Вскорѣ же народъ сотворівъ совѣтъ, повелѣ отъ града ему изыти. Ко Греческімъ убо воіномъ прішелъ, отъ нїхже поіманъ, и бысть убіенъ отъ нѣкоего путешественніка коварно. Сіми вѣстьми Царь обрадованъ, во Европу превозітіся совѣтъ оставілъ: но заточенныхъ, кромѣ тѣхъ, иже домовою кровію окропішася, пріимати по всѣмъ градамъ Греческімъ, отъ нїхже изгнаны бяху, повелѣ. Греки же не смѣяша власть презрѣти, аще сіе и мняху быти начало разрушаемыхъ законовъ. Такожде и имѣнія, яже въ казну быша взяты, отдати заточеннымъ повелѣ. Едіни Аѳінеане, не своея шокмо, но и народныя хранітели свободы, ради молвы людскія, яко скорбно имъ было, не царскою властію, но законами и обычаями отческімі управляпіся навыкше, изгнаша отъ страны своея: Измещутъ убо изгнанныхъ, вся лучше хотяще претерпѣти, неже иногда уметы бывшіе града своего, тогда же ізгнаныя, пріпустіти.

Ш ш Алеѯандръ

Алеѯандръ старѣйшія воіны во отечество ихъ отпустівъ. 13000 пѣшіхъ, да 12000 конныхъ, яже во Азіи, оставілъ было, избрати повелѣ: мнящъ малымъ воіскомъ возмощи одержати Азію. Ибо во многіхъ мѣстѣхъ крѣпости расположілъ, и въ маломъ времени построілъ грады, ихже жітелми исполнілъ ради бунтовщіковъ новыхъ, да препятіе будетъ. Прочее же прежде даже усмотрілъ, ихже имѣяше удержати, изрече: да вси воіни сребро чуждее повѣдятъ. Тяжко сіе множаішымъ быти извѣстіся. И еже самымъ трудомъ собрано бѣ, разбірати онъ установілъ, оное искушеніе быти вмѣняху, чімъ бы удобѣе убогшіхъ отъ богатыхъ разсмотріти, продолжающе нѣсколко времени удержаваху. Царь же много вѣдущъ, яко повѣданію сребра, срамъ неупоръ сопротівляется: столы во всѣхъ полкахъ разставіти повелѣ, и 10000 талантовъ изнести: таже послѣ истінно повѣдаша. Яко не множае 500, и 30 талантовъ обрѣтошася. Тако оно воінство, толікіхъ пребогатыхъ языковъ побѣдітеліе, обаче множае побѣдъ, неже корысти принесоша отъ Азіи. Прочее же яко познаша инымъ отпустітіся въ домы, инымъ остатіся, яко всегдашніи онъ царствія престолъ въ Азіи не премѣніти чаяху, неістови, и обученія воінскаго не-

не памятствующе, бунтовными гласы полки наполняютъ, и на Царя люте, нежели на иныхъ нападше, вси отпущенія просити начаша, злосмрадныя язвы, и сѣдіны главныя показующе. Ніже бо началнічімъ увѣщаніемъ, ніже страхомъ царскімъ устрашени, народнымъ воплемъ, и воінственнымъ насіліемъ хотящаго глаголати удержаваху, явственно глаголюще, никуды отсюду развѣ во отчізну ногу имѣемъ подвігнути. Таже умолкнуша, чающе, яко самъ скорѣе двігнется въ отчізну, нежели они возмогли бы, и что имѣетъ сотворіти, ожідаху. Царь же рече: что се внезапный ужасъ, и тако неісповное и разшіренное дерзновеніе возвѣщаете, изрещи ужасаюся. Явственно воістінну прервали есте власть, и челобітчікъ есмь, а не Царь, емуже ни проглаголанія, ни познанія, ни увѣщанія, ніже воззрѣнія на васъ власть оставісте. Понеже егда инныхъ отпустіхъ въ отчізну, иныхъ со мною вскорѣ отвести опредѣліхъ. Тако тѣхъ вопіющіхъ вїжду, иже имѣютъ отвїти, яко и тѣхъ, съ нїми же предпосланыхъ послѣдовати уставіхъ. Что сія пріічина есть; въ различнои вінѣ, єдінъ всѣхъ вопль есть, хотѣлъ быхъ вѣдати, иже ли отходятъ, или иже оставляются, на мя жалуются. Тогда аки єдіными усты отвѣщали: всѣ жалуемся. Онъ же, рече: воістінну не можетъ быти, да иму

вѣру, еже бы жалобы всѣмъ купно, сію пріічіну быти, юже показуете, въ неи же болшая часть воінства не оста.

Понеже множаішіхъ отпустіхъ, неже одержати имѣю. Есть истінно горшее зло, еже всѣхъ отвращаетъ отъ меня, яко Царя все воінство оставіло, ніже бо раби едінымъ собраніемъ убѣгаютъ отъ господъ, но есть въ нихъ нѣкіи срамъ, еже иными оставленныхъ лішатіся. Азъ же тако яростныи ужасъ забывъ, врачевство къ неісцѣлімымъ потщуся пріложіти. Всю воістінну надежду, юже отъ васъ чаяхъ, осуждаю, ніже яко съ воіны моіми: [уже бо предъотлучістеся;] но яко съ неблагодарнѣішіми требъ есть чініти, умыслїхъ. Въ благополучіи въ немже плаваете, неістовітіся начасте, забывше состояніе свое, егоже благодѣяніемъ свободістеся моімъ, достоіно въ правду, да бы въ ономъ вы и сострѣлїся: понеже лучше есть, протівнымъ неже благополучнымъ васъ управляти счастіемъ. Се убо Ілліріческіми, вмалѣ прежде и Персідскіми даннїками, Азіи и толікіхъ народовъ корыстьми гнушаются, токмо бывшіми при філіппѣ полунагіми одеждами червленными смердятъ. Злата и сребра очеса объяти не могутъ, древяныхъ же сосудовъ и решедчатыхъ щітовъ, и ржавыхъ мечевъ желаютъ. Таковымъ

украшеніемъ

украшеніемъ сіяющіихъ васъ воспріяхъ, и пять сотъ тысящъ талантовъ сребра заімнаго: а все царское сокровіще не множае шестідесятъ тысящеи талантовъ имяше, моіхъ дѣлъ основаніе: обаче тѣми, [да не будетъ завіетъ] подъ власть болшую часть земли покоріхомъ. Азію ли ненавідіте, яже васъ славою дѣлъ содѣянныхъ съ богами сравніла. Во Европу ли ипіи спѣшіите, Царя оставівше; но множаішіи отъ васъ въ недостаткѣ путнаго корму были бы, аще чуждыхъ денегъ не пожалѣлъ быхъ, стрѣчь Азіискои корысти. Ніже ли срамляетеся съ шіроківъ чревомъ, изъ побѣжденныхъ народовъ добычи несуще, возвращіітіися къ женамъ и дѣтямъ, имже не мнози даръ побѣды можете показаши. Ибо у многіхъ, оружіе такожде въ закладѣ суть. Добрыхъ же воіновъ лішуся, подложныхъ своіхъ наложніковъ, имже сіе покмо отъ толікіхъ богатствъ лішше есть, что иждівается. Сего ради бѣжащымъ да отворяются граніцы, исчезніите отсюду скорѣе, азъ съ Персами бѣжащіхъ плещи гоніши начну. Никого не держу: Свободіите очеса моя, неблагодарнѣішіи граждане: радостно васъ воспріимутъ родіітели и чада безъ вашего Царя возвращающіихся, во стрѣтеніе изыдутъ бунтовщікамъ и бѣглецамъ. Торжествовати имамъ воістіину бѣганію вашему,

и идѣже аще буду испяжу казни. Сіхъ, съ нѣмїже мя оставляете, почїтая и превознося паче васъ. Познаете же, и колїко можетъ безъ царя воїнство, и что дѣла преїмущество во мнѣ есть едїномъ. Потомъ вскочїлъ скрежещущъ отъ судїща, и въ средїну оружїносцевъ полка внїде, знаменїтыхъ иже дерзостно говорїли, всякаго рукою восхїти, нїже смѣющїхъ противу рещи, трехъ надесятъ въ храненїе стражемъ здравїя своего, предаде.

3. Кто бы повѣрїлъ, яростнымъ, мало прежде собравшымся омертвѣти внезапною боязнїю, и егда на отмщенїе вїдѣлъ бы влекомыхъ, нїчтоже дерзнути тяжкаго паче иныхъ, тако разлїянную прежде дерзость, и бунтовное воїновъ насїлїе востягнуто, яко не токмо ни едїнъ, устремївшуся Царю, сопротїву не сталъ, но и вси отъ страха бездушни омертвѣвшему подобни быша. Что бо о оныхъ Царь ко изреченїю умыслїтъ, ужаснымъ умомъ ожїдаху. Убо или имя, еже народи сущїи подъ царемъ между богами почїтаютъ, или прїятства его благоговѣнїе, или дерзновенное таковою сїлою управляющаго повелѣнїе устрашїло оныхъ. Изящным воїстїнну издаша терпѣнїя прїкладъ: яко не распалїшася мученїемъ купно съ нїми бунтующїхъ другов, егда въ нощи убїеннымъ имъ быти познаша, аки бы нїчто погубївше,

единъ кіиждо послушнѣ и благопскорнѣ сотворіли. Егда бо въ послѣдніи день, имже повелѣно было внїти, прїидоша, Азїатстїи токмо вои изшедше плачлївыи во всѣхъ полкахъ гласъ испустїша, возвѣщающе всячески имущымъ умрети, аще царь пребудетъ во гнѣвѣ. Онъ же неумолїмую ко всѣмъ юже имяше мысль, чужїхъ воевъ на совѣтъ прїзвати повелѣ, Македонянъ же въ полкахъ удержа. и егда много собрашася, вземъ преводчїка, сїцевую имѣлъ рѣчь.

Егда отъ Европы превозїхъ во Азїю многїя славныя народы, яко велїкую сїлу людеи власти моеи имѣхъ прїложїти, надѣяхся, нїже прелстїхся, что о сїхъ чаялъ быти славѣ, но сему и сїе такожде совокупїся, яко вїжу васъ сїлныхъ мужеи сущїхъ къ царемъ своїмъ побожности непобѣдїмыя, яко изобїлїемъ сладости вамъ вся текутъ, и безмѣрнымъ благополучїемъ въ роскоши плаваете. Но воїстїнну, стѣны воїнства, сею сердецъ и тѣлесъ сїлою на себѣ нелѣностно носїте, и непобѣдїми тако суще, вѣрность паче нежели сїлу почїтаете. Сїя азъ не нынѣ во первыхъ исповѣдую, но изъ давна вѣмъ. Того ради и младыхъ отъ васъ избрахъ, и васъ въ соедїненїе съ воїны своїми смѣсїхъ, едїна одежда, едїно и оружїе у васъ. Послушанїе же и покоренїе

къ царю

къ царю множае лучше есть, нежели у иныхъ. Сего ради и самъ я Оѯатра персянїна дщерь себѣ въ жену взяхъ, не возгордѣвся отъ плѣннїцы чадъ имѣти. Потомже егда фамїлїю рода моего болше умножїти восхотѣхъ, дщерь Дарїеву взяхъ, и блїжаїшымъ другомъ начало быхъ, отъ плѣннїцъ родїти чада, да тѣмъ добрымъ соедїненїемъ всякое разгласїе побѣжденнаго и побѣдїтеля изгоню. Того ради прїродныхъ быти васъ мнѣ, а не прїобрѣтенныхъ вѣруїте. Азїи и Европы едїно и тожде царство есть. Македонская вамъ оружїя даю, старїну въ чужестранную новїну претворїхъ, и граждане мои есте и воїни, вся тоїже имѣютъ цвѣтъ, нїже Персяномъ къ Македонскїмъ обычаемъ прїсмотрятїся, нїже Македоняномъ Персїдскїхъ подражати безчестно есть, едїнаго закона быти должни, иже подъ едїнымъ царемъ жїти имутъ.

Сїю окончївъ рѣчь, Персянамъ тѣла своего стражу ввѣрїлъ. Персянъ копїеносцевъ, Персянъ и палїчнїковъ учїнїлъ, имїже, егда Македоняне, которые оному бунту прїчїну задали, связани, на смерть влекоми были, едїнъ отъ нїхъ и честїю и лѣтами старѣїшїи, сїце [повѣдаютъ] къ Царю изрече.

4. Доколѣ, о Царю, уму твоему, мученїемъ, и внѣшнїми обычаями, послушенъ еси: Воїни

твои,

твои, граждане твои, не знающе віны, отъ плѣнніковъ своіхъ влекоми ведутся на казнь; аще достоіни смерти суть, якоже судіши, поне спекулаторовъ премѣни.

Онъ же, аще бы пріятнымъ сердцемъ истінну слушалъ, увѣщался бы: но понеже въ неістовство и гнѣвъ проізыде. Тѣмже вспять обращся, рече: имже повелѣно бяше, да потопятъ оныхъ въ рѣцѣ, якоже связани бяху. Но ніже сіе мученіе въ расколъ воевъ подвігнуло, понеже полководцевъ друговъ его, связанныя пріше дше просятъ, еже аще какіе еще въ древнемъ погрѣшеніи были бы повінны, да повелітъ ихъ убіти, яко носятъ тѣлеса гнѣва. Послѣди егда познася, яко Персянамъ началство дадеся, Варвари же на разлічныя чіны раздѣлены, и Македонскія имъ наложены имена, себе же безчестно конечнѣе отрінутыхъ: къ тому уже начатыя жалости стерпѣти не можаху. Но собравшеся вси въ царственныи дворъ, внутренную держаще різу, оружія предъ враты, покорности знаменіе, повергоша. И предъ дверми стояще, да впустятся, и да простітъ ихъ сміренію, плачуще просіли, и да Царь казньми ихъ насытітся лучше, нежели безчестіемъ. И яко прощенія не испросівше, не имутъ отъіти. Сія егда возвѣстішася Алеѯандру, онъ же отворівъ палатныя двери, къ онымъ изыде.

И егда ихъ стенаніе и покореніе, такожде бѣдныя и ослобленныя чінъ узрѣ, на многъ часъ плакася. И сімъ пріміреніемъ прощеніе воспріяша.

Таже ихъ смѣренно наказавъ, и другами нарекъ, премногіхъ къ воінѣ негодныхъ отставілъ отъ службы, и премного одаровавъ отпустілъ. Пісалъ же къ Антіпатру Македонскому воеводѣ, да имъ къ смотренію гонітвъ первыя на ѳеатрѣ мѣста подастъ, и да увѣнчаны сѣдятъ, повелѣ: а умершіхъ дѣтямъ жалованіе давати отцевское уставілъ. Кратера имъ началніка давъ: емуже вмѣсто Антіпатра надъ Македоняны, Ѳессалоняны, Афрікою, началствовати повелѣ. И Антіпатра способствіемъ младыхъ воіновъ вмѣсто Кратера прізва. Но уже давно ко Алеѯандру пісма отъ Олімпіады матери его, и отъ Антіпатра поданы были: отъ нїхже взаімное между ими ухіщреніе позналь. Мать, на Антіпатра, бутто желаетъ царствія, пріітворно написала. Антіпатръ же пісалъ, будто Олімпіада много непріістоіно ея достоінству творітъ. Сего ради отозвану ему быти отъ мѣста, премного скорбящъ, Алеѯандра отравою уморіти хотяше. Сія вся управівъ Алеѯандръ во Екбатанію Мідіискую поіде, царствія потребныя вещи расположи, ѳеатръ [или зрѣлїще] и радостныя узаконілъ дни.

Во оныя

Во оныя дни Ефестіонъ, [егоже єдінаго аки брата любяше,] огневіцею обѣятъ, умірает. Откуду Алеѯандръ премного исполненъ жалостію, много царскому лицу не подобающаго сотворілъ, глаголютъ: бѣдного врача, аки бы во врачеваніи непрілѣжна бывша, повѣсіти повелѣ: на дружне же тѣло стенящь, аки бездушенъ нападе, и едва оттуду другами отвлеченъ бывъ, день и нощь плачущся препровожи.

Иная многая обносятся, имже азъ мало вѣрю. Сіе же правда, яко Алеѯандръ, аки Гірою [или Полубожному исполіну] жертвы пріносіти повелѣ, на погребеніи же и на гробѣ творімыя, болѣе дванадесяти талантовъ иждівеніе. Возвращающагося же въ Вавілонъ, Халдеіскіе пророки срѣтаютъ его, увѣщавающе да не входітъ въ Вавілонъ, яко шествіе оно въ то время, бѣдство жітію нанесетъ, ихже возненавідѣвъ, гдѣ намѣренъ итти, тщітся. Возвѣщено бо ему, яко посланніки изъ разліцныхъ земли странъ отвсюду въ Вавілонъ собрашася, его прішествія ожідающе, тако всецѣлыи Свѣтъ именемъ его страхъ обімаше, яко вси языцы, аки поставленому Царю ласкаху. Сего ради, аки собраніе в его Свѣта творітъ, въ Вавілонъ пріити тщашеся. Егда же тамо пріиде, посланніковъ всѣхъ мілосердно угостівъ въ домы отпслалъ.

Во оныя же дни пїршество у Ѳессала врача уготовано было, нань же царь съ другами званныи прїиде. Тамо еще и Геркулесовы не испївъ чаши, аки стрѣлою убоденъ, возстена, и изнесенъ бысть отъ пїршества полумертвъ: таковыми болѣзньми мученъ, яко меча отъ нїхъ въ цѣлбу себѣ прошаше, нѣцыи прїчїну немощи невоздержанїе отъ пїянства огласїша. Вещїю же истїнною, ухїщренїе было, егоже безчестїе послѣдствующїхъ власть ухїтрїла. Антїпатръ бо предуготованныи ядъ, Кассандру сыну, иже съ братїею Фїлїппомъ и Їоломъ Царю служїти обыклъ бѣ, даяше прося его, да иннымъ кромѣ Ѳессала не ввѣрїтся. Фїлїппъ убо и Їола пїтїе царское прежде вкушати обыче: въ водѣ хладнои отраву имуще, сїе пїтїе прежде пїти Царю отпустїша.

Четвертаго же дня, егда воїни овїи умерша быти чаяху, и яко сїе таїтся надѣяхуся, овїи же сего жалѣнїя понести не могуще, прїскорбни сами, въ полату внїдоша, да Царя узрятъ, моляху, но и отъ стражеи повелѣнїемъ царскїмъ впущени быша.

5. Зрящымъ же слезы изпущенныя возвѣстїша, вїдъ уже токмо а не Царя, на погребенїе его посѣщающему воїнству, скорбь обстоящымъ, одръ являшеся, на нїхже егда воззрѣ Царь, рече: егда

азъ

азъ умру, изыщіте достоінаго такіхъ мужей Царя: Неудобовѣрімо глаголанію и слышанію. Въ томже состояніи тѣла, якоже слышашеся, егда воінство прізвалъ, бяше, дондеже со всѣмъ воінствомъ, даже до послѣдняго простілся, отпустівъ народъ, аки отъ своего жітія долженства свобожденъ, утомленныя члены разположілъ, и бліжае пріступіти повелѣ другомъ [уже бо и власъ преставати начінаше,] снемъ же перстень съ перста, Пердіккѣ отдаде, пріложівъ завѣщаніе, да тѣло его ко Аммону отнести повелітъ. И вопрошающымъ имъ, кому оставляетъ царство, отвѣща: Тому, кто будетъ преізряденъ. Прочее же да промышляютъ уже о его трізнѣ, и погребалная позоріща да уготовляютъ ему. Паки вопросівшу Пердікку, когда небесныя чести хощетъ имѣти, рече: тогда возхощу, егда вы щастліви будете. Послѣдніи бѣ часъ Царевъ и по малѣ послѣжде угасе. И первымъ плачемъ и воплми и рыданіемъ вся палата возопіла, и вскорѣ аки въ тірокои пустыни, вся скорбнымъ молчаніемъ нѣма пребываху въ размышленіи, что имѣютъ чініти, жалость обратівше, благородныя юношы, стражи тѣла его бывшіи, ніже жалости велічества объяти, ніже себе самыхъ въ сѣнехъ палатныхъ удержати можаху: но блудящымъ,

и безумствующымъ подобни, весь градъ рыданіемъ и скорбію исполнили, ніже єдінаго вопля оставляше, єгоже бы въ сіцевомъ паденіи жалость мінувала. Того ради, иже за палатою стояху Македоняне, вкупѣ же и Варвари собіраются, и не можаху побѣжденніи отъ побѣдителеи во общеи жалости познатіся: Персяне бо правдівѣйшаго и незлобіваго господаря, Македоняне же преізряднаго и сілнѣйшаго Царя называюще, трізну нѣкакую жалости издаваху, ніже скорбящіхъ токмо, но такожде негодующіхъ гласи слышахуся, тако зеленѣющаго и въ цвѣтѣ лѣтъ и щастія, завістію, аки бога восхіщенна быти отъ прічінъ человѣческіхъ глаголаху. Жівость его и лице, аки изводящаго на брань воіновъ наступающаго на грады, находящаго на мужи сілныя въ мѣсто образца, пріхождаше предъ очеса. Таже Македоняне яко божественныя чести ему не соізволяху, раскаявахуся, и яко не желателни и не благодарни были повѣдаху, яко ушеса его должнымъ наріцаніемъ прелщаху. И егда долго, ово въ почіпаніи, ово въ жалѣніи царскомъ пребываху, на саміхъ бѣдство превратілося. Отъ Македоніи бо отшедше далѣе Евфрата, среднімъ врагомъ новую власть ненавідящімъ, обнаженыхъ себе самыхъ відяху, яко безізвѣстнаго царствію наслѣдніка, явныя сілы

всякъ

всякъ къ себѣ имѣетъ прівлекати. брани же домовныя, яко послѣдствоваху, мысльми прорїцаху, паки не о царствїи Азїискомъ, но о Царѣ кровь имутъ излїяти, новыми ранами старые имяху растерзатїся язвы: Старшые немощныя, токмо испросївшїи отпущенїя у правдїваго Царя, нынѣ имутъ умрети за обладанїе негли оружїеносца коего безславнаго. Сїя помышляющїмъ, имъ нощъ наїде и страхъ умножїся, воїни во оружїи бяху. Вавїлоняне же инїи со стѣнъ, иннїи сверху, всякъ своего дому смотряху, аки бы новое что имѣли вїдѣти, нїже кто свѣщи возжещи смѣяше, и яко уже нощная темнота очесамъ взїмаше зрѣнїе, шумы токмо и гласы во ушеса прїимали, и множае пустою боязнїю устрашени, чрезъ темные стези едїнъ другаго забѣгающе, другъ другу подзорни и скорбни ношахуся. Персяне власы по своему обыкновенїю острїгше, въ плачлївои одеждѣ съ женами и дѣтми, не яко побѣдїтеля и врага, но яко народу всему правдївѣїшаго Царя истїннымъ жалѣнїемъ плакаху, обыкше подъ царемъ жїтелствовати, ни едїнаго иже бы повелѣвалъ имъ достоїна быти повѣдаху, не едїными же стѣнами града рыданїе содержашеся, но и въ блїзкую страну промчеся: та же велїю часть Азїи за Евфратомъ, сїцевыя печали слава прохождаше: Къ Дарїевои такожде матери скоро прїнесеся, яже

раздравши

раздравши одежду, еюже облечена бѣ, плачлївую воспріяла, растерзавши же власы, на землю тѣло поверже. прісѣдяше еи едіна отъ внучекъ, не давно умершаго Ефестіона, емуже отдана въ жену, плачущи и собственныя віны жалость къ общеи скорби отвлачаше Но всѣхъ своіхъ ѕлобъ Сізігамба едінаго пріимаше. Сія своея, оная же внуковъ паки рыдаше: настоящую жалость прешедшею отзываше. Повѣрілъ бы кто, яко нынѣ погібе Даріи, такожде и бѣдныя погребеніе двухъ сыновъ имущія творіти, плакаше мертвыхъ вкупѣ и жівыхъ. Кто бо, рече: о дщерехъ имать творіти попеченіе; кто иныи имать быти Алеѯандръ; Паки же, яко суть плѣнни, и яко отпадоша отъ царствія; Кого по смерти Даріевои, иже оную хранілъ бы обрящетъ; Кто по Алеѯандрѣ прізрѣніе имѣлъ бы, всяко не имущіхъ обрѣсти; Между тѣмже и сіе на мысль пріхождаше, осмьдесятъ братіи своіхъ, во едінъ день отъ Оха лютѣішаго Царя убіеныхъ, и пріложеннаго пораженію толікіхъ сыновъ отца, яко отъ седми сыновъ ихже сама роділа, едінъ токмо остался. Самъ Даріи того ради цвѣтяше мало, да бы лютѣе возмоглъ угаснути. На послѣдокъ отъ жалости изнеможе. И обвівши голову присѣдящіхъ колѣномъ ея отъ внучки, и внучка своего отвратівшіся отъ яденія

удержася

удержася и свѣта. Въ пятыи день по семъ умре. Велїе воїстїнну Алеѯандрова мїлосердїя къ неи, и правды ко всѣмъ плѣненнымъ извѣщеніе, смерть ея, яже егда удержалася послѣ Дарїя жїти, послѣ Алеѯандра жїти срамляшеся: и паче воїстїнну почїтающымъ Царя, извѣстно есть, яко добродѣтели отъ прїроды ему были, а недостатки его, или отъ фортуны, или отъ возраста, или отъ лѣтъ ему были. Сїла неудобвѣрїмая, трудовъ терпѣніе премногое, мужество не между царми токмо нарочїто, но и между тѣми такожде, ихже сїя єдїна добродѣтель бяше. Мїлостыня часто болѣе дающаго, нежели просїмая, мїлосердїе къ побѣжденнымъ: толїка царства или отданы тѣмъ, отъ нїхже взїмаше бранїю, или въ даръ даныя. Смерти [еяже страхъ иныхъ убїваетъ,] всегдашнее унїчїженіе, словесъ и похвалъ, яко праведно болшее хотѣніе, тако яко младому, и въ толїкїхъ уже допускаемо дѣлехъ, почїтаніе къ родїтелемъ, отъ нїхже Олїмпїаду, безсмертїемъ одарїти узаконяше. А фїлїппу отмстїлъ бяше. Уже и ко всѣмъ другомъ щедрота, къ воїномъ прїятство, совѣтъ равныи велїчеству сердца, и елїко едва можаше возрастъ его вмѣстїти мужество, умѣреніе безмѣрныхъ похотеи, разженїя между прїроднымъ раченїемъ употребленіе, нїже єдїно, развѣ попущенїемъ

роскошь: велія воістінну дарованія бяху. Сія фортуны, богомъ сравнятіся, небесныя чести прізываши, таковая совѣтующымъ, чудамъ вѣру яти, и негодующымъ почітати его зѣлнее, нежели равенъ былъ бы. Гнѣватіся послѣже, чінъ измѣніти, въ тѣлесномъ украшеніи, подражати побѣжденныхъ народовъ обычаю, ихже прежде побѣды ненавідяше. Ибо ярость и похоть вінá, яко младость распаляше, тако старость укротіти могли бы. Истінствовати же требѣ есть, еліко много добродѣтели долженствоваше, множае фортунѣ доброи долженъ бяше, яко едінъ всѣхъ смертныхъ во власти имяше. Колікожды бо его отъ смерти отзываше; колiко мужественнѣ въ бѣдства идущаго, всегдашнымъ щастіемъ покрывала. Такожде жітія тующде кончіну, юже и славѣ устави. Ожідаху его случаи, егда востокъ усмірівъ, и прішедъ ко Окіану, что токмо смертность вмѣщаше, исполнілъ. Сему Царю преемнікъ искашеся: но болшая тягота бяше, неже бы едінъ понести сіе можаше. Тѣмже имя его и слава дѣлъ, едва не по всему свѣту Цареи, и царства разліяла, иже и пресвѣтли бяху аще и меншеи части, таковаго благополучія прілѣпішася.

6. Прочее въ Вавілонъ [онамо бо возвращается слово] тѣла его стражіе, въ палату царственную

началныхъ

началныхъ друговъ и воеводъ, собранніи прізваша. Послѣдоваше же воіновъ множество, желающе знати на кого Алеѯандрово щастіе прейдетъ. Мнози воеводы, собраніемъ воевъ утѣсненніи, въ палату вніти не можаху, егда проповѣдникъ изъятъ тѣхъ, иже по имени прізывахуся, вніти не повелѣ, но молітелная презіраема бѣ власть. и во первыхъ вопль и рыданіе возновіся. Таже будущаго ожіданіе, удержанымъ слезамъ, молчаніе сотворіло. Тогда Пердікка царскіи престолъ на зрѣніе поставівъ, на немже дїадїма и одежда Алеѯандрова бяше, перстень ему прешедшіхъ дней данный отъ Царя, на томже престолѣ положілъ, ихже вїдѣніе и паки испустівшімъ всѣмъ слезы, умножіло плачъ. Пердікка же рече: азъ поістіннѣ, перстень, имже самъ Царь царственныя и властітелныя дѣла, печатати обыкъ бяше, врученный отъ самаго мнѣ, отдаю вамъ. Убо аще ни єдінаго бѣдства равнаго сему, имже нынѣ одержіми есмы, отъ раздраженныхъ боговъ, помыслїти мощно, обаче на велічіе дѣлъ, яже сотворілъ, взірающымъ вѣрїти подобаетъ, яко сіцеваго мужа, боги дарствовали дѣламъ человѣческімъ, ихже званіе исполнівше, вскорѣ паки взяша его къ фамілїи своеи.

Сего ради, яко къ безсмертности отводітся,

тѣлу, и имени во первыхъ должная да сотворимъ, не забывающе въ коемъ градѣ и между коими есмы, яко Царя и владыки лишившеся, достоитъ совѣтъ творити съ воінами и думати, да побѣду одержанную между сими, на нихже одержана есть, одержати возможемъ, главы требуемъ, сея единыя, или многихъ, въ вашеи власти есть. Сіе вѣдати должни есте, что воінственное собраніе, тако есть безъ предводителя, аки тѣло безъ души. Шестыи мѣсяцъ есть, яко Роуанна не праздна. Желаетъ да мужескъ полъ родится, егоже царствіе, аще богъ восхощетъ, когда ни будь востанетъ. Прочее же отъ кого управляеми быти хощете, опредѣляйте. Сія рече Пердіккъ. Таже Неархъ рече: Алеуандровы крове, фаміліи царскои престолъ яко достоитъ, никтоже можетъ сомнѣтіся. А еже бы ожідати нерожденнаго Царя, и кто нынѣ былъ бы, мінователи ніже мысли Македонскои прілічно, ніже времени дѣлъ: будетъ отъ Версіны сынъ царскіи, тому дїадїму подобаетъ дати. Ни едіному сія угодна бысть рѣчь. Тѣмже по своему обыкновенію, копіями въ щіты ударяюще, въ крамолѣ пребываху, и уже блізъ бунта прідоша, Неарху крѣпящуся о своемъ предложеніи. Послѣди Птоломеи рече: Достоіна воістінну лѣторасль, яже Македонскому повелѣвала бы народу, Роуанны или

Версіны

Персіны сынъ, но сего имени, ніже Европа глаголати восхощетъ, вящшею частію плѣнніка суща. Чего ради Персянъ и побѣдіхомъ, да роду ли ихъ служіти будемъ: чесого правдівіи онїи Царіе, Дарїи и ѵеруъ съ толіко тысящми полковъ, и толіко водными суднами, нікакоже возжелали. Моя мысль сія есть, да престолъ Алеѵандровъ, въ палатѣ царствіи поставленъ будетъ, и иже въ совѣтѣхъ его бяху, да сходятся, и елікожды общаго совѣта треба будетъ, что вящшая часть ихъ опредѣлітъ, то да будетъ: воеводы и началніцы ихъ да слушаютъ. Птоломею нѣцыи, лучшїи же Пердіккѣ соізволяху. Таже Арістонъ начатъ глаголати. Егда совѣта просіхомъ у Алеѵандра, кому бы оставілъ Царство, онъ хотяше преізряднаго избрати. Усуділъ онъ же самъ, преізряднаго быти Пердікку, емуже и перстень свои вручілъ: ибо ни едінъ прісѣдяше ему умірающему, но онъ смотря на всѣхъ, отъ множества друговъ, избра сего, емуже и вручілъ. Подобаетъ убо сілу царствія Пердіккѣ отдати, и не сумнѣвахомся, яко правду глаголаше: тѣмже вси стати Пердіккѣ посредѣ, и перстень воспрїяти повелѣваютъ. Углѣбаше Пердікка между желаніемъ и стыдомъ, чаяше же, яко прілѣжнѣе будутъ его пріводіти. Сего ради недоумѣвашеся, и долго,

что творіти, неізвѣстенъ бѣ, напослѣдокъ обаче успокоїлъ: и послѣ оныхъ, иже сѣдяху, бліжае сталъ. Но Мелеагръ, єдінъ отъ воєводъ, твердымъ сердцемъ, егоже Пердікково размышленіе подняло. рече: Ніже бози умолчатъ, да Алеѯандрово щастіе, и толікого царства верхъ, на сія [Пердікки] рамена возложатся, а человѣцы воістінну стерпѣти не могутъ. Нічтоже глаголю о благороднѣішіхъ, яко сеи есть, или другіи: ніже воістінну должно ли ждать роѯаннїна сына, когда онъ родіться имать, или Пердікку Царя имѣти хощете, егда онъ подъ храненія образомъ, царствомъ хотѣлъ бы владѣти. Сего ради ни єдінъ ему Царь нравіться, токмо тои, иже еще не роділся. и въ толікомъ всѣхъ поспѣшеніи, не токмо праведномъ но и нуждномъ, уреченныхъ мѣсяцевъ єдінъ ожідаетъ, уже и пророчітъ, яко сынъ зачатся, егоже вси недоумѣваются готова быти, или пождати. Аще воістінну, Алеѯандръ сего вмѣсто себе Царя, намъ оставілъ. Убо отъ сіхъ, имїже бы сеи владѣлъ, недолженъ творіти мнѣлъ бы я, и еще, да бы расточілъ и сокровіща, совѣтуете. Сіхъ бо богатствъ царскіхъ всяко народъ наслѣднікъ есть. Сія изрекъ, сквозѣ среднїхъ оружіеносцевъ исходітъ, и иже ему отходящему путь дали, ему, и его предреченной корысти во слѣдъ поідоша.

7.

7. И уже и оружіеносцевъ около Мелеагра великіи кругъ сталася, въ бунтъ и несогласіе обратівъ собраніе: Единъ же отъ множаішихъ Македоняновъ несвѣдомыи, отъ послѣднѣішаго народа, рече: что требъ есть оружія, и народныя брани, имѣющымъ Царя, егоже ищете? Аріdеи отъ Філіппа рожденныи, Алеѯандра бывшаго мало прежде Царя братъ, добродѣтели и всѣхъ дѣлъ ему сопрічастнікъ, токмо нынѣ единъ наслѣдникъ не воспомінается отъ васъ? Какіи ему недостатокъ, и что сотворілъ: чесо бо ради народнымъ общімъ уставомъ обіженъ будетъ? аще подобнаго Алеѯандру ищете, нікогда обрящете: аще же блізняго, то онъ единъ есть. Сія слышавше собравшіися, во первыхъ аки бы повелено молчаніе имѣти: таже вопіютъ купно равнѣ, да прізовется Аріdеи, и яко смерти достоіни суть, иже совѣтъ безъ него имѣли.

Тогда Піфонъ исполненъ слезами, начінаетъ глаголати. Нынѣ наіпаче бѣденъ есть Алеѯандръ, иже толікіхъ граждановъ, и воевъ плодомъ и началствіемъ оболщенъ. ибо на имя и на память царскую токмо взірающе, ко прочіимъ помрачаются. Не сумнітелнѣ на младенца, егоже царствіе ожідаше, данное безчестіе еже болѣе ему ненавісти, неже Аріdею презрѣнія прінесе. Ибо егда

мілосерд-

мілосердствуютъ, тогда и помогати начінаютъ. Убо яко не инаго кромѣ того, иже къ сеи надеждѣ рожденъ былъ бы, еже царствовати, имѣютъ ожідати, упрямымъ воплемъ изъявляютъ, и прізвати Арідея повелѣваютъ, егоже Мелеагръ ослобленныи, и ненавідящіи Пердікку, мужественнѣ вводітъ въ царскія палаты: воіни же Філіппа поздравленаго Царя наріцаютъ? Прочее сеи простонародныи былъ гласъ, а Міністровъ иное мнѣніе: отъ нихже Піфонъ совѣту Пердіккову послѣдовати начатъ, и хранітелеи назнаменуетъ сыну, отъ Роуанны имущему родітіся, Пердікку и Леоната отъ фаміліи царскія рожденныхъ: пріложілъ же да во Европѣ Кратеръ и Антіпатръ дѣла управляютъ. Таже прісягу учінілъ совершенно имущъ быти подъ властію Царя, рожденнаго отъ Алеуандра. Мелеагръ же не обідою, но страхомъ казни устрашенъ, со своіми уступілъ вспять, Філіппа влекущъ за собою, вбѣжалъ въ палату вопія, да поможетъ общіи народъ: а о новомъ Царѣ мало прежде зачатомъ, сілу возраста да отвѣдаютъ, но фамілія Філіппа и сына такожде, и брата Цареи двоихъ, єдінымъ наіпаче вѣрілибы. Тогда ни єдіно море, ни єдіна шірокая и волнующаяся пучіна, толікія воздвізаетъ волны, елікое народъ возмущеніе возъімѣли: аще и новою

и мало

и мало имущею состоятіся свободою блудодѣ-ствуютъ. Не мнози Пердіккѣ нынѣ избранному, множаіши же Філіппу [нежели чаяше] власть даваху, ніже хотѣши, ніже не хотѣти что долго можаху и жалѣху, ово о совѣтѣ, ово о раскаяніи его. Однакожѣ на послѣдокъ къ фаміліи царской преклонілся мысли. Отхождаше изъ собранія Аріdеи, князеи властію устрашенъ, и егда отхождаше молчаше болѣе, нежели послаблялъ всевъ пріятству: сего ради возвращенъ, одеждою брашнею оною самою, яже на престолѣ положена была облекается, и Мелеагръ вземъ исподнее одѣяніе, похіщаетъ щітъ и оружія, и новаго Царя оружіеносецъ бываетъ. Послѣдствуетъ полкъ копіями и щіты трясущіи, хотящъ насытітіся кровію оныхъ, иже желаху нимало къ себѣ надлежащаго царствія, и яко въ томже дому и родѣ, державство и сілу имутъ оставіти, радовахуся, и дѣдічную власть, и корень царскіи храніши, приобычаяхъ быти, и имя оное самое почіташи, и никогда оную похітіти, кромѣ сына отъ Царя рожденаго обѣщаваютъ. Убо Пердікка устрашенъ, комнату идѣже Алеѵандрово тѣло лежало, заключіти повелѣваетъ, шесть сотъ мужеи съ нимъ бяху дівныя сілы. Птоломеи такожде прісоедінілся ему, и слугъ царскіхъ полкъ. Прочее безъ труда

отъ толіко тысящеи вооруженныхъ, замки преломаны суть, и Царь такожде падаше, окруженъ оружніковъ множествомъ, ихже началнікъ бѣ Мелеагръ. Разгнѣванъ же Пердікка, тѣхъ иже Алеѯандрово тѣло храніти хотѣша, отзываетъ: но вскочівшіи въ палату, изъ далече стрѣлы на него пущаху, и многіхъ уязвіша, по томъ старшіна снемше шлемы, како бы удобѣе познаны были, начаша молііти сущіхъ съ Пердіккою, да престанутъ отъ мятежа. Царю же и многшімъ да уступятъ.

Первыи Пердікка оружіе положілъ, и прочіи тожде сотворіша. Таже совѣтующу Мелеагру, да отъ тѣла Алеѯандрова отъидутъ, навѣту мѣсто индѣ искати. Умысліша убо разліічными полатъ дорогами, ко Евфрату бѣжати, конніца яже отъ благороднѣішіхъ юношъ состояшеся, Пердіккѣ и Леонату спѣшно послѣдоваше, и хотяше изыти изъ града и итти въ поле. Но Пердікка ніже пѣшімъ не итти за собою отчаявашеся. Тѣмже да не явітся, воінскую конніцу отводящъ, прочая воінства оставіти, въ градъ засѣдаетъ.

8: Мелеагръ же Царя увѣщаваши не преставаше, еже бы предѣлъ властітелства Пердіккова, смертію укрѣпіти, да не забавітся слабыи умъ въ дѣлѣхъ новыхъ: да памятуетъ, что Царю достоітъ. Ни єдінаго єму достовѣрна быти, єгоже бы не

боялся,

боялся. Царь же молчаше паче, нежели повелѣваше. Тѣмже Мелеагръ молчанїе за повелѣнїе имѣя, послалъ именемъ царскїмъ, да Пердїкку прїзовутъ, и повелѣ имъ да убїютъ его, аще прїити не похощетъ. Пердїкка же (возвѣщену прїходу) шеснадесять царскаго дому юношъ собравъ, при празѣ дому своего поставїлъ, наказаныхъ: и Мелеагровыхъ рабовъ такожде прїзвавъ, тако разумомъ и лїца постоянствомъ устрашїлъ, яко едва необезумївшеся, убѣжали. Пердїкка же повелѣ юношамъ всѣсти на кони, и съ не многїми другами къ Леонатту прїиде, уже сїлнѣйшїмъ защїщенїемъ сїлу хотящъ прогнати, аще бы кто нанесъ ему: втораго дня непрїстоїна прїчїна Македоняномъ зряшеся, яко Пердїкка къ бѣдству смертному прїведенъ, и Мелеагрово неразсужденїе оружїемъ отмстїти опредѣлїлъ. И тако прїшедше къ Царю вопрошати его начаша, онъ ли повелѣлъ Пердїкку поїмати? онъ же отвѣща, яко наущенїемъ Мелеагровымъ повелѣхъ. Прочее же вамъ не должно мятежъ чїнїти: Пердїкка бо жївъ есть, убо отпустїлъ прїшедшїхъ. Мелеагръ же наїпаче скудостїю конныхъ былъ прїстрашенъ, и не имущъ совѣта [понеже на него бѣдство упадаше, еже онъ непрїятелю прежде наношаше] три дни препроводи не твердыя думы размышляющъ,

и прешедшымъ въ палаты царскія лїце такожде являше. Понеже послы къ Царю прїхождаху, и полководцы прїзывахуся, и преддверіе копїеносцы и вооруженнїи наполняху: но велїе смущеніе оныхъ хотѣнїю, послѣдняго отчаянія знаменіе бяше, и зазорни другъ другу нїже прїходїти блїжае, ни разглаголствовати смѣяху: таїная размышленія въ себѣ токмо обращающе, и отъ сравненія Царя новаго, жалѣнїе возбуждашеся о умершемъ. Гдѣ бы тои былъ, егоже державѣ, егоже щастїю послѣдовали, искали, яко осїротѣли между ослоблеными необуздаными народы: имуще искусїти толїкїхъ паденїи своїхъ прїчїны, когда предложїтся случаи. Сїми размышленїи мысль имъ удручающїмъ, тогда возвѣщено, что коннїца сущая съ Пердїккою обѣемши, яже кругъ Вавїлона поля, жївности во градъ прївозїмыя, удержала. Тѣмже скудость въ первыхъ, таже гладъ начатъ быти, а иже во градѣ быша, или мїлости у Пердїкки испросїти, или бои учїнїти умыслїли. Подобнѣ случїлося, яко бывшїе внѣ града, опустошенїя селъ и деревень боящеся, сбѣгошася во градъ. Граждане же, егда имъ жївность оскудѣла, изъ града изыдоша: и обоему народу, лучше чуждее жїлїще, нежели свое вїдяшеся быти. Ихже ужаснувшеся Македоняне, въ палату собїраются, и кая ихъ мысль есть,

предлагаютъ.

предлагаютъ. Убо угодно бысть имъ посланніки къ конніцѣ послати, о раскаяніи несогласія, и положеніи оружія. Прочее отъ Царя посылается Пазасъ Фессалонітскіи, и Амісса Мегалополітанскіи, и Петілаи; иже и повелѣніе пріяша, яко не иннымъ образомъ положатъ оружіе, токмо да Царь завотчіковъ бунтовыхъ отдастъ, да пріносятъ отвѣтъ. Сія возвѣстівшімъ имъ, самоволно воінства оружіе похіщаютъ, ихже смятеніемъ Філіппъ возбужденъ, рече: нічто требуетъ бунта: понеже междо собою ратующіхся, мзду мирно жівущіи воспріимутъ. Вкупѣ же памятуіте, яко зло дѣло есть, еже гражданомъ надежду мілости вскорѣ отпоргати, и къ воінѣ домовнои спѣшіти. Вторымъ посланіемъ [могутъ ли устрашітіся] увѣдомімся, и чаю что еще не погребше Царскаго тѣла, къ показанію ему своея правды, вси могутъ снітіся, что ко мнѣ надлежітъ, отдати сію власть лучше хощу, нежели забавлятіся кровію гражданскою. И аще ни едіна согласія надежда есть, молю, и прошу, изберіте лучшаго. Восплакався же, діадіму снімаетъ со главы, десніцу сюже держаще простіраетъ, и аще кто себе достоінѣе исповѣсть, да возметъ ю. Велію надежду ума остраго предъ онымъ днемъ, братнею ясностію сокровенну, оная умѣренная возбуділа

рѣчь. Ибо вси настояти начаша, яже умыслїлъ онъ, то да совершаетъ. Убо тѣхжде паки посылаетъ просїти, да Мелїагра третїаго воеводу прїимутъ. Не злопрїятнѣ сїе упрошено бысть: понеже и отвести Мелеагра, Пердїкка отъ Царя желаше, и едїнаго двоїмъ неравна имущаго быти, мняше. Тѣмже егда Мелеагръ съ воїнствомъ во стрѣтенїе изыде. Пердїкка конницу собравъ, предъїдущъ заходїтъ, и обои полки другъ другу поздравленїе сотворївше, сходятся, вѣчное [якоже чаяли] согласїе и миръ утвердїша.

9. Но уже доволно, къ Македонскому народу прїближахуся брани домовныя: понеже и недружно бѣ царство, и множаїшїи его желали. Въ первыхъ убо собраша сїлу, на послѣдокъ же разсыпаша, и егда множае тѣло, (неже вмѣщаше,) отяготїша, прочїи члены изнемогати начаша, и которое царство подъ едїнымъ стояти можаше, то отъ многїхъ обладаемо, падаетъ. [Сего ради достодолжно народъ рїмскїи, о здравїи обладателя своего молїти исповѣдуетъ, емуже нощь, юже едва не послѣднюю имѣхомъ, новая звѣзда возсїяла. Тоя воїстїнну не солнца восходъ, сїянїе помрачающемуся отдаде народу, егда безъ своея главы несогласныя члены трепетаху. Колїко онъ тако угасїлъ свѣтїлъ, колїко сокрылъ мечевъ, колїкую

бурю

бурю нечаянную разсыпа тїхостїю? не токмо зеленѣетъ, но еще и цвѣтетъ царствїе. Да не будетъ ми завїсть, пріимутъ сего вѣка времена тогожде дому: о да бы вѣчная правда дала долгоденственное наслѣдїе. Прочее же да въ чїнъ, откуду разсмотреніе народнаго щастїя отвращаше мя возвращуся.] Пердїкка убо єдїну надежду здравїя своего, въ Мелеагровои смерти полагаше, праздна его и невѣрна, и въ скорои прічїнѣ имѣющъ обновїти, и себе наїпаче ненавїсти изпраздена быти: но высокимъ пріітворствомъ совѣтъ утверждаше, да безъопасна его убїетъ. Убо таїно нѣкїихъ отъ полковъ, надъ нїми же началствоваше, подговорїлъ, будто бы онъ невѣдалъ, да бы жаловаліся явно, яко Мелеагръ равняется съ Пердїккою, которыхъ рѣчь егда донесоша, Мелеагръ вознеїстовяся яростїю, Пердїккѣ, еже увѣда сказуетъ. Онъ же аки бы новою прічїною пріострашенъ бывъ, начатъ удївлятїся, скорбѣти, и жалѣющаго вїдъ ему показовати, на послѣдокъ являетъ, да удержаны будутъ, тако расколнаго гласа началнїцы. Благодарствуетъ убо Мелеагръ, и обнявъ Пердїкку, вѣрность его къ себѣ, и благосердїе выхваляетъ. Таже общїмъ совѣтомъ, о казни повїнныхъ умыслъ обрѣтаютъ, угодно быти, аки бы воїско своїмъ обыкновенїемъ осмотрїти: достовѣрна прічїна вїдяшеся быти,

прішедшу

прїшедшу несогласїю. Македонскїя бо Цари, тако обыкоша осмотрѧти воевъ, да разрѣзанои у псїцы утробѣ, внутренняя на поле (на которое изведено было бы воїнство) отъ обоїхъ разметаны были частеи: между сїмъ разстоянїемъ вооруженни вси стояли, отсюду коннїца, а отъонуду пѣхота. Тѣмже въ которыи день сему торжеству быти, опредѣлїли. Царь съ коннїцею и со слонами стояше, пропїву пѣшїхъ, надъ которыми Мелеагръ начальствоваше. И уже конныи полкъ начатъ наступати, а пѣшїи нечаяннымъ страхомъ, ради новаго несогласїя не во всемъ утолены, аки бы чего ожїдающе, сумнѣвалїся, не ведутъ ли во градъ собранныхъ? ибо проконнїцу равное поле было. Прочее же сумнящеся, да безразсуднѣ воевъ [друговъ] товарїщевъ ихъ не казнятъ, остановїлїся, уготовавше мысль на брань, аще кто обїду имъ нанесетъ. И уже полки схождахуся, а мѣсто мало было, еже бы поле обоїхъ раздѣлїло. Убо Царь со едїнымъ крыломъ пѣшїхъ обѣѣжжати начатъ, бунта началнїковъ, ихже хранїти самъ долженствоваше, наущенїемъ Пердїкки казнїти желающъ, и страшаше, аки бы вся собраныя воїны, имѣетъ на вести со слонами на отрїцающїхся, и обмїраху нечаяннымъ бѣдствомъ пѣшїе. Нїже въ самомъ Мелеагрѣ, бяше болѣе совѣту и ума.

Лучше же

Лучше же отъ настоящіхъ вѣдяшеся ожідати, паче нежели дерзати на щастіе. Таже Пердікка, егда боящіхся по инныхъ узрѣ тріста, иже Мелеагру изшедшу изъ совѣта, первобывшаго послѣ смерти Алеѯандровои послѣдствовали, отъ прочіхъ разлучівъ, слонамъ, въ позоръ всего воінства подложілъ, и вси звѣрскіми ногами сокрушени быша, ніже возбраняющу Філіппу, ніже началствующу, и являшеся токмо за свое имѣющаго отмстіти, еже подтверждаше случаи. Сіе бранеи домашніхъ Македонскіхъ, познаменованіе и начало бяше. Мелеагръ же не скоро познавъ лесть Пердікки, понеже его тѣлу насілство не наношашеся, въ полку мірно сталъ, новскорѣ осудівъ надежду здравія съ именемъ того, егоже онъ творяше Царя, на погубленіе его слѣ употребляющіхъ непріятелеи, убѣже въ капіще, но, ни мѣста честію сохраненъ, убівается.

10. Пердікка же пріведъ во градъ воінство, совѣтъ съ началными сотворілъ, на коемъ царство тако раздѣлити усовѣтовали, да Царь верхъ царства имѣетъ. Сатрабъ, иже Птоломеи Егіпетскаго Аффрікіискаго народа, иже въ богатствѣхъ бяху, Лаомедонту Сірія съ Фенікіею отдана, Філоту Кілікія опредѣлена, Лікію съ Памфілією великою, Фрігіею содержати повелѣнъ Антігонъ, въ Карію

Кассандерѣ, Менандерѣ же вѣ Лїдїю посланы, Фрїгїю меншую ко Еллеспонту прїлежащую, Леоннатовѣ провїнцїю быти повелѣша, Каппадонїя сѣ Пофлагонїею отдана Евмену, и указано, да царствїе оно, даже до Трапезонта охраняетѣ. Воїны со Арбатомѣ да творітѣ, едінѣ снѣ не хотяше обладателства. Пїфонѣ Мїдїю, Лїсїмахѣ Θракїю, и прїлежащїя Θракїи Понтїискїя народы содержати повелѣни, иже во Індїи, и иже вѣ бактрахѣ, и Согдїанахѣ, и прочїхѣ, и надѣ Окїяномѣ, или надѣ Краснымѣ моремѣ, жїтелями началствовали, и надѣ которыми кто краями мѣста, такожде и управленїе да содержітѣ. Узаконенно же да Пердїкка сѣ Царемѣ будетѣ, и началствуетѣ полками, иже Царю послѣдовали. Мнѣша нѣцыи яко завѣщанїемѣ Алеѫандровымѣ, раздѣлены суть провїнцїи. Но повѣсть сея прїчїны [аще отѣ Авторовѣ и предана] ложна быть извѣстїхомся, и аки бы всякѣ своя богатства раздѣлївѣ, царствїя стражи охраняли, ихже сами основали, аще бы нїкогда протїву безмѣрныхѣ хотѣнїи предѣлѣ стоялѣ. Но иже мало прежде царстїи слуги, вїдомѣ охраненїя царствїя чуждаго, едінѣ кїиждо на превелїкїя наступаху царства, отѣятымѣ бывшімѣ трїзнѣ прїчїнамѣ: ибо тогожде рода были, и отѣ прочїихѣ своея всякѣ власти, страною раздѣлены.

но

Но трудно бяше сімъ удоволенымъ быти, еже наношаше случаи: понеже смрадна суть первая, егда болшая всячески чаются. Убо всѣмъ лучше мняшеся умножіти царство, нежели какъ бяше воспріяти. Седмыи день бяше, отнелѣже тѣло царево лежаше на столѣ, попеченія же вси оежбы устроіти погребенія, народныи чінъ отъ тако изряднаго опряпанія оцвращівшеся, и нігдѣ якоже въ Месопотамскои странѣ знои великіи бываетъ, тако яко множаішихъ звѣреи, ихже на голои земли обрѣтаетъ, умерщвляетъ, таковъ есть знои Солнца и Неба, имже вся аки огнемъ упекаются, источніки водъ немноги суть, но и тѣ отъ жівущіхъ хітро сокрыты суть, едінымъ же употребляющымъ явственны, а прішелцамъ невѣдомы. Егда же опряташи бездушное тѣло, пріятели пріидоша, ни едіною гнусностію, ніже малою сінетою повредженно відяху входящіи. Жівность такожде, яже бяше отъ духа не оскудѣваше. Убо Егіптяномъ и Халдѣемъ повелѣно по своему обыкновенію опряташи тѣло, и во первыхъ несмѣли онїи пріложіти рукъ, аки къ дышущему, таже умолени да удостоятся, яко смертни суще осязати его, опряташа тѣло, и наполніша аромашами. Златыи престолъ, и на главѣ возложіша щастія его знаки. Отправою умерщвена его быши повѣрїли,

а мнози чаяли, что сынъ Антїпатровъ между слугами Іолла именемъ, отцевскімъ повелѣніемъ даде отраву ему. Многащи бо явно слышали гласъ Алеѯандровъ, яко Антїпатръ царствїнаго желаетъ началства, и есть Царя богатѣе, и тїтуломъ побѣды Спартанскїя надменъ, вся отъ него данна быти глаголюща ему. Чаяли такожде, что Кратеръ отъ старыхъ воїновъ, да убїетъ его рукою, посланъ. Сїла же отравы въ Македонїи родящїяся сїцева есть, яко и желѣзо сожїгаетъ, копытъ скотскїхъ токмо не вредїтъ. Стїгїискїи наріцаютъ источнїкъ, откуду смертоносныи ядъ истекаетъ, тои Касандромъ прінесенъ, и поданъ брату Іоллѣ, и отъ него въ началнѣїшое царское пїтїе вложенъ. Сїя како нибуди предана, ихже повѣсть объявляетъ, едва могутство угасїло. Въ царство бо Македонское Антїпатръ, и въ Грецїю такожде вступїлъ самоволно: потомъ Зоболы взялъ убївъ всѣхъ, ко Алеѯандру, аще и въ далечаїшомъ сродствѣ прічїтающїхся. Послѣди тѣло его отъ Птоломеа, емуже Егїпетъ данъ, въ Мемфы, оттуду же по немногїхъ лѣтахъ во Алеѯандрїю прінесено бысть.

Всякая же памяти и имени, честь воздается.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПО АЛФАВІТУ.

НА КВІНТА КУРЦІА.

А Лїсты.

Абдолонїмъ Царь поставляется 82
Абїзарь Царь Алеѫандру себе вручаетъ 428
Агенорь Тїрь и Сїдонь грады созда 102
Агїса лакедемонскаго Царя храбрость и смерть 230
Агїсъ аргївскїи слыхъ стїховъ по херїллїи творецъ 145
Аграммъ фаррасїискїи Царь. 433
Алеѫандрїа въ Егїптѣ создана въ кое время 120
Вторая при юдоли горы кавкаса 306
Третїя въ Індїи
Четвертая блїзъ дона рѣки. 325
Алеѫандрь братъ Фїлїпповъ 1
Алеѫандрь вмѣняль на воїнѣ быти умаленїе славы своея, аще что лїбо уступїтъ чюждеи 230
Алеѫандра оружїе Персїдское не побѣдїло, въ чюждыя же нравы преклонившагося роскоши побѣдїли 231
Алеѫандрь надъ Дарїевою женою тяжкое испусти воздыханїе, и оную честно погребе 132
Алеѫандровы сроднїки всѣ отъ Антїпатра убїены 522
Алеѫандрово тѣло изъ Егїпта во Алеѫандрїю пренесено 523
Алеѫандрь раненъ стрѣлою 403
Алеѫандрь въкоторыя лѣта Царствованїя и возраста своего Азїю покорїлъ 459
Алеѫандрь во облежанїи Газы стрѣлою раненъ 112
Алеѫандрово воїнство звѣрскїми мясами пїтается 310
Алеѫандрь въ голень при Газѣ уязвленъ 113
Поїде Карфагену разорити 484
Алеѫандру вавїлонъ сдается 173
Алеѫандровъ къ уѫїїскїмъ гражданамъ жестокїи прїступъ 183
И ради Сїсїгамбїна заступленїя мїлосердїе 185
Алеѫандру отъ Дарїя грамоты 104

Алеѫан-

Алеѯандровы полководцы ранены 158
Алеѯандрово на Македонянъ, отпущенїя просящыхъ, негодованїе 502
Алеѯандровъ надъ Дарїемъ умершїмъ плачъ 226
Алеѯандръ пѣшїи чрезъ снѣгъ и ледъ сѣкїрою путь себѣ уготовляетъ 201
Алеѯандръ тяжелости здобычеи во первыхъ свои, по томъ всего воїнства запаляетъ 252
Алеѯандръ отъ Тїра во Аравїю отходїтъ 92
Алеѯандрово увѣщанїе воїновъ на брань 150, 151
Алеѯандръ всегда на воїнѣ, нежели послѣ побѣды свѣтлѣе 394
Алеѯандровъ трїумфъ по подобїю Лїбера отца его 401
Алеѯандръ не доволенъ сыи смертнымъ человѣкомъ, но Іовїшевымъ сыномъ звати́ся восхотѣлъ 116, 118
Алеѯандрово въ пїтїи удївителное воздержанїе 315
Алеѯандрово несносное раченїе къ вїну 203
Къ плѣненымъ женамъ воздержанїе 60, 69, 70
Алеѯандрова велїкая печаль о смерти Клїтовѣ 361
Алеѯандръ отъ жены ужасшїяся, здравъ сохраненъ 383
Алеѯандровъ надъ Ефестїономъ умершїмъ плачъ 499
Алеѯандровы воїны съ Вавїлонскїми женами растлѣнны 178
Алеѯандръ въ правую бедру слегка мечемъ прободенъ 63
Алеѯандръ дѣло, еже бы парменїона убїти, Полїдаманту вручаетъ 297
Алеѯандровыхъословъ отъ Тїрянъ убїенїе 90
Алеѯандрову воїнству страхъ нашедшїи 131
Алеѯандръ въ выю отъ Мемаценъ каменемъ такъ пораженъ, что очесами помраченными паде, едва не лїшенъ ума 325
Алеѯандру навѣтъ отъ своїхъ уготовляется 382 и 383
Алеѯандру вшедшу въ рѣку Цыдинъ, члены его оцѣпенѣвати начаша 42
Алеѯандръ рода ахїллесова бывъ, сего ради подражая ему, непрїятелю плѣнену казнь учїня торжествуетъ 114 и 152
Алеѯандръ протївнїкамъ воспомянувшымъ дѣла фїлїпповы, рѣчь пресѣцаетъ 357
Алеѯандръ во градѣ Оксїдраковъ велми тяжко раненъ 451
Алеѯандръ егда Царство получїлъ 14
Алеѯандрова въ обманѣ непрїятелскомъ хїтрость 415
Алеѯандровъ на Афїнянъ гнѣвъ 481

Алеѯан-

Алеѫандрово воїско 58
Алеѫандровыхъ добродѣтелеи и пороковъ исчїсленїе 512 513
Алеѫандръ єдїнъ отъ всѣхъ фортуну во обладанїи имѣлъ 50(
Алеѫандрова имени страхъ 595
Алеѫандръ одежду совлекаетъ хотящъ въ пучїну ввергнутїся 44(
Алеѫандръ у магазъ со стѣны стрѣлою раненъ 403
Алеѫандрово къ пору царю прїятство 42
Алеѫандръ Омфїсу таксїломъ звашїся соїзволяетъ 412
Алеѫандръ на землю кланяшїся людемъ предъ собою велїтъ, и въ Персїдскую одежду облекаетсѧ 250
Алеѫандра и воїновъ къ арбелѣ прїближающїхся сонъ 146 147
Алеѫандръ стрѣлою раненъ 321
Алеѫандръ до краевъ Гїрканскїхъ проходїтъ 240
Алеѫандрово желанїе, да бы мати его Олїмпїада, по смерти богїнею почтена была 461
Алеѫандрова ко грекомъ плѣненымъ отъ Персовъ обсѣченымъ благодѣянїе 194, 195, 196
Алеѫандрово къ сусїскїмъ вратамъ шествїе 186
Алеѫандрово Окїанъ вїдѣти сѣлное желанїе 471
Алеѫандрова отъ исторженїя стрѣлы немощь 455
Алеѫандру о фїлотѣ жалоба 259
Алеѫандръ и вождь и воїнъ изрядныи 62
Алеѫандръ когда родїлся 4, 5
Алеѫандрово о здравїи Птоломеевѣ сновїдѣнїе 470
Алеѫандровъ на тїрянъ гнѣвъ и взятїе града трудное 101 и 102
Алеѫандра умїрающаго неправое велїкодушїе 501
Алеѫандрово царство раздѣляется на части 531
Алеѫандра воїна храбрость и смерть 501
Амїссъ Мегалополїтанскїи 474
Аммона сатаны кумїръ 115
И капїще 116, 117
Амфотеръ воїнства Алеѫандрова началнїкъ 123
Амїнтъ фїлїпповъ отецъ 1
Амїнтъ прежде бѣ воевода Алеѫандровъ, потомъ бѣглецъ 64
Амїнты бѣглеца смерть 85
Амїнтъ фїлотїнъ другъ 288
Анкїра Градъ 31
Андромаха сїрскаго воеводы смерть 122
Антїгонъ Лїдїскїи воевода 85
Антїпатръ Македонскїи воевода 86
Антїпатровъ на Алеѫандра о убїенїи совѣтъ 382
Антїпатръ Алеѫандра отравою погубїти умышляетъ 498

Антїпатръ на Македонское и Греческое Царство нападаетъ, и всѣхъ, которые Алеѯандру и въ далномъ сродствѣ суть убїваетъ
Антїфанъ пїсарь коннїцы 289
Аорнъ гора каменная 405
Аполлїнова идола Фїлїстїане изъ сїракузовъ въ тїръ превезли, идѣже оковами златыми прївязанъ 97
Аравїиское изобїлїе 172
Арахосы народъ 303
Аракс рѣка 188
Арбелла село, еже Дарїи своею погїбелїю прославїлъ 125
Арїдеи по Фїлїппу родныи Алеѯандру братъ
Арїмазеи Согдїанчїкъ вопрошаетъ, еда Алеѯандръ летати можетъ 346
Арїмазеи сдается 350
Арїмазеа съ прочїими повѣсїти повелѣваетъ Алеѯандръ блїзъ Петры или камня Града 350
Арїобарзанъ 186
Храбрыи въ воїнствѣ Дарїевомъ воевода отъ Алеѯандра убївается 193
Арїсба молоскїи Царь 11
Арїстандръ Волхвъ, 90, 111
Арїстомень началнїкъ армеи Дарїевои побѣждается 86
Арїстонїкъ Меѳїмнеїскїи мучїтель хїтро уловленъ 107
И убїенъ 122
Арїстонова знаменїтая бїтва 128
Арменскїе горы. 305
Арпалъ отъ Алеѯандра убѣгая въ Аѳїны, отъ Греческїхъ воїновъ убївается 489
Арсакъ Мїдскїи воевода 370
Арсанъ Кїлїкїискїи воевода 40
Артабазъ дарїевъ вѣрныи 208
Асклїпїодоръ о убїйствѣ съ прочїими на Алеѯандра согласуется 382
Аспастъ воевода карманїискїи по повелѣнїю убїенъ 480
Астаксъ дарїевъ воевода 115
Атталь, егоже кромѣ болшаго непрїятеля не имѣлъ Алеѯандръ 269
Аѳїнодоръ греческаго воїнства началнїкъ, *которыи отъ* Алеѯандра отложася, отъ бокса на пїру убїенъ 461
Аѳїнеане едїни по завѣщанїю Алеѯандрову изгнанныхъ непрїемлютъ 489
Аттїнъ Алеѯандровъ воевода съ тремя сты конныхъ убїенъ.
Ахїллесъ, отъ егоже колѣна Алеѯандръ проїсходитъ 115
Ацесїнъ рѣка 443

Б

Бактры 105 310
Краинїя асїи 326
Бактрїанская крѣпость отъ греческїхъ воїновъ [которые измѣнїли Алеѯандру]обладана 351
Бактрї-

Бактрїаны народъ храбрыи 108
Бактрїанское отпаденїе 323
Бактръ рѣка 311
Багои евнухъ Алеѯандра угожденїемъ тѣлеснымъ преклонїлъ къ себѣ 497
По его наущенїю орсена невїннаго на мученїе поїмали 487
Багофанъ града, и царскїхъ сокровїщъ въ вавїлонѣ оберегатель 174
Балена или кїтъ звѣровїдныи 99
Барзентъ измѣны Арахосїискїя началнїкъ, связанъ ко Алеѯандру прїводїтся 413
Батїсъ зри бетїсъ
Базарїя страна 353
Белонъ храбрыи но простыи воїнъ, на Фїлоту укорная словеса глаголетъ 279
Безсмертнїи воїны у Персянъ нарїцаемїи 37
Бессъ бактрїанскїи воевода 206 и 108
Бессъ съ Набарзаномъ царя своего Дарїя предати умышляетъ 209, 211, 212
Егоже связуютъ, и закалаютъ 224
Бессъ вземъ нася порфїру Царскую Артаксерксамъ себе повелѣваетъ нарїцати 251
Бессово на Кобара негодованїе 309
Бессъ отъ бактрїанскїхъ воїновъ оставленъ 223
Бессъ отъ Спїтамена связанъ, ко Алеѯандру прїводїтся 319
Бессово мученїе 320
Бетїсъ Газскїи воевода 109
Бетїсова изящная храбрость и смерть 113
Безїръ градъ 402
Бїонъ переметчїкъ 150
Боксъ Мацерїанїнъ Афенодора на пїру убїваетъ, скоро самъ отъ Греческїхъ воїновъ убїенъ бываетъ 462
Бранхїды всегубїтелно посѣчены 318
Букефалъ конь 8
Нїедїнаго, кромѣ Алеѯандра на себѣ имъ всаднїка 247
Буксафалъ градъ отъ Алеѯандра созданъ 444

В

Вавїлонъ Алеѯандру предается 64
Вавїлонскїи здатель 174
Вавїлонскїя стѣны 174
Вавїлона опїсанїе 174
Вавїлонскїи мостъ каменныи между удївїтелными востока дѣлами почтеныи 175
Вавїлонскїя Вертограды вїсящїи 175
Вавїлонянъ мерзскїя обычаи 177
Варваръ нѣкоторыи Дарїевъ воїнъ прїтворяяся въ бѣгство, къ выи Алеѯандровои мечь прїра-

пр҃ражаетъ 111
Венеты народъ 41
Верс҃ина наложн҃ица Алеѹандрова 508
В҃изанті҃а градъ когда созданъ 8
В҃илъ Вавилонъ созда 17
Въ Гирканію Алеѹандръ путе шествуетъ 240
Въ предѣлахъ Сирскихъ посѣченыхъ чи҃сло 102
Въ Персидскія страны Алеѹандръ доходитъ 201
Воинское ученіе отъ Алеѹандра обновленое 179
Волшебская хитрость 307
Волнодѣланіе у Персянъ 183
Вражбитва во облежаніи Газы 111
Враны идущему Алеѹандру къ Аммону путь показуютъ 117

Г

Гавста измѣнникъ Алеѹандровъ поиманъ 375
Гамаѹ Царикъ Индійскія страны, связанъ ко Алеѹандру пр҃веденъ 413
Гангабы Персидскія бременоносцы 74
Гангаріды народъ 433
Гангесъ рѣка 394
болшіи всѣхъ рѣкъ Индійскихъ 433
Газа градъ 106
Газа градъ во облежаніи 110
Газа отъ Алеѹандра взята 113
Гагесъ Пора Царя братъ 418
Галисъ рѣка 135
Геркулесу Тирянє градъ озложили 97
Геркулесъ Тирскіи 123
Геркулесовъ Кумиръ велі҃е воюющымъ Индіаномъ возбужденіе 419
Геркулесова чаша 500
Гидаспъ рѣка 413
Гирканское или каспійское море 242
Гиспанія, которая и Іверіею нарицается 484
Гитаотъ рѣка 429
Глобаръ Персеградъ градъ Алеѹандру предаетъ 200
Гордіевъ узолъ 30
Гордіи въ мідіи Царскіи градъ 29
Гордіискія горы 130
Горіты отъ Леонната побѣждены 476
Горрата Македонянина, и Діоксиппа Афінянина бітва на поединкѣ 464
Гортяне народъ 141
Греки плѣнены отъ Персянъ разными умыслы мучени 194
Греческія разумы 106
Греческая волность, какъ почіта Либера 401
Греческихъ воінствъ отъ Алеѹандра отпаденіе 161
Грековъ въ заточеніи бывшихъ Алеѹандръ повелѣваетъ приимать

А

Дамасковъ нуждное бѣгство и плѣненїе
Дарїевыхъ оруженосцовъ чїсло 32
Дарїево сновїдѣнїе 35
Дарїево гордое посолство и насмѣянїе надъ Алеѯандромъ 24
Дарїю отъ Алеѯандра грамоты 80
Дарїева воїнства чїны 38
Дарїи воїнамъ руки обсѣкаетъ 98
Дарїевы полки 57
Дарїево бѣгство 64
Дарїева мать, жена и дѣти плѣнены 66
Дарїевои жены смерть и похороны 132
Дарїевы ко Алеѯандру грамоты 104
Дарїи Всю помощь въ Вавїлонъ собїраетъ 120
Дарїевы увѣщателные грамоты [еже бы Алеѯандра убїли] переняты 131
Дарїи пословъ ко Алеѯандру посылаетъ 135
Дарїевыхъ воїновъ въ арбелѣ чїсло 140 и 161 убѣжанїе 162
Дарїя убѣгающаго изрядныя рѣчи 165
Дарїи отъ прїроды правдївъ и кротокъ 214
Дарїя домашнїи связали 220
Дарїя умїрающаго словеса 226
Дарїи како Царь Персїдскїи учїненъ 249
Датаферновъ спїтамїнова убїиства прїчастникъ Алеѯандру предается 369
Дахи Алеѯандру предаются 353
Даховъ скорость 331
Двоїхъ рать 464
Демократъ Аѳїнянїнъ мечемъ себе убїваетъ 245
Демофоонъ волхвъ 449
Дїдїмїонъ храмъ разореныи 318
Дїмахи конницы 222
Дїоксїппъ борецъ отъ Македонянъ мечемъ себе закалаетъ оклеветанъ 464
Дорїфоры Персїдскїе воїны 37
Дїардень рѣка 395
Дїмнъ убїиство Алеѯандру готовящїи, нїкомаху объявляетъ 256
Дїмнъ мечемъ себе убїваетъ 260
Дрангїанъ народа воеинаго страна 254
Древца огнемъ обожженая 32
Донъ рѣка 234

Е

Евдемонъ вождь фракїискїи 485
Евдемъ Аѳїнскїи изгнанникъ 32
Евдемонова смерть 35
Еврїдїкїно коварство 1 и 2

Еврїлохъ братнее коварство извѣщаетъ 38,
Еврїона фїлїппова сестра 1
Екбатана столїца Мїдская 20;
Епамїнондъ фебанскїи воевода і фїлософъ 2
Епїменъ на Алеѯандра коварствуетъ 382
Епїменъ съ прочїими о бунтѣ на судъ прїводїтся 386
Епїменъ измѣну протчїихъ покрываетъ 385
Ерїгїевъ съ сатїбарзаномъ поедїнокъ 312
Ерїгїева смерть 367
Ерїмантъ рѣка 495
Ерїфреїское [или Чермное] море отъ чего нарїцается 495 и 483
Ерїѳра царя гробъ 485
Ерїкса убїенаго глава, и оружїе 410
Ектора Парменїонова сына смерть 121
Еманѣка кормїлїца Алеѯандрова 355
Ефестїону плече проколото копїемъ 168
Ефестїонъ Алеѯандру въ мѣсто брата 69
Огневѣцею боля умре, емуже аки герою [сїрѣчь полубогу] жертву прїносїти Алеѯандръ повелѣваетъ 499

Ж

Жажда въ воискѣ Алеѯандровомъ 314
Жалованїе Алеѯандрово плѣнным Грекамъ 198
Жалость Алеѯандрова по дарїевѣ женѣ 132
По клїтѣ убїтомъ 372
По другѣ Ефестїонѣ 499

З

Зарїаспъ съ персяны коварствуя о бунтѣ убїенъ 479
Зїоберъ рѣка 240
Зопїръ фракїйскїи началнїкъ съ воїнствомъ утопе 488
Знаки, ихже Алеѯандръ въ Індїи поставїлъ 443
Змїи безмѣрнаго велїчества 428

І

Індїанъ снѣги завѣваютъ, а во инои странѣ землю горячесть солнечная попаляетъ 495
Індъ рѣка 494
Індїискїя нравы 496
Індїискаго Царя велїколѣпїе 493
Індїискїя бози 398
Індїискїя мудрецы 398
Індїискїе лѣса 420
Індїанъ поселенїе

Індїискїя Царїки ко Алеѯандру прїходятъ 399
Індїанъ юродство, которые сами себе жещи повелѣваютъ 398
Індїане при краю моря жївущїи 476
Іоль Алеѯандру отраву подаде 500
Іовїшево почїтанїе 146
Капїща 115, и 117
Істочнїкъ у аммонова капїща 117
Істочнїкъ клеемъ текущи 173
Істочнїкъ внезапу въ шатрѣ Алеѯандровомъ увїдѣнъ 344

К.

Калїсъ обвїненъ 285
Калїсѳенова свободность Алеѯандру непрїятна 379
Калїсѳенъ отъ Алеѯандра связанъ 385
Калїсѳенова кончїна въ Грекахъ на Алеѯандра воздвїже ненавїсть 393
Карѳагенъ отъ тїрянъ созданъ 42
Карѳагеняне сатурну юношу въ жертву прїносїли 98
Каспїиское море, сладчае прочїихъ 242
Кассандръ отраву Алеѯандру подаде 500
Катенъ и его въ стрѣлянїи искусство 320
Катенъ отъ Алеѯандра отложївся, убїенъ бываетъ 375
Кавказъ азїю раздѣляетъ 305
Картасъ Татарскаго царя братъ 326
Кедросїа страна 487
Кенъ стрѣлою убїенъ 168
Клеандръ воевода Царевъ 298
Клеандръ Парменїона убїваетъ 299
Клеонъ ласкатель 376
Клеохаръ Алеѯандровъ къ Пору Царю посолъ 413
Клеофа Алеѯандру въ подданство себе вручаетъ 402 и 403
Клїтъ у Гранїка рѣки Алеѯандра сразївшася, своїмъ щїтомъ покрываетъ, и розакову руку мечемъ отсѣкаетъ 355
Клїтова съ Алеѯандромъ распря и упрямство 357
Клїтъ отъ Алеѯандра убїенъ 360
Кобаръ ко Алеѯандру переметывается 309
Квартїры греческїя карабактры 461
Ковъ о бунтѣ Алеѯандру извѣщается 266
Кофенъ артабазовъ сынъ 346
Колеснїцы съ косами 124
Корїева дубрава 41
Корвы, воїнское орудїе или крюки 99
Коссеїскїя горы 141
Кратеръ Алеѯандровъ другъ, фїлотѣ недругъ 261
Кратеръ ожїна и зарїаспа измѣну умышляющїхъ укротїлъ 479

Крокодїлы 395
Кїдарь, Персїдская дїадїма 38
Кїпрскїе господари отъ Дарїя ко Алеѯандру переметываются 123
Кїровъ обозъ 39
Кїровъ гробъ 486
Кїросполь 324
Кровъ у македонянъ изъ хлѣба текущая, а у тїрянъ изъ пещи, что предъявляше? 89

Л

Лакедемонянъ и македонянъ кровавая брань 229
Лакедемонянъ и македонянъ побїтыхъ чїсло 230
Левъ свїрѣпствомъ и велїкостїю ужасныи отъ Алеѯандра едїнымъ разомъ убїтъ 354
Леонїдъ парменїоновъ искреннїи и его воїско 301
Лївровы рубежи
Лївра отца трїумфу Алеѯандръ послѣдуетъ 401
Лїнцестъ Алеѯандръ 177
Лїкїанїнъ алеѯандру путь показа въ Персїду 188
Лїсїмахъ [которыи по алеѯандрѣ царствовалъ, и вепря велми велїка едїнъ убїлъ,] аще отъ алеѯандра Лву преданъ 354

М

Македонское воїнство протївъ Дарїя, 38 39
Македонянамъ отпускные грамоты отъ Алеѯандра 498
Македонское узаконенїе, да съ навѣтнїки царскїми, и блїжнїе ихъ равную казнь воспрїимутъ 282 и 283
Македоняне по правдѣ убїена клїта сказуютъ 362
Македонянъ увѣщанїе къ царю 280
Македонянъ послѣдующїхъ добрая вѣрность 370 и 371
Македонянъ въ строенїи градовъ обычаи 120
Македоняне дѣтеи юныхъ царю отдаютъ 178
Македонское воїнство десять днеи Лївера прославляло 401
Македонянъ плачъ о смерти Алеѯандровои 501, и 503
Македоняне обѣщаютъ со Алеѯандромъ жїти 455
Македонянъ обычаи послѣ бїтвы своїхъ погребати 188
Македоняне персамъ въ порабощенїе покорены 496
Македонянъ обыкновенїе обходїти воїнство 517
Македонскїи мятежъ 264
Малловъ страна 446
Мараканда градъ 342

Марды народъ ѕѣло военныи 201
Марїотъ езеро блатно 116
Маргїнїа градъ 344
Мануры, и ихъ обычаи 363
Марсїа рѣка 28
Мазеи Дарїевъ старѣїшїна 124
Мазеи Вавїлонъ Алеѯандру предаетъ 173
Мелеагеръ въ капїщѣ убївается 525
Мелонъ Дарїевъ толмачъ 222
Мемацены Алеѯандровыхъ пословъ угостївше убївають, и Алеѯандръ во облежанїи града тяжко каменемъ уязвленъ 325
Мемноновы преславныя палаты 120
Мемнонъ арахозамъ воевода 303
Мемнонова смерть 479
Мемфа Алеѯандру предана 115
Менедемъ навѣтами отъ спїтамїна окруженъ 332
Менедемово убїенїе тоїже
Менїдъ стрѣлами раненъ 168
Мемнїа градъ 173
Меронъ гора 401
Мерїсъ паталїискїи Царь 470
Месопотамскїи знои 523
Мїтренъ, емуже навѣты на Алеѯандра уготованые извѣщаетъ кебаллїнъ 259
Мїдъ рѣка 188
Мїлїтъ градъ взятыи 106
Мїтїлїнъ Алеѯандру здается 108
Мулїнъ пїсарь Алеѯандровъ
Музыканы предѣлы въ нїхже Алеѯандръ входїтъ 467
Музыканы Алеѯандру непокоряющїися въ порабощенїе взяты 350
Мятущееся воїнство Алеѯандра возбудїло 314
Мятежъ Македонскїи 234

Н

Набарзанъ Дарїевъ воевода 51
Его преданїе 209
Въ Їрканїю уходїтъ, Дарїю убїту 224
Набарзановы грамоты ко Алеѯандру 241
Набарзанъ Алеѯандра срѣтаетъ 248
Насамоны народъ 117
Нїкеа градъ отъ Алеѯандра созданъ
Нїканора Парменїонова сына смерть 252
Нїканора благороднаго юношы гордость и дерзость 415
Нїкомахъ Кебаллїну измѣну на Алеѯандра изьявляетъ 256
Нїкостратъ на Алеѯандра убїиство совѣщаетъ 382
Нїза Їндїискїи градъ 400
Нужда и гладъ въ воїнствѣ Алеѯандровомъ
Новыя воїны вїды 440

О

Огнь у Персянъ вѣчныи 36
Окіянъ видѣти Алеѯандрово желаніе 471
Окіяна волнованіе 472
Охъ осмьдесять братовъ Сісігамбіныхъ единымъ днемъ убіль, 504 его дщери 69 и внука плѣнена 233
Охъ рѣка 344
Олімпіада Неоптолема Молоскаго Царя дщерь 4
Олімпіадіна и Антіпатрова хітрость 498
Олімпіада Алеѯандрова маши богінею почітается 460
Орсенъ Пасаргадовъ началникъ 485
Орсенъ таію отъ багоя скопца оклеветанъ 486
И по повелѣнію Алеѯандрову убіенъ 487
Оксіатръ какіи отъ Алеѯандра посолъ 364
Оксітръ Дарієвъ братъ 233
Оксіатръ старѣшіна Бактріанскіи 467
Оксідатъ Мідскіи воевода 370
Оуъ рѣка 344
Оксіканъ Індіискіи Царь убіенъ 468
Оксідраковъ страна 448
Озінъ Персянінъ бунтовникъ отъ Кратера убіенъ 479
Отрокъ благородныи Сатурну въ жертву пріинесенъ 98

П

Палетіронъ, Геркулесово капіще 87
Парапомісады дікіи народъ 303
Парменіонъ філіппа Алеѯандрова врача оклеветуетъ 45
Парменіоновы къ сынамъ грамоты 268
Парменіона убіти Алеѯандръ полідаманту повелѣваетъ 299
Паталіа народъ 470
Пердікка тріста Македонянъ слонамъ предаде 519
Персовъ обыкновеніе таіну Цареву храніти 109
Персянъ у Арбелы побітыхъ чісло 167
Персянъ плачь надъ Алеѯандромъ умершімъ 503
Персамъ во обереженіе тѣло свое вручаетъ Алеѯандръ, и македонская имена имъ налагаетъ 497
Персеполь століца Царства Дарієва 105
Піфонъ музыкановъ противящіхся покаряетъ 469
Палаты Персідскіхъ Цареи отъ Алеѯандра пожігаются 204
Поліперконъ страну бубацена въ подданство покаряетъ 375
Полістратъ Дарія закланнаго обрѣтаетъ 225

Поръ Царь прохода Алеѯандру не даетъ 413
Поръ Тауѣла Царя копѣемъ убѣваетъ 423
Промѣѳеи у кавказа къ каменю прѣкованъ 306
Птоломеи Фѣлѣпповъ сродникъ копѣемъ раненъ 469
Псы ловчіи Ыдѣскіе велѣки 432
Прань рѣка 41
Пѣфагоръ Король Кѣпрскіи 95

Р

Рѣноцеры 428
Родяне градъ свои Алеѯандру отдаютъ 105
Роуана отъ Алеѯандра въ жену прѣемлется 375
рѣку преплыши новыи вымыслъ 315

С

САкавъ воевода Егѣпетскіи 63
Сабраки народъ, Алеѯандру въ вѣрность прѣяты
Самарѣтяне Андромаха Алеѯандрова воеводу сожгли 122
Сангарь рѣка 29
Сатѣра Дарѣева дщерь 104
Сатѣбарзанъ отъ Алеѯандра отлагается 302
Сатѣбарзаново со Ерѣтѣемъ ратоборство 312
Сатрапанское государство 179
Семѣрамѣсъ 324
Семѣрамѣсъ Вавѣлонъ созда 174
Сѣкѣлѣане прѣродные ласкатели 376
Сѣдонъ градъ древностѣю, и здателеи славою преславныи 81
Егоже созда Агеноръ 103, и 104
Сѣммасъ Фѣлотѣнъ другъ 288
Сѣсенъ Персянѣнъ 51
Согдѣанскіи бунтъ 323
Вертепы 344, и 345
Согдѣановъ плѣненыхъ на смерть ведомыхъ веселѣе 343
Солнцевъ конь у персовъ 37
Солнечная вода у аммонова капѣща 118
Сновѣдѣнѣе Алеѯандрово о исцѣленіи Птоломеовѣ 470
Софѣтово Царство 431
Сострать съ Гермолаемъ о убѣвствѣ Алеѯандровѣ совѣтуетъ 382
Спѣтамѣново на Бесса ухѣщренѣе 316
Спѣтаменъ отъ Алеѯандра отлагается 323
Сродники Царевы воѣны у Персянъ 37
Спѣтаменъ Менедему навѣтъ творѣтъ 332
Спѣтамѣнова жена 367
Ко Алеѯандру главу мужню прѣнесла 369

Стрѣлы Індїискїе коль велїки 397
Сунїа прїстанїще Аттїческїя земли 488
Сузу градъ Алеѯандръ емлетъ 180
Сусїадскїя врата 121
Сусїадскїя степи 313
Сїракузы въ Афрїкѣ воюютъ 97
Сїсїгамба Дарїева мать Алеѯандромъ плѣнена 66 и 67
Сїсїгамбїно въ печали постоянство 158
Сїсїгамбы плачь о Алеѯандрѣ умершемъ 503 и 504

Т

Табасъ градъ 221
Тарсонъ градъ 42
Татары храбрыи народъ хїщенїемъ 109
Татары Азїискїе 322
Татары не простаго ума 334
Татаровъ бѣгство 341
Татары просятъ Алеѯандра, да бы царевну ихъ себѣ въ жену взялъ 353
Тавронъ Агрїанскїи воевода 184
Тавръ гора
Таѯїлъ Царь Індїискїя страны 412
Тенедомъ Алеѯандру предается 106
Тереолтъ воевода по повелѣнїю Алеѯандрову убїенъ 467
Тїгръ рѣка отъ скорости зовомая 126
Тїмеева храбрость и смерть 452
Тїтону посвященные палаты 121
Трїумфъ Алеѯандровъ подражателныи Лїберу 114
Троглодїты Аравїтяне 117
Тїфонїева пещера 41
Тїрїане пїсменъ обрѣтатели Алеѯандровыхъ пословъ убїваютъ 90
Тїрїанъ побѣдїтелеи наказанїе 103
Тїра созїдатель кто 104
Тїра во облежанїи Алеѯандръ утружденъ 99
Тїръ Геркулесу возложенъ 97

У

Умерщвленїя Алеѯандрова отрава 521
Умоленїя боговъ о побѣдѣ 146
Уѯїиское Государство Алеѯандру предается 183, и 184

Ф

Фїлїппъ Амїнтовъ сынъ, Алеѯандровъ отецъ, первыи всѣхъ Цареи Македонскїхъ всю Грецїю обладалъ, Іллїрїкомъ и Фебаномъ въ залогъ полагается 1, 2
Епамїнондомъ наученъ 2

Фїлїпповъ

Фїлїпповъ сонъ о рожденїи Алеѯандровѣ 4
Фїлїппъ врачь Алеѯандровъ 42
Фїлїппа Аѳїмахова брата смерть 366, и 367
Фїлотова въ мученїи упрямость 291
Фїлотъ на Алеѯандра убїйство умышляетъ 258
Фортуны играніе 165
Фрадатъ Царства желая подстрежень убївается 488
Фратафернъ Алеѯандру предается 353

Х

Халдеїстїи волхвы Алеѯандру возбраняютъ въ вавїлонъ итти 499
Харїсъ Афїнянїнъ 108
Харїсова смерть 408
Хоаспъ рѣка 180
Херїлїи мерзскїхъ стїховъ творецъ 376
Хрїсолая Меѳїмеїскаго воеводы Смерть 122

Ц

Царїки Індїискїя ко Алеѯандру прїходятъ 399
Царство Індїиское 428
Царство Персїдское 105
Царство Аравїиское 172
Цыдынъ рѣка 38, 39

Ѳ

Ѳаїсы блудницы совѣтомъ дарѣевъ дворъ зжїгается 203
Ѳалестра Амазонская Царїца 248
Ѳермодоонтъ рѣка 248

ЗАМОЛЧАЛ И ЗАМОЛЧИТ

ЗАМОЛЧАЛ И ЗАМОЛЧИТ

ЗАМОЛЧАЛ И ЗАМОЛЧИТ

ЗАМОЛЧАЛ И ЗАМОЛЧИТ